

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

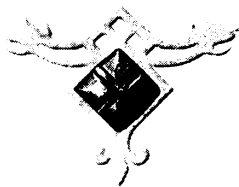

Длинные Руки —
король-консорт

Ричард Длинные Руки —
король-консорт

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
 Ригард Длинные Руки — воин Господа
 Ригард Длинные Руки — паладин Господа
 Ригард Длинные Руки — сеньюр
 Ригард де Амальфи
 Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
 Ригард Длинные Руки — виконт
 Ригард Длинные Руки — барон
 Ригард Длинные Руки — яул
 Ригард Длинные Руки — граф
 Ригард Длинные Руки — бурграф
 Ригард Длинные Руки — ландлорд
 Ригард Длинные Руки — пфальцграф
 Ригард Длинные Руки — оберлорд
 Ригард Длинные Руки — коннетабль
 Ригард Длинные Руки — маркиз
 Ригард Длинные Руки — гроцграф
 Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
 Ригард Длинные Руки — майордом
 Ригард Длинные Руки — маркграф
 Ригард Длинные Руки — юстиграф
 Ригард Длинные Руки — фрейграф
 Ригард Длинные Руки — вильдграф
 Ригард Длинные Руки — рауграф
 Ригард Длинные Руки — конунг
 Ригард Длинные Руки — герцог
 Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
 Ригард Длинные Руки — фюрст
 Ригард Длинные Руки — курфюрст
 Ригард Длинные Руки — гроцсфюрст
 Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
 Ригард Длинные Руки — гранд
 Ригард Длинные Руки — князь
 Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
 Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
 Ригард Длинные Руки — принц
 Ригард Длинные Руки — принц-консорт
 Ригард Длинные Руки — вице-принц
 Ригард Длинные Руки — эрцпринц
 Ригард Длинные Руки — куурпринц
 Ригард Длинные Руки — эрбпринц
 Ригард Длинные Руки — принц короны
 Ригард Длинные Руки — грандпринц
 Ригард Длинные Руки — принц-регент
 Ригард Длинные Руки — король

Ригард Длинные Руки —
 король-консорт

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
король-консорт

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета
использован рисунок *В. Коробейникова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — король-консорт : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-68894-4

Нефилимы, стокимы и ширнаширы отступили под сокрушительными ударами доблестных крестоносных рыцарей Ричарда и Сигизмунда. Сделан первый шаг для победы в предстоящей схватке с Маркусом.

Однако для такой битвы нужны все силы. Как магов, колдунов, священников, так и героев всех близких королевств. А их еще нужно успеть собрать в один кулак.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68894-4

© Орловский Г.Ю., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Часть первая

Глава 1

Корона весьма неудобный головной убор, даже если сидит хорошо и не сползает. Ни от дождя, ни от солнца не спасет, а чувствуешь себя в ней глупо, как во всяком церемониальном убранстве.

Лорды с укором покачивали головами, когда я сразу после коронации убрал с глаз подальше, как же, так долго ждали, когда стану королем, а я, что за сюзерен, не дал насладиться зрелищем, позадирать носы, ведь служат уже не принцу, а королю!

Обычно у властителей подобного ранга по несколько корон. Одна, к примеру, крепко-накрепко закреплена на шлеме, топором не собьешь, зато все видят, король с ними и в бою, есть короны церемониальные, есть попроще, в виде золотого обруча на лбу, мою же я велел выковать из стальной полосы, где есть все нужные зубчики, но ни одного драгоценного камня. Сперва все были ошарашены, но потом возгордились еще больше. У всех королев короны как короны, одинаковые, а наш сюзерен и здесь сумел отличиться! Стальная корона рыцаря, у кого была такая? Ни у кого, даже древние, что такие умные, не додумались...

Правда, моя корона все равно именовалась большой золотой королевской, они все из золота, будь это венцы, шапки или обручи, венчающиеся листьями, зубцами или пластинками. Но это неважно, я и свой бунтарский дух потешил, и лордов возвеселил и дал им возможность гордиться еще больше.

Почесывая лоб, где корона надавила так, что оставила красную полосу, я склонился над картой Великой Улагорнии. Масса работы, а заниматься ею некогда, вот и сейчас за тонкой стенкой шатра слышались быстрые приближающиеся шаги, полог взметнулся, как под ударом ветра.

Вошел быстрый и подтянутый Норберт, серьезный и строгий настолько, что я иногда чувствую себя учеником в присутствии сурового учителя.

— Ваше Величество, — произнес он тем не менее почтительно, хотя не более почтительно, чем когда я был принцем или герцогом, — из королевства Гландия в Варт Генц движается большой отряд.

Я посмотрел с недоумением.

— И что?

— Мои люди доложили, — договорил он, — это похоже на посольство, судя по знаменам и баннерам. Еще сообщают, его возглавляет сам король Герхарт Курценбарт. Во всяком случае, головной отряд идет под его королевским знаменем.

Я воззрился на него в великом изумлении.

— Король? Возглавляет?

— Да, Ваше Величество, — ответил он. — Он точно в составе посольства. Наши приблизились достаточно близко, чтобы это понять.

— Насколько, — переспросил я, — можно доверять таким сведениям? Короли, насколько помню, никогда не ездили в посольствах. Во-первых, это умаление

их достоинства... во-вторых, да что там, достаточно и первого!

Вслед за Норбертом в шатер вошел Альбрехт, ска- зал задиристо:

— Так уж и никогда?

— Я знаю только одного, — ответил я сухо, — да и тот был под чужим именем и делал вид, что простой плотник. Какие соображения?

Альбрехт проговорил задумчиво:

— Похоже, короля что-то прижало. Никто по доброй воле вот так не... Ваше высоче... тьфу, Величе- ство, держите ухо востро.

— Еще бы, — ответил я. — Граф, вы меня не знае- те! Я уже такой битый зверь и стреляная птица, что на любой куст сажусь и сразу же дую на молоко и вообще во все стороны. Или наоборот, не знаю, сажусь в мо- локо и дую на куст, все это как-то странно. Да и во- обще, что-то как из мешка эти новые земли! Не люблю неожиданности. Нет, когда я кому-то — это хорошо и правильно, а когда кто-то мне — это свинство.

Они переглянулись, Норберт предложил:

— Я пошлю еще пару отрядов. Пусть соберут боль- ше информации о королевстве. И узнают, что там тво- рится.

— На самом деле творится, — уточнил Альбрехт. — А не то, что показывают.

— Обязательно, — подтвердил я. — А где мое Ве- личество, пусть тот король пока не знает. Дескать, оно перемещается на своем быстром коне по всей армии, что растянута по границе Варт Генца и Бриттии. Как только появится, сразу сообщим. Оно — это я, если кто-то не понял спяну.

Альбрехт потер ладони.

— Хорошо. Поводим за нос, этого у вас уже подна- брались... Что еще?

— Но сразу дайте ему понять, — велел я, — что, если у них какие-то проблемы, помочь ничем весьма, увы! Мы придерживаемся твердо и неукоснительно уважения границ суверенных королевств и ни в коем случае не позволим себе вмешиваться во внутренние дела народов с их суевериями и прочими традициями. Этого требует наша рыцарская честь, достоинство и заветы Господа... Подберите пару цитат из Библии. Это книга такая, епископ Геллерий знает, поручите ему.

Норберт буркнул:

— А если сразу сказать, что у нас своих дел хватает?

— Как можно, — спросил я высокомерно, — барон! Или это вы так шутите?.. Короли не могут быть откровенными, а я уже должен упражняться в королевствовании. Только высокие слова, но ни к чему не обязывающие! И весьма с виду весомые и гранитные, как скалы Морбертинии, но на самом деле скользкие, чтобы не могли ухватиться и предъявить, дескать, а вот тогда вы пообещали...

Он хмыкнул, промолчал, затем спросил озадаченно:

— Скалы Морбертинии... это где?

Я пожал плечами.

— Откуда мне знать? Может быть, их и нет, но звучит весомо, не так ли?

— Скалы Морбертинии, — повторил он в задумчивости. — Вообще-то да, название крепкое.

Альберт сказал бодро:

— Это я сделаю, ваше высо... тьфу, вы так долго засиделись в высочествах, что и не знаю, когда отвыкну! В общем, я с вами так наловчился политике, что даже сам себе вру и верю. Настолько умело вещаю, что уже и не различаю, где правду брякнул, а где государственные интересы блюду со свойственной вам неусыпностью.

Я сказал недовольно:

— Ну, спасибо... Ладно, идите.

Они переглянулись и вышли, как близнецы и братья, чуть ли не в ногу. Я поморщился, оба в чем-то очень похожие: Норберт заведует внешней разведкой, Альбрехт обожает заниматься внутренними интригами и разборками, сейчас объединили усилия, старательно пытаюсь разгадать мучившую их тревожную тайну: почему Мунтвиг вдруг отказался от Аскланделлы, женитьба на которой обещала ему так много?

Вчера, после долгих раскопок, сообщили, что сама Аскланделла, после того как я захватил ее свадебный обоз и она пообщалась со мной, решила повременить с замужеством и к Мунтвигу поехала уже с планом, как заставить его самого отказаться от очень лестной и выгодной для него женитьбы.

Будучи в этой части хитростей, как оба уверяли меня, типичной женщиной, сумела так повернуть, что вот приехала к нему и жаждет выйти за такого великого правителя, однако он сам почему вдруг... ну не может же взрослый мужчина обижаться, если женщина обронила пару лестных фраз о его противнике?

Ага, не может, но только в том смысле, что не должен бы, но мы всегда люто обижаемся, если при нас хвалят другого мужчину, претендующего на тот же участок корма, самку или гнездо, разве не так, Ваше Величество?

Оба, особенно Альбрехт, восторгались ее умением, как она, не произнося ни слова, а только укоризненным взглядом, поворотом головы или чуть приподнятым плечом предельно успешно проводит свою политику. К счастью, не враждебную, иначе даже не знаю, где бы мы очутились, а чисто личностную. Так что это по ее вине мы не могли отправить ее ни Мунтвигу, ни отцу, и вообще не могли отделаться, хотя вроде бы она за нас не держится, а сама брезгует нашим обществом и всячески старается от него отдалиться.

Она необыкновенная, заверял Альбрехт, а Норберт всякий раз подтверждал кивком, она прирожденная правительница и управлительница!..

Я поморщился, мои лорды выглядят идиотами, за такое пренебрежение должны бы платить ей презрением, а они еще больше благоговеют перед ее красотой, великолепием и недоступностью. Даже эти двое, уже раскусив ее мотивы... но раскусив ли?.. все равно восторгаются.

Но полог, опустившись за ними, отрезал и мои мысли об Аскланделле, хотя что-то самого тянет вспоминать ее все чаще. Особенно когда выяснили, что ее задерживает в нашем окружении интерес ко мне, такому замечательному и великолепному.

Если, конечно, это не ее хитрый ход, который должны раскрыть, на этом успокоиться и не копать глубже.

Зигфрид приоткрыл полог, лицо недовольное, как всегда, когда, по его мнению, меня тревожат зазря.

— Ваше Величество, — произнес он, и я отметил, что он с огромным удовольствием выговаривает этот новый титул, — там этот... как это, епископ Керубий! Который возлагал на вас корону...

— Наверное, что-то важное, — сказал я, — пропусти. Но шепни ему частным порядком, что мое Величество весьма занято, потому пусть будет краток.

Он исчез, а через минуту в шатер вошел Керубий, самый старший среди епископов, вообще-то архиепископ Варт Генца, остановился и перекрестил меня.

Я приблизился и, склонив голову, поцеловал ему руку с перстнем, символом власти церкви, так что я выказываю уважение не человеку, а тысячелетней структуре, что преобразовывает мир к лучшему.

— Ваше преосвященство, — сказал я, — садитесь вот сюда... Вина?

Он покачал головой.

— Не стоит, я зашел попрощаться. Мое присутствие требуется и в Варт Генце, и в Скарляндии, не говорю уж о Ричардвилле. А вы, как я понял, отправляетесь умирять восставшие королевства?

— Не умирять, — возразил я. — Всего лишь выяснить, из-за чего недоразумения.

Он усмехнулся.

— Для того и двинули на юг две трети армии?

— Просто, — объяснил я, — для весомости аргументов. Самые разумные доводы звучат убедительнее, когда за спиной армия, победительница грозного Мунтвига.

Он снова перекрестил меня.

— Пусть Господь будет с нами. На своем пути, Ваше Величество, не только восстанавливайте церкви, но и сами заходите в них почаще. А то идут разговоры, что вы ведете себя двойственно: церквям и монастырям покровительство оказываете, но для общения с Господом не переступаете порога церкви!

— Если Бога нет в душе, — ответил я смиренно, — не встретишь его и во храме. Не так ли, ваше преосвященство?

Он возразил с неудовольствием:

— Но люди должны видеть вас посещающим церковь. Теперь на вас смотрят, Ваше Величество!

— Ваше преосвященство, — ответил я с неохотой, — в иных церквях священники... да что там священники, даже богословы могут заставить заподозрить, что Бог совсем дурак. Но это вовсе не так, я всякий раз в этом убеждаюсь, когда говорю с ним лично!

Он скривился.

— Ваше Величество, это близко к богохульству.

— Господь всех нас любит, — возразил я, — и не отгораживается от нас армией священников, а прихо-

доть к нему можно везде и всюду, а не только в церкви, да еще в отведенные для этого часы!

Он взглянул строго.

— Ваше Величество, я понимаю вас... но вслух этого нельзя. Такое близко к ереси. Простой народ в силу своего невежества и дикости нельзя допускать говорить с Господом напрямую! Он такое услышит... Потому только через священников, что могут точнее пересказать ответ Господа и наставить на более верный путь.

— Может быть, — согласился я. — Господь был слегка огорчен мятежными ангелами, а тут еще и мужики с требованиями вернуть издохшую корову...

У него приподнялись брови, а взгляд стал острее.

— Слегка?.. Разве не он низверг их в ад...

— Слегка, — подтвердил я. — Или, по-вашему, всемогущий Господь не мог их уничтожить одним словом, как и создал?.. Но лишь назначил их на должность пониже.

Он хмыкнул.

— Куда уж ниже!

— Но не уничтожил, — подчеркнул я. — Падшие ангелы все так же служат ему, как и служили. Только не на небесах, а уже и на земле. Но это еще и потому, что мир расширяется. Раньше ада вообще не было. А сейчас, говорят, еще и какое-то чистилище, но то ли есть, то ли нет, только собираются, а уже отрапортовали...

Он посмотрел на меня с огорчением.

— Ваше Величество, ну зачем вы все усложняете?

— В смысле?

Он пожаловался:

— Для нормальных людей есть ангелы белые и есть черные. Черные вообще не ангелы, а уже черти рогатые, хвостатые и дурно пахнущие серой. А по-вашему, они работают на Господа, как и работали, только он

перевел их заведовать постоянно расширяющимся адом и поддерживать в нем порядок!

— Примерно так, — согласился я. — Это говорит лишь о том, что Господь всемогущ. Все в его власти, как небеса, так и ад. Разве это плохо?

— Плохо, — ответил он.

— Почему?

Он вздохнул, посмотрел на меня несколько беспомощно.

— Размывая, — произнес он тихо, — грань между светом и тьмой, вы подходите к тому, что не зазорно общаться и с ангелами ада... дескать, мы все в одной войске Господа и все выполняем его указы.

Я пробормотал:

— Примерно так. А что вас тревожит?

— Это уже близко, — произнес он с трудом, — к отступлению от нашего Творца. Не влезайте в эти дебри, Ваше Величество! Там и опытные богословы теряют головы. Разве у вас мало житейских проблем?

Я поклонился.

— Ваше преосвященство...

Он улыбнулся, благословил меня и вышел из шатра. Я вернулся к столу и карте, но некоторое время мысль, угасая, трепыхалась насчет Бога, почудилось вдруг, что Бог-Творец раздробил себя на множество существ-людей, а сам перестал существовать, передоверив все нам.

Или другой вариант, еще хлеще и дурнее: половину себя отдал на частицы для людей, и потому мы все такие амбивалентные...

За пологом шатра слышались голоса, вошел Норберт, хмурый и сосредоточенный.

— Сэр Норберт, — напомнил я, потому что он застыл и ждет, пока я по этикету изволю заговорить с ним первым, — мы не в зале на торжественном при-

еме, где вы каждым взглядом указываете, что я — самый замечательный и великий король!.. Так что давайте без этих вот, а то заподозрю, что и вы начинаете издеваться над моим Величеством!

Он сдержанно улыбнулся.

— Простите, сэр Ричард, просто я еще не отошел от великолепия коронации... Спешу доложить, что отряд посольства уже достаточно близко. Но там одна странность...

— Слушаю, — сказал я.

— Почему-то, — ответил он, — вперед вырвалась небольшая группа всадников. В смысле, все расположились на отдых, а эти не стали расседлывать коней, галопом ушли в нашу сторону. И продолжают путь, хотя кони, видно издали, уже устали.

Вошел Альбрехт, я лишь кивнул ему и перевел взгляд на сосредоточенного Норберта.

— Полагаете, там раскол? И кто-то хочет кого-то опередить?

Он кивнул, уточнил бесстрастно:

— Похоже на то. Главное, что тревожит... король с ними.

Я нахмурился, переспросил:

— Сколько в той группе? В которой король?

— Всего пятеро, Ваше Величество. С королем.

Я махнул рукой.

— Тогда примем сразу. Похоже, у короля помимо официальной версии есть и тайная миссия.

Альбрехт сделал шаг вперед, лицо недовольное, искривил губы.

— Ох, не нравятся мне эти неофициальные. Вы правы, Ваше Величество... ух ты, сразу выговорил!.. у нас своих дел, как вы говорите, выше крыши да еще и там аист в гнезде. Может быть, как-то узнать заранее, чего он хочет?

— Вряд ли успеем, — сказал я. — Те спохватятся и пустятся вдогонку. Повод предельно ясен, с которым не поспоришь: не хотят, чтобы Их Величество подвергало себя опасности.

— Хорошо, — ответил он, — я скажу, чтобы Зигфрид и его спутница проверили этого короля.

— Они даже вас проверяют, — сказал я ехидно, — так что им такое напоминать не надо.

Он нахмурился и вышел, сделав вид, что громко хлопнул пологом.

Глава 2

Норберт то и дело докладывал о передвижении пядерки всадников во главе с королем. Меганвэйл выставил элитную группу тяжеловооруженных всадников из числа простых воинов, те всегда моментально выполняют приказы, и сейчас выстроились в красивую линию, держа длинные копья остриями кверху, конские морды на одном уровне, начищенные бляхи ярко блестят на упряжи, а на доспехи вообще больно смотреть.

Уже видно, что всадники несутся во весь опор, я уже различал взмыленные конские морды, впереди двое рыцарей в одинаковых плащах, но у одного на стальном шлеме золотая корона в виде блестящего обруча с небольшими и явно не очень дорогими камешками на зубчиках, такие не жалко потерять при ударе палицей по голове.

Я оглянулся на своих, одеты пышно, но с небрежностью боевых лордов, что немалую часть жизни проводят в седле, а в ладони чаще держат рукоять меча, чем трепетные женские пальчики.

Навстречу же приближаются именно вельможи. Хотя различия сразу и не уловить, но они заметны, как в одежде, посадке и даже как смотрят в нашу сторону.

— Всем стоять, — распорядился я. — Они прибыли с каким-то делом, им и вся инициатива.

— Так удобнее, — согласился Альбрехт.

Прибывшие перевели коней на шаг, те моментально послушались, измученные настолько, что спотыкаются на ровном месте, все в пыли, у переднего коня, у которого всадник с короной на шлеме, морда в пене, что желтыми хлопьями срывается под копыта.

Я пустил коня вперед, краем глаза видел, как тяжелооруженные всадники Меганвэйла по взмаху его руки с двух сторон широкими дугами окружили приближающихся всадников.

Сам я двигался медленно, всего лишь выказывая учтивость хозяина, повод в левой руке, правая ладонью свободно лежит на бедре, вид спокойный и благожелательный.

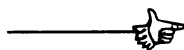
Король, как вижу с каждым конским шагом, достаточно молод, во всяком случае, возраст не Шарлегайла, Гиллеберда или Барбароссы. Уже знаю, тридцати-сорокалетние не совсем еще древние старики, смотрится достаточно хорошо. Хотя видно, как смертельно устал, но в лице сдержанное достоинство, как и в каждом жесте.

Длинный плащ, что накрывает спину коня по самую репицу хвоста, прячет его одежду, так что смотрится просто богатым путешественником на добротном коне.

Он бросил короткий взгляд в сторону внимательно наблюдающего за ним Бобика.

— Судя по этой собачке, — проговорил он вежливо, — я имею честь общаться с его высочеством Ричардом Завоевателем?

— Да, — ответил я, — у некоторых такая судьба, их замечают либо по коню, либо по собаке, либо по особой любовнице.

Он улыбнулся широко и чисто, а я ощутил, что его лицо вызывает симпатию.

— Завидую, — ответил он с поклоном, — а у меня даже собаки нет, чтоб меня по ней замечали!

Я тоже засмеялся, широким жестом указал в сторону своего шатра.

— Ваше Величество?

— Благодарю, — ответил он. — Как вы уже знаете... по сообщениям ваших конных разведчиков, я — сюзерен королевства Гланды Бенджамин Регенштайн.

Я ответил вежливо:

— Во избежание путаницы сообщаю вам новость, надеюсь, вам приятную: я — король.

За его лицом следил внимательно, в глазах мелькнуло недоверие, но тут же сменилось радостью, так что да, у этого короля есть какие-то причины радоваться моему возвышению.

— Поздравляю, — сказал он живо, — Ваше Величество! Король Варт Генца?

— Нет, — ответил я скромно, — всего лишь объединил Варт Генц, Скарлянды и Эбберт... но это такая рутина... С чем прибыли так спешно, Ваше Величество?

Он оглянулся на четверку своих рыцарей, их остановили на расстоянии люди Меганвэйла.

Улыбка скользнула на его губах.

— От этих у меня нет тайн, — ответил он, — но, честно говоря, мое дело не терпит отлагательств. Поэтому предпочел бы сперва переговорить, если на то у вас будет время, а отдохнуть и все прочее — потом.

Медленно приблизились и остановились в трех шагах Альбрехт и Норберт, оба уже не просто настороженные, а ошетилившиеся, готовые драться и отстаивать интересы своего сюзерена.

Я сказал им приподнято и громко:

— Займитесь спутниками Его Величества! Накормите, напоите... В общем, развлекайте пока в своем кругу.

Воины перехватили поводья наших коней, король Бенджамин спешил медленно и степенно, хотя чувствую, двигаться может быстрее, но это несовместимо с королевским величием, да и промах допустить легче.

— Ваше Величество, — сказал я и указал на свой шатер.

Он не стал говорить учтивостей типа после вас, здесь я хозяин, просто шел рядом, а я чувствовал, что он нравится все больше. Видно внутреннее достоинство, такие люди не стараются возвыситься над другими, тем более показать свое превосходство, но и сами щепетильны в вопросах своей чести.

Чувствую, с чем бы он ни прибыл, но может гордо встать и уйти, если чем-то задену его достоинство.

Зигфрид и Скарлет, временно подменив стражей, распахнули перед нами полог. Я видел, как всматривается в короля Скарлет, в обеих ладонях у нее зажаты некие штучки, потому полог схватила двумя пальцами.

Мне показалось, король что-то заметил, по губам скользнула легкая усмешка, однако, думаю, такие же или похожие предосторожности предпринимают и в его королевском дворце, так что не повел и глазом, вошел и остановился, осматриваясь с видом человека, что заглянул к приятелю, с которым не виделся несколько лет.

Я указал на кресла.

— Садитесь, Ваше Величество. Промочите горло с дороги.

Он с сомнением посмотрел на появившийся перед ним фужер из тончайшего стекла, я вовремя сориентировался и наполнил его чистейшим виноградным соком.

Темно-красная поверхность с пузырьками поднялась строго до ободка, там послушно замерла, а пузырьки продолжали красиво лопаться, словно в шампанском, подбрасывая кверху крохотные блестящие шарики.

— Ваше Величество, — сказал я, — это не совсем то, что вы думаете.

Он осторожно взял фужер, я наблюдал, как он поднес край к губам, сделал легкий глоток. Брови взлетели вверх, на лице отразилось радостное изумление.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал он. — Это как раз то, что я хотел бы. Простите, не удержусь.

Я был готов, и едва он жадно осушил фужер, я наполнил его снова так же доверху.

Он в изумлении покрутил головой.

— Первый вопрос напрашивается сразу, как вы ухитрились сохранить свежий виноградный сок, не допустив сбраживания? Но ответ тут же приходит сам... Ваше Величество, как вы догадываетесь, я прибыл с достаточно важной для меня миссией и весьма деликатной, потому рискнул оставить свиту позади.

— А эти четверо?

— Мои самые доверенные люди, — сказал он. — Друзья детства, не предадут. Но все-таки даже... пусть пока пообщаются с вашими рыцарями.

— Понял, — ответил я. — Так в чем ваша проблема? Взбунтовались лорды? Вас хотят лишить трона?

Он взглянул на меня в изумлении.

— Почему это... Ах да, простите! Конечно же, эта мысль должна прийти первой, когда вы увидели, как я ринулся разыскивать вас...

Я ощутил, что от сердца отлегло. Очень уж не хотелось бы отказывать этому приятному человеку, но отказать бы пришлось, у меня кроме проблем в Варт

Генце еще и Ротильда в Мезине, Барбаросса в моей Ламбертини, не говоря уже и потерянном Сен-Мари.

— Простите, — сказал я искренне, — это в самом деле первая мысль. Должен сказать, она имеет под собой почву в виде некоторых прецедентов.

Он кивнул.

— Да-да, понимаю. Когда в стране мятеж, король зачастую бросается за помощью к соседним королям, с которыми чаще всего и повязан не только договорами, но родственными связями.

— Значит, у вас, — сказал я, — мятежа нет?

Он покачал головой.

— Нет повода. Смею сказать, меня поддерживают практически все лорды королевства. И моим правлением все довольны. Страна богатеет, торговля бурно развивается как внутри, так и с соседями, рыцарские турниры у нас три раза в году только общекоролевские... а еще десятки турниров по городам, постоянно карнавалы, шествия, празднества, сожжения ведьм... Нет-нет, все довольны! У нас очень прочный мир.

Я наполнил фужеры шампанским, свой взял первым и осушил до половины.

— За это стоит выпить. Но, понимаю, мир прочный, но не слишком. Главное вы еще не сказали.

Он взял фужер в руку и, держа за тонкую ножку, любовался стремительно поднимающимися сквозь легкое жидкое золото серебряными блестящими пузырьками, что укрупняются на глазах, а над поверхностью подпрыгивают, рассыпая мельчайшую винную пыль.

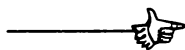
— Все верно, — ответил он замедленно, — я в самом деле не сказал главное...

Я произнес с сочувствием:

— Возможно, вам это сказать трудно, понимаю, бывают ситуации... Но вы примчались, загоняя коней...

— Увы, — ответил он, — как раз такой случай.

— Слушаю, — сказал я, видя, как он остановился снова.

Он вздохнул и сказал погасшим голосом:

— Главное в том, что я сам намереваюсь нарушить мир и спокойствие. Более того, я твердо решил идти дорогой, которую избрал.

Лицо его потемнело, на лбу морщины стали глубже и резче. Глаза как будто чуточку втянулись в пещеры, а брови нависли, словно навесы, с которых вот-вот обрушится на врага град камней, преграждая вход.

Я насторожился, мелькнула мысль, что Альбрехт был прав, стоило этому королю сразу дать от ворот поворот, видно же, не от хорошей жизни мчался к нашему лагерю, едва не загоняя коней.

— Ваше Величество? — спросил я вежливо.

Он уловил изменение в моем голосе, грустно улыбнулся.

— Да, я готов...

— У нас масса своих проблем, — напомнил я, — наверняка вы о них уже слыхали.

— Да-да, — ответил он. — В Варт Генце гражданская война за трон... но, как я понял, если вы уже король, то пламя вашими усилиями погашено?

— Только в Варт Генце, — пояснил я. — Но в других местах разгорается еще жарче.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Ваше Величество, я все тщательно обдумал. Поверьте, у меня были не часы, а годы. Да-да, годы мучительных поисков выхода.

Я сказал еще осторожнее:

— Тогда это нечто очень серьезное. Поймите меня правильно, я не хочу ни во что влезать. Это говорю откровенно, так как чувствую к вам самую искреннюю симпатию, иначе наговорил бы много лестных слов, как принято у дипломатов.

Он сказал быстро:

— А вам и не придется влезать!

— Ну так тогда...

— Выслушайте, — сказал он. — У нас в самом деле богатое и благополучное королевство. А я правлю, как все считают, умело и, что особенно приятно слышать, мудро. Я все еще неженат, лорды давно подталкивают меня к женитьбе, всерьез обеспокоенные, что у меня до сих пор нет наследника.

— Это серьезно, — согласился я. — Наследник нужен. Иначе страна погрузится в изнурительную войну за трон между самыми могучими кланами или семьями, где как.

Он кивнул.

— Да, правы.

— Тогда почему?

Он поднял голову и прямо посмотрел мне в глаза.

— Потому что у меня давно есть невеста... но лорды не хотят о ней даже слышать.

— Незнатная? — спросил я.

Он кивнул, в глазах проступило благодарное выражение.

— Спасибо, Ваше Величество, вам ничего не нужно объяснять.. Король, по их мнению, должен взять в жены только дочь другого короля. В самом крайнем случае, племянницу, но в этом случае получить в приданое обширные земли.

— Разумный подход, — согласился я.

Он вздохнул.

— Думаете, не понимаю?.. Я ведь сын короля и внук короля, меня с детства воспитывали и готовили быть королем. Сам бы такое посоветовал другим. Да и сам бы так поступил, если бы леди Каринда Твидл не оказалась самой удивительной женщиной на свете, за один взгляд которой я готов отдать жизнь!.. Потому

когда натиск лордов и моих советников стал совсем невыносимым, я решился выбрать между короной и любовью...

Он замолчал, я сказал осторожно:

— Кажется, догадываюсь.

— Спасибо, Ваше Величество, за понимание.

— А где леди сейчас?

— В данный момент, — ответил он тихо, — мои верные люди сопровождают ее по дороге в Бурнанды. У меня есть друзья в Варт Генце и Бурнандии, в Варт Генце их даже больше, но сейчас там война... Ах да, уже нет, но я же не знал. В последние два года были попытки ее отравить, потому я сперва выставил усиленную охрану вокруг ее имения, а всех слуг заменил на преданных мне лично. Неделью назад преданные мне люди по моему распоряжению переделали ее в монашку... это на случай, если чужие наблюдают, и вывезли из имения.

— Хороший ход, — согласился я. — Ладно, вы сумели сохранить ей жизнь. Так что, вернетесь в столицу и... примете свою судьбу, как надлежит королю?

Он покачал головой.

— Нет. Ни одна из женщин, которых мне предлагают в жены, не достойна и краешка ногтя с ноги леди Каринды. Но, как я уже говорил, я продумал самые разные варианты, как выйти из положения.

— Вы король, — напомнил я с сочувствием.

— Но и мужчина, — возразил он. — А мужчина обязан защищать свою женщину, даже если это будет стоить ему короны!

— Ого, — сказал я с осуждением, но одновременно и уважением. — И что вы надумали?

Он ответил с тяжелым вздохом:

— Среди вариантов спасения был и такой, ради реализации которого я примчался к вам, Ваше... Величество.

— Слушаю, — сказал я, возвращаясь к прежней настороженности.

— Если я объявлю, — сказал он, — что женюсь на леди Каринде, часть лордов откажется признать брак короля с простолюдинкой. Хотя, конечно, леди Каринда не простолюдинка, а из очень древнего рода, только давно утратившего власть и влияние... Королевство будет повергнуто в хаос, так как с этих земель перестанут поступать налоги. Потом, как вы понимаете, и другие лорды захотят последовать их примеру. Кто из чувства чести, кто из корыстных соображений. Королевская власть исчезнет даже без войны, однако война все-таки начнется потом, когда начнутся споры, кому сесть на трон!

— Это точно, — согласился я. — Без этого не обходится.

Он сказал с тоской:

— Уж и не знаю, что хорошего в королевском троне? Только возможность плевать сверху?..

— И нагибать тех лордов, — добавил я, — которые обижали в детстве. Ладно, так что у вас за план?

Он вздохнул, перевел дыхание, но некоторое время молчал, словно не решаясь высказать что-то очень важное, что разом изменит расстановку сил.

— Идеальный вариант, — сказал он после паузы, — это мне остаться на троне... так как я в самом деле хороший правитель, жениться официально на леди Каринде, а она леди, раз я заново даровал ее отцу дворянское достоинство... а поверх всего... не допустить раздоров!

Я посмотрел на него исподлобья.

— Кажется, догадываюсь.

— Ваше Величество?

— Нет уж, — возразил я, — изложите сами, а я поkritикую. Я страсть как люблю критиковать! Ни за что не отвечаешь, а выглядишь таким умным, мудрым, всезнающим, предусмотрительным...

Глава 3

— План очень рискованный, — признал он. — Чтоб волки сыты, овцы целы, и даже пастуха не сожрали... Вы принимаете наше королевство под свою руку. Против это решатся возразить только самые безрассудные, мы все уже слышали, что армии Мунтвига на границе Варт Генца разгромлены вами, после чего вы ушли захватывать столицу Мунтвига.

— Ого, — сказал я пораженно. — Я о таком не говорил!

Он усмехнулся.

— Мои советники, посовещавшись, сделали такие выводы. А раз вы вернулись, значит, там сделали все, что планировали.. По всему нашему королевству в этом уверены.

— И вы постарались? — спросил я с пониманием.

Он шутливо поклонился.

— Это в моих интересах.

Я сказал с иронией:

— Благодарю за лестные отзывы.

— Ваша грозная слава, — сказал он, — может служить моей защитой. Конечно, это зависит от вас, желаете так поступить или нет, но вы можете.

Я сказал с досадой:

— Погодите! Вы король и я уже король, оба знаем и даже понимаем, такие решения с ходу не принимаются. Да, очевидно, вам это даст возможность жениться на леди... как ее, Каринде, так как королевство перейдет формально под мою власть. Но, разумеется, вы не хотите, чтобы это случилось на самом деле?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Не хочу.

— Но вы рискуете, — предостерег я. — Если получаю верховную власть над королевством, то могу и воспользоваться в своих корыстным интересах, не так ли?

Он покачал головой.

— Это самый сложный болезненный вопрос, Ваше Величество. Я думал над ним последние полгода почти ежедневно. И склонялся то в одну сторону, то в другую.

— И что...

Он прямо взглянул мне в глаза.

— Решил отложить решение до личной встречи. Вот так лицом к лицу можно понять намного больше.

— Внешность обманчива, — предостерег я.

— Не для всех, — обронил он мягко, — детей королей с колыбели учат разбираться в людях, указывая на придворных, слуг, послов, гостей... Вы можете быть жестоким, Ваше Величество, как и вероломным, но вы не жестоки и не вероломны. И в разговоре с вами все больше убеждаюсь, проявите должное великодушие и... не воспользуетесь возможностью захватить еще одно королевство.

— Вы переоцениваете мое великодушие, — ответил я мрачно, — я еще та беспринципная свинья! Особенно когда дело касается политики. У нас, мужчин, из утробы матери идет стремление быть лучшими, а быть лучшим в политике — это стать самым подлым, хитрым, лживым, нарушающим любые договоры, если это на пользу.

Он чуть-чуть побледнел, во взгляде промелькнул страх, но выпрямился и сказал твердо:

— И все-таки я верю в ваше великодушие!

Я скривился, сказал зло:

— Думаете, не понимаю? Да, вы продумали хорошо. Полгода взвешивали за и против? И если вот я пообещаю вам, а потом захвачу Гланды, то о вас будут слагать баллады, как о благороднейшем из рыцарей, обезумевшем от любви и пожертвовавшим ради нее даже короной, а обо мне, как о подлейшем из правителей!

Он спросил, глядя исподлобья:

— Но ведь это похвально для политика?

— По мнению других политиков, — отрубил я. — Но лорды, торговый люд и даже простонародье думают иначе. А я, увы, почему-то их мнением дорожу тоже. В конце концов, это они, а не политики слагают баллады, над которыми даже рыцари роняют слезки!

— Значит, — проговорил он, оживая на глазах, — для политика поддержать мое желание жениться на леди Каринде и рискнуть короной — выгодно! Не так ли?

— Нужно сперва просчитать все риски, — сказал я неохотно. — И взвесить. Хотя вариант есть...

Он внимательно и настороженно следил, как я поднялся и пошел к большому сундуку в углу шатра. На крышке огромный амбарный замок, но я вытащил дужку из петель и, отшвырнув на лавку, поднял крышку.

Король Бенджамин все это время не двигался, короли вообще избегают лишних движений, а я вытащил свернутый в трубочку лист бумаги, он обвязан шелковыми нитями и запечатан большой свинцовой печатью, раскачивающейся на шелковой веревочке.

— Поинтересуйтесь.

Он осторожно взял в руку, но не вскрывал, смотрел на меня испытующе.

— Что здесь?

— Вскрывайте, — сказал я. — Там нет колдовства. Полагаю, Ваше Величество, вам надлежит внимательно прочесть вот этот документ прежде, чем продолжим разговор. Не пугайтесь, он не направлен против Гландии, как и вообще не направлен... внешне. Это коллективный договор ряда королевств о взаимной поддержке и взаимовыручке. Когда поставите свою подпись, у меня будут веские основания вмешиваться в вашу политику.

Он с некоторым испугом взял в руки свиток.

— И что... кто-то готов подписать?

— Уже подписали, — соврал я, не моргнув глазом. — Короли Сакранта Леопольд Кронекер, Ирама — Иоанн-Георг Гехинген, Бриттии Ричмонд Драгсхолм, Гиксии Натаниэль Стокбридж... а вскоре подпишет Варт Генц, который уже не Варт Ганц, а королевство Великая Улагорния... ничего-ничего, скоро и до вас докатятся это великолепные новости, которые нашим недругам покажутся грозными и недобрыми.

Он начал осторожно высвобождать листок от печати и шнурков, лицо стало озабоченным.

— А вы уверены...

Я прервал:

— Вы не прочли еще, а уже шерсть дыбом, как у дикобраза! Дикобраз — это такой большой ежик. В договоре предусмотрено, никто не может вторгаться к вам, как и к другим, не иначе чем по просьбе местного короля!.. К примеру, помочь погасить мятеж. Понимаете же, что даже если король может погасить и сам, это будет стоить ему большой крови, а если с трех сторон войдут дружественные армии...

— Ох, — пробормотал он, — не верю я в дружественные армии.

— Я тоже, — ответил я, — но верю в коллективный договор. Ни я, ни кто-то другой к вам не сунется. Однако ваши лорды будут знать, что на троне — Бенджамин Регенштайн, а если попытаются сместить, пусть даже за нарушение их древних обычаев, союзные войска войдут по вашей просьбе в королевство и, салютуя вам, разорят гнезда непокорных.

Он наконец-то перевел дыхание, чуточку ожил, даже глаза заблестели.

— Мне кажется, Ваше Величество, — сказал он живо, — вам сам Господь подсказал текст такого договора!..

— Да, — согласился я, — у нас Господь достаточно мудрый, как бы ни сомневались еретики.

— Я подпишу договор, — сказал он. — Не ради спасения шкуры... что для мужчины всего лишь жизнь?.. но потому, что хочу править богатым и цветущим королевством...

— А как же подвиги? — спросил я.

Он коротко усмехнулся.

— Я же из династии королей, Ваше Величество! Меня еще прадед держал на коленях и говорил, что лучше всего, когда рыцари проливают кровь на турнирах, а не в войнах. И дед повторял. И отец. Турниры всегда можно сделать еще более жестокими и кровавыми, если так уж народ жаждет, но все равно это не война!.. К примеру, сейчас самыми популярными остаются одиночные схватки, но можно сместить интерес в сторону мелее. Когда отряд на отряд... а лучше, большой отряд на большой отряд... это и есть контролируемая война, что ведется на специально отведенном поле и не разоряет города и села!.. Честно признаюсь, подвиги люблю, но свирепею, когда сжигают деревни и убивают крестьян!

Я смотрел на него с интересом.

— Вижу, вы все продумали.

Он ответил скромно:

— Большую часть я услышал от деда. А сам разве что чуть-чуть оформил в понятные слова. Это говорю не ради спасения шкуры, что она для мужчины, как уже сказал, но королевства в самом деле должны жить в мире! Но мы хоть постоянно это твердим, а воюем и воюем.

Я посмотрел на фужеры, оба заполнились темно-красным вином богатого насыщенного оттенка.

— Ваше Величество... Я всегда радуюсь, когда встречаю хорошего человека. А сегодня у меня такой день!.. За леди Каринду?

Он с широкой и счастливейшей улыбкой на лице взял в руку бокал с вином и поднял на уровень глаз.

— За нее, Ваше Величество! И спасибо за понимание.

Какое там понимание, мелькнуло в моей голове, когда появился Альбрехт и учтиво сообщил, что для Его Величества подготовили шатер, может отдохнуть малость, пока подтянется остальная свита. А четверку друзей он может пригласить к себе хоть сейчас.

Какое понимание, я уже почти не понимаю, как это можно так безуметь от любви, что идти на риск гражданской войны в стране! Хорошо, все же нашел выход, извернулся, хотя вообще-то самое правильное было бы отказаться от этой Каринды и жениться на дочери другого короля, женщины все одинаковы, но так бы еще и упрочил свой трон и положение династическими узами.

С другой стороны, как он верно заметил, мы все-таки живем в благородном рыцарственном мире, даже простолюдины стараются не уронить себя, а уж нам тем более не пристало. И не потому, что такие вот честные, а живем в таком мире, где честность и благородство еще почитаемы. И когда говорят о мужском достоинстве, то говорят о мужском достоинстве, а не о том, что имеют в виду демократы.

Прошло не больше четверти часа, как быстро вошел Норберт и доложил почти шепотом:

— Показались всадники! На знаменах цвета короля Гландии.

— А чего шепчете, сэр Норберт? — спросил я. — Они что, уже за шатром?

Он помотал головой.

— Нет, им еще с полчаса...

— Тогда не шепчите, — сказал я сурово. — Мы не заговорщики, мы можем говорить ясно и четко во весь голос. Уже достаточно окрепли, чтобы ясно и четко заявить о своей единственно верной в мире позиции. А шепчут пусть те, кто с нами не совсем согласен.

Он сдержанно улыбнулся.

— Именно так, Ваше Величество.

— Ричард, — напомнил я.

— Именно так, — повторил он, — сэр Ричард.

Глава 4

В отряде из Гландии не больше сотни человек, это даже не слишком много для посольства, бывают и помногочисленнее, знатных не больше трети, остальные оруженосцы, слуги и охрана. Хотя сами лорды умеют сражаться лучше слуг, но те положены по статусу.

Я смотрел, как они приближаются, кони у них измучены еще больше, все-таки лучшие из лучших всегда у короля. Во главе отряда наиболее пышно одетые и спесивые лорды, от их облика так и веет могуществом и властью.

Вперед выехали Меганвэйл, Арнубернуз, Хельмут и другие военачальники, равные встречают равных. А я, восседая на Зайчике, ждал спокойно и с привычной уже мне улыбкой благожелательности и почти церковной кротости.

За спиной слышались голоса, король Бенджамин и четверо его ближайших друзей поспешно вышли из отведенного им шатра.

Я помахал им рукой, спешил и дал воинам забрать у меня Зайчика.

— Встречаем ваших спутников? — спросил я. — Вы все прочли внимательно, Ваше Величество?

— И готов поставить подпись, — ответил он. — Вне всякого отношения моего деликатного случая. Прекрасно понимая, что такой союз может привести к образованию империи.

Я отшатнулся.

— Ваше Величество! Даже не заикайтесь!

— Почему?

— Большим кораблем управлять труднее!

— Но большой корабль, — возразил он, — перевозит больше груза. А это достаточный соблазн...

Я не ответил, к нам в сопровождении наших полководцев и самого Меганвэйла подъехали и почтительно поклонились трое, как я понял, верховных лордов Гландии, остальные держатся почтительно позади, меня рассматривают с любопытством.

Король Бенджамин пустил коня вперед и произнес торжественно:

— Ваше Величество, позвольте представить вам моих соратников и наиболее значительных лордов нашего королевства! Герцог Раймонд Гансмайер, владетельный сеньор земель Морании и Авгалии, герцог Адриан Стонехэм, знатнейший из рода Сандринов, хозяин крепостей Виппергард и Укернст с прилегающими к ним землями, а также представитель самого древнего рода герцог Николас Пачклифф, владеющий землями Джаннетерии и Марлонга!

Герцоги с достоинством кланялись, я улыбался, наконец раскинул руки в гостеприимном жесте.

— Дорогие друзья, пусть ваши кони отдохнут, а вас ждем в наших шатрах!.. Приведите себя в порядок, переведите дух, а потом поговорим и о делах.

Как только их увели, показывая дорогу, я повернулся к Норберту.

— Дорогой барон, — сказал я строго, — где сейчас наша разведка?

Он посмотрел чуточку исподлобья.

— С вашего разрешения, Ваше Величество, я перебросил большую часть в южные регионы...

— Я своего разрешения вроде бы не давал, — уточнил я, — но я весьма доволен, что вы понимаете нужды нашего нового королевства. Это даже лучше, чем если бы я заботился о каждой мелочи сам.

Он произнес ровным голосом:

— Вообще-то, я послал туда отряды задолго до вашей коронации. Или коронования, как правильно?.. В общем, часть пошла через Бурнанды в Мезину, часть через Турнедо и Шателлен в Ламбертинию... Один небольшой отряд отправлен в Сен-Мари, но когда еще туда доберутся...

— Неплохо, — одобрил я. — А сейчас подберите еще парочку гонцов на ришаровских конях. Отправим их в Мезину, но уже не для сбора данных, а с прямым и недвусмысленным посланием.

— Ваше Величество? — спросил он с беспокойством и уточнил: — Сэр Ричард?

— Я написал ей записку. Это, вообще-то, называется нотой, дипломатической нотой. Вот смотрите: «Королеве Ротильде. Его Величество король Великой Улагорнии Ричард Завоеватель повелевает вам незамедлительно явиться, оставив все дела, на его суд, который состоится у крепости Зеленый Томальдер, что на границе Турнедо и Мезины.

Любое промедление будет считаться объявлением войны и повлечет вторжение Великой и Победоносной, Познавшей Радость Побед и разгромившей армии Мунтвига».

Когда он прочел, останавливаясь в задумчивости чуть ли не на каждом слове, я спросил с беспокойством:

— Ну как? Не слишком мягко?.. А то самому неловко, становлюсь таким гуманным и чувствительным, будто готовлюсь в церковном хоре стать подпевалой.

Он пробормотал:

— Да уж... настолько мягкое, что я даже и не знаю...

— А что посоветуете? — спросил я. — Где усилить?

Он сказал задумчиво:

— Можно посоветовать ей сразу отрезать себе гени- талии, вскрыть живот и вытащить кишки, чтобы сжечь тут же у себя на виду...

— Так женщинам, — спросил я с сомнением, — вроде бы не отрезают... ну, ничего не отрезают?

Он сказал с сочувствием:

— А жаль, правда?.. Увы, для них только петля или голову с плеч. Кому мечом, кому топором, все зависит от степени знатности. Но вы же не захотите, чтобы она повесилась по вашему указу там у себя в Баллиimine?

— Нет, конечно, — ответил я.

— Самому повесить куда слаже, — сказал он понимающе. — Потому да, пусть явится... нет, прибежит на задних лапках, держа в пасти ваши туфли, иначе будет хуже... Хотя, конечно, если прибежит, все равно будет плохо. Зато вам хорошо.

Я спросил в сомнении:

— А вдруг все поймет и... в самом деле прибежит?

— Гм, — сказал он, — тогда как?

— Пусть, — сказал я с нажимом, — королева Ме- зины, вероломная Ротильда, прибудет ко мне на встре- чу на границу с Турнедо и даст полный отчет в сво- их гнусных действиях. Ладно, «гнусных» не говорите, и так ясно, что сами по себе любые действия со сто- роны женщин преступны. Ибо данные особи должны сидеть смирно и сопеть в тряпочку. Можно сразу пред- упредить гонца, что церемониться не буду. Не с ним, а с нею. Пусть так и сообщит... частным образом.

Он посмотрел с интересом.

— Хотите, чтоб даже не думала выезжать к вам на суд?

— Хочу, — ответил я.

— Тогда как?

— Сценарий отработан, — ответил я жестко. — Вводим войска, устанавливаем прямое прези... гм... правление моего справедливейшего Величества. Всех виновных под суд, то есть казнить в меру их причастности. Кого повесить, кому голову прочь, а кому и достойное четвертование. Я первым должен соблюдать законы! На меня народ смотрит как бы с надеждой. Я лицо их чаяний, и вообще.

Он кивнул, поинтересовался деловито:

— Эту ноту отправить сегодня?

Я посмотрел сердито.

— Не сегодня, а немедленно!..

Он кивнул, свернул листок в трубочку и тут же вышел.

Я продолжал намечать на карте Великой Улагорнии те изменения, которые предстоит провести в жизнь, в первую очередь выстроить крепости в стратегически важных местах и провести к ним дороги, вздрогнул, когда в шатер вошел Меганвэйл и спросил почтительно:

— Ваше Величество, вы... изволите?

— Что? — спросил я тупо.

— Посольство, — напомнил он. — Если вы готовы, то сейчас самое время. Их тоже держать не стоит, шатров у нас маловато, а в палатки такую знать не поселишь...

Я со вздохом поднялся.

— Пойдемте, герцог. У нас мало не только места, но и времени. Сегодня же отпустим их обратно.

Он взглянул искоса.

— И решите все вопросы?

— Вопросы решим за три минуты, — пообещал я. — И еще час на всякие учтивости, застолье, комплименты и уверения в нерушимой дружбе отныне и до забора!

— Сэр Ричард?

— Отныне и навек, — пояснил я. — Что-то вы слишком серьезны! Великие дела всегда творятся весело и случайно. Идемте! Будем строить новый мир.

Он придержал для меня полог шатра, я вышел, пригибая голову, на свежий почти летний воздух и в залитый солнцем мир зелени и ярких красок одежды, шатров и зеленой травы.

В шатре, предоставленном графом Арнубернузом, на скамьях вокруг стола, заставленного жареным мясом и кувшинами с вином, расположились король Бенджамин и с десятков его знатнейших лордов, не считая моих полководцев, остальным гландийцам нашлись места у костров, где, впрочем, тоже есть вино и такое же мясо на прутиках над раскаленными углями.

Я вошел быстро, весь деловой и не теряющий ни минуты, пусть даже наедине с собой мямля и разиня, сказал с напором:

— Не вставать, не вставать!.. Мы в воинском лагере, а не королевском дворце!.. Приветствую, всех приветствую...

Те, кто уже подхватился, медленно опускались на сиденья, на лицах недоумение и замешательство, мои лорды тихонько посмеиваются с чувством полнейшего превосходства.

Я сел, оглядел всех весело и строго.

— Очень рад, что вы прибыли в такое судьбоносное время!.. И весьма переломное, кто бы подумал. Сейчас погибает старый мир, но мы попытаемся создать новый. Конечно же, самый справедливый. Если мой

кузен его Величество король Бенджамин еще не ввел вас в курс дела, то я сделаю это за него. Слушайте внимательно...

Они и так все превратились в слух, я демонстрирую новые стандарты государственного деятеля: энергичного, быстрого в решениях и стремительного в проведении их в жизнь.

— Я предложил договор коллективной безопасности, — сообщил я, — который уже подписали ряд королей, а кто не подписал, то лишь потому, что отсутствовал в это время во дворце, а я не мог ждать...

Герцог Раймонд Гансмайер поинтересовался осторожно:

— В чем суть договора?

— Этот договор коллективной безопасности, — объяснил я, — вообще-то, правильнее назвать договором королей, ибо в первую очередь это укрепляет власть местных сюзеренов.

— Ваше Величество? — спросил герцог Адриан Стонехэм, который знатнейший из рода Сандринов, хозяин крепостей Виппергард и Укernст с прилегающими к ним землями, что означает, по-видимому, что это человек, с мнением которого считается даже король.

— Говоря простыми словами, — пояснил я, — короли во имя стабильности и мира обязуются жить в мире и дружбе.

— Ого, — сказал третий из герцогов, Николас Пачклифф, представляющий самый древний род королевства Гландия и владеющий землями Джаннетерии и Марлонга, что, наверное, в королевстве что-то да значит, — это прекрасно. У нас мирное королевство.

— Есть кто вдруг нападет на кого-то, — сказал я, — из числа подписавших договор, остальные должны не-

медленно прийти на помощь. Совместными усилиями легко опрокинем любого противника.

Герцог Раймонд Гансмайер, владетельный сеньор земель Морании и Авгалии, более заглядывающий вперед, чем его спутники, сказал задумчиво:

— Когда содержание этого договора станет известным все соседям, то никто и не рискнет нападать... Поздравляю, Ваше Величество! Это прекрасный договор. Лишь бы он заработал. А то у меня все-таки сомнения...

— Спасибо, — ответил я и добавил небрежно: — А последний, совсем малозначащий пункт — это помощь других королей, если вдруг местные феодалы поднимут мятеж. Как вы понимаете, защитить другого короля — это вообще-то защитить и свою власть...

Они умолкли, некоторое время переглядывались, затем герцог Гансмайер произнес с неудовольствием:

— Ваше Величество, а не будет ли это вмешательством в дела другого королевства...

Я вытаращил глаза.

— Какого другого? Во-первых, союзного, во-вторых... только по официальной и законной просьбе верховного правителя! Мы не можем ввести войска по просьбе, скажем, канцлера или самого знатного из герцогов, это было бы незаконное вторжение, но если просит король... то все законно!.. Или у вас есть возражения?

По их лицам было видно, что возражения теперь есть, еще какие весомые, но именно такие, что вслух не скажешь, хотя менее весомыми от этого не становятся.

Король Бенджамин, который не хуже меня все видит и понимает, сказал голосом человека на троне:

— Ваше Величество, мы все рады, что вы сумели составить такой договор... и убедили ряд королей его

подписать. Я же со своей стороны и по полной, как вы видите, поддержке моих лордов, с огромным удовлетворением... даже с чувством огромного удовлетворения поставлю и свою подпись!

Я поднялся, поклонился и сказал отрывисто:

— Дорогие друзья, вынужден вас покинуть. Время не терпит, а даже весьма поджигает. Дел много...

Альбрехт вышел вслед за мной, я видел, что поглядывает со странным выражением, но помалкивает.

— Граф, — спросил я с раздражением, — что вы там молча про меня хрюкнули?

— Да так, — ответил он мирно, — просто подумал, а что, мы в самом деле не можем ввести войска по просьбе канцлера или герцога?

Я ответил раздраженно:

— Какой дурак вам такое сказал?.. Конечно же, можем.

Он каркнул довольно:

— Ага!.. Так и думал. А что, если никто даже из них не обратится за помощью?

— Так не бывает, — разъяснил я, — всегда найдется кто-то. Но даже если бы не нашлось, что невероятно в нашем многовекторном мире, вступили бы в действие законы всеобщей гуманности, приоритеты человеческих ценностей над нечеловеческими, мультикорректность и полирантность...

Он спросил упавшим голосом:

— А... что... это?

Я отмахнулся.

— Да вам какая разница? Я и сам не знаю. Это такая дымовая завеса из слов, что позволяет позволить себе демократические вольности. А если мы демократы, то бываем просто обязаны в удобных для нас случаях по долгу совести и чувства интернационализма...

Он спросил опасливо:

— А это что такое?

— Мы все от Адама и Евы, — напомнил я. — Не слышали? Но это правда, потому что так записано. Мы обязаны из сострадания к своим братьям, томящимся под гнетом жестокой диктатуры, ввести войска для помощи стонущему народу, лишенному всех прав, свобод, избирательного права и прочих привилегий как бы свободного человека! Мы ж за справедливость, или как?

Он удовлетворением кивнул.

— Я так и думал. Потому даже не стал спрашивать.

— Вы правильный вице-канцлер, — сказал я с удовлетворением.

— И вы правильный, — ответил он, — в каком-то смысле. Я имею в виду, король. Думаю, у Господа на вас есть некие смутные планы, если так спасает из ваших рискованных глупостей, переводя их в успешности.

У Сатаны тоже планы, мелькнула мысль, и тоже грандиозные. Чем выше поднимаешься, тем плотнее опекают. Неужели в самом деле иду по дороге, которую для меня начертал Сатана?

— С нами Бог, — ответил я чуть запоздало, — так кто же против нас?..

Он поинтересовался деловито:

— Для делегации устроить какое-нибудь празднество?

— Нет, — отрезал я, — но скажите, что очень и даже страстно хотели, они такие дорогие гости, такие дорогие!.. но в данное время армия выступает в поход для наведения конституции... нет, принуждения местных бунтовщиков к миру. Да, это лучше. И рамки полномочий поширше.

Он спросил деловито:

— Насколько шире?

Я поморщился.

— Ну что вы такой законник?.. Просто шире, намного шире. Разве мы не широкие натуры? Вплоть до исчезновения границ. До каких пределов дойдем, там и будут наши границы на языке дипломатии. Главное, перебить побольше мятежных лордов, а то после окончания военного времени будет труднее. Правда, можно ввести комендантский час...

— А что это?

— То же самое военное время, — пояснил я, — только дискретно. С полуночи и до утра.

— А-а-а, — сказал он понимающе, — очень хорошее время для арестов.

— Только комендантский тоже нельзя держать долго, — предупредил я. — Как демократы, мы должны перебить всех нужных в установленные временные рамки. Можно, кстати, и ненужных.

— Понимаю, — ответил он. — За это время нужно окончательно провести дозачистку, как вы поэтично говорите, неугодных элементов, чтобы оставшиеся ненужные... или нужные?.. а то я что-то запутался, жили в мире и благополучии.

— Мы должны вести себя, — предупредил я, — как истинные и убежденные демократы!

— Казнить только лордов?

— Можно заодно и нейтралов, — пояснил я с отвращением, — что это за люди без ясно выраженной гражданской позиции? В Элладе таких остракировали, а Эллада в отдельно взятых случаях может служить примером, если это не противоречит святой церкви.

— Ага, — сказал он, — простой люд ни в коем случае не трогать, да?.. Может быть, в отдельных случаях им можно даже разрешать грабить имущества неугодных нам феодалов?

Я кивнул.

— Верно, граф. Тем самым они становятся соучастниками прес... гм, очищающего действия революционного процесса.

— ...и беззаветно преданными вам, — добавил он. — Я отмечу имения, грабеж которых не нанесет вашей казне ущерба.

— А потом эти имения можно раздать, — сказал я, — самым мелким из наших сторонников. Безбаннерные и разоренным будут рады до свинячьего писка.

— Ну да, — согласился он, — земля-то останется.

— Но пир все же организуйте, — велел я. — Ничто так не сближает мужчин, как бабы и совместная выпивка...

— Выпивка будет, — пообещал он, — а вот насчет баб надо подумать...

— Обойдетесь, — сказал я строго. — Бабы потом! Король Ксеркс велел перед началом похода убивать всех женщин в лагере, чтоб о них даже не думали.

— Все правильно, — сказал он со вздохом, — с глаз долой... Значит, бабы отпадают... гм... а как потом?

— Когда установим справедливую и законную власть, — отрезал я, — и посадим на трон самого достойного, мудрого, справедливого, честного...

Он прервал:

— Ваше Величество, можете не продолжать! Я уже понял, кого посадим. Понятно, тогда и бабы, да?

— Вам будет не до баб, — пообещал я зловещим голосом.

— В-в-в-ваше в-в-в-Величество?

— А из вице-канцлеров, — сказал я, сверля его взглядом, — в полноценные не желаете?.. Мало ли что, а придется!.. И не надо это вот ручками. Комель несущая, а вам только вершинку поддерживать. Одним пальчиком можно, не утрудитесь.

Он проговорил несчастным голосом:

— Да, тогда точно будет не до баб... И вообще...

— Что «вообще»? — спросил я с подозрением. — Без всяких там «вообще»! Родина сказала «надо», отвечать «слушаюсь» и бросаться со всех ног исполнять. У вас ног, знаете, сколько вырастет? Сороконожка позавидует. Уж не думаете, что в новом укрупненном королевстве все остается по-прежнему?

Он посмотрел исподлобья.

— Всем раздадут пряники, а мне гирю на шею?

— Вам тоже будет пряник, — пообещал я, — какой-нибудь поменьше. Может быть, чуточку обгрызенный.. но разве я не принимаю со всех сторон обкусанный Варт Генц?

— Сравнили, — сказал он сердито, — пирог и пряник!.. Да и не Варт Генц, а уже и не знаю что... А можно мне герб сменить? А то все больше кажется, что у предков недоставало чувства вкуса...

— Нельзя, — ответил я с сожалением. — Власть короля так далеко не простирается. Это дело Королевской Коллегии и Церемониальной Гильдии. Я могу предложить какие-то пустячки вроде титула герцога или князя.

Он подумал, сказал с сомнением:

— Князя вроде бы лучше.

— Чем?

— Вы же князем не были? — спросил он. — А я побуду. А потом вас буду тыкать своим титулом.

— Не только побудете, — уточнил я сварливо, — но и останетесь. Такие указы обратной силы не имеют. Я могу снять с вас голову, но не титул.

Он подумал, почесал в затылке.

— А может быть... лучше потерять титул?

— Титул не теряем, — отрубил я. — А голова... что голова? Честь дороже!

Он вздохнул, согласился.

— Вообще-то да. Честь — это все. Нет чести — нет человека, а только какой-нибудь...

— Демократ? — подсказал я.

— Простолюдин, — закончил он. — Хотя, слышал, иногда и у простолюдинов бывает честь, долг, верность, отвага, храбрость, дурость... гм... в общем, я все понял.

Я посмотрел на него с подозрением.

— Так я ж ничего и не сказал!

— А я все равно понял, — заверил он. — На то я и будущий канцлер, чтобы все понимать и принимать на себя, а вы вроде только мимо проходили и ни в чем не виноваты, весь в таких длинных белых перьях... с крапинками.

— Какими такими крапинками?

— Золотыми, — заверил он, честно глядя мне в глаза. — Золотыми, для вящего величия!

Глава 5

Перед мной темный зал пугающих размеров, здесь живут великаны, а я совсем крохотный и ничтожный, страшно пройти через такой, мне бы под стеночкой, как чучундра. Везде мрак и тяжесть, повисшая в воздухе, больше похожем на воду, я иду сквозь него медленно, почти продавливаясь, а там вдаль под стеной черный с золотом трон на помосте, отвратительный настолько, словно весь из человеческих костей и черепов. Но я не могу не идти к нему, меня несет некая мощная сила, над которой я не властен...

От трона исходит такая отвратительная мощь, что я начинаю чувствовать некое странное, извращенное наслаждение. И по мере того как трон становится ближе и ближе, уже различаю единственное цветное пятно

в этом мрачном темном мире: кричаще пурпурная подушечка на сиденье, простеганная по краям золотыми нитями, и с крупной золотой бахромой по краям.

На подушке настолько черная корона в виде обода, что от нее во все стороны распространяется тьма. Сама корона с редкими зубчиками по всему ободу и единственным драгоценным камнем, что должен располагаться на лбу.

Чей-то незримый голос говорит настойчиво, что я не должен прикасаться к этой короне, но тело мое поднялось по ступенькам, а непослушные руки потянулись к короне...

Из темноты справа и слева появились темные фигуры в темных плащах до полу, в руках черные свечи, выстроились в два ряда перед тронем, а некто огромный, как сам зал, начал читать молитву, как я понял, задом наперед, словно я в зеркальном мире...

Я вздрогнул так сильно, что больно ударился коленом о стену, сердце бешено колотится, а в голове еще звучит, медленно затихая, эта молитва чернокнижников.

Бобик поднял голову, взгляд очень внимательный, глаза из коричневых стали пурпурными, словно чувствует опасного врага, даже клыки чуточку показал.

— Спи-спи, — произнес я дрожащим голосом. — Мало ли что мне пригрезилось...

Он опустил голову на лапы и тут же начал посапывать, верит, что я на страже, спасу его, надежного друга, если кто нападет...

Спасу, подумал я мрачно. Меня бы кто спас.

Остаток ночи не сомкнул глаз, со страхом вспоминая корону Повелителя Двух Миров, как ее называла Темная фея. Что-то все чаще этот символ власти посылает свой зов, словно получает силы от приближающегося Маркуса.

Утром я собрал полководцев на брифинг, развернул карту на столе и провел пальцем по извилистой линии на карте.

— Я иду с армией через Турнедо в Фоссано, — сказал я. — Другим краем Турнедо на юго-востоке соприкасается с Мезиной... Надеюсь, к тому времени ребята Норберта соберут всю нужную информацию, и мы будем знать, как там все на самом деле.

Меганвэйл следит очень внимательно, у него такая же, над которой он в свободное время высчитывает расстояния между переходами, сколько где взять фуража и как провести войска с наименьшими потерями.

— Ваше Величество, — проговорил он в сомнении, — я бы посоветовал взять армию побольше. Не ровен час...

— Я уже сделал так, — огрызнулся я, — когда ушел из Сен-Мари. Сразу же началось. Вы знаете, что началось.

Граф Арнубернуз сказал почтительно:

— Не сразу, Ваше Величество.

— Но все же началось, — буркнул я. — Нет уж, нет уж! Лучше пусть и после моего ухода местные феодалы чувствуют мою железную хватку на их нежных горлянках. А я уже там, если столкнусь с серьезным сопротивлением, попрошу подмоги.

Он взглянул с вопросом в глазах, но промолчал. Подмога придет не скоро, прочел я в его глазах, Маркус вдруг да появится раньше, так что надо все рассчитывать точно и лишних шагов не делать.

— Какие части берете с собой? — гулко спросил барон Хельмут.

Меганвэйл ответил строго:

— Его Величество передали мне подробнейший список.

— А когда, — спросил Хельмут нервно, — огласите?

— Барон, — произнес Меганвэйл еще строже, — перестаньте трястись, вы включены. И возможно, увидите южный океан.

Хельмут вздохнул с таким облегчением, что крыша шатра приподнялась и затрепетала.

Я сказал властно:

— Все подробности у герцога Меганвэйла. Он знает всю стратегию движения армии вплоть до Большого Хребта. А я спешу нагнать передовые части сэра Норберта, что наверняка уже прошли половину Турнедо...

Они вышли проводить меня, а когда я поднялся в седло, громко и пафосно выражали сожаление, что я снова один, а надо бы со свитой...

Я вскинул руку в прощании, арбогастр красиво поднялся на задние ноги и грозно помесил копытами воздух под довольные крики лордов, все как один лошадики, как, впрочем, охотники и знатоки оружия.

Бобик, наконец-то дождавшись таких черепях, черной стрелой метнулся в сторону юга, арбогастр отстал от него на долю секунды, но Адский Пес за это время оказался за сотню ярдов.

Ветер заревел в ушах, я пригнулся и вспомнил о Зеркале Горных Эльфов, в свободные минуты я не раз доставал, сосредотачивался и пытался расширить кругозор, выискивая какую-то информацию.

Жаль, что нельзя сосредотачиваться на человеке, чтобы увидеть, где он и что делает, это дало бы неизмеримо больше, а так я усиленно представлял, к примеру, тронный зал в Геннегау, однако тот большей частью оставался пустым, а когда я вызывал в воображении остальные залы один за другим, видел прогуливающихся придворных, но не слышал разговоры.

На это уходили длинные и драгоценнейшие часы, что складывались в потерянные сутки, и в конце концов

я сердито совал зеркало обратно в сумку и клялся использовать только для перемещений.

Но с перемещениями свои проблемы...

Я специально начал забирать чуть в сторону. Здесь у меня на карте обширное Зачарованное Место, куда никто не суется. На самом деле там лишь небольшое место, где происходят странности, да и то лишь с точки зрения простого и очень простого человека, но так как земли везде вдоволь, то тут на десятки миль вокруг не ступала нога человека.

Давно не ступала, поправил я себя. К тому же я вроде бы человек, а я ступал тут, еще как ступал. Вместе с конем и Бобиком.

Бобик вроде бы понял, что я ищу, отбегает вперед не слишком, принюхивается, уши торчком, вид азартный.

Я не думал, что именно он учует, не его, бобиковского, ума дело, однако он весело и несколько озадаченно гавкнул еще издали, оглянулся с вопросом в чистых детских глазах.

— Что, — сказал я саркастически, — опять барсука учуял?

Арбогастр, не дожидаясь команды, пошел в его сторону галопом, а я, едва оказались рядом с Бобиком, ощутил, как воздух впереди начал мелко-мелко подрагивать, словно каменистая земля успела накалиться, и восходящие потоки стали видны невооруженным глазом. Я одновременно и приободрился, и от волнения во рту пересохло, а сердце стало бухать часто и тревожно.

Бобик то и дело оглядывался на меня с видом крайнего ожидания и нетерпения.

— Ребята, — сказал я, — вам придется подождать. Я туда и обратно! Клянусь. А вы тут пока отдохните от меня. Бобик, научи конячку ловить кабанов, а ты,

Зайчик, обучи его траву есть, это полезно. Ну и старые подковы, если железа в крови не хватает...

Они посмотрели на меня в изумлении, чувство юмора есть только у людей, даже у женщин встречается, хотя редко и какое-то непонятное, а вот все звери — существа честные и бесхитростные, за что на них никогда не бывает греха.

Я покинул седло и шагнул к призрачной стене, которую и не увидеть, если не присматриваться. Когда вдвинулся в нее, ощутил сильнейший холод, может быть, обеззараживание, что тут же исчезло, а я пошел внутри этого странного здания.

Несмотря на то что с Эркхартой установлен контакт, все же я старался держаться с самым хозяйским видом, словно жил здесь и руководил всем-всем, а то вдруг ни с того ни с сего вдруг решит, что зачем-то обманываю, дура.

Знакомые рельсы, пошел по ним, а потом вспомнил, как долго тянутся, пожалел, что не на Зайчике, но останавливаться поздно, прибавил шаг, даже побежал трусцой, пока впереди не выросла стена, на этот раз вовсе не призрачная, а вполне реальная, с полностью зеркальной поверхностью... вот только рельсы уходят прямо в нее.

В двойника всматриваться не стал, хотя, конечно, на такого красавца стоит поглядеть, особенно вот в этой гордой позе... или вот в этой, исполненной внутреннего достоинства, как, впрочем, и наружного...

Задержав дыхание, ломанулся в эту зеркальность.

И стена, больно ударив в лоб, отшвырнула с таким презрением, что я почти услышал ее фыркание. Я невольно потрогал ушибленное место, повернул на пальце кольцо Хиксаны Дейт и снова шагнул к стене, уже невольно приготовившись к удару о твердое.

Стене насрать на мои чуйства, она ощутила приказ кольца и послушно подалась перед моим лосиным натиском. Я задержал дыхание, готовый проламываться долго, как через крепостные стены из гранита, однако сразу же перед глазами взорвался фейерверк, и я обнаружил себя внутри огромнейшего ангара, таким можно накрыть целый город, если не королевство.

Я перевел дыхание и заговорил громко и как можно бодрее, как и положено человеку военному, который постоянно ясен:

— Эрххарта!.. Это я, золотце, твой хозяин и даже повелитель. Не спишь?

В ответ раздался милый щебечущий голос:

— Я никогда не сплю.

— Прекрасно, — ответил я с облегчением. — Слушай, у тебя вроде голос изменился?

— Это ты велел, — сообщила Эрххарта.

— Да? — изумился я. — Что за дурак... Это я о чем-то высоком, даже весьма высоком, задумался, я часто о нем думаю, когда возвышаюсь над миром, вот и брякнул. Верни обратно, а то все кажется, будто дура какая...

Через мгновение прозвучал сильный голос уверенной в себе женщины:

— Восстановлены прежние параметры.

— Прекрасно, — сказал я совсем бодрым голосом, Эрххарта выполняет указания, живем, — а то когда такой милый голосок, то и говоришь о милом, а сейчас как бы не очень, когда Маркус приближается...

Эрххарта не проронила ни слова, я вспомнил, что это больше машина, чем человек, чаще всего не реагирует, если нет прямого вопроса, поинтересовался:

— Ты же знаешь, что такое Маркус?

— Нет, — прозвучал ее голос.

Я изумился.

— Как?.. Это же нечто из космоса! Ты должна знать!

— Почему? — ответила она. — Меня космос никогда не интересовал. Моим заданием было перевозить руду. По одному и тому же строго выверенному маршруту.

— Маркус, — сказал я, — это такая погибель из глубин космоса... или не космоса, а из других измерений, пространств... не знаю. Но здесь все будет уничтожено. Ты такое уже видела?

Голос прозвучал ровный и бесстрастный:

— Трижды. Катаклизм, что ломает земную кору. Его вызывает Маркус?

— Да, — ответил я. — Бороться с ним ты не сможешь, простой транспортник, оружия на борту нет. Или я просто плохо искал? И вообще... не представляешь, уже вижу. Тогда посмотри вот на это.

Я отыскал взглядом ровный стол, хотя это вряд ли стол, но поверхность идеально чистая и гладкая, снял и с плеча седельную сумку, которую всегда таскает Зайчик. В одном отделении мирно хранятся зерна, которых так страшится Гугол.

Высыпав их на поверхность, я сказал с отчаянной надеждой:

— Посмотри внимательнее. Ты должна знать... хотя бы некоторые.

— Да, — прозвучал голос, и впервые я уловил в синтезированном голосе оттенок человеческого чувства, глубокой печали, — я знаю, что это...

— Какие из них?

— Все, — ответил голос, — но это все для другого мира... и других людей. Это все бесполезно.

— Кое-что может работать и сейчас, — прервал я. — Есть среди них оружие?

Голос ответил уже ровно и бесстрастно:

— Нет.

Я молча ругнулся в бессилии, только что вертелась соблазнительная мысль, что шарахну по этому чудовищу из космоса еще на подлете, так что сгорит в верхних слоях атмосферы. В крайнем случае посыплются обломки, но это уже не катастрофа, а разве что родится еще одна легенда о Фаэтоне.

— Тогда все пропало, — сказал я упавшим голосом. — Ладно, что делать... Извини, что разбудил... Ах да, ты же не спишь... А можешь сказать, какое зерно что создаст?

— Могу, — ответил голос из пространства, — но ты не поймешь.

— Ладно, — сказал я, сдаваясь, — ты права. Но что-то вдруг пойму? Хотя бы в слабом приближении?.. Нет-нет, рисковать и активировать не стану. Это у меня просто страсть к познанию, как у Гегеля.

Голос помолчал, но мне показалось, что незримый луч прошелся над кристаллическими зародышами, высвечивая их и сравнивая их параметры с теми, что хранятся в памяти скайбаггера.

— Все целы, — прозвучал голос минуту спустя, — все могут быть активированы. Все пока абсолютно бесполезны...

Я услышал нечто в голосе, спросил поспешно:

— Все или почти все?

— Все, — ответил голос и окончательно похоронил мои надежды, — даже скардер, которому теперь некому подавать сигналы.

Я встрепенулся.

— Какой скардер? Что он делал?

— Указывал место посадки, — сообщил голос.

— Давай подробнее, — потребовал я. — Это что-то типа маяка?

— Я не знаю, что такое маяк.

— Ладно-ладно, ты только не волнуйся. Зайдем с другого конца...

— Какого?

— Другого, — пояснил я. — Этот скардер указывал таким же транспортникам, как ты? Или всяким?

— И транспортникам тоже.

— Ага, — сказал я с облегчением. — А пассажирским лайнерам? Ну, где людей перевозили?

— Люди обычно перевозились сами, — ответил голос. — Но я поняла, да, и людей тоже.

Я спросил с замиранием сердца:

— А военным?

Голос ответил бесстрастно:

— Военным? Что это?

— Не важно, — сказал я быстро, — ты только не волнуйся. В общем, указывал всем-всем?.. И ему подчинялись?

Я даже дышать перестал, ожидая ответ, Эрхарта ответила ровным голосом, но я ухитрился в нем услышать то ли удивление моими умственными способностями, то ли презрение к их уровню:

— Конечно. Все получали... силу.

— Топливо?

— Да, — ответил ее голос, — топливо. По лучу. Но только надо опустить звездолет совсем близко.

— Понятно, — прервал я радостным голосом, что это мне понятно, — чтобы уменьшить потери при беспроводной передаче на большие расстояния! Верно? Вот видишь, и я могу тебя чему-то научить. Эрхарта, ты просто чудо, а не транспортник!.. Уверю тебя, скоро-скоро мы все восстановим и ты снова начнешь возить руду с дальних планет и астероидов... Ну, по шкале вечности совсем скоро...

В ответ молчание, что и понятно, на риторические вопли Эрхарта не реагирует, но мне это неважно,

сердце в диком ликовании стучит так, что раскачивает меня в стороны.

— Эркхарта, — сказал я, — все упирается в этот Маркус. Если получится как-то от него защититься... я имею в виду, не дать ему позволить разрушить все на поверхности земли...

Она промолчала, на недосказанные фразы не реагирует вовсе, я договорил, тщательно подбирая фразы:

— То потом, после такой победы, можно и отдохнуть. Не так ли?

Она ответила нейтрально:

— Не знаю. Я в отдыхе не нуждаюсь.

— Восхитительно, — сказал я. — Но имею в виду, что после победы можно ненадолго оставить дела там на земле и пошарить здесь у тебя.

Я затаил дыхание, пока что меня не пропускают дальше прихожей, довольно нагло говорить о таком, однако голос Эркхарты произнес ровно и без всяких эмоций:

— Если остановишь Маркус...

Она словно бы запнулась, перебирая варианты и листая старые инструкции, а то и вовсе за их неимением стараясь определиться с тем статусом, который будет у меня после такого деяния.

— То что? — спросил я, не утерпев.

После паузы голос ответил так же ровно:

— Ты подтвердишь свой допуск... и тебе будут открыты все помещения. В том числе и к механизмам управления.

Я подпрыгнул, вскинул кулак в зверином жесте, надо Эркхарте объяснить, что это символ программирования вселенной, потому да, легитимно, сказал пылко:

— Не прощаюсь!.. Скоро увидимся.

— До свидания, — ответила она так же ровно, — человек Ричард.

Глава 6

Я огляделся по сторонам, Бобик тут же вскочил и тоже осмотрелся с готовностью: куда бежать, кого ловить, потом повернул голову в мою сторону, в честных чистых глазах я прочел неясный мне укор.

— Барон, — поинтересовался я, — а почему вы здесь? Если столица Бурнандии прямо на востоке, а замок вашего отца на юге...

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Сэр, — произнес он, — если вы в состоянии переправиться через реку в четверть мили шириной и глубокую настолько, что дна там нет вовсе...

— Понятно, — прервал я. — А мост далеко?

— Моста нет вообще, — ответил он. — По крайней мере в нашем королевстве. Переправляются на лодках.

— Учту, — пообещал я, но, похоже, произнес достаточно легкомысленно, он насторожился и внимательно посмотрел на арбогастра, словно прикидывал, а вдруг черный конь в самом деле переправится вплавь и перенесет седока.

— Сэр, — сказал он уже тише, — теперь вы знаете, почему я так спешу попасть в замок моих родителей.

— Увы, — сказал я с сочувствием. — Знаю.

— Сэр, вы смотрите благородным человеком, хотя и есть некоторые странности, но мы в пути, нам не до соблюдения...

— Согласен, — сказал я.

— Сэр, как благородный человек, вы просто обязаны помочь мне!

— Как? — спросил я в раздражении.

Он сказал нерешительно:

— Вы с таким конем не расстанетесь, теперь вижу. Но он мог бы донести нас двоих, хотя это для меня и потеря лица... А в замке моего отца вас примут, как

самого дорогого гостя. Солнце уже заходит, вам все равно где-то придется заночевать.

Я посмотрел на распухшее красное солнце, что уже втрое больше своих обычных размеров, облака начали поджариваться, как свежее мясо на углях, оглянулся на Бобика.

— Все слышал?.. Быстро отыщи его коня!

Он проследил взглядом, как я указал пальцем на барона, подошел и обнюхал, тот задержал дыхание и приподнялся на цыпочки. Бобик посмотрел еще раз на меня, проверяя, так ли понял, затем на его месте словно взметнулся вихрь, взлетели комья земли из-под мощных лап, через мгновение здесь и вдали было пусто, только несколько секунд еще слышался треск кустарника, потом в тишине засверчали осмелевшие кузнечики.

Барон перевел дыхание, оглянулся на меня.

— Но коня увели вон туда...

— Собачка сокращает дорогу, — успокоил я. — Она у меня немножко ленивая.

Он повернулся в ту сторону, куда умчались двое уцелевших нападавших, горестно вздыхал и переступал с ноги на ногу.

Ждать пришлось недолго, донесся частый стук копыт, из-за деревьев выметнулся Бобик, волочащий крупного рыжего коня за длинный повод. Коня трясет от ужаса, глаза ополоумевшие, но подчиняется, огромный пес ужасен, в глазах огонь, а пасть в крови.

Барон, ликуя, вскрикнув, бросился к коню и уже без страха перехватил у Бобика обнюхавленный повод.

— Господи, благодарю тебя!.. И тебя, благородная собачка!.. Сэр, у нее лицо в крови...

Я буркнул:

— Наверное, те двое не хотели отдавать коня. Он сам ни за что бы не напал. Говорите, оба все равно были ранены? Тогда их не жалко.

— Да, — ответил он с ликованием. — Никто не избег справедливой кары! Сам Господь направил руку... э-э... зубы этой божьей собачки!

Он сам трясся, как и его конь, торопливо взобрался в седло, разобрал повод.

— Сэр, — обратился ко мне трепещущим от счастья голосом, — поспешим, пока не застала ночь! Лес здесь больно нехороший. И не только из-за разбойников.

— Ладно, — сказал я. — Надеюсь, на вас не нападут еще раз по дороге. Это были люди короля?

Он отмахнулся.

— Вряд ли. Король достаточно благороден.

— Тогда?

— Либо разбойники, — ответил он, — либо те, кто на стороне короля. Отребья в его рядах немало!

Произнес так гордо, что понятно, в их рядах только высокородные лорды с длинными родословными, дружины у них тоже только испытанные и верные воины, преданные сюзеренам и долгу чести.

Бобик, угадав направление, помчался впереди, барон за ним, а я, соразмеряя с его конем скорость арбогастра, двинулся следом, то и дело поглядывая по сторонам, вдруг да будет еще попытка не дать юному барону попасть в родной замок.

Замок вдали мелькнул на мгновение, но тут же скрылся за высокими деревьями, а когда наконец обогнули дубовый бор, впереди раскинулась зеленая долина с распаханными полями и аккуратными домиками.

По ту сторону дороги несколько человек в крестьянской одежде устанавливают столбы с реющими на них знаменами с гербами.

Барон крикнул издали:

— Что стряслось?

Рабочие оглянулись, сорвали с голов шапки и низко поклонились. Старший ответил:

— Лорд Чедвик промчался здесь с отрядом, повалил наши межевые знаки и заявил, что эти земли теперь его...

Второй сказал услужливо:

— Но старый лорд, ваш отец, сказал, что король пока ничего не решил...

Джилберт стиснул челюсти, на бледном лице ввалившиеся глаза выглядят трагически подведенными углем, щеки запали, словно после долгого поста.

— Сволочь, — прошипел он люто. — Но уже не достать эту сволочь...

Я сказал с сочувствием:

— Этого вы не учли, барон?

Он зло зыркнул в мою сторону, соскочил на землю.

— Джон, это твой конь там пасется?

— Мой, ваша милость.

— Поймай, — распорядился он, — и приведи мне.

Рабочий бегом ринулся к стреноженному коню, а я повернулся к юному барону.

— Дорогой друг, видимо, мне пора вас покинуть. Теперь вы в безопасности.

Он сказал быстро:

— Сэр, взгляните на солнце!

Я оглянулся, огромное багровое солнце, опускаясь по твердому небосводу, почти коснулось быстро темнеющей земли. Редкие тучи страшно подсвечены пурпуром, еще больше выглядят огромной тушей небесного левиафана, разделанного ангелами и поджариваемого на углях.

— Красиво, — согласился я.

Он взглянул в удивлении.

— Сэр, вы в любом случае не успеете! Даже если ваш конь сумеет переплыть реку. А ночью вас все равно никто не примет. Но вам будут рады в замке моего отца!

— Благодарю, — пробормотал я, — но...

— А утром отправитесь в путь, — сказал он. — И прибудете, как я догадываюсь, еще солнце не достигнет зенита.

Я покачал головой.

— Вы не переоцениваете моего коня?

— Если этот тот самый, — ответил он, — о ком я слышал... то могу лишь недооценивать.

Работник подвел ему коня, неказистого, но с хитрой мордой и, как мне показалось, достаточно строгого.

— Хорошо, — ответил я с сомнением. — Уговорили, барон.

Он шлепнул своего коня по крупу.

— Позаботься о нем. Он нес меня двое суток!..

Бобик снова ринулся вперед, с такой лихостью срежая углы, что трещат не только кусты, но и деревца. Арбогастр ревниво поглядывает, однако идет рядом с конем барона, а тот все старается вырваться вперед, желая показать себя самым быстрым и сильным.

Замок вырастает, приближается, старинной постройки, весь приземистый, добротный, с толстыми стенами, массивными башнями и узкими бойницами, вдоль стен характерные зубчики для стрельбы из арбалетов, место вокруг расчищено и утоптанно, но это потому, что расположен прямо в долине, вблизи нет подходящего холма, а строить в другом месте почему-то не восхотели...

Ворота перед нами распахнули до того, как барон приготовился протрубить в рог, стража не дремлет, бросились навстречу, схватили коней под уздцы.

— Ваша милость?

На меня смотрели с удивлением и опаской, от Бобика шарахались, хотя он, как уже приучен, сел на задницу и только вертит головой, ожидая, пока с ним малость свыкнутся.

Из донжона выскакивают слуги, челядь, стража, наконец показались и хозяева, как понимаю: немолодой уже лорд, голова наполовину седая, прихрамывающий, с ним женщина и две молодые девушки...

Женщины со слезами и плачем сбежали по ступенькам и бросились к барону, только старый лорд остался недвижим, медленно покачивал головой, смотрел то на сына, то на меня.

Джилберт пошел к нему, продолжая обнимать мать и сестру, а старый лорд бросил на меня пристальный взгляд и проговорил, запинаясь:

— Сын мой... кого ты привел?

Барон невесело улыбнулся.

— Отец, тебе этот рыцарь тоже показался знакомым?

Я наконец покинул седло, Бобик поглядывает на меня в нетерпении, когда же можно будет бежать искать кухню, а я учтиво поклонился хозяину.

— Лорд Хрутер, ваш сын много рассказывал о вас, вашей доблести и благородстве.

Тот чуть наклонил голову.

— Спасибо, ваша светлость. Вы... принц Ричард?.. Мезина рядом с нашим королевством, так-то все важные новости рано или поздно к нам доползают. И здесь уже наслышаны, что королева Ротильда вышла замуж... простите, изволила взять в мужья принца Ричарда, у которого огромный черный конь с белой отметиной на лбу и чудовищно огромный страшный пес.

Я ответил мирно:

— Да, все верно. Я ее, так сказать, муж.

Он указал в сторону входа.

— Прошу вас, ваша светлость. Хотя и в тяжелое время, но вы гость...

— Не обращайтесь внимания, — прервал я. — Как воин, я давно не смотрю на удобства. Седло под голову и сплю у костра, а напиться могу прямо из ручья.

Ко мне бочком подошел, судя по цепи на груди с большой звездой, управитель, проговорил опасливо:

— Ваше высочество, позвольте мне вас устроить... Пусть старый лорд пообщается с сыном...

— Пусть, — согласился я. — А ехать в ночь не стоит, барон Джильберт прав.

— Ваше высочество, угодно ли вам проследовать за мной?

— Угодно, — ответил я. — А куда?

— В замок, — ответил он, не моргнув глазом. — В ваши покои.

За холлом распахнулся зал в светло-оранжевом цвете, даже массивные колонны, поддерживающие свод, возведены из оранжевого камня, а еще покрыты затейливым орнаментом золотых листьев.

Пол выложен узором из вытянутых ромбов, камни тоже оранжевые, темные и светлые, и в дальней стене высокое витражное окно, где цветные стекла вместе с привычными золотыми и голубыми цветами пустили к себе и яркую изумрудную зелень.

Колонны сделаны настолько изящно, что забываешь про их утилитарную функцию поддержки тяжелого свода. Я поймал себя на том, что откровенно любуюсь изяществом линий и умело расположенным орнаментом, что как бы не совсем из этой эпохи, потому-то, наверное, и любуюсь, а так, вообще-то, из меня любователь красотами неважный...

— Весьма, — одобрил я работу древних строителей. — Весьма зело!.. Как бы да.

Управитель засиял так, словно все только сегодня утром сложил своими руками, а я первый, кто заметил и похвалил.

— Это еще что, — сказал он торопливым шепотом, — а под замком вообще остались ходы еще от первых альвов! Представляете? Жаль только, по ним не побродишь...

— Опасно?

Он покачал головой.

— На четвереньках далеко не уйдешь. Альфы, что населяли эти земли до прихода людей, нам по пояс. У них зрелость в три года, седая борода в пять...

— Да, — согласился я, — а расширять ходы какой смысл? Если нет уверенности, что дальше великие клады?

— Точно, — подтвердил он. — Хотя сперва все же поработали, там есть миля под землей, где в полный рост. Но дальше только те жуткие норы... Нет уж, лучше тропами великанов...

Я спросил заинтересованно:

— А они какие?

— Великаны, — сказал он словоохотливо, — жили еще до карликов. Те шагали по горам, переступая с вершины на вершину. До сих пор находят их следы.

— Ну да, — сказал я, — проще.

Он ухмыльнулся.

— Так говорится. Дескать, зато небо близко... Вот ваши покои, ваша светлость!

Он сам распахнул передо мной обе половинки двери, словно я африканский слон, что, как известно, крупнее индийских, забежал вперед и начал показывать, где стол, где кровать, будто я шас лягу на стол, а на кровати буду обедать. Или если я консорт, то от меня можно ожидать и такое?

— Весьма, — обронил я небрежно. — Весьма. Я как бы да. Зело и не зипунно, а как бы бразды пушистые взрывая...

Он сказал быстро:

— Отдыхайте, приводите себя в порядок! Старый лорд сейчас, как вы понимаете, всецело с сыном, там трагедия... Но как только, так сразу!

— Зело, — сказал я, — пока в самом деле полежу до ужина. Альвы не явятся?

Он дробно засмеялся мелким бесом консортной шутке.

— Про альвов тысячи лет не слышали! Да и нет их вовсе.

— Весьма, — сказал я. — Одобряю.

Он пошел к двери, там обернулся

— Разве что графиня Карелла Вопрошающая за-явится...

— Это хто? — поинтересовался я и показал руками в воздухе нечто подобное восьмерке. — Такая?

— Даже не знаю, — ответил он и посмотрел на меня нехорошими глазами, — она сейчас все еще покоится в подземном склепе. Была могущественной ведьмой в те времена, когда здесь ни замков, ни городов... Говорят, пережила не одну Войну Магов, и даже не один прилет Маркуса.

— Ого, — сказал я с уважением. — Наверное, много знает.

Он вздохнул.

— Да, наверное. Но беда в том, что с каждым воскрешением становится все сильнее и опаснее.

— С каждым... э-э... воскрешением?

— Она умирает, — пояснил он, — каждые тысячу лет... как говорят. Лежит в склепе нетленная, а потом просыпается и снова творит зло. В прошлый раз, как гласят летописи, сровняла целый город с землей, а по-

ловину жителей превратила в свиней. Другую, что характерно для нее, — в волков.

— Есть чувство юмора, — согласился я.

— А что ей еще делать, — сказал он, — как не развлекаться? Все, поди, наскучило? Ладно, отдыхайте, ваше высочество!

— Спасибо, — сказал я саркастически. — Если я консорт, то ко мне и ведьма придет?

Глава 7

Он ушел, я в самом деле лег, постель вполне себе, а мне тем более, я могу у костра с седлом под головой, хотя не пробовал и как-то не тянет к такой романтике... поворочался, сердце стучит громко и сильно, я же не устал, можно пойти взглянуть, как там устроен Зайчик и какие опустошения Бобик учинил на кухне...

В коридоре слуга шарахнулся в испуге, я сказал миролюбиво:

— Не бойся, пока бить не буду. Если меня спросят, скажи, погулять вышел.

Он торопливо закивал так усердно, что вся морда затряслась, как студень, оказываясь то на макушке, то под нижней челюстью.

— Как скажете, ваша светлость!

— Живи пока, — милостиво сказал я.

В сторону главных покоев пока не стоит, там предаются печали насчет барона Джильберта. Слишком горячий сын поставил не на ту лошадь. А вот множество служебных, где охранники, конюхи и прочие, могут представлять интерес как источник неофициальной информации о жизни в королевстве Бурнанды...

Бобик отыскался, сытый и довольный и тем, что перепугал простой народ и что в конце концов заставил

их чесать его за ушами и гладить. Дальше потащился за мной, позевывая и уговаривая найти коврик помягче и завалиться спать, а если нет коврика, то можно и на голом полу, какая для нас, мужчин, разница?

Через полчаса вроде бы хаотичных, но все же целенаправленных блужданий я узнал, что этому замку, как рассказывают старики с гордостью, уже тысячу лет, а он стоит на руинах крепости, которой не меньше трех тысяч, что вообще кажется немыслимым, стоит попытаться вообразить такую даль. И вроде бы из подвалов ведут туннели в подземелья, через которые люди поднялись из еще более глубоких пещер, где прятались при появлении Маркуса в прошлый раз.

Так что да, я еще раз убедился, что на поверхности нет строений, которым больше пяти тысяч лет, даже фундаменты редко где уцелели, но можно встретить артефакты намного более древних времен, которые удалось отыскать в самых глубоких пещерах, куда их занесли беглецы.

Про положение в королевстве что могут знать слуги, я могу только делать выводы на косвенных сведениях, зато узнал, что в тавернах часто пересказывают свистящим шепотом про таинственные клады в пещерах нижнего уровня, куда не достигают катаклизмы. Там золото, драгоценности, а также, что куда важнее, амулеты и талисманы, которые в состоянии сами творить золото, а также дать нашедшему нечеловеческую силу, мудрость и долголетие.

Конечно, может быть, это в этом замке так хорошо и спокойно, однако же, похоже, местный король все же держит власть крепко и правит по большей мере мудро. Что-то я не слышал насчет вторжения армии бурнандийцев к соседям или об их требованиях выплачивать дань, а то и уступить какие-то земли.

Королевство, за которым не гремит слава яростных воителей, самое удобное для жизни и медленного восползания по тропке прогресса.

Бобику надоело меня уговаривать уйти наверх, тащился сзади такой жалобный, что я остановился и сказал строго:

— Я тебя люблю, лось ты мой, но не позволю помыкать мною!.. Так что иди в те покои сам, ляг и спи. Я приду. Понял?.. Иди-иди, не смотри такими глазами!

Он вздохнул и потащился прочь такой жалобный, что я едва не позвал обратно, но убедил себя в том, что как только он скроется за углом, тут же помчится вприпрыжку.

Задумавшись, я все спускался, открывал какие-то заплетенные толстой паутиной двери, пока не обнаружил, что в благородной задумчивости великого государственного деятеля спустился именно к дверям склепа. Возможно, как раз того самого, которым меня пугал управитель.

Дверь отворилась с таким зловещим скрипом, что у меня не просто мурашки побежали, а кровь застыла в жилах. На пол пали холодные синие тени от недоброй луны, заглядывающей в окна, хотя что-то не понял, какая луна, какое окно, я же в глубоком подвале...

Настоящий зал, пусть не громадный, но все-таки зал со всеми атрибутами колонн, ниш в стенах, каменными изваяниями святых, арочными дверьми, точнее — имитацией, там везде темный камень, в самом центре каменный постамент, с барельефами на двух обращенных ко мне стенках, и таким же каменным гробом наверху.

Каменные статуи с каменными же капюшонами, некоторые надвинуты так низко, что вижу только губы, а то и вовсе подбородки, а у некоторых я рассмотрел,

чуть пригнувшись и заглядывая снизу, мертвые слепые глаза.

Я все же сделал шарик света, однако он тут же погас, холод все сильнее начал заползать под кожу. Низкие своды и толстые колонны, что должны удерживать не просто свод, а чуть ли не весь замок; пусто и мертво в просторном помещении, а к центру, где гроб, я некоторое время просто не решался приблизиться, пока не обругал себя трусом, и тогда нарочито уверенными шагами на подрагивающих ногах приблизился к постаменту.

Крышка гроба на уровне моей груди, дыхание застыло в моей груди, потому что крышка либо настолько прозрачная, либо ее вовсе нет...

Женщина выглядит молодо, хотя в то же время видно, что не молода, на вид ей чуть ли не восемнадцать, только уверенность черт, властность и сила в лице подсказывают, что намного старше...

Очень красивая, зловеще красивая, хищно и опасно, однако мертвее мертвой, это же очевидно, словно высечена из белого мрамора.

Я осторожно начал опускать руку к ее лицу и с великим облегчением ощутил, что та уперлась в прозрачную преграду. Ура, все-таки крышка есть...

Везде пыль и запустение, а здесь то ли чьи-то руки постоянно смахивают пыль, то сама крышка сбрасывает грязь.

Я поводил пальцами по невидимой поверхности, ничего более гладкого не встречал. Неудивительно, что частичкам пыли не за что зацепиться.

Я наклонился к самой крышке гроба, почти касаясь губами прозрачной до незримости поверхности, и сказал негромко:

— Эй... Ты слишком красивая, чтобы оказаться злой ведьмой. Мне кажется, красота и злодейство

несовместимы. Но все-таки, я ведь человек осторожный... если вдруг придумаю, как помочь освободиться, признаешь меня господином?

Не знаю, зачем и сказал такое, то ли нарочито, чтобы отогнать сгущающийся мрак, то ли глупая бравада, даже наедине с собой и то петушимся, а тут все же чувствую себя в присутствии женщины, а в их присутствии всегда стараемся казаться сильными и всемоущими.

Ее лицо оставалось мраморно неподвижным, я картинно вздохнул, дескать, сама не хочешь, а я предлагал, теперь оставайся лежать, дура, повернулся и нарочито медленно пошел к выходу. Мол, даю шанс окликнуть и умолять меня хоть что-нибудь да сделать...

Но дура почему-то оставалась мертвой, и я с чувством исполненного мужского долга, дескать, предлагал помощь, сама отказалась, поднялся по ступенькам в подвал выше, а затем уже из него появился в помещениях для прислуги, попетлял малость и вышел в одном из залов.

Почти сразу же навстречу ринулся управитель, еще издали вскричал плачущим голосом:

— Ваше Высочество!.. Как можно? Куда вы исчезли? Стол уже накрыт, все ждут только вас.

— Правда? — спросил я обрадованно. — Тогда пойдемте, пока там все не сожрали. Не очень люблю ложиться на пустой желудок. Правда, если пустой желудок у молодой девушки...

Он торопливо засеменил рядом, указывая дорогу, на ходу снял с моего рукава ниточку паутины.

— Господи!..

— Да, — ответил я вежливо, — слушаю вас.

— Вы что же, — проговорил он свистящим шепотом, — опускались в подвалы?

— У вас знатные винные склады, — сказал я с одобрением. — Ваше счастье, если король о них не знает.

Он перевел дыхание, но тут же посмотрел еще пытливей.

— А в склеп не заходили?

— В склеп? — спросил я удивленно. — Зачем мне склеп?.. Я человек жизнерадостный. И женщин люблю живых и теплых. Надеюсь, тут найдется молоденькая служаночка, что захочет согреть мне постель?.. А склеп не совсем как бы в моих интересах... И та ведьма, что там в гробу, показалась мне вообще как будто и не человек вовсе, а статуя из мрамора. Правда, превосходного мрамора. И выполнена достаточно весьма.

Он вздрогнул, торопливо перекрестился.

— Господи, зачем вам это было надо?

— Что?

— Смотреть на нее!

— Я ее и пальцем не тронул, — ответил я честно. — И вообще... Посмотрел достопримечательности и удалился. Как я понял, больше осматривать нечего?.. Ну там горгульи на крыше, горгоны в саду, джаббергаки в конюшне...

Он указал на распахнутую дверь зала, где, судя по запахам, уже остывает горячее.

— Ваше Высочество...

— Бегу, — сказал я бодро.

В зале за столом мирно ужинают старый лорд и вся его семья: жена, две дочери и единственный сын, которому я помог добраться до замка чуть быстрее, чем это получилось бы у него самого. А еще с ними ужинает священник, сидит, как и положено, слева от хозяина, в то время как жена справа.

Впрочем, там еще одна женщина, довольно уверенная с виду, сразу окинула меня оценивающим взгля-

дом, словно козу на базаре, что мне очень не понравилось, что-то сказала тихонько священнику.

Тот на меня зыркнул с некоторым неудовольствием, сразу же поинтересовался:

— Вы опоздали на ужин, Ваше Высочество, потому что молились в часовне?

— Вера в сердце, — ответил я коротко, — а не в коленях.

Он нахмурился, я ощутил, что один недоброжелатель в этом замке уже есть, но не все ли равно мне, который сегодня здесь, завтра там.

Я сел на указанное мне место, самое лучшее, на мой взгляд, как раз посередине между сестрами барона Джильберта, милыми и домашними, но все-таки эти не придут ко мне в постель, чувствую, это же хорошо, еще не родился на свете мужчина, который в темноте отличит на ощупь герцогиню от служанки.

Под столом завозилось нечто огромное и грузное, вроде носорога, горячий язык лизнул мне пальцы.

— Ну да, — пробормотал я, — как же без тебя... Уверен, ты даже молитву пропустил...

Атмосфера за ужином печально торжественная, я посматривал искоса, настоящая рыцарская семья со старыми традициями и древними идеалами чести: даже мать не умоляет сына бежать за пределы королевства, спасая жизнь, отец суров, часто вздыхает, но и он считает, что сын должен вернуться в столицу и положить голову на плаху, раз уж дал слово.

Только у сестер глазки на мокром месте, хотя он сам, несмотря на смертельную бледность, силится улыбаться, часто и невпопад шутит, на что его отец всякий раз усмехается с полным одобрением мужественному поведению сына.

Когда одна из сестер спросила робко, нет ли возможности спасти жизнь, даже если пришлось бы по-

виниться перед королем, отец оборвал ее суровым голосом:

— Благородный человек знает только долг, низкий человек знает только выгоду... Не так ли, ваше высокочество?

Я задержал перед открытой пастью жареную ножку ягненка, все обратили на меня взоры, я все это время помалкивал, пришлось пробормотать:

— Дорогой сэръ Карвин, я трудно и усердно учусь быть сюзереном... и уже понял, что бесстрашие и мужество — не одно и то же. Мужество есть у наиболее стойких, дерзкая же отвага и бесстрашие свойственны очень многим — и мужчинам, и женщинам, и детям, и животным.

Он взглянул на меня остро.

— Юность — время отваги.

— Отвага, — сказал я, — в лучшем случае опрометчива. Я предпочитаю храбрость. Она посредине между самонадеянной отвагой и робостью. Что делать, я, как уже сказал, сюзерен...

Он нервно дернул щекой, да и на лицах других я уловил больше сдержанного презрения, чем понимания: молчал бы уже, консорт несчастный...

Священник произнес благочестиво:

— Друг, жена, слуга, рассудок и отвага познаются в беде.

Я сказал с укором:

— Святой отец, в Библии сказано, что на свете больше дураков, чем людей!.. Вы Святое Писание читаете?

Он посмотрел на меня строго.

— Какой бы стала жизнь человека, убери из нее отвагу и способность жертвовать собой?

— Разум без отваги, — возразил я, — свойство женщины, а отвага без разума — свойство скотины!.. Хотя

в какой-то мере я согласен: отвага — это много. Это важно. Признаюсь, совсем недавно и я полагал, что отвага — превыше всего. Но теперь понимаю, все же долгие выше. Благородный человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может стать мятежником. Низкий человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может пуститься в разбой.

Старый лорд нахмурился, я хоть и гость, но вроде бы начинаю исподволь разрушать героический образ любимого сына, что красиво сложит голову на плахе, спросил у Джильберта:

— Я слышал, лорд Чедвик попытался передвинуть границы своих земель в нашу сторону?

Джильберт ответил с тяжелым вздохом:

— Да, отец. И очень жаль, что я не смогу...

— Исполни свой долг, — ответил отец торжественно, — а мы исполним свой.

Я поинтересовался:

— А что за лорд Чедвик?

— Сосед, — ответил лорд Хрутер, — у которого отваги на сотню львов, а ума на пару ослов.

Священник перекрестился и сказал таинственным голосом:

— Говорят, мать его носила в чреве сорок лет и сорок дней. Потому и родился уже с бородой и усами.

Я зябко передернул плечами.

— Младенец с бородой? Отвратительно.

— Повитуха упала в обморок, — сообщил священник. — Остальные разбежались. Мать сама перегрызла пуповину и облизала его, как волчица щенка.

— Потому он такой и злой, — сказал лорд Хрутер с видом знатока. — И если падет от нашей руки, то Господь простит, а в небесах ангелы возрадуются и даже, может быть, воспоют осанну!

— Но король вряд ли, — сказал Джильберт трезво.

— А почему король?

— Королю из столицы не видно, — объяснил Джильберт, — что этот Чедвик редкая сволочь. Король требует, чтобы казнить и миловать мог только он или королевский суд, а не на местах, как мы все предпочитаем. И как завещано нашими великими предками!

В его голосе звучало искреннее негодование, а я напомнил себе, что нужно помалкивать и не лезть со своим мнением. Конечно же, казнить и миловать должна только высшая власть, а не мелкие лорды в своих уделах. Это понимал даже Иисус, когда заявил, чтобы никто никому не смел мстить, а оставил отмщение только ему лично.

Глава 8

Одна из сестер указала слуге, что у меня опустело блюдо, тот приблизился быстро и переложил из большой кастрюли уже не ножку ягненка, а баранью ногу, хорошо прожаренную, пахнущую березовыми ветками.

Я сказал ей тихонько:

— Спасибо, леди...

— Леди Мелисса, — подсказала она, — а мою сестру зовут Карентинной, но она очень застенчивая и с вами ни за что не заговорит.

Я шепнул ей на ухо:

— Прекрасно, тогда нам ничто не помешает общаться?

Она грустно улыбнулась.

— Но не в этот печальный день.

— Это день печали, — согласился я. — Но и день славы для вашего древнего рода.

— Все равно, — сказала она упавшим голосом, — для меня только день печали. Как я теперь буду без

старшего брата... Господь несправедлив, если заберет его от нас!

Я сказал участливо:

— К великому сожалению, в политике Законы Господа не срабатывают.

Лорд Хрутер ел мало, пил тоже умеренно, лицо оставалось печальным и гордым одновременно, священник рядом часто крестится и что-то говорит очень тихим голосом, но старый лорд почти не слушает, брови то и дело сдвигаются над переносицей.

Я не вслушивался, обычные банальные слова утешения, старому лорду нужны слова ободрения, и я сказал с участием:

— Некоторые неписанные законы тверже всех писаных. Ничего на свете не заслуживает такого уважения, как человек, умеющий мужественно переносить несчастья.

Он произнес невесело:

— Спасибо, Ваше Высочество. Но смею сказать, мы черпаем свое мужество из стойкости и подвигов наших предков.

— Да, — согласился я, — были люди в ихнее время. Богатыри, не мы!.. Однако наша задача быть достойными. Нельзя, чтоб зазря!.. Хотя сейчас и другое время, но должны как бы не посрамить. Ваша светлость, благодарю за удивительный ужин в теплой и героической обстановке. Это было весьма патриотично и воспитательно. Буду вспоминать и другим рассказывать! Чтобы на живом пока еще примере учить и поучать, как надо и как не надо. Спасибо!

Я встал, откланялся, спеша уйти раньше других, чтобы не пришлось ни провожать барышень до их спален с недремлющими тетками, ни выслушивать старого лорда о подвигах предков.

Бобик, на удивление, выбрался вслед за мной, но я посмотрел в его честные глаза и махнул рукой.

— Ладно, пируй. Только не буди, когда явишься за полночь. И без пьяных песен...

Уже оказавшись у двери своей комнаты, подумал, что сна ни в одном глазу, проворочаюсь до утра, первый раз, что ли, в голове все время рождаются новые планы, как быстро уладить все с отделившимися королевствами и как можно скорее отыскать отмычку к проблеме Маркуса.

Самое время вспомнить об Эркхарте. И хотя она всего лишь простейший транспортник, запрограммированный возить переработанную руду из пункта А в пункт Б, но все-таки смотрит сверху, должна знать больше, если не убрала это все вместе с эмоциями, что когда-то нанесли ей жесточайшую травму...

Кто-то из слуг поклонился по дороге, я вздрогнул, обнаружив себя на ступеньках, что ведут в подвал, и там, как я помню, еще ниже и ниже, пока передо мной не окажется дверь могильного склепа...

То ли меня самого тянет туда, то ли это ведьма как-то зовет, не знаю, самое умное и даже правильное сейчас бы повернуть обратно, там постель уже готова, управитель точно намек понял и служаночку послал погреть мне постель если не холодной попкой, то горячим пузом, а я, как дурак, еще и колеблюсь...

Но если человек и карабкается по крутой, но опасной дороге прогресса, то лишь потому, что частенько ведет себя по-дурацки и рискует там, где рисковать совсем не обязательно...

Я бурчал на себя, ругался, стыдил и укорял, но продолжал спускаться, пока не толкнул дверь и не оказался в склепе, а там уже умолк, пришел, отступать поздно, да и стыдно, она хоть и не смотрит, но вдруг как-то видит...

Наверное, именно потому я направился к гробу той глуповато-развязной походочкой, как бы подчеркивающей, что нам сам черт не брат, кому угодно рога собьем. Ничего не боимся и все нам, как с гуся вода.

Она в гробу вся такая же застывшие-мраморная, хотя удивительнее было бы, если что-то изменилось, я перевел дыхание, чего-то да ожидал, трус несчастный.

— Ну что, — сказал я покровительственно, — мое предложение пока еще в силе. Я уполномочен набирать добровольцев в элитный обряд по борьбе с самым опасным противником!.. Ты же боец, вон у тебя какие...

Ее лицо, к счастью, не изменилось, я пощупал ее взглядом, подумал, сказал с сомнением:

— В моих краях полагалось поцеловать, после этого тебе нужно моментально проснуться. Но я человек приличный, а целовать незнакомую женщину до того момента, как выкажет ужимками, что еще как не против... можно и по морде схлопотать. В общем, леди, на случай, если просто пребываете в медитации... дескать, здесь все обрыдло, сообщаю, что можете подняться.

Она по-прежнему оставалась мраморно-белой и недвижимой, я ощутил досаду, чувства меня все-таки обманули, никакого зова не было, померещилось, но прежде чем повернуться и уйти, сказал весомо:

— Маркус нагрянет вот-вот. Уже этим летом. Все превратится в пыль... как и этот замок с его склепами, тайнами, трупами и мышами в подвалах. Подумай над моим предложением.

Она не двигалась, я пожал плечами, дескать, сделал все, что мог, даже предложил помощь, все-таки женщина, да еще красивая, пошел к оставленной в распахнутом виде двери.

За спиной как будто раздался вздох. Хотя, конечно, не вздох, но что-то произошло.

Холод прокатился по телу, я круто развернулся. Рука привычно шлепнула по бедру, но на поясе пусто, как и за спиной. Теперь, когда наловчился призывать свое оружие, обычно оставляю его поблизости, чтобы меньше усилий на перенос.

Торопливо сосредоточился, пальцы ощутили прикосновение рукояти меча и торопливо сжались на рифленой поверхности.

Я выждал, но ничего не происходит, хотя холодок не уходит, заползает поглубже.

С мечом в обеих руках я двинулся осторожным приставным шагом к гробу, вытягивая шею и стараясь увидеть все с безопасного расстояния.

Лицо ведьмы остается мраморным, но губы медленно наливаются алым, сперва едва-едва заметно, как робкий рассвет, что еще не уверен насчет успеха, затем заметнее, стали пунцовыми, ярко-красными и почти вдвое более пухлыми, чувственными, четко и красиво обрисованными.

Я вздрогнул, меч остался в одной руке, а другой торопливо сотворил крестное знамение. Ноги сами по себе сделали робкий шагок назад, у них своя голова, что ближе и умнее, а я с дрожью всматривался в ее лицо.

Кроме покрасневших губ все мертвое, я же вижу, и не просто мертвое, а именно холодный камень белейшего мрамора. Но губы... губы все-таки покраснели и даже... изменили форму.

— Давай, — сказал я. — Ты же сильная! А сильные всегда в цене. Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на страшен Господень суд. Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род, если сильный с сильным у края земли встанет?.. Сильные вне рода, племени, цвета кожи и даже пола, представляешь?..

Так что тебе уготованы почести и даже честь... Давай, просыпайся!..

Смотрится она дивно прекрасной и, увы, мертвой, но все же белизна мрамора медленно уступает более естественному цвету лица живого человека. Настолько медленно, что я не замечаю перехода, но сейчас ее лицо уже почти живое, только все еще смертельно бледное, однако эта бледность живого... нет, пока еще мертвого, но уже не мрамор, точно не мрамор...

Руки сложены на груди, мирная покойная поза, я перевел дыхание, мои уговоры не помогают, попробуем шоковую терапию:

— Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его... врази — это враги, поняла?.. и да бежит от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут! Яко тает воск от лица огня...

Я услышал ее тихий бестелесный шепот:

— Замолчи...

Я вздрогнул, но, собрав волю в кулак, ответил храбро:

— Молчи, женщина, когда говорит доминант!

Она в самом деле замолчала, я продолжил читать молитву, хотя уже и не с того места, в нервозности проскочив пару куплетов.

Ее густые черные ресницы дрогнули, пошли вверх. Мраморно-белые веки раздвинулись. На меня в упор взглянули абсолютно черные глаза, где чернота от века до века, все глазное яблоко абсолютно черное, и холод в моем теле пошел шибче и шустрее вгрызаться в плоть.

Я задержал дыхание, чувствуя, как страх пронизывает меня с ног до головы, сосредоточился, заставляя трусливую кровь, что спряталась где-то в районе печени, пойти на периферию и прогреть застывающие конечности.

— Не думаю, — сказал я, — что ты пугаешь нарочито... Это я сам перед твоей красотой робею.

Она медленно и несколько механически поднялась, села, ни на что не опираясь, очень неудобная поза, я бы точно опрокинулся на спину, затем начала так же неспешно и победно подниматься, словно не сама по себе, а позволяет некой раболопной силе тащить себя вверх.

— А это красиво, — проговорил я дрожащим голосом. — Весьма обло.

Вся в белом, как невеста, вздымалась и вздымалась, уже и ступни оторвались от гроба, красиво зависла в воздухе, вся в развевающемся под незримым ветром платье.

Длинные рукава красиво тянутся следом, как беле-сый туман, а она, держа ладони открытыми, как богородица на скульптурах, поплыла по кругу, будто пытается зайти сзади, однако я поворачивался за нею, как подсолнух за солнцем... хотя те вроде бы не поворачиваются, ну как флюгер за ветром, оправдывая себя тем, что от красивых женщин неприлично отводить взор.

Сделав круг, она медленно и величаво опустилась, не меняя ни позы, ни выражения, а когда ее ступни коснулись пола, неспешно пошла по каменным плитам в мою сторону.

— Так-то лучше, — сказал я нервно, — только передние конечности опусти, сперва поговорим, а эти обнимания и все прочее потом...

Она ускорила шаг и вдруг ринулась, спокойная и улыбающаяся, только ногти превратились в когти, да и сами пальцы покрылись блестящей чешуей, и эти когти были направлены прямо мне в лицо.

Я выставил меч перед собой, но ведьма за пару дюймов до него остановилась, словно ощутила некую незримую стену.

Ее лицо впервые исказилось в злобную гримасу, но через мгновение снова засияло ангельской красотой.

— Смирись, ведьма, — сказал я как можно более властно, — признай меня хозяином!.. А я постараюсь быть милосердным. Да и не до свар сейчас, над всем миром беда...

Не меняя выражения лица, она пошла по кругу, мне показалось, что все еще во сне, двигается как сомнамбула, это такие лунатики, а вытянутые вперед руки ощупывают тонкими белыми пальцами незримую стену, которую я точно не воздвигал.

Я следил за нею настороженно, все еще не меняет выражение лица, но движения становятся все быстрее и порывистее, а лицо то и дело дергается, словно старается поскорее пробудиться от тяжелого сковывающего сна.

Далеко на грани слышимости прокричал петух. Мертвая ведьма замерла в патетическом изумлении, но некая сила начала ее отодвигать от меня. Пальцы с острыми когтями, нацеленные в мое горло, медленно опустились.

Она отступила еще и еще, не отрывая от меня застывшего взгляда, и так, не поворачиваясь, пятилась до самого пьедестала с гробом, ударилась о него спиной, некая сила воздела ее на нужную высоту, и там улеглась в гроб, все еще не отрывая от меня немигающего взгляда, в котором наконец-то проступило сильнейшее изумление.

И лишь когда сложила руки на груди и закрыла глаза, я ощутил, как жутко все во мне трясется, сердце стучит с истерическими всхлипами, а легким недостает воздуха.

Глава 9

В коридоре молоденькая девушка в чистом белом чепчике сидит на корточках, упершись спиной в стену, но едва я появился в зоне видимости, торопливо поднялась, руки мнут фартушек, испуганно поклонилась.

Я спросил тупо:

— Ты чего здесь?

Она пролепетала:

— Господин управитель послал постелить вам постель, но там такая страшная собака...

— А-а-а, — сказал я и посмотрел внимательнее в ее чистые и еще почти детские глаза, — это хорошо, но ты иди спи к себе. Я тут в таком состоянии, что мне все равно, какое бревно будет со мной, я сам бревнее любого бревна...

Она ничего не поняла, беспомощно хлопала длинными ресницами.

— Ваше Высочество?

Я погладил ее по щеке.

— Иди-иди. На вот тебе за старание. Как-нибудь в другой раз, хорошо?

Она непонимающе посмотрела на золотую монету, наверняка впервые видит, я вложил ей в ладонь и сам загнул ей пальцы в крохотный розовый кулачок.

— Все, беги! А то не выступишься.

Она все еще не двигалась, пока я не развернул ее к себе спиной и не шлепнул по заднице, тугой и вызывающе приподнятой. Даже не проводив ее взглядом, я открыл дверь и ввалился в комнату.

Бобик приподнял голову, в сонных глазах неодобрение. Я выставил ладони в успокаивающем жесте, и он снова уронил тяжелую голову на пол.

Я рухнул на постель, в голове сумятица, все больше растет подозрение, что не сам решил ни с того ни с сего отправиться в склеп, а это мертвая или недомертвая колдунья сумела послать зов такой же нечисти, как и она сама, но откликнулся почему-то я.

То ли потому, что ближе, то ли я чем-то понятнее, то ли еще что-то вовсе неизвестное...

— Бред, — сказал я сам себе, — воображение у меня что надо. И что не надо тоже...

Утром слуги, посланные помочь мне одеться, изумились, застав меня уже в полной экипировке и бо-
рющимся на полу с Бобиком.

— Ваше Высочество...

— Что, — спросил я, — завтрак?

— Да, — ответили они хором, — если вы изволите, сейчас за вами зайдут...

— Пусть заходят, — разрешил я. — Бить не буду.

Они торопливо удалились, это бить не буду тех, кто придет звать на завтрак, а их могу еще как за опоздание.

Едва дверь за ними захлопнулась, почти сразу же явился управитель, торопливо поклонился.

— Ваше Высочество... с вами все в порядке?

Я спросил настороженно:

— А что во мне как бы не так?

— Да все так, — заверил он быстро, — просто слуги сообщили, в склепе был шум, завывания, словно сотни демонов пытались оттуда вырваться на волю... а еще сказали, что, как только вы оттуда вышли, все смолкло и совсем затихло.

— Никаких голосов не слышал, — ответил я твердо.

Он спросил шепотом:

— Но в склепе... были?

— А что, — спросил я в ответ, — запрещено? Да, был. Не привлекался, но участвовал. Я такой, интересующийся. Видел графиню. Интересная женщина. Как говорите, ее зовут? Карелла?

— Графиня Карелла, — прошептал он, — урожденная фон Кенигсегг-Аулендорф...

— Своеобразная, — заметил я, — и даже своеобразная женщина. Не часто таких встретишь. Во всяком случае, даже не каждый день.

Он замер, глаза его задержались в орбитах, обшаривая взглядом мое гордое и красивое лицо.

— Но как же... она что...

— Оживала, — сообщил я скромно, — не совсем так уж, но все же, хотя и не как женщина... ну, вы понимаете, а больше как человек вообще, в целом, обобщенно, если можно так сказать, хотя, как мне кажется, сказать можно все, чем мы и пользуемся во всю ширь и размах необъятной человеческой души.

Он несколько обалдел, я даже сам не успел понять, что я завернул так красиво, он спросил жалко:

— В смысле... в самом деле оживала?

— И даже вылезала, — гордо сказал я. — Хотя, точнее, нечто такое ее вылезало саму, а она как бы просто не противилась, а разрешала. Видимо, это служебная магия, как если бы вам слуги придвинули кресло...

— А... потом?

— Похоже, — проговорил я скромно, — я ее заинтересовал.

Он охнул, прижал ладонь ко рту, глаза выпучились.

— Ваше Высочество?

— Обратила на меня внимание, — пояснил я. — Знаете ли, я тоже заметил, в самом деле знатная дама и обучена была весьма... Такие манеры! Хотя и несколько устаревшие, но это так мило, так волнительно...

Он побледнел.

— Надеюсь, вы шутите?

Я изумился.

— Почему?

— Но ведь, — проговорил он, едва шевеля посиневшими губами, — это же кошмар! Это гибель!

Я подумал, пожал плечами.

— Возможно, в будущем. Пока что показалась весьма женственной, что значит больной и слабой.

Он прошептал:

— Господи... Но как только войдет в силу... А слабая потому, что проснулась раньше времени? Как вы это сделали?

Я ответил скромно:

— Надеюсь, моей жене не расскажете?.. Хотя это неважно, вы ведь тоже, как полагаю, мужчина... В общем, вылезла из гроба... нет, это вульгарное слово, она поднялась, даже нет, возделась весьма красиво и величественно, у нее каждый жест исполнен достоинства, величия и силы! Это весьма, я бы сказал, в ней чувствуется кровь древних правителей.

Он, уже бледный и с посиневшими губами, проговорил жалко:

— Ах, Ваше Высочество... ну зачем вы ее разбудили? Так бы, может быть, она проснулась бы лет через сто...

— Нехорошо, — сказал я с мягким укором, — перекладывать решение проблем на потомков.

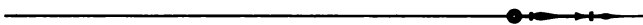
Он посмотрел исподлобья.

— Почему нехорошо... если можно?

— Они же слабые, — пояснил я, — хилые, ничемные, вялые, изнеженные, демократичные, ничего не знают и не умеют, хотя уверены, что ого-го какие... Жаль, утро наступило и все испортило, как обычно и бывает! Мы с графиней только-только начали было взаимовыгодный диалог культур и, главное, полов. В общем, пойдемте завтракать, а то Бобик все пожрет!

По дороге в столовую я подумал о словах несчастного барона, что до столицы Бурнандов всего трое суток верхом, это для Зайчика совсем пустяк, можно заскочить к местному королю, пообщаться, все-таки соседи, вдруг да его тоже удастся уговорить подписать договор коллективной безопасности...

Но все-таки, как ни гнал от себя сентиментальную мысль, что надеюсь спасти жизнь юного романтика,

она возвращалась снова и снова, напоминая, что не такой уж я и бесчувственный политик. И хотя да, народ — это статистика, но отдельные единицы этого народа вызывают горячую симпатию и желание как-то им помочь или хотя бы спасти.

Но, конечно, о бароне только вскользь, мельком, мы же правители, а главное — договоры, обсуждение стратегического положения в мире, геополитические расклады сил и влияний...

В трапезной комнате все уже снова за столом, но сейчас все еще печальнее и торжественнее, а я чуть не забыл, что после завтрака юный барон поспешит в столицу, чтобы успеть на собственную казнь.

Старый лорд за минувшую ночь осунулся, скулы выпирают острее, а щеки запали. В глазах болезненный блеск, но держит спину прямой, а плечи гордо разведенными в стороны. Честь рода не посрамлена, а это главное, ибо нет отдельных людей, а есть род, что идет из тьмы веков и должен пронести в будущее образцы чести, верности и достоинства.

— Приятного аппетита, — сказал я с натужным оптимизмом. — Надеюсь, у всех все хорошо... в смысле, не посраим сейчас, не посраим и в будущем.

Старый лорд наклонил голову.

— Не посраим.

Я кивнул всем завтракающим, распределяя приветствие от лорда и его сына на дочерей, священника и ту леди, что вообще не проронила ни слова, а только снова осмотрела меня так, словно уже купила и теперь не понимает, зачем я ей нужен.

— Как у вас тут, — сказал я, — э-э... празднично.

Никто не ответил, а я сел, подцепил на кончик ножа прорумяненный кус оленины, но не успел отправить в рот, как священник сказал с осуждением:

— Не сказав благодарственной молитвы?

Я проворчал с угрозой:

— Святой отец, вы богохульствуете, полагая, что Господь не услышал моей мысленной молитвы. Это даже тянет на кощунство! Вы давно сами были на исповеди?.. Нужно сообщить в коллегию. У меня там есть кое-какие связи, пусть с вами поработают поплотнее.

Он вздрогнул и поспешно опустил взгляд в тарелку. Дочери лорда печально улыбнулись мне, я подмигнул, жизнь не кончается, и хотя жизнь молодого барона прервется, но сколько в славном роду Хрутеров погибло молодых и сильных героев, тем самым обеспечивая ему грозную славу и уважение в рыцарском мире?

Старый лорд и молодой это понимают, даже их жены, обе за столом с такими строгими, постными лицами, что даже как будто гордятся, одна тем, что ее сын красиво поднимется на помост и положит голову на плаху, а другая — что муж у нее такой доблестный и благороднейший герой, верный слову чести.

Я поел быстро и больше для вида, на самом деле всегда могу перекусить и в своей комнате, и в седле, а такие совместные трапезы только для общения и сбора некоторой информации.

— Все очень вкусно, — произнес я традиционную фразу и поднялся, — с великим сожалением прошу позволения откланяться...

Лорд кивнул, сейчас не до гостей, даже таких знатных, лицо застывшее, но вздрогнул, словно пробудившись, вперил в меня требовательный взгляд.

— Ваше Высочество, мы в крайнем долгу перед вами...

— Пустяки, — ответил я легко.

— Вы спасли больше, — сказал он, — чем жизнь моего сына! Вы спасли его и нашу фамильную честь.

Я ответил надлежаще высокопарно:

— Это был мой долг.

— Я рассчитываю, — договорил он, — вы не уедете немедленно, а погостите у нас еще хотя бы пару дней. Мы просто обязаны хоть чем-то отплатить вам за такую великую услугу!

Я поклонился, пробормотал в затруднении:

— Пару дней... это слишком... но на сутки постараюсь задержаться... Хотя вы понимаете, я человек женатый...

В его глазах, как и на лицах остальных, я прочел жалостливо-брезгливое, что не просто женат, а, прости Господи, еще и консорт, но он лишь кивнул и обронил:

— Будем признательны и за сутки, ваше высочество.

Я поклонился и выбрался из-за стола, слуги распахнули передо мной двери, я без всякой цели пошел по залам, но перед глазами все еще стояло гордое и скорбное лицо старого лорда.

Тряхнув головой, иногда так удается стряхнуть и непрошенные мысли, словно капли воды после купания, я начал присматриваться к отделке, орнаменту: наблюдательному человеку это может дать очень много, а это значит, вообще могу составить по убранству одного такого зала представление обо всем королевстве, его традициях, обычаях, культуре и дальнейшем пути развития на ближайшие тысячу лет, если, конечно, позволит Маркус.

Когда через полчаса я вышел из здания, во дворе двенадцать крепких воинов уже в седлах, барону Джильберту подвели молодого крепкого коня под рыцарским седлом и красной попоной в клетку.

Он вставил носок сапога в стремя, бледный и красивый в каждом жесте, я вышел на крыльцо, он увидел и слабо улыбнулся.

— Сэр Ричард, я счастлив, что вы приняли приглашение моего отца погостить у нас еще сутки, чтобы как-то скрасить... мое отбытие.

Я проследил, как он легко и несколько победно поднялся в седло, ответил ему с достоинством и надлежащим тоном:

— Барон, это в какой-то мере мой долг.

— Сэр, — воскликнул он с чувством, — вы настоящий рыцарь! Хоть и консорт.

— Спасибо, барон, — ответил я.

— Это вам спасибо, — сказал он патетически, — вы помогли мне избежать позора, несмотря на то, что вы — консорт!

— Еще спасибо, — проговорил я с глубоким чувством сквозь зубы.

Он воскликнул с жаром:

— Если бы я тогда умер под тем деревом от ран, в столице и королевстве могли бы не узнать о моей гибели. И считали бы, что я убежал за пределы, спасая шкуру!

— Уверен, — заявил я с подъемом, — так бы не подумали. Ваша репутация была и остается чиста в рыцарских глазах. Но, конечно, хорошо, что все заканчивается хорошо.

Что я несу, мелькнула мысль, он же помчится к плахе, где скатится на окровавленный помост его голова...

Однако барон выпрямился в седле такой гордый и красивый, что я подумал невольно: это я дурак, чего-то недопонимаю, он в самом деле считает, и все вокруг так считают, что все заканчивается хорошо, ибо что наши жизни в сравнении со славным и могучим древом рода?

Глава 10

Я подождал, когда отряд проедет под аркой ворот, затем искоса наблюдал, как старый лорд нежно обнимает и уводит обратно в замок жену, она только сейчас

позволила себе выронить слезу, при сыне держалась и даже улыбалась ему, подавляя все материнские инстинкты.

— Ладно, — пробормотал я, — это не мое дело. Хотя и мое, конечно, как христианина, но и христианство должно умерить свои аппетиты. Иначе будет вмешательство в суверенные права и даже в частную жизнь...

Молодой барон отправился в обратный путь, пробыв в семье меньше суток, а я вынужденно принял приглашение герцога погостить у них еще денек, потому что разбудил ведьму раньше времени. Теперь как бы обязан что-то да предпринять, а старый лорд явно надеется, что я именно что-то сделаю такое, что отведет от них беду.

Когда вернулся в донжон, за спиной послышались быстрые шаги, я определил, даже не оглядываясь, что догоняет кто-то из старших слуг, только у них эта походка, смесь угодливого подгибания ног и начала спешивости.

Управитель догнал, пошел рядом, опасливо поглядывая на мое полное величия и надменности лицо.

— Ваше Высочество, — произнес он умоляюще. — Может быть, вы больше не станете туда ходить? Я имею в виду... в склеп.

Я ответил в изумлении:

— Да я и не собирался. Мне тоже пора в столицу. Не по такому важному и красивому делу, как у молодого барона, но тоже в некотором роде. Для меня важному.

Он просиял:

— Правда? А то мне показалось...

— Что? — спросил я с подозрением.

— У вас вчера было такое лицо, — признался он, — какое бывает у тех, кто возвращается. Я даже не знаю,

как вы вообще сумели к ней попасть, там двери отпираются только изнутри...

Я насторожился, по спине пробежал знакомый холодок.

— Что, правда?

— Клянусь.

— Что за, — пробормотал я, — что за... нет, мне надо ехать. Весьма. Ибо!.. Такова жизнь сюзеренов. Я хоть и консорт, но в какой-то мере еще и человек, хотя я даже не знаю и знать не хочу, что тут понимают под словом «консорт».

Он сказал обрадованно:

— Молодому лорду отец дал для сопровождения двенадцать воинов, но вы, возможно, догоните его и поедете с ним, раз уж вам обоим в столицу?

— Разумеется, — ответил я. — Еще как догоню, если успею. Я пообещал вашему лорду погостить... думаю, ночи будет достаточно, а утром вот так же точно ускорим.

Он просиял.

— Ваше Высочество! Тогда я распоряжусь, чтобы вас развлекли в эти сутки. Как вы понимаете, старому лорду лучше побыть наедине со своим горем или хотя бы в кругу семьи...

— Все в порядке, — заверил я. — Меня не обидит, если развлекать меня будет не старый лорд, а молодая служаночка.

Он сказал понимающе:

— Ваше Высочество! Вы не будете разочарованы. Я понимаю, ваша венценосная супруга и повелительница осталась в Мезине, а вы тут имеете полное право тайком развлечься... пока грозная королева Ротильда в неведении.

— Да, — пробормотал я, — все верно. Вы прекрасно все понимаете.

— Все останется в тайне, — заверил он.

— Надеюсь на вас, — сказал я значительно. — Сэр...

Он все понял, поклонился и застыл на месте, пока я поднимался по лестнице и наконец не скрылся из виду.

На втором этаже я все еще прикидывал, что скажу королю, но зашелестело, отвлекая от государственных мыслей, женское платье, пахнуло свежестью и молодостью девичьего тела, это из двери соседнего зала почти выбежала леди Карентинна, та из сестер, что никогда не заговорит с мужчиной из-за дикой застенчивости, как сообщила ее сестра Мелисса.

Сейчас она почему-то запыхавшаяся, в глазах страх, в тонких пальцах вышитый платочек, прижимает его к груди так трогательно, что я забеспокоился, не вздумает ли подарить в наивной надежде, что подцеплю на шлем или копье.

— Ваше Высочество!

Голос ее был испуганно-пищавый, но и страстный в той мере, что позволяет верить в ее взросление, все-таки уже не ребенок, вон в низком вырезе платья отчетливо видны края белоснежных холмиков.

— Да, леди?

Она вскрикнула:

— Я услышала страшную весть...

— Не обращайтесь внимания, — сказал я покровительственно. — Вся жизнь бывает страшная. Но когда привыкнешь, жить почти можно.

— Ваше Высочество, — проговорила она почти плачуще, — слуги говорят, вы спускались в склеп...

— Ну...

— И для вас открылись двери!

— Было такое, — согласился я. — Хотя двери, вообще-то, я сам открыл. А что такого особенного?

Она оглянулась, широко ли открыт проем в соседний зал, чтобы оттуда могли видеть, где мои руки, только при широко распахнутых дверях приличная девушка может разговаривать с мужчиной.

— Сэр Ричард, — проговорила она с мольбой, — я так тревожусь за вас! Та ведьма... она ведь показалась вам красивой?

— Графиня Карелла фон Кенигсегг-Аулендорф, — ответил я с честностью рыцаря на турнире, — очень красивая. Что делать, бывают же такие женщины. В смысле, тоже красивые, кроме вас, конечно. Хотя вы вроде бы совсем живая, а она как бы не.

Она сказала еще жарче, совсем не похожая на ту, которую нарисовала в моем воображении Мелисса:

— Это колдовство! Она не может быть такой! На самом деле должна быть уродливой! По-настоящему красивым нет нужды заниматься колдовством!

Я посмотрел на нее с уважением.

— А вы правы, леди. Хотя, конечно, я не рассмотрел там никаких чар, она вроде бы в самом деле такая. Но вот вы да, и красивая, и вполне вероятно, что не колдунья.

— Она вам лгала, — сказала она страстно. — Я же вижу, вас уже подло и низко очаровали! А это так недостойно, хотя женщинам можно все... О, что сделать, что сделать, чтобы вас спасти!

Я пробормотал:

— Вообще-то, женщины должны знать, как спасать мир...

— Сэр Ричард?

Я посмотрел откровенным взглядом, ее нежные щеки тут же залило жарким румянцем.

— Сэр Ричард... — пролепетала она упавшим голосом.

— Да, леди?

— Вам нужно перестать думать о ней, — прошептала она слабым голосом, — как о красивой.

— Увы, — ответил я грустно. — Такое можно только клин клином. К сожалению, леди Карентинна... ах, какое прекрасное имя!.. Вы сами его выбрали? У вас прекрасный вкус... Родители? У них тоже есть вкус... В общем, мужчины все такие... Жаждем быть очарованными! Околдованными, попавшими в сладкие женские сети...

— И нельзя вас спасти?

Я пожал плечами.

— Разве что набросить свою сеть раньше.

Она посмотрела на меня беспомощно, щеки уже не алые, а пурпурные, горят жарким румянцем уши и нежная шея.

— Я бы сделала, — проговорила она умоляюще, — но я уже ничего не умею, я только два дня как из монастыря, где воспитывалась с семи лет...

Я развел руками.

— Леди Карентинна... Я в какой-то мере отец народа, потому должен о всех заботиться. Думаю, это мой долг помочь и вам. Ну, а заодно покажу, как позаботиться обо мне.

— Сэр Ричард!

Я сказал тихонько:

— Я собирался отбыть, но ваш отец уговорил задержаться еще на сутки. Все равно догоню и обгоню юного лорда, так что как бы весьма...

Она пугливо оглянулась по сторонам. В дальние двери пару раз заглянули, но, к счастью, мы далеко, наши голоса туда не достигают.

— Я приду к вам, — прошептала она. — Ждите...

— Клянусь, — ответил я ошарашенно. — Вы настоящая женщина, леди Карентинна.

Бобик подошел к двери и прислушался. В коридоре слышались приближающиеся шаги. Мужские, что неинтересно, и какие-то медленно мелкие, что совсем ни в одни ворота.

Я обернулся на стук.

— Открыто!

Вошел священник, посмотрел на меня исподлобья.

— Вы мне совсем не нравитесь, — сказал он хмуро, забыв хотя бы перекрестить, — Ваше Высочество... как и я вам. Но вы наверняка снова отправитесь в склеп, который почему-то открыл вам двери.

Я пробормотал:

— Ну... допустим. И что?

Он вытащил из складок рясы, где у него наверняка несколько широких карманов, чтобы прятать всякие непристойные вещи, книгу среднего формата.

— Возьмите с собой, — сказал он отвратительно непререкаемым тоном. — И, если возникнет нужда, читайте громко и внятно отсюда.

Он положил на стол и отступил на шаг. Я сказал вяло:

— Там что-то новое?

Он произнес сухо:

— Всего хорошего, Ваше Высочество!

Я промолчал, а он ушел так же неожиданно, как и появился. Я пожал плечами, странные здесь люди, без всякого интереса потрогал книгу, раскрыл.

Судя по тексту, молитвенник. Старинный, бумага желтая и с обтрепанными, как у старой бабочки крыльях, краями страниц. Писец трудился старательно, однако вижу по почерку, где торопился, где чуть-чуть схалтурил, пусть и самую малость, но мне как-то без разницы, даже при скудном свете все буквы различаю отчетливо, но все равно как-то не верится, что мой голос или слова древних заклятий, благозвучно име-

нуемых теперь молитвами, остановят ведьму, могучую настолько, что вместо привычной смерти просто засыпает, чтобы проснуться всемогущей.

— Ну хорошо, — сказал я внимательно наблюдающему за мной Бобику, — я же запасливый, верно?

Он поморщился и лег мордой к двери, чтобы не упустить все просачивающиеся в узкую щель под дверью запахи.

Я покосился на молитвенник, вряд ли стоит брать с собой не только сейчас, но и вообще, вышел и плотно закрыл за собой, пока Бобик не вышел на очередную прогулку и не опустошил попутно все кухонные запасы.

В коридоре страж посмотрел на меня и загадочно ухмыльнулся. Я посмотрел холодно, но ничего не сказал, прошел мимо к лестнице, что ведет на дозорную башню.

Можно догадаться, что он подумал, я, вообще-то, знаю тоже не меньше десятка анекдотов про консортов, но все простенькие. Самые изощренные крутятся вокруг брачного ложа. По мнению местных, уже сама мысль, что женщина может залезть сверху, глубоко оскорбительна для мужчины, позорящая его навечно. А консорты как бы обязаны покорно лежать и терпеть женские ласки. Ха, они не представляют, что через тысячу лет сами будут мечтать о таком счастье...

Винтовая лестница довольно быстро привела на самый верх, обзорная площадка с конической крышей от дождей, ветхое ограждение, лучше не опираться, и один страж в кожаных латах, ветеран с виду, но с такой скучающей мордой, словно и не ветеран, а супер-ветеран.

— Бдим?

Он смерил меня взглядом с головы до ног, подниматься не стал, я хоть и принц, но из чужой страны,

к тому же вообще, ха-ха, консорт, уже все, даже слуги, знают.

— Еще как, — ответил он вяло. — Бдим, а как же...

— А как? — поинтересовался я.

— А никак, — ответил он почти нагло. — Что тут бдить?.. Все всегда спокойно.

— Говорят, — сказал я, — лорд Чедвик пробует передвинуть межу...

Он отмахнулся.

— Так передвигать можно двести лет, пока отсюда ее увидишь. Глупое занятие — торчать здесь. Но что поделаешь, за это платят.

Я посмотрел по сторонам, вид прекрасный. Замок хоть и не на горе, но во все стороны ровная, как обеденный стол, поверхность, видно далеко и четко, ветра нет, пыли подниматься пока вообще рано, воздух чист, как детское горе.

Он наблюдал за мной с ленивой насмешкой, а я всмотрелся в далекую искру света, странно подрагивающую, словно огонь в маяке, периодически перекрываемый заслонкой, чтобы привлечь внимание.

— Что это за?..

Он посмотрел в ту сторону.

— Что... а-а, вы видите? Будто огонек от далекого костра?

— Примерно, — ответил я, — только не оранжевый.

— Тогда это мандрагора, — ответил он уверенно. — У меня не такие острые глаза, но знаю, что там может светиться только она. Погодите, вот когда стемнеет, она будет не просто светиться...

Я посмотрел на небо, еще далеко и до полудня, солнце не скоро спрячется за темными с поджаренными краями облаками, чтобы эта самая мандрагора разгорелась во всю мощь.

— Надо бы посмотреть, — пробормотал я. — Время до вечера есть.

Он вздрогнул, быстро-быстро перекрестился, трижды сплюнул, и все в таком темпе, что я едва успевал видеть, что делает.

— Ваше Высочество! — сказал он патетически. — Вы хоть и консорт, но должны же понимать, что туда никто в здравом уме не сунется. Хотя насчет консортов, правда, не знаю. Мандрагора светится там, где согрешил Адам!.. А это самое проклятое место на земле!

— Ну уж и самое, — проговорил я. — Что за мания величия...

— Ваше Высочество, — заверил он, — народ не ошибается! Все так говорят.

— Много же этот Адам грешил, — сказал я с уважением. — Эта мандрагора где только не растет...

— А светится?

Я пожал плечами.

— Видел только днем. При ярком солнце.

— Значит, — сказал он с убеждением, — светится только наша.

— Что, — поинтересовался я, — здесь Адам как-то согрешил особенно?.. Хотя да, сперва очень тесно общался с Лилит, а также со всякими, гм... Хотя и потом, все-таки прожил девятьсот тридцать лет... Странно было бы ожидать, что все это время будет делить постель только с Евой, мы же унаследовали от него не только мозги, но и всякие там чувства?.. Да и после смерти Авеля он расстался с Евой на сто тридцать лет, все это время греб под себя все, что хоть как-то... В общем, я быстро. Туда и обратно. Только посмотрю.

Он вскрикнул в ужасе:

— На нее даже смотреть близко нельзя!.. А уж попытаться выдернуть из земли... Она так кричит, что всякий сходит с ума. Чтобы ее выдернуть, сперва за-

тыкают уши смолой или воском, привязывают к ней черную собаку, а потом, волоча на длинной веревке перед собакой кусок мяса, понуждают ее тянуться за ним. Мандрагора выдергивается из земли, бедная собака издыхает, а у счастливого в руках оказывается этот волшебный корень...

— Что? — сказал я грозно. — Собака издыхает?.. Да я таких самих заставляю руками выкапывать!.. Нет уж, обойдемся без этого сгустителя астральной энергии или что там ему приписывают...

Он вскочил, зябко передернул плечами, но на глазах ожил, сказал быстро:

— Вы здесь гость, старый лорд велел вас оберегать и всячески угодать... ну, по мере сил, чтоб не чересчур.

— А чересчур, — спросил я, — это сколько?

— На наше усмотрение, — заверил он, — так что если пойдете смотреть на мандрагору, а то еще и выдергивать, то я, как покорный слуга герцога, пойду вас сопровождать!

Я сказал понимающе:

— Что, настолько обрыдло торчать, как петух на заборе?

— Еще как, — ответил он честно.

— Хорошо, — сказал я. — Пойдем. Не люблю сидеть без дела.

— А пировать? — спросил он.

Я отмахнулся.

— Это тоже не дело, а завершение дела. Пировать просто так... это позор. Пир должен быть только после победы!

Он послушно пошел следом, едва не наступая от усердия на пятки, хотя я спускался не так уж и важно, все равно никто не видит и не оценит.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Франк, Ваше Высочество.

— Иди вниз, — распорядился я, — и скажи во дворе, чтобы оседлали моего вороного и что-нить поплюгавее для тебя. А я пока поднимусь к себе, собаку надо взять.

Он ухмыльнулся.

— Это обязательно. Они жутко обижаются, если оставлять дома.

Бобик ринулся мне на шею, исцеловал, как-то почувствовал издали, что сейчас отправимся хотя бы в короткий поход, это же так интересно — видеть новые места!

— Даже кухню оставишь? — спросил я. — В самом деле преданный друг.

Он тяжело вздохнул, кухню оставлять всегда жалко, но что поделаешь, просторы зовут и кличут, нельзя не откликаться на их зов.

Глава II

Когда мы вышли во двор, Франк уже помогал седлать, не доверяя конюхам, крепкого буланого коня, где только и присмотрел такого красавца, а мой Зайчик стоит смирно, даже не замечая испуганного и напряженного как струна конюха, что держит его повод и делает вид, что это он отважно вывел этого зверя из конюшни.

Франк, завидев нас, ухмыльнулся и, затянув подпругу, лихо поднялся в седло. Зайчик подставил бок, я прыгнул в седло, не коснувшись стремени, как не похваляться, когда вон в окно выглядывают две женские мордочки, а Франк разобрал повод и крикнул:

— Эй там, морды!.. Открыть ворота людям.

Бобик, показывая, что он тоже людь, первым проскочил в щель, не дожидаясь, пока распахнут во всю ширь.

Я крикнул предостерегающе:

— Бобик, не туда!.. Шателлен подождет, сперва во-о-он туда, видишь там искорку?.. Или для тебя не искорка, я ее тоже сейчас не вижу, но там растет мантикора... тьфу, мандрагора.

Он недослушал, ринулся в ту сторону. Мы проехали через ворота, Франк оглянулся и недовольно пробурчал:

— Не нравится мне наш священник.

— Чего?

— Мог бы благословить на дорогу...

— А как у него служанка? — спросил я.

— Хороша, — ответил он в удивлении. — А что?

— Королева Маргарита, — сказал я, — правительница Наварры, как-то сказала, что легче расторгнуть сотню браков, чем разлучить одного священника с его служанкой.

Он ухмыльнулся.

— Это точно!

— Мне он тоже не понравился, — сказал я. — Зануда, а не воин.

Он удивился:

— Священник должен быть воином?

— Царство Божье, — сказал я патетически, — нужно защищать, как любое другое царство.

Он покрутил головой, для него это сложновато, да я и сам не знаю, зачем сказал, вообще идея свернуть с прямого пути в Шателлен для пока не так и нужного разговора с королем Бурнандии кажется все более неуместной.

А завтра, когда дурь пройдет и жалость к юному барону Джильберту еще повыветрится, уже могу и совсем передумать делать этот пока что лишний крюк. Сейчас нужнее знать, какую позицию занимает Найтингейл, чтобы увереннее разговаривать с Барбароссой, а не

подаваться мелким человеческим слабостям, оправдывая их высокими словами.

Кони пошли напрямик, оставив дорогу далеко в стороне. Бобик понесся вперед, опять же каким-то образом сообразив, что нужно туда и никуда иначе, только по дороге все же ухитрился изловить здоровенного толстого барсука и принес его, отчаянно брыкающегося.

Я указал взглядом на Франка, Бобик сунул ему прямо на седло, Франк едва успел подхватить, как Бобик умчался.

Барсук ухитрился вырваться, шлепнулся на землю, но Франк уже пришел в себя, пустил коня следом и молодецким ударом меча пригвоздил его к земле.

— Первый раз, — крикнул он, запыхавшись, — барсука мечом... Век учись, Франк, сотником станешь... А какой толстый!

Я выждал, когда подхватит добычу и привяжет позади седла, молча пустил Зайчика вперед. Дороги все еще нет, но уже видны отпечатки копыт, а дальше начали появляться и следы подошв.

Вскоре я рассмотрел далеко впереди некое строение, приземистое и продолговатое, словно конюшня на полсотни коней.

Встретили крестьянина, что несет со стороны леса на спине вязанку сухого хвороста. Я остановил его жестом, так же молча бросил серебряную монету.

Он ловко поймал свободной рукой, ею же сорвал шапку с головы и низко поклонился.

— Здравствуйте, благородные лорды! Сразу видно, что благородные, не жалеете монетку для бедного человека...

Я прервал:

— Скажи, в том направлении вроде бы растет мандрагора. Местные, думаю, все знают?

— Растет, — ответил он с поклоном.

— Но что там за домик? — спросил я. — Если мандрагора так страшна, то кто рискнул поселиться так близко?

Он ухмыльнулся.

— В этом домике, как вы изволили выразиться, поселились люди, которые умеют... Колдуны, проще говоря. А еще набрали себе туда народу для защиты, как говорят, хотя врут, конечно...

— Почему врут? — спросил я.

Он пожал плечами.

— А кто туда сунется? Не-е-ет, готовятся расширять свои земли. Потому и набирают сильных мужчин, дают им оружие... В нашу деревню тоже приходили, сманивали. Трое наших ушли, соблазнились большими деньгами и добычей.

— Даже добычей, — пробормотал я. — Ладно, иди. В самом деле, появилась сила посерьезнее, чем лорд Чедвик. К счастью, колдуны пока мелкие...

Крестьянин торопливо потащился дальше в сторону спрятавшихся в старом овраге хаток, Франк проводил его взглядом и спросил с надеждой:

— А откуда видно, что мелкие?

— Потому что мелкие, — ответил я. — Поехали.

Вдали раздался дикий нечеловеческий крик. У меня мороз пробежал по всему телу, а Франк выронил меч, повалился на конскую гриву и ухватился за горло.

Я успел перехватить повод его коня, тот в ужасе собирався помчаться прочь, а Франка похлопал по плечу.

— Очнись!.. Все кончено.

Он с трудом разогнулся, лицо белое, глаза полны паники.

— Это кричал, — прошептал он слабо, — корень мандрагоры... Они все-таки выдрали ее из земли...

— И что, — сказал я, — будут варить настойку?

Он прохрипел:

— Если там колдуны, им проще черпать из нее чародейскую мощь вот так сразу...

— Это нехорошо, — сказал я. — Поехали, теперь хоть посмотрим.

— Если покажут, — ответил он с тревогой. — А то и по шее могут дать. Сила делает человека наглым и спесивым.

Я возразил с достоинством:

— По шее и мы можем дать. С нами лучше не задиаться. Ты же герой?

— Герой, — пробормотал он. — Мной хоть забор подпирай.

С каждым конским шагом я убеждался, что домик, как я его называл, на самом деле, конечно, не домик, а сейчас уже нечто больше похожее на огромный барак, сложенный из бревен, что, понятно: так строить быстрее, чем громоздить камень на камень.

Три костра перед бараком с этой стороны и два с той, это значит, народу здесь в самом деле немало. Вот так и появляются новые феодалы: сперва захватывают ничтожный клочок земли, которым другие хозяева брезгают, укрепляются, расширяются, пока им это позволяют, снова укрепляются, а потом оказывается, что их не так просто выкурить, а еще спешат к королю с подарками, заверениями в преданности и верности, обещают служить верно, и король обычно дарует им право жить и платить налоги с тех земель, которыми владеют...

Бобик ждет нас, не приближаясь к кострам, уже знает, как себя вести. В разборки людей вмешиваться нельзя, там все глупо и непонятно, зато когда демоны или звери — тогда ура, можно себя показать...

При нашем приближении сразу несколько человек поднялись от костров и, взяв в руки копья, наиболее

неприятное оружие для всадников, загородили дорогу к барaku. Все выглядят не просто отвратительно, а омерзительно, худший сорт разбойников, что ищет вожака поподлее, что сплотит их в шайку и поведет на грабежи.

Я вскинул руку.

— Тихо, тихо... Мы с миром.

Один из разбойников, грязный и оборванный, сказал дерзко:

— А вот мы — нет.

И захохотал, остальные тут же поддержали. Кому-то в самом деле показалось удачной шуткой, другие загоготали громко и противно, всегда чужакам нужно показывать сплоченность и силу.

Франк указал мне взглядом в сторону. Там вытянулась явно мертвая крупная черная собака, от ее шеи тянется длинная веревка, а два человека в темных плащах и с низко надвинутыми на лица капюшонами уже освобождают от петли крупный корень длиной почти в ярд, похожий чем-то на раздвоенный огурец неприятного бледного цвета.

— Гостей так не принимают, — указал я с укором.

Из барака вышел еще один в плаще, из-под низко опущенного капюшона виден только массивный подбородок с белесым шрамом слева.

— А мы не принимаем гостей, — сказал он резко. — Оставьте коней и уходите!..

Разбойник, который разговаривал со мной, злорадно хохотнул.

— Слушали? Наш господин оставляет вам шкуры.

Второй добавил угрюмо:

— Пользуйтесь, пока он добр...

Франк поглядывал на меня, в его лице не вижу страха, мы же на конях, а я медленно пустил Зайчика вперед.

Разбойники расступились, я подъехал к этому, которого называли хозяином, он не дрогнул, только быстро зыркнул в сторону Адского Пса, тот идет рядом с арбогастром, но даже не скалит зубы.

— С гостями так не разговаривают, — упрекнул я. — Ты разве не знаешь, что под видом странников по земле иной раз бродят боги?

Он ответил грубо, не поднимая головы:

— Сейчас уже не бродят...

Его руки поднялись разом, как механические, в ладонях появилось пламя.

Франк крикнул отчаянным голосом:

— Берегись!

Я выдернул из ножен меч и молниеносно рубанул по закапюшоненной голове. Послышался звон, руку трянуло, словно ударил по каменному валуну, однако раненый вскрикнул страшным голосом, отшатнулся к стене барака.

Вторым ударом я все же рассек ему лицо, щедро плеснула кровь, а сбоку слышался отчаянный крик Франка:

— Уходим!.. За мной!..

Я быстро взглянул в сторону, там из боковой двери выбежали еще двое таких же черных монахов, от костров уже все разбойники вскочили и ухватились за оружие.

— Бобик, — крикнул я, — за Франком!

И все-таки пришлось еще несколько раз рубануть в обе стороны, освобождаясь от рук, вцепившихся в седло и мои ноги, а затем догонять Франка.

Он понесся почему-то, обогнув барак, в противоположную сторону, словно уводя возможную погоню от замка лорда Карвина Хрутера, герцога Сафкердского и Унерольдского, знатного, но уже недостаточно

сильного, чтобы оборонять замок даже от этих неожиданных соседей.

Я догнал, увидел, что он мастерски управляет конем только ногами, в одной руке меч, а пальцы другой руки сжимают неприятно белесый корень мандрагоры!

— Когда ты успел, — сказал я пораженно, — ну ты и жук...

— А что, — крикнул он, — мы зазря ехали?

На ходу переложил драгоценный корень в сумку, ухватил повод. Мне показалось, что впереди наметился берег реки, спросил быстро:

— А это зачем?

— Там земли лорда Чедвика, — пояснил он. — Пусть думают, что мы его люди.

Я покрутил головой.

— Ну ты и жук... В самом деле быть тебе сотником!

Он оглянулся, лицо начало мрачнеть, сказал зло:

— Так у них там и кони... Быстро же собрались!

Он пришпорил коня, арбогастр догнал с легкостью, хотя Франк гонит своего во всю прыть. Приблизился берег, Франк почти не сбавил скорости, пустил коня вниз к воде, выбрав свободное от зарослей камыша место.

Бобик снова забежал вперед и растерянно гавкнул. Франк соскочил, крикнув:

— Здесь где-то лодки...

Я медленно потащил из-за спины лук, наложил стрелу и ждал. Когда на гребне появились первые всадники, осаживающие на полном скаку коней, выпустил три стрелы, больше не успел, еще до того, как двое рухнули на землю, а третий упал на конскую гриву, остальные умело заставили коней попятиться.

Через несколько минут напряженного ожидания послышалось хлюпанье, Франк проломился через камыш, волоча лодку.

— Ваше Высочество!.. Садитесь!

Я нехотя покинул седло, не стоит выказывать все умения, сказал арбогастру и Бобику:

— Покажите, что и вы умеете плавать...

Франк уже сел на весла. Я с силой оттолкнул лодку от берега, запрыгнул, а Франк усиленно заработал веслами. Всадники снова появились на гребне, теперь там и двое в черных плащах с низко надвинутыми на лица капюшонами.

Некоторые соскакивали с коней и торопились к воде, другие заставили коней спуститься по достаточно пологому берегу, все орут и размахивают оружием, только черные монахи, судя по их виду и движениям, плетут некие заклинания.

Франк изо всех сил работает веслами, и когда разбойники вбежали в воду, лодка ушла от берега на сотню ярдов. Некоторые вскинули и опустили луки, другие ринулись в камыши.

— Ищите, ищите, — закричал Франк.

Я всматривался в толпу, что быстро накапливается на берегу, не все беснуются в бессильной ярости, некоторые чего-то ждут молча, и от нехорошего предчувствия у меня начало сводить зубы.

Франк, несмотря на победные вопли, веслами орует вовсю. Наши двое коней и Бобик плывут впереди, поглядывая на далекий берег, а на покинутом народу все больше, некоторые вошли в воду до коленей.

— Все, — закричал Франк весело, — мы ушли!..

— Если только не отыщут лодки, — сказал я.

Он сказал победно:

— В камышах еще три!... Но я всем прорубил днища.

Глава 12

Разбойники кто потрясает копьями и мечами, кто поднимает лук, то один, то другой вбегает в воду, но все останавливаются, когда та поднимается до колен, а дальше всем видно, как резко понижается дно.

К нам донесся сквозь плеск воды под веслами дикий крик:

— Все назад! Все на берег!

Разбойники выскочили обратно, несколько человек торопливо вытолкали на воду спрятанные лодки, в них сразу же набилось народу, и уже начали отплывать от берега, когда и нам стало видно, как быстро опускаются борта.

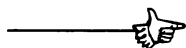
С проклятиями они быстро развернулись и едва-едва успели вернуться на мелкое, как лодки под их весом ушли на дно.

Там орали, выкрикивали ругательства, судя по жестикации, но мы отдаляемся достаточно быстро, уже на середине реки, и уверенно идем к противоположному берегу.

Я видел, как один из черных монахов присел у воды и прокричал прямо в нее что-то тонким пронзительным голосом. Я оглянулся на Франка, тот замолк, только уключины скрипят, весла гнутся, зачерпывая воду щедро, я поглядывал то на него, то на берег, и не сразу понял, почему вдруг там заорали так радостно и кровожадно.

Черный монах вошел в воду, так мне показалось, однако почему-то не стал ниже, все тот же рост, сделал еще пару осторожных шагов... Сердце мое застыло: под его ногами уже лед, видно, как тонкая кромка бежит впереди, утолщаясь так, чтобы выдержать вес крупных мужчин в тяжелых доспехах.

— Быстрее! — прокричал я в страхе. — Сейчас догонят!

Весла скрипят надсадно, такое же надсадное дыхание у Франка, теперь он и сам себя поторапливает в ужасе, а ледяная кромка гонится за нами, и уже видно, что с ее скоростью скоро нас догонит...

Я наложил на тетиву стрелу, Франк оглядывался на берег, куда указывает нос лодки, лицо стало сперва растерянным, не успеем, уже видно, вдруг бросил весла и, обнажив меч, прокричал с подъемом:

— Так дадим же бой!

Но судя по его мрачному лицу, и сам понимает, что с такой толпой, за спиной которой черные колдуны, сражаться бесполезно, от воды уже тянет смертельным холодом, вот-вот превратится в лед.

Я поднял лук и приготовился быстро-быстро выпустить стрелы, но глаза мои не отрывают взгляда от этой жути, когда от берега в нашу сторону стремительно разрастается льдина с тонкими, как острия ножей, краешками.

Толпа с берега начала спускаться на лед почти неспешно, выжидая, пока тот станет толстым. Следом сошли монахи, их трое, но один быстро обогнал разбойников и пошел впереди.

Все двигались сперва с неуверенностью, но вон то один, то другой, осмелев, даже подпрыгивает и бьет каблуками в лед, пробуя на крепость.

Я задержал дыхание, быстро оттянул тугую тетиву до уха и направил стрелу в горло черного монаха. Вторую и третью выпустил до того, как первая попала в цель, но задние монахи закричали, и разбойники разом подняли щиты, большие, плетенные из лозы.

Франк зло выругался, я стиснул челюсти в бессильной ярости. Стрела пробьет такие щиты с легкостью, но сложность в том, что приходится стрелять наугад,

а вслепую стрела либо ранит, либо вообще протыкает щит рядом с телом.

Тонкий лед догнал лодку, некоторое время она еще неслась, с хрустом ломая прозрачную корочку, но вскоре пошла медленно, скрипя и пробивая лед, наконец дернулась и замерла, как лягушка во льду.

Один из разбойников чуть приподнял голову над щитом и крикнул с торжествующей усмешкой:

— Не ждали?

— А ты? — спросил я.

Стрела ударила его между глаз, он повалился навзничь молча, только ногами задрыгал. Остальные заорали и, не опуская щиты, сквозь щелочки видят нас хорошо, бросились к лодке.

Франк заорал, потрясая мечом:

— Приди и возьми нас!

Черный монах крикнул своим воинам:

— Все слышали? Идите и возьмите их. Кстати, живые они мне ни к чему.

Разбойники сперва двигались расширяющимся клином, но когда лодка надежно вмерзла в лед, с хохотом и веселыми шуточками сперва взяли нас в кольцо, потом пошли неспешно и осмотрительно приближаясь сразу со всех сторон.

Франк выругался.

— Труссы!.. Числом берут!

Я стиснул рукоять меча, ничего не идет в голову, только лихорадочно крутятся заклинания из книги Уэстефорда, которые я тогда выучил, но так и не применял, ибо грешно и постыдно для рыцаря, даже сейчас ни одного подходящего, хотя черт с ними, подходящими, в таком положении подойдет все, что угодно...

Франк испуганно дернулся, когда я сказал в злой тоске:

— Гореть мне в аду... но куда денешься?.. Именем Гекаты Ночного Огня... я, сэр Ричард, от своего имени призываю! Помоги, спаси и заведи в жертву этих людей. Я беру на себя ответственность за их жизни, данные им Господом...

Сильнейший жар охватил меня, я ощутил, что сейчас сгорю, и поспешно бросил от себя обеими руками это страшное нечто, что сожгло кожу на руках и как раскаленный металл потекло в мои внутренности.

Они уже окружили лодку, Франк не стал дожидаться нападения и первым прыгнул через борт навстречу, где и нанес удар. Клинки сшиблись с хрустальным звоном.

Со всех сторон прозвучал страшный треск, словно лопаются стены монолитного замка, сразу же прозвучали истерические вопли, полные ужаса и страха.

Лодка дрогнула и закачалась, грозя перевернуться. О борта с сухим шорохом скребутся обломки льда, а разбойники с дикими криками исчезают среди них.

Лед, как я понял с ужасом и пустотой в сердце, не просто стремительно тает, но превращается в пар. Через борт перевалился Франк, мокрый, с выпученными глазами, весь ошалевший и вздрагивающий.

Единственный, кто уцелел, это был черный колдун. Он, повернувшись, моментально сообразив, что стряслось, и ринулся к берегу. Я торопливо подыскивал еще заклинание, но не нашел, поспешно поднял лук, однако истончившийся лед под колдуном проломился, он с разбега ушел под воду, а дальше, как я видел, его занесло под лед дальше по реке и понесло по течению.

Франк поднялся и сел на дне, его трясет, одежда мокрая, от нее пар, успел окунуться в горячую воду, на меня посмотрел с ужасом.

— Ты как? — поинтересовался я.

Он зыркнул на меня снизу вверх, губы прыгают, ответил, бурно дыша всей грудью:

— Я как-то больше люблю убивать драконов, огров, саламандр, василисков, горгон, гарпий... и прочих чудовищ!

— А много убил? — поинтересовался я.

Он ответил с тем же апломбом:

— Пока ни одного, но все впереди!.. А вот убивать демонов не люблю. После них ничего не остается! А у нас так, если голову не повесить в зале на стене, то кто поверит?

— А демонов много убил?

— Тоже не приходилось, — признался он. — Я вообще думал, что это страшилки для детей. Чтобы засыпали быстрее, а то придет и сожрет... Но теперь, когда увидел вас, сэр Ричард, я верю, что они существуют!

— Ну спасибо, — буркнул я. — Ладно, бери весло. А то течение хоть и слабое, но снесет к морю-океану.

Он схватил весло, второго не отыскалось, сказал торопливо:

— Нет-нет, не то чтобы вы очень уж похожи, просто у вас вид такой!

— Демона?

— Истребителя демонов!.. Вы герой, да?

— Это мы сейчас проверим, — пообещал я. — Когда выберемся на тот берег, а там люди лорда Чедвика...

Он принялся мучительно медленно грести, словно стоит в каное, одним веслом, перекидывая лопасть с одного бока лодки на другой.

— Опять люди, — сказал он с тоской. — Куда не пойдешь, везде люди... Может быть, лучше к драконам? Или к демонам?

— Так их же не бывает, — напомнил я.

— Тем более, — сказал он уже бодрее. — Поищем!.. Пока ищем, согреемся... Ваше Высочество, я никому-

никому!.. Рот на замок, даже не пикну!.. Думаю, хоть вы и консорт, но и вам, наверное, все же колдовать запрещено...

— Спасибо, друг, — ответил я нервно, — но Бог все видит, заставит на том свете раскаленную сковороду лизать...

— Но вы же во спасение, — возразил он, — а во спасение можно! Бог же не совсем дурак...

— Но я в их погубление, — ответил я. — Может быть, из них бы моцарты да бетховены получились?.. Да занятия музыкой или искусством ума не надо, могут и такие... а я вот одним махом!

— Как мух, — подтвердил он. — Мне бы так погулять. А потом и в ад можно. Там такого еще как уважать будут.

На том берегу два коня и Бобик стоят по колени в воде и смотрят с ожиданием, Франк уже не просто согрелся, от одежды пар, наконец лодка приблизилась к мелководью, я выпрыгнул, расплескивая воду, схватил лодку за нос и встал на берег, скрипя днищем по песку.

— Ну вот, вроде бы запутали след...

Он бросил весло обратно в лодку, покачал головой.

— А как обратно?

— Придумаем, — ответил я бодро. — Что, тут совсем дикость и живете без мостов?.. Или паромной переправы?

— Паромной нет, — ответил он, подумав, — но полмили вниз по течению знаю одного...

— Что там?

— Плот. Он огромный! Хозяин ухитряется перевозить даже скот с берега на берег!

— Ну вот и отлично, — сказал я. — А это вот там что, замок лорда Чедвика?

Он кивнул, даже не посмотрев в ту сторону.

— Его.

Замок лорда Чедвика пока еще не замок в классическом смысле, а просто массивный каменный дом, но громадный, где может размещаться, хоть и без удобств, достаточно много народу.

Я оглянулся на Франка, он старается держаться бодро, но все равно время от времени вздрагивает, видно, как переживает, снова и снова вспоминая эту жуткую сцену, когда река на пару сот ярдов покрылась льдом.

— В наших краях, — проговорил он осевшим голосом, — отродясь магов не было... Откуда они?

— Магами не рождаются, — ответил я нехотя. — Что-то нашли, чему-то научились...

Он вздрогнул.

— Они бы так постепенно захватили замок лорда Чедвика, замок старого герцога... а потом и королевство?

— Вряд ли, — ответил я, — мелких колдунов на свете хватает, но у мелких нет силы, а крупных... кто-то держит на привязи. Во всяком случае, нигде маги не захватили власть над миром. Почему?.. Все говорят, что магам это неинтересно... Да, конечно, верю, но всегда найдется один-другой не шибко умный, кому это интересно...

— Найдется, — подтвердил он. — Сила одно, ум — другое.

— Значит, — сказал я. — Кто-то или что-то им не дает этого сделать. Ничего, когда-то узнаем.

У ворот замка графа Чедвика люди торгуют всяким скарбом, а также булками из белой муки, пирожками, медом в глиняных горшочках. Мои ноздри уловили свежий запах хлеба, недавно испекли, все выглядит мирно, даже двое стражников, что должны охранять ворота, оставили там копья прислоненными к стене и ходят по рядам, прицениваясь к товарам.

Франк прошептал:

— Прекрасно... Можем пройти в ворота, никому не давши в морду.

— Да, — пробормотал я, — но я человек осторожный и подозрительный... гм, наверное, потому и попадаюсь, как ворона в сети...

Он переспросил:

— Ворона? Какая ворона?

Я тихонько взял камешек и без замаха щелчком отправил его на склон рядом с воротами. Там покатился целый ручеек щебня, а все торгующие моментально выхватили из одежды мечи и встали в боевую стойку, разом сомкнув ряды.

Охранники, не обращая внимания на свои длинные бесполезные в ближнем бою копья, выдернули из ножен мечи, а в приоткрытых одеждах я увидел, что под ними стальные доспехи.

Франк тихонько охнул.

— Теперь знаю, кто ворона...

— Тихо, — сказал я. — Значит, лорд Чедвик не такой уж и дурак. Готов к ответной атаке со стороны герцога и даже провоцирует, намеренно демонстрируя слабость и беззащитность...

— Додумался, гад!

— Попробуем, — сказал я, — другой вариант.

— Значит, они тут... ждали?

— Тихо, — велел я.

Он замер, видя, как я корчу гримасы и двигаю бровями, заклинание Уэстефорда не слишком сложное, но длинное, надо сказать безошибочно, и я начал говорить медленно, постепенно повышая голос для силы удара, а на последних слогах поднялся из укрытия, выбросил перед собой ладони и закончил:

— ...аракаттух!

От ладоней ударили две тугие струи пламени, как из огнемета. Всех торговцев расшвыряло, как сухие листья. Огонь охватил их одежды, орут и катаются по земле, только оба стражника мудро бросились бежать, однако их верхняя одежда тоже пылает, бегут как живые факелы.

Я подумал с раскаянием, что если им не помогут загасить, то так и сгорят по-дурачки, но нам некогда, а больше здесь пока никого.

Когда огонь и дым рассеялись, Франк ахнул в восторге: дверь внесло мощным ударом вовнутрь, словно великан шархнул дубиной.

— Сейчас, — закричал Франк в восторге, — мы всех порвем!

Я чувствовал, что ноги едва слушаются меня, в теле дикая слабость, а в желудке пустота и тянущее чувство голода, словно не ел целую неделю.

Франк оглянулся, сказал в тревоге:

— Ваше Высочество, всего себя отдали?

— Дык шкуры спасали, — буркнул я. — Ладно, поворачиваем.

Он оглянулся на выбитые ворота.

— Но... как же... там паника! Можно все выгрести!

— Это не наше дело, — сказал я слабым, но твердым голосом, — я паладин, а не простой рыцарь, который стоит за своего господина, даже если тот последняя сволочь. А паладины — за справедливость...

— Ну дык...

— А кто здесь прав, — закончил я, — не знаю. Потому возвращаемся. Все, я сказал!

Глава 13

Обратный путь занял полдня: пока отыскиали того сметливого мужика, пока сторговались, а он пригнал плот, Бобик и арбогастр не понимали, зачем эти слож-

ности, что им река, но я указал взглядом на усталого коня Франка, сил не хватит доплыть еще и обратно, а нам пока не стоит раскрывать свои возможности, мы же скромные.

Но Франк молодец, бывалость чувствуется не только в его умении отважно встречать опасность, но и в житейской мудрости. Когда мы, оставив замок лорда Чедвика в покое, возвращались, он сказал со вздохом:

— Кто щадит преступников, тот вредит честным людям...

Я посмотрел на него с уважением.

— Ты прав. Но только мы не знаем, преступник ли Чедвик?.. И хуже ли будет крестьянам под его властью, чем сейчас под рукой старого лорда, ревнителя старых традиций и собственного суда по своему нраву?

Потому, как сказал Господь: не судите, да не судимы будете...

Франк пробормотал угрюмо:

— Мало ли что он сказал в минуту усталости.

Я перепросил ошарашенно:

— А что не так?

— А в другой раз, — пояснил он, — когда был бодрее, изрек, что не мир принес, но меч! И судить, сказал, всех вас, гады, буду без всякой жалости.

Я развел руками.

— Тогда возвращаемся поскорее. А то и эту отлучку засчитает нам в вину. Скажет, развлекались!.. Кстати, что с мандрагорой делать будешь?

Он сказал с восторгом:

— Это же такое сокровище!.. Сразу и не перечислить, что она может!.. Начиная с того, что Лия и Рахиль зачали от Исаака благодаря мандрагоре, Соломон с ее помощью клады находил для постройки Храма и умным стал, когда кусочек сжевал, но второй не стал, чтобы от большого ума не рухнуть, все бабы будут

твои, а уж навредить может так, что никакой колдун не придумает...

Я поежился.

— Какая гадость.

— Гадость, — согласился он. — Если в чужих руках. Но в моих — можно!.. Ой, что там за... Ваша милость, это гигантские волки! Откуда, их в этих краях сто лет не было...

В его голосе прозвучало такое отчаяние, что я схватил лук и наложил стрелу раньше, чем рассмотрел этих волков. В самом деле громаднейшие. Не волки, а не знаю что, но волки. Франк выхватил меч и, пригнувшись, ждал нападения с тем выражением лица, когда твердо уверены в скорой гибели и хотят лишь продать жизнь подороже.

Я выхватывал стрелы, накладывал на тетиву и ментально отпускал, держа взглядом цель. Франк двигался все замедленнее, словно в плотной воде, но это значит, что я ускорился, руки двигаются с такой скоростью, что чувствую сопротивление воздуха, стало жарко, но эти твари все выпрыгивают из-за деревьев...

Как из-за стены донесся голос Франка:

— Их слишком много!

— Лезь на дерево, — велел я.

Он прямо с седла прыгнул на дерево, ринулся к ближайшему, взлетел до середины ствола со скоростью белки, а оттуда прокричал:

— А как вы, сэр?

— Мишени кончились, — ответил я и, выпустив еще одну стрелу, убрал лук за спину. — Это были последние.

Он крикнул с великой обидой:

— Так зачем вы меня... на дерево! Я штаны порвал...

— А чтоб смешнее, — пояснил я. — У меня такое странное чувство юмора. Для особо посвященных.

Волки усеяли собой поляну, еще больше мертвых тел на ее опушке, где закрыли серыми телами траву и прижали к земле кусты. Пока я осматривал тела, слишком крупные и массивные для рядовых волков, Франк кое-как слез с дерева. Штаны не просто порвал, а изорвал, но я даже не ржанул, беспокоят странные волки, что хороши именно для яростной схватки, но не охоты или жизни в стае.

— Где-то поблизости есть колдун? — спросил я.

Он ответил, запыхавшись:

— Нет. Но колдуны редко творят непотребства там, где живут. Эту стаю мог наслать тот, кто далеко за лесом.

Я пробормотал:

— Ничего, всех возьмем на учет, перепишем, установим повышенную ставку налога... Пару добавочных податей, чтобы колдовать было не сладко...

Он смотрел с недоумением.

— Ваше Высочество... А не проще ли на костер?

— Проще, согласился я, — что весьма и делаю. Народ любит праздники!.. Но все-таки народ должен работать. А колдуны — это наиболее головатая и неспокойная часть населения, то есть людей. Жечь их — интересно и приятно, но все-таки расточительно для экономики и народного хозяйства, что должно быть плановым и ориентированным.

Он раскрыл рот.

— Так как... жечь или не жечь?

— Жечь, — сказал я твердо. — Которые не сумели спрятаться. А кто поумнее, тот сумел, эти, как понимаешь, еще умнее. Их и будем переориентировать с бунта и непродуктивного мятежа на продуктивное сотрудничество с властью в моем исполненном благородства и внутреннего величия лице.

— А-а-а, — сказал он, — тогда понятно.

Интонация мне как-то показалась не той, переспросил с подозрением:

— Что понятно?

— Ничего, — ответил он честно и посмотрел преданными глазами, — вам попробуй повозражай! Вы же у нас умный, талантливый, решительный!

— Вообще-то, да, — согласился я скромно, — а еще и гениальный.

— Оно точно, — подтвердил он. — Я как погляжу, так и понимаю!

Смотрит с таким восторгом, что язык не повернется назвать дураком, потому что всем хорошо известно, что все, кому не нравимся, — дураки набитые, а кто от нас в восторге... тот, понятно, и сам умен, проницателен...

Ворота открыли, едва завидели нас, старший из стражей крикнул обеспокоенно:

— Вас целый день не было, старый лорд беспокоится!

Я оглянулся на Франка, он уже прикрыл корень плащом и делает вид, что погулять выходили, бабочек смотрели.

— Это мы аппетит нагуливали, — объяснил я.

Он хмуро ухмыльнулся.

— К обеду опоздали, теперь ждите ужина. Но вообще-то на кухне что-то да осталось, раз ваша собачка была с вами... Эх, опоздали!

Бобик, миновав линию ворот, пошел стремительными скачками и моментально исчез.

Я сказал Франку:

— Ничего, в моей комнате немного осталось. Пойдем, угошу.

Я быстро накрыл стол, не мудрствуя слишком, но все равно приятно смотреть на вытаращенные глаза и открытый рот при виде изобилия бесподобно при-

готовленного мяса, а когда попробовал вина, так и вообще сказал завистливо, что хорошо бы побыть старым лордом хотя бы сутки.

— А там можно и в ад, — закончил он неожиданно.

— Это зачем же? — спросил я.

Он поднял кубок ко рту и посмотрел на меня поверх края.

— Ваше Высочество, вас же не пугает?.. А за колдовство туда непременно, как говорит священник.

— Все верно, — согласился я, — но Господь всегда дает возможность загладить вину, исправиться, искупить... К примеру, какой бы плохой проступок ты не совершил, все равно ангелы ждут сто восемьдесят часов, давая тебе время осознать и постараться исправить содеянное. И если ты успеваешь, то твой грех вообще не заносится в список.

Он посмотрел на меня пристально.

— Кажется, догадываюсь... Но сто восемьдесят часов уже прошли... или пройдут после того, как вы спустились в склеп.

Я насторожился.

— А почему я должен спускаться?

— Двери открылись вам, — ответил он. — Я знаю, все об этом только и говорят. А раз открылись, вы все равно не утерпите... И либо ведьма вас, либо вы ее, но в любом случае на небесах вам засчитается победа.

— Но я же не успел...

— Да, — согласился он, — уж как пить дать, все запишут. Но потом можно и зачеркнуть! А сверху надписать, что для искупления сделано то-то и то-то.

Я криво усмехнулся.

— Хорошо рассуждаешь. Будто и не солдат.

— Я не родился солдатом, — ответил он мирно. — Просто как-то понял однажды, что можно жить не так тяжело, как получалось. И если опуститься до просто-

го солдата, то в чем-то жить будет легче... В общем, какая-то помощь нужна?

Я пожал плечами.

— Вряд ли. Я сам не знаю, что будет.

Небо в страшных черных тучах, рваных и в зловеще ярких ямах, через которые пугающе пристально смотрит луна.

Я поежился, Франк ввалился в мои покои довольный, от него пахнет не только вином, но и ладаном, сказал с подъемом:

— Отец Коклепий клянется, что знает, как правильно нарисовать пентаграмму и как расставить свечи!

— Клясться нехорошо, — укорил я. — В самом деле клялся?

— Нет, но почти, — сказал он. — В общем, помогать отказался, но я запомнил все из того, что не забыл. А если что и перепутал, то стоит ли обращать внимание не мелочи?

— Правильно, — одобрил я нервно, — мелочиться — не по-мужски. Пойдем в склеп, пока не забыл остальное.

Перед дверью я притормозил, вдруг пропустит только меня, Франк вообще задержал дыхание, а когда я открыл дверь, собрался с силами и прыгнул с такой скоростью, что в самом деле могло бы не успеть перехватить.

Он упал, перекатился через голову и вскочил достаточно красиво, хотя и оглянулся испуганно, будто дверь могла незаметно отхватить у него что-то очень важное.

— Слава... сэръ Ричард, а здесь можно упоминать имя Господа?

— Можно, можно...

Он огляделся с расширенными глазами.

— Боже, как строили, как строили...

— Ничего особенного, — сказал я, — давай рисуй, Микеланджело.

— Какой еще Микель, — сказал он обидчиво. — Шас свечи так расставляю, что никакой Микель не сумеет. И чтоб линии ровнее... Или сперва линии, не помню... Ладно, потом переправлю.

Свечей он принес не меньше трех дюжин и все расставил на полу. Пока я рылся в памяти, стараясь отыскать подходящую по случаю молитву, он ползал на коленях с зажженной свечой и зажигал от нее остальные.

— Вот, — сказал он наконец и поднялся, — готово, святой сэра паладин!

Я оглянулся.

— А где пентаграмма?

Он вздохнул.

— А может, без нее обойдетесь?

— Может, — ответил я, — но раз пришел, рисуй. А я критиковать буду.

Он проследил за моим взглядом, горящие на полу свечи выглядят страшновато, и наши лица, подсвеченные снизу, кажутся мордами чудовищ.

На какой-то миг мне даже почудилось, что это не то души, не то горящие свечи в руках мертвецов, зрелище отвратительное, пугающее и страшное.

— Полагаете, отпугнет?

— Вряд ли, — признался я, — просто не люблю темноту.

— Да кто ее любит...

Я посмотрел на гроб, Франк едва шею не вывихнул, стараясь не смотреть в ту сторону.

Я подумал, предложил:

— Знаешь, до ночи еще несколько часов. Я не собираюсь тут сидеть все это время.

Он воскликнул:

— Я тем более!

— Тогда пойдем, — сказал я. — Приду в полночь. Я хоть и простой консорт, но все же принц, а она всего лишь графиня. Кто кого должен ждать?

Он сказал нерешительно:

— Но она все-таки женщина...

— Но ведьма!

— А если ведьма, то у нее что-то из важного для нас не так?

— Я демократ, — огрызнулся я. — Это значит, что уже и не мужчина, раз за равноправие полов и всеобщее равенство. Пойдем-пойдем, а то оставлю одного.

Он вспикнул и ринулся к двери. Я шел державным шагом, стараясь не реагировать на ведьму в гробу, и приблизился к двери, когда Франк уже взмок от отчаянных попыток ее отворить.

Дверь за это время снова стала одним целым со стеной, ни единого зазора, только и того, что дверная ручка торчит как бы прямо из каменной глыбы.

Я взялся за холодную медную рукоять, нажал. Дверь с некоторым скрипом, не весьма охотно, но открылась достаточно послушно и безропотно.

Франк выскочил, хватаясь за сердце, оглянулся, глаза дикие.

— Господи, страсти какие!

— Иди отдыхай, — велел я.

— Да я теперь вовек не засну!

— Тогда двойное спасибо, — сказал я.

Он дернулся, спросил испуганно:

— За что?

— Ты пришел по своей охоте, — ответил я.

Он хмуро ухмыльнулся на пороге:

— Знал бы, не пришел.

В своей комнате я с жадностью осушил большую чашу воды, в теле все еще гнездится некое потрясение,

применение колдовства, оказывается, высасывает все силы...

Или это только у таких неучей, потому что тогда престарелый Уэстерфорд после каждого заклятия превращался бы в труп, но если он жив, то либо не колдует, что невероятно, либо как-то защищен? Либо черпает силы не из себя, а откуда-то еще...

На столе молитвенник, который мне нужно взять с собой в склеп. По крайней мере священник полагает, что мне понадобится.

Я нехотя подошел к столу, что-то с этой книгой не совсем так, как было. Вроде бы та же самая, древняя и потрепанная, желтые и с обтрепанными краями страницы, но в прошлый раз переплет был из старой вытертой кожи, а сейчас отчетливо вижу латунь, пусть такую же вытертую за сотни лет частыми прикосновениями.

Я осторожно провел рукой. Кончики пальцев ощутили то, что не увидел глазами, а уже потом я рассмотрел имплантированные в металл мелкие камешки, драгоценными не назовешь, а так, полудрагоценные, а то и меньше.

Поколебавшись, провел над ними ладонью, ничего не произошло, осторожно начал прикасаться к камешкам, задерживая дыхание от непонятного страха, не сразу сообразил причину нервозности: одни камешки остаются мертвыми, другие как бы чуть погружаются в металл, третьи непонятно чем покалывают в кончики пальцев, а от некоторых странное тепло...

Прислушавшись, уловил даже, что некоторые попискивают, как мышата, только не настоящие, а некие комариные мышата, на грани слышимости, а вообще-то, я, наверное, уже могу улавливать кое-какие звуки и за гранью, что называются ультра...

Мелькнула ироническая мысль, что да, уже король, у меня и способности должны расти, как все было бы просто, но только, думаю, и здесь все не так, а открывается только тому, кто старается и роет в нужном направлении.

Камешки, когда их касаешься, как будто выпискивают некую мелодию, но это, если нажимаю верно, чаще получается нечто фальшивое, иногда удачно, но все равно тихо, так что никого не разбужу, если буду играть, скажем там, долго.

Дверь за моей спиной тихонько приоткрылась, я поморщился, никак не привыкну, что здесь нет манеры предварительно стучать, только если строго-настроено предупрежу, а от двери прозвучал нежный голосок:

— Сэр Ричард...

Я торопливо оглянулся и вскочил, ругая себя, что совершенно забыл. Леди Карентинна решила принести себя в жертву и спасти меня от чего-то там, сделал ликующее выражение лица, поспешно развернулся к ней и шагнул навстречу.

— Ах, леди Карентинна!

Ее щеки полыхают румянцем, в глазах сильнейший стыд, на меня смотрит умоляюще.

— Сэр Ричард, я, конечно, делаю ужасающую глупость...

Конечно-конечно, подтвердил я с готовностью, но вслух воскликнул патетически:

— Леди Карентинна, если бы вы не пришли, я бы не дожил до утра!.. Изнывая в муке сладкой... ах, леди Карентинна!

Она, стесняясь и робея, позволила провести себя до постели, а там, пунцовая, как молодая красная роза, пролепетала:

— Погасите хотя бы свечи...

— Ах да, — воскликнул я шепотом, — это я так ослеплен вами, уже в глазах темно...

Быстро задул их все, подумаешь, и без них все хорошо вижу, пусть и не в красках, помог ей лечь, испуганной и трепещущей, и приготовиться. Вообще-то, при всем страхе и некой не до конца понятной мне отчаянности поступка есть и некий резон. Хотя опять же, пока что сложный для моего понимания, у меня голова забита как книгой, так и предстоящим визитом в склеп.

— Расслабьтесь, леди Карентинна, — сказал я, — дышите глубже и ни о чем, как обычно, не думайте... Думать вообще вредно, от этого морщины. Правда, только на лбу, их можно прикрыть прической... но такие еще не созданы. Давайте помогу распустить волосы...

Женщина с распущенными волосами всегда выглядит эротично, во всяком случае в моем восприятии, само слово «распущенная» пошло от распущенных волос, которые ни в коем случае нельзя было показывать посторонним мужчинам...

Я посмотрел на нее с задумчивой нежностью.

— Все определяет среда, леди Карентинна. Поэтому у ангелов, порхающих в небесах, красивые крылья; у ангелов, ступающих по земле, как я сейчас вижу, красивые ноги.

Она вскрикнула, застеснявшись:

— Сэр Ричард! Как не стыдно!

Глава 14

То, что Адам и Ева сожрали плод запретного древа, — акт личного непослушания, не имеющий последствий для последующего человечества. И хотя их

поступок и повторяют люди, но грех каждого — его личное дело.

И не существует никакого первородного греха, за который должны отвечать все поколения. Они при чем? Адам и Ева отвечают за себя, их потомки за себя...

Рассуждая так, я ухватил книгу и на цыпочках выскользнул из комнаты, оставив леди Карентинну крепко спящей на измятой простыне и со скомканным в ногах одеялом.

У нее так и остался открытым в изумлении розовый ротик, на лице потрясение новым, что случилось с нею и ее телом, но дышит глубоко, сон чистый и здоровый, организм с удовлетворением понимает, что произошло то, что и велела природа, а также Господь.

В коридоре полутемно, как и в нижних залах, я пробежал на цыпочках, на всякий случай перекинулся в незримника. Снизу тянет холодом, дверь в склеп кажется входом в мою собственную могилу.

Заколебавшись, я медленно протянул руку... Дверь отворилась тихо и торжественно, даже не ощутив прикосновения моих пальцев.

Мелькнула мысль, что лучше всего сейчас повернуться и уйти. В самом деле это неспроста, когда для других здесь стена, а для меня появляется дверь, а еще и сама распахивается.

Если это не ловушка, то тогда какие они?

Свечи на полу склепа горят достаточно ярко, до утра хватит. Пентаграмма начертана, хотя мне казалось, что с их помощью вызывают всяких там демонов, а не защищаются от них, но, возможно, я ошибаюсь, или же есть их разные виды, в общем, молчу и не критикую, и без этого уже трясет.

Я пошел к гробу, положил молитвенник на краешке пьедестала и уже начал раскрывать, и тут мертвая или спящая графиня сама поднялась в гробу и села,

обратив в мою сторону прекрасное кукольное лицо, безукоризненная и с чувственно распущенными волосами.

Я застыл, понимая, что опоздал, леди Карентинна, как нарочно, задержала, молитвенник так и остался нераскрытым, читать надо было начинать раньше, намного раньше...

Ведьма медленно поднялась в гробу во весь рост, в длинной ночной сорочке, удивительно густые черные волосы, блестящие и здоровые, ниспадают не просто на плечи и спину, а достигают коленей, это страшно и пугающе прекрасно, нечеловеческая красота, лицо безмятежно, что пугает больше всего.

— Привет, — сказал я. — Прошу прощения, ваша светлость, я побеспокоил вас, сам знаю, как хорошо поспать после трудов... гм... но так уж получилось... Вы можете лечь прямо при мне, я не больно стеснительный...

Она ступила на край гроба, я невольно дернулся, надо подхватить, если будет падать, однако она сделала шаг вперед легко и просто, босая ступня опустилась на воздух, что с медленной торжественностью опустил ее, как упавший с дерева лист, на пол.

— Почему я не Хома Брут, — пробормотал я. — Тому было проще, а здесь контесса... Ваша светлость, вам чем-то помочь?

Она медленно пошла вдоль незримого силового барьера, все-таки пентаграмма как-то работает, ее выставленные перед собой руки с растопыренными ладонями ни разу не коснулись, как я вижу, но явно чувствуют преграду за пару дюймов.

Я сказал отчетливо, стараясь не позволить голосу вздрагивать:

— Этот щит защищает не меня... это чтоб вы не повредились, ваша светлость!

Ее лицо чуточку изменилось, я понял, что она силится улыбнуться, но не получается, только выражение глаз изменилось, словно готова сказать нечто очень важное, однако пока не может.

— Признайте, — сказал я, — себя моим вассалом. Вы графиня, я — король. Это будет только правильно... ну, в пределах особо расширенной нормы. Для избранных. Чернь не поймет, ну и не надо, переживем. А я в ответ на ваше признание помогу заговорить, а то и запеть. Мне кажется, у вас, милая графиня, голос должен быть достаточно музыкальным... Тихо-тихо, не так пылко!

Она продолжала медленно приближаться ко мне, все время улыбаясь, счастливая улыбка на кукольном личике, ни единой мысли в черных глазах. Я с содроганием сообразил, что это все-таки не живой человек, а если живой, то уже не человек, хотя от женщины многое и не требуется, но это вроде бы уж чересчур, Федда была хоть и холодная, как лягушка, но живая, да и в ту дикую жару как-то извинительно...

Не прекращая улыбаться чисто и бездумно, она протянула ко мне руки с острыми загнутыми когтями.

Я поспешно отступил и сказал с предостережением:

— Эй-эй, ваша светлость, вы хоть и красивая женщина, но я целомудреннее Иосифа, могу и поддаться, но не сразу, должен как-то и поломаться для приличия...

О том, что я женат, благоразумно промолчал, обе мои женитьбы какие-то странные, одна половинная, вторая вообще почему-то вызывает усмешки даже у женщин, про мужчин вообще говорить не хочется.

Барьер снова удержал ее, лицо зло искривилось, она вскинула руки и сжала кулаки.

Я вздрогнул, за пределами освещенной свечами пентаграммы быстро и резко начало темнеть. Из узлов

выползла даже не тьма, а клубящаяся чернота, двинулась со всех сторон в сторону центра.

Ведьма повернула ко мне торжествующее лицо. Тьма, как черный туман, ползет ко мне торжествующе и неспешно, я слышал странный шорох, как будто чернота вся из песка... а еще это похоже на тысячи змей, что ползут и трутся друг о друга чешуйчатыми телами.

Напирающая тьма ударилась о линию, отпрянула, снова приблизилась. Я со страхом увидел, что уже не страшится, пытается сдвинуть, сломать, продавить брешь, сзади наползают новые волны, поднимаются выше, и я оказываюсь окруженный тьмой, словно в глубоком колодце.

— Ну зачем? — сказал я почти не дрожащим голосом. — Мы же разумные люди. Мне тоже, если подумать, лет тысяча... в смысле, мы оба из других эпох, что на тысячи лет отстоят...

Быстро и страшно вспыхнул багровый огонь вокруг очерченного на полу круга, в который заключена пентаграмма, лохматое пламя с ревом накинулось на незримую стену, и я с ужасом увидел, что стена начала медленно подаваться, и затем раздался хрустальный звон, и на пол посыпались осколки этой стены, что при исчезновении обрела материальную форму.

— Графиня, — крикнул я в страхе, но держа голос укоризненным, — совсем говорить не желаете?.. Это же дикость, люди должны уметь договариваться!.. Тем более самец и самка...

Огонь вокруг меня полыхает зловеще-багровый, все помещение как в аду, свечи исчезли, стены тоже красные, а наши угольно-черные тени прыгают и словно дерутся сами по себе.

Она протянула мне руку тем призывным жестом, от которого не посмеет отказаться ни один мужчина, даже

если напуган, подобно мне, и я понял обреченно, что между нами уже нет никакой защитной стены...

Медленно, словно борясь с собой, я поднял руку, ноги как деревянные, она улыбнулась победно.

Наши ладони встретились, я успел увидеть на ее лице выражение, какое видел только у своего ручного богомола, когда тот поймал кузнечика и собирался сожрать.

Ее лицо тут же дико исказилось, она вскрикнула, в агонии закидывая голову, попыталась выдернуть руку. Я держал крепко, сжимая в настоящем мужском рукопожатии, пусть она и леди, даже графиня голубых кровей, сейчас даже поцеловать могу, я такой, наглею быстро, а она кричала все страшнее, ее тело забилося в судорогах, начала опускаться на пол, затем взвилась в воздух, но я не отпускал, и она, дернувшись пару раз, не смогла освободиться и рухнула вниз.

От кисти по моему телу побежал багровый огонь, я сцепил зубы и приготовился терпеть, потом подлечусь, однако пламя почти не жгло, зато белоснежная рубашка графини вспыхнула и сгорела, как бумага, тут же загорелась ее кожа.

Я сцепил челюсти и смотрел, как очень быстро плавится ее плоть, и капает на пол, как воск красного цвета. Только кости еще держатся, хотя истончаются на глазах.

Когда рука отломилась в локте, я наконец разжал пальцы. Тонкие косточки ссыпались на пол, на моей ладони остался гореть золотом крохотный крестик, подаренный аббатом Бенедерием.

Он даже не разогрелся, но я вернул его в карман с той осторожностью, будто прожжет там все, пусть даже дважды спас мне шкуру, но инстинктивно не доверяю ни магии, ни святости.

Прекрасная графиня Карелла Вопросающая, урожденная фон Кенигсегг-Аулендорф, рассыпалась на чистейшие белые перья, словно их обронил ангел. На полу образовалась целая гора, однако тут же осела, рассыпалась в мелкую серебристую пыль, а та заискрилась печально и медленно исчезла.

Вокруг меня все еще полыхал огонь, быстро опускаясь к полу, воздух нагрелся так, что едва не начали трещать волосы.

Я побаивался, что вот-вот вспыхнет одежда, непристойно будет возвращаться голым и с пятнами копоты по всему телу. Если кто-то увидит, на тему консорта и консортизма добавится шуточек, однако огонь погас, не оставив следа. Непростой, значит, огонь.

Молитвенник так и остался нераскрытым на краю каменной плиты у гроба. Я посмотрел на него с укором, сунул под мышку и быстро пошел к двери.

Она оставалась неподвижной, я толкнул ее ногой, закрипело надсадно, пришлось пнуть еще. Дверь так и осталась распахнутой, я оглянулся уже со ступенек, внизу полное запустение и такое ощущение, что дверь эта так и стоит сотни лет.

За всю дорогу обратно никого не встретил, что и понятно, охраняется только периметр, дверь своей комнаты открыл тихохонько, задерживая дыхание.

Бобик приподнял голову, оглядел меня с головы до ног, хотя вообще-то у него главное запаховое зрение, еще в коридоре меня увидел, а глаза у него так, для контроля.

— Спи-спи, — велел я шепотом.

Он уронил голову на пол и послушно заснул. У меня мелькнула мысль, что надо бы его было взять с собой... хотя нет, графиня — не монстр, в разборки между людьми я вмешиваться не разрешаю, только с чудовищами, да и то, если мне грозит большая беда.

— Спи, — повторил я.

Леди Карентинна раскинулась в невинной и блаженной наготе, дыхание ровное, румянец на всю щеку, крепенькая и здоровенькая настолько, что можно принять за крестьяночку, выросшую на свежем молоке и физической работе.

Я хотел бросить молитвенник на стол еще от порога, но не рискнул разбудить леди Карентинну, пришлось обойти спящего Бобика и отнести к столу, где и положил бережно, без стука.

Машинально открыл, удивился, есть даже иллюстрации, в прошлый раз их не заметил, хотя довольно детские, в древние времена еще не открыли перспективу, все нагромождено, однако смысл рисунка уловить можно.

Я снова захлопнул, потыкал кончиком пальца в цветные камешки и едва не выронил книгу: очень быстро начала тяжелеть, заметно увеличилась в размерах.

Ноги сами отодвинули меня от стола, будто там рванет, но книга лишь стала вдвое крупнее, от нее пошел золотой свет, слышался легкий хрустальный звон, словно частички света звучат, ударяясь одна о другую.

Осторожно открыл, на титульном листе буквы вспыхнули и, передвинувшись, застыли на новом месте.

Со стороны ложа донесся протяжный вздох. Карентинна повернулась в мою сторону, но глаза еще не открыла, широко зевнула, как умеют только младенцы, когда рот на пол-лица, плямкнула губами.

Я наблюдал с интересом, наконец она распахнула глазищи, всмотрелась в меня с недоумением.

— Что... уже утро?

Я взглянул в ее невинные глаза и промолчал. Если станет известно родителям, где провела эту ночь, а это когда-то да всплывет, то есть две веские причины, почему ей не достанется порка: во-первых, сбегала не

к красавцу конюху, а к принцу, а во-вторых, Ротильду не любят за ее крутой нрав и неженскую жажду самой рулить королевством и всегда рады хоть в чем-то бросить в нее камешек. А дать возможность ее мужу нарушить верность — это же такая сладкая возможность явить хотя б в кругу своей семьи!

— А вы почему встали? — спросила она.

— Не спеши, — ответил я. — До обеда еще далеко.

Она в панике зашебуршилась, бросила беспомощный взгляд в сторону сброшенного на спинку кресла платья, в страхе натянула на себя одеяло.

— Сэр Ричард, отвернитесь!

— Хорошо-хорошо, — ответил я, — но на спине все равно придется мне завязывать.

— То другое дело!

Довольно долго она пытела, сопела, хрюкала, наконец подбежала и повернулась спиной.

— Только побыстрее!

Я как мог торопливо затянул все эти веревочки, она тут же ухватила плащ, закуталась, опустив капюшон так, что спрятался даже подбородок, и поспешно выскользнула из комнаты.

Вздохнув с облегчением, как же мудро поступил Господь, что Бог создал Еву не из мозговых костей, я повернулся к книге. Буквы выглядят несколько странно, у каждой свой цвет, такое я видел только в букварях для самых маленьких, но не буду стричь всех под одну гребенку, кто знает, какими путями идет мысль у визажистов и дизайнеров, у них тоже могут быть мысли, хотя, конечно...

После титульной страницы еще одна с некими значками, что, видимо, сообщение о владельце или покровителе, дальше первая страница, заглавные буквы киноварные, а в начале каждой главы, если это главы, вообще цветные картинки...

И все же, несмотря на необычность, что-то и общее, к примеру, нигде нет висячих строк, видимо, противно взору в любом веке, а неприятие ввели в запрет, каждая глава начинается абзацем, где не меньше пяти строк, что тоже понятно, так красивее...

А вздрагивал я потому, что многие буквы и даже абзацы меняются, словно книга дописывает сама себя. Подумает-подумает и допишет. Или услышит что-то новое. А уши у нее, должно быть, сверхчуткие, чтобы улавливать даже в глубоком и наглухо закрытом склепе...

За дверью слышались шаги, слуга бесцеремонно распахнул двери и сказал громко:

— Ваше Высочество, хозяин любезно приглашает вас на завтрак.

— Благодарю, — сказал я. — Передай, сейчас приду.

— Ваше Высочество?

— Я знаю дорогу, — пояснил я. — Если в той же столовой...

— В другой, — ответил он с поклоном. — Та, где вчера завтракал молодой барон, закрыта на траур.

— Надолго?

— На три месяца.

— А-а-а, — сказал я, — тогда ждать не стоит.

Глава 15

На полдороге к столовой из боковой двери выметнулся запыхавшийся управитель, низко поклонился.

— Ваше Высочество!

Выглядит встрепаннее воробья после драки, дышит часто, будто бежал из соседнего замка, глаза дикие.

— Это я оно, — согласился я, не замедляя шага. — Что стряслось?

Он торопливо засеменил рядом, с ужасом и восторгом заглядывая в мое лицо.

— Слуги сообщили, — проговорил он быстро, — двери склепа распахнуты настежь!.. А внутри пусто.

— И что?

— Я не поверил, — сказал он еще быстрее, — сбежал сам! А там не только пусто, но... в гробе никого нет. Иначе говоря... тоже пусто. Ваше Высочество, что стряслось?

Я ответил небрежно:

— Моя победоносная армия в моем лице там бывала, что вы еще хотите? Пол и стены остались? Или их тоже унесли?

Он ответил в недоумении:

— На месте...

— Вот и хорошо, — успокоил я. — О, какие запахи!.. Повара постарались, а Бобик не успел, как вижу.

У распахнутой двери слуги поклонились, один осмелился сказать:

— Ваш черный конь с клыками уже под столом. Старый лорд сам не ест, а ему бросает...

— Бобик умеет устраиваться, — похвалил я. — А ты молодец, замечаешь.

Старый лорд поднялся навстречу, чего раньше не делал, протянул руки.

— Дорогой принц, мы вас заждались!..

— Да я все молитвенник изучал, — ответил я скромно. — Никогда не думал, что молитвы могут быть такими... интересными. И своеобразными, если сказать красиво.

Священник насторожился, но промолчал, только буравил меня острым взглядом. Управитель от двери подавал старому лорду некие знаки, я сделал вид, что не замечаю, сел на свое место между Мелиссой и Карентинной.

Обе тут же одинаково заулыбались и начали заботливо перекладывать на мое блюдо из общего куски жареного мяса, выбирая те, что покрупнее.

Бобик недовольно завозился под столом, напоминая хрюкнул. Я немедленно отправил ему два самых увесистых куска. Довольное урчание из-под стола показало, что я полностью прощен.

Старый лорд, заметно волнуясь, проговорил медленно:

— Принц... мне трудно поверить тому, что мне сообщили перед завтраком...

— Доверие обязывает к доверию, — ответил я с пониманием, — потому лучше не доверять.

— Гм...

— Выслушивать нужно все, — пояснил я, — но не спешить с доверием. А что вам такое брякнули?

Он проговорил с надеждой в голосе:

— Что вы ночью посетили склеп...

Леди Карентинна посмотрела на отца с иронией, уж она точно знает, где я был и что посещал, а я ответил беспечно:

— Что?.. А-а, было дело, было. Заглянул как-то. Но ничего интересного. Даже, можно сказать, полный провал, хотя и не люблю признаваться в неудачах, особенно в присутствии очаровательных женщин.

Жена отбывшего барона печально улыбнулась, принимая завуалированный комплимент, а лорд спросил настороженно:

— Провал?

— Была неудачная попытка вербовки, — ответил я нехотя. — Спасибо, леди Карентинна, я столько не съем, вы слишком лестного мнения о моих способностях журуна.

Герцог охнул.

— Она попыталась вас...

Я возразил с достоинством:

— Как можно, я же мужчина! Консорт это я там, у ложа королевы, а здесь на мне нигде не написано, что я он самый! Могу вести себя как бы мужчина!

— Ваше Высочество?

— Это я старался ее, — пояснил я. — Что вы так смотрите? Завербовать старался!

— Ох, простите...

— Всегда стараюсь найти консенсус, — пояснил я. — Тем более с женщиной. С ними оно как бы вообще само по себе, даже и стараться не надо. Словно первородный Змей, который с того интересного дня в каждом из нас сидит, сам за нас проговаривает нужные слова и делает точно рассчитанные движения, до которых мы сами бы и не додумались, занятые высокими духовными запросами.

Он слушал меня, приоткрыв рот, я сам собой залюбовался, такие перлы изрекаю, да за мной должны ходить, как стадо гогочущих гусей, летописцы и прочие записыватели мудростей.

— Ваше Высочество?

Я пояснил:

— Она, видимо, еще не разогрелась. В склепе было холодно. И чуть сыровато, как показалось. Потом, правда, мы несколько подогрели окружающую нас атмосферу, но это было потом, а так она просто не успела прореагировать на мою повышенную чувственность.

Управитель взял из рук слуги кувшин с вином и приблизился в готовности добавить нам с лордом в кубки. Лицо у него было такое потрясенно-восторженное, словно вот-вот рухнет передо мной на колени.

— Ваше Высочество, — пролепетал он. — Вы спасли нас... Мы всегда жили в страхе, что однажды склеп расторгнет свои несокрушимые стены... а то и вовсе они падут, и тогда...

Герцог пробормотал:

— И не только нас спасли. Сэр Ричард, я со своими людьми ваш вечный должник! Даже не представляю, как вам удалось...

— Лехко, — заверил я. — Я же не Ван Хельсинг какой-то, я и без поцелуев обхожусь... в отдельных случаях.

Он спросил осторожно:

— А что насчет вербовки?

Я ответил с неловкостью:

— Сперва предположил у нее, хоть и женщина, высокий интеллект. Дескать, сотни лет жизни, если не тысячи, это же какая мудрость!.. Но то ли у женщин копится вовсе не мудрость, то ли магия постепенно пожирает и тот интеллект, что был, заменяя его примитивными эмоциями... В общем, даже поговорить не удалось, не то чтобы сойтись на некоем приемлемом консенсусе.

— Ваше Высочество?

Я со вздохом развел руками.

— Боюсь, мне придется пересмотреть свое понимание магии. За кратковременные всплески мощи приходится платить постепенным угнетением когнитивных способностей... но это уже неинтересно. Спасибо за прекрасный завтрак, ваша светлость!.. Завтрак должен быть плотным, не зря так утверждают Авиценна и Парацельс... Позвольте откланяться... Леди Карентинна, леди Мелисса...

Леди Карентинна вышла на крыльцо, а когда я вскочил в седло и оглянулся, украдкой, но так, чтобы я видел, погладила себя по животу. Не знаю, на что намекает, я, как и все мужчины, в отдельно взятых случаях становлюсь ужасно недогадливым.

Бобик бросился к воротам, а я вскинул руку в прощании.

— Счастья вашему дому!

С крыльца в ответ замахали уже несколько человек. Леди Карентинна и Мелиса красиво колыхают в воздухе белыми платочками. Запоздало вышли старый лорд с супругой, хотя вообще-то это не они запоздало, а я отбываю слишком поспешно, ломая всякие распорядки и церемонии.

Бобик выскочил наружу и остановился в растерянности. Арбогастр тоже изогнул шею и посмотрел на меня искоса и в удивлении.

Я сказал с досадой:

— Да сам знаю, что надо в Шателлен!.. Я же отец народа и выдающийся, если говорить скромно, политик, а так вообще-то, если говорить прямо и честно, мне и равных нет! Потому я должен... но с другой стороны, молодого барона жалко. Сам таким же дураком был совсем недавно... Эх, ладно!

Бобик понял, подпрыгнул и ринулся на восток. Арбогастр фыркнул, что за проблема, до столицы всего трое суток на клячах, все кони — клячи, а ему по прямой, как ворона летит... и проголодаться не успеем.

Возможно, мы проскакивали мимо чего-то интересного, но я напоминал себе с твердостью, что я — серьезный государственный деятель, мои интересы теперь лежат не в области драк или лямуров, а в межкоролевской деятельности. Я должен заниматься ими и только ими, а драки и лямуры и сами найдут. Вся жизнь по вине Каина такая драчливая, а по вине Лилит — разнузданно лямурная.

На крутых поворотах когда нужно обогнуть гору или слишком широкое для прыжка ущелье, Бобик и арбогастр резко сбавляли ход, в один из таких моментов я и успел увидеть то, что сперва показалось

огромной скалой, поросшей серой травой, но когда шевельнулся, я в ужасе рассмотрел человека размером с башню замка, что сидит в печальной задумчивости на гребне горы и с тоской смотрит в зеленую долину внизу.

Бобик взъерошил шерсть и люто зарычал на бегу, не сводя с него взгляда быстро побагровевших глаз.

Я придержал Зайчика, дрожь прошла по телу, но я заставил себя выпрямиться и прокричать бодрым голосом:

— Приветствую!.. Как погода?

Гигант повернул голову в мою сторону, у меня радостно трепыхнулось сердце, никогда еще не видел такого прекрасного мужского лица, полного силы, красоты, печали и достоинства.

Глаза его, странно золотого цвета, осмотрели меня изучающе, но когда он шелохнулся и протянул руку в мою сторону, Бобик буквально исчез, а в следующее мгновение я увидел его повисшим на руке гиганта. Мощные челюсти вцепились в плоть, я выхватил меч и соскочил на землю.

Гигант, улыбаясь погладил по-прежнему висящего у него на руке Бобика по загривку, почесал пальцем за ушами и вдоль спины.

— Какой отважный щенок...

— Бобик, — крикнул я срывающимся голосом. — Фу!.. Нельзя!.. Плюнь!

Гигант окинул меня оценивающим взглядом.

— Ого, даже «плюнь»... Давно не слышал таких гордых слов.

— Спустишь в долину, — предложил я, — еще не то услышишь. Ты кто?

— Не поймешь, — ответил он, и глубокая печаль прозвучала в его сильном красивом голосе. — Да я и сам уже перестал понимать. А кто ты?

Он опустил руку на землю, и Бобик, потерзав ее еще чуть, разжал челюсти, отступил на шаг и в недоумении посмотрел на гиганта.

— Местный, — ответил я с облегчением. — Ищу героев, готовых сразиться с самим Творцом.

Он поморщился, но я увидел в его глазах некий интерес.

— С Творцом... Многие из нас пытались с Ним сражаться. Но Он не удостоил никого из нас. А как собираешься ты?

Я развел руками.

— Вообще-то, не с Ним лоб в лоб, а с тем, что Он насылает на землю. Так ты, значит, из тех самых орлов, что восстали против Творца?

— Быстро сообразил, — произнес он с удовлетворением. — И что, ни ужаса, ни паники, ни падения ниц?.. Ты хорош. Если и дрожишь, то умело скрываешь.

Его огромные пальцы почесывали спину Бобика, а тот, упершись всеми лапами в скалистый грунт, поддерживал грубую, но сладостную ласку.

Я спросил в лоб:

— И чего ты здесь?..

— На земле? — уточнил он.

— В горах, — сказал я. — Да еще в таком месте, где и горные козлы не очень. Разве что бараны, но бараны везде пройдут, на то и бараны.

Он печально усмехнулся.

— Но ты же добрался? Люди всегда добираются, те же бараны... Не думаю, что тебе нужно сражаться с самим Творцом. Вообще, не уверен, что сражаться нужно.

— А что нужно? — спросил я в упор.

Он качнул головой.

— Если бы я знал. Или понял Его замыслы... Истина в том, что вначале дороги в рай и ад расходятся всего лишь на толщину волоса.

Я подумал, сказал нерешительно:

— И ты все время шел... своей дорогой?

Он взглянул исподлобья.

— Понимаю, что под твоим вопросом. Нет, я не зашел далеко... так уж слишком. Еще в те времена оставался.

— Раскаялся?

Он презрительно скривил губы.

— С чего бы?.. Просто моя дорога была неверна. Но та дорога, что начертал Творец, тоже дурость.

— А сейчас нашел?

Он качнул головой.

— Ищу.

Я наконец-то вложил меч в ножны. Он наблюдал за мной с печальным интересом в прекрасных глазах, что делают его похожим и на эльфа и на демона Врубеля.

— Я вот и боюсь, — сказал я, — что с возрастом мудрость копится, а решительность испаряется. У молодых много силы и мало ума, у стариков наоборот. А у таких вот долгоживущих, как ты, ума палата, а желания действовать нет вообще?

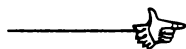
Он хмыкнул.

— В таком направлении не думал, но, возможно, ты, существо, угадало...

— Это не угадка, — возразил я с достоинством, — а плод работы мощнейшего интеллекта, усиленного неблагоприятными и благоприятными условиями бытия. Это у вас, ангелов, только догадки, воля Господа да примитивные инстинкты. Ладно, мыслитель... Очень скоро, уже этим летом, мир будет уничтожен... но у нас есть шанс спасти его. Если ты готов драться с десницей самого Творца, то такой боец будет совсем не лишним.

Он ответил почти равнодушно:

— Уничтожит так уничтожит. Ему виднее.

Я снова поднялся в седло, Бобик вздохнул и побежал ко мне.

— Теперь понимаю, — сказал я.

— Чего, смертный?

— Почему Творец отдал землю нам, — ответил я. — А вас заставил поклониться!

Арбогастр с места ринулся в карьер, ветер засвистел в ушах, я некоторое время думал еще об ангелах, но пришел к выводу, что Господь наверняка их в самом деле создал, чтобы заселить ими землю, но оказались слишком простыми и даже примитивными при всем своем совершенстве, прогресса от таких не жди, потому, набравшись опыта, сделал более совершенное и сложное существо...

Бобик мелькает впереди, иногда пытается делать рывок в сторону за зверьем, но арбогастр тут же вырывается вперед, и посрамленный Бобик спешит нагнать копытное и утвердить свое превосходство.

Трижды пресекали дороги, мы-то по возможности прем по прямой, дважды видели далеко в сторонке крохотные деревни, но вообще-то мир настолько пуст и не заселен, что просто и не понимаю, почему гремят постоянные войны, и гибнет масса народу?

Часть вторая

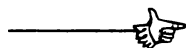
Глава 1

Однажды увидел на опушке леса группу крестьян, собирающих хворост. Уточнил дорогу, сбились мы не так уж и сильно, но еще полчаса — и проскочили бы мимо столицы королевства Бурнандия или Бурнанды, но, конечно, теперь и Бурнанды появятся на моей карте хотя бы в черновом варианте.

Через несколько минут Бобик довольно взвизгнул, впереди в ярких лучах солнца красиво и грозно заблестали верхушки высоких башен, поднялись, с ними из-за горизонта появились и стены большого города.

Вокруг поля, лес отступил далеко, вернее, его оттеснили вырубщики, а сам город окружен сетью дорог. Стены из серого камня, по обе стороны ворот массивные башни, призванные защищать это слабое место, сюда всегда тупо ломятся нападающие. По одному стражнику по обе стороны, смотрят на въезжающих вроде бы лениво, но я ощутил в них опытных ветеранов, что не растеряли ловкость и силу молодости, а обрели опыт матерых волков, понимание людской природы и умение видеть, кто что везет, прикрытое шкурами.

Я перевел арбогастра на шаг, Бобик идет рядом со стремянем и вежливо улыбается, даже

хвостом помахивает, хотя народ все равно шарахается, а оба стража насторожились и даже посмотрели в сторону сторожки, где у входа стоят их щиты.

— Привет, солдатушки, браво ребятушки, — сказал я приветливо. — Не скучно?

Их вроде бы небрежные взгляды пробежали по мне с ощутимой цепкостью, наверняка оба пользуются некими амулетами,

— По какому делу? — спросил один строго.

Я согнал улыбку с лица, выпрямился.

— Эй, служивый, не забывайся!.. Ты же видишь, я не торговать прибыл. А какие дела у принца Ричарда Завоевателя к вашему королю... не твоего ума дело. Усек?

Он дернулся, глаза пошли выпучиваться, а второй сказал поспешно:

— Да-да, Ваше Высочество... Простите, мы вас как бы не совсем ждали. Проезжайте, вам дать провожатого?

Я ответил уже добрее, я же отец солдатам и благоволю к людям, что служат отечеству с оружием в руках:

— Бдите, где вас поставили. Ваша служба и опасна, и трудна... Если мы таверны отыскиваем с ходу, то королевский дворец тоже как-нибудь да найду!

Они с облегчением вздохнули, этот принц, о котором такие странные и разные слухи, шутит, значит, не сердает и, скорее всего, приехал без злого умысла.

По улицам я старался ехать, не привлекая внимания, но хотя нарочито одеваюсь в простую одежду, хорошую для дороги, все же мы все трое смотримся несколько необычно, хотя, конечно, я и уступаю в популярности арбогастру и Бобику.

Народ поспешно расступается, а некоторые побежали следом, чтобы увидеть, куда мы направляемся.

У ворот королевского дворца стражи побольше, но я подъехал с таким надменным видом, что навстречу выбежал сразу офицер, явно не ниже барона, спросил вежливо:

— Простите, вы по какому делу... если намерены проехать под аркой этих ворот?

— Да так просто, — ответил я и улыбнулся ободряюще. — Может же принц Ричард возжелать навестить его кузена короля Эдвина Рафнсварта, что в наших краях означает черного ворона... А что означает в ваших?

Офицер ответил растерянно:

— В наших тоже... Так вы...

— Ричард, — ответил я с достоинством, — Ричард Завоеватель.

Он всмотрелся в меня внимательнее.

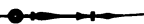
— Ах да, муж королевы Ротильды?.. Как же, слышали. Ваше Высочество, вам не опасно вот так одному?.. Вы же консорт, вдруг нападут разбойники, не отобьетесь...

— Собачка защитит, — ответил я хмуро.

Ворота приоткрыли едва-едва, перед настоящим принцем бы распахнули во всю ширь, уже понимаю, но я всего лишь консорт, ладно, хорошо смеется тот, кто смеется последним, пусть даже он ржет в полном одиночестве...

По аллеям прогуливаются придворные и переговариваются с таким видом, что я бы сразу начал их арестовывать за подрывную деятельность, видно же, плетут заговоры против короны.

Заслышав стук копыт, в недоумении оглядываются, но я задрал нос и смотрю прямо перед собой, все равно кланяться не будут, еще не сообразили, кто прибыл, а потом, когда пообщаюсь с королем, посмотрим.

По широким гранитным ступеням сбежали рослые гвардейцы и выставили перед собой пики. Один потребовал строго:

— Кто такой?.. А ну, слезай!

— Что, — спросил я в изумлении, — здесь во дворец на коне нельзя?.. Да как же вы живете? Почему позволяете на себе ездить придворным щеголям? Ну, здесь совсем оборзели... А у нас вот можно, армия рулит...

— Где это можно? — потребовал тот же гвардеец. — Ты кто?

— Везде, — отрубил я, не моргнув глазом. — А таких орлов нужно признавать сразу, служивый. Разве не видно, что я и есть принц Ричард? Заслуженный, так сказать, воин, что всегда впереди на коне в пиру и за столом?

Они медленно начали опускать копья, по ступенькам сбежал один из старших слуг, всплеснул руками.

— Ваше Высочество? Как неожиданно... Позвольте, мы позаботимся о вашем коне и этом... этой... что это у вас такое...

Я легко спрыгнул, красуясь, бросил повод слуге, а тот ухватил с такой готовностью, что вот сейчас конь попробует удрать, а он его удержит.

— Надеюсь, — сказал я с достоинством воина, который презирает светские условности, — здесь все просто? Король свободен и будет рад поприветствовать кузена?

Он оглянулся в беспомощности, но к нам спешит вельможа с золотой цепью на груди, торопливо поклонился.

— Помощник управляющего к вашим услугам. Чем могу служить?

Я сказал властно:

— Веди к королю. Я — принц Ричард!.. И дело у меня крайне важное...

Он поклонился и спросил настороженно:

— К-какое?

— Вожжа мне под хвост попала, — отрезал я сурово, — и восхотелось вдруг как бы повидаться с кузеном. И что, у вас возражения?

Я произнес последние слова так зловеще, что он побледнел и воскликнул, торопясь и заикаясь:

— Нет-нет, Ваше Высочество, какие могут быть возражения? Следуйте за мной... но только не слишком близко, я вас боюсь.

— Чего-о?

— Вашей собачки, — уточнил он поспешно.

Бобик потащился сзади. В холле к нам бросились королевские слуги в дорогих одеждах и с эмблемами королевского дома, но помощник управляющего отметал всех небрежным движением руки, но в большом зале поспешно вскрикнул, увидев группу сановников:

— Ваша светлость, передаю нашего... наших гостей в ваши руки!

И поспешно смылся, сановники, косясь на страшного пса, рассматривали меня с любопытством.

Я сказал с отвращением:

— Что за дикари... Где король?

Один выступил вперед, это к нему обращался помощник управляющего, чуть-чуть поклонился.

— Я королевский сенешаль, — назвалса он, — лорд Салимарис. Иртиш Салимарис. Чем могу...

— Принц Ричард, — отрезал я грубо. — Изволью видеть короля.

Он повел в сторону взглядом, и тут же двое сорвались с мест и поспешили в сторону лестницы, ведущей наверх.

— Ваше Высочество, — сказал он самым любезным тоном, — позвольте проводить вас?

— Позволяю, — ответил я с надлежащим высокомерием.

— Прошу вас сюда, — сказал он. — Вот через этот зал... У вас очень резвый конь, как я понимаю... так оторваться от свиты!

— Резвый, — согласился я. — Впрочем, он в хозяйина. Я сам, знаете ли, весьма. И даже зело. Временами как-то вроде зело обло.

— Ох, — сказал он приятным голосом, — чувствуется стальной характер воина! Хотя, конечно, слухи доходят до нашей глуши весьма противоречивые...

— Это как? — осведомился я.

Он развел на ходу руками.

— По словам одних, вы лютый воин с пылающим мечом в длинной руке... нет, даже в длани, под седлом у вас не лошадь, а конь, а вы всегда впереди, а по другим...

Он демонстративно замялся, я сказал сердито:

— А что по другим?

— По другим, уж простите, но некоторые указывают на то пикантное и весьма щекотливое обстоятельство, что вы же консорт...

Я спросил хмуро:

— И?

Он вздохнул в притворном сочувствии:

— А если консорт, то какой пылающий меч в руке?... Разве что алый цветочек. Я имею в виду именно цветочек, а не то, что вы подумали.

— Ну да, — согласился я. — Это точно. Я всегда мечтал держать в руке не тяжелый меч из железа, а цветочек. Что так шарахаетесь? Не понимаю, что плохого в цветочке?... Кстати, мы вроде бы по этому залу уже проходили?

Он сделал большие глаза.

— Разве?.. Это, наверное, потому что здесь их так много, так много, а некоторые совсем уж одинаковые, пороть таких строителей, как думаете? Или не пороть?.. Хотя, возможно, это я так заслушался вас, Ваше Высочество, что пошел по второму кругу.

Я сказал с подозрением:

— Давайте без штучек. Прямо к Его Величеству!..

— Да, — ответил он с фальшивым восторгом, — конечно же! А как же! Вот прямо сразу и пойдем, прямо и прямо, никуда не сворачивая... Хотя, если вдруг стена, то думаю, не стоит пробивать дыры, лучше свернуть в сторону двери. Тут есть двери, представляете?

Я поморщился, что-то ползем совсем уж медленно, он пытался кое-где останавливаться и рассказывать о картинах или статуях, мимо которых идем, я торопился, но он все равно плелся, как таракан по снегу, даже начал прихрамывать.

Навстречу выбежал запыхавшийся слуга.

— Господин сенешаль!.. Его Величество готовы принять принца Ричарда!

Сенешаль вздохнул с таким облегчением, словно свалил с плеч гору, а я сказал беззлобно:

— Ладно, я вам это еще припомню.

Он вздохнул и, горбясь, словно ожидает удара в спину, повел уже быстро и без хромоты через два небольших зала, тоже подозрительно знакомых, а там в конце коридора смотрят в нашу сторону двое слуг в одеждах королевских цветов и два дюжих гвардейца.

Сенешаль сказал быстро:

— Только минуточку...

Он шмыгнул за дверь, я услышал торопливые голоса, тут же появился снова с просветленным лицом.

— Ваше Высочество, король Эдвин Рафнсварт примет вас.

— Благодарю, — бросил я величественно.

Слуги распахнули передо мной обе половинки, я хоть и консорт, но все же принц, заслуживаю повышенного уважения, хотя и не самого, все-таки консорт...

Я вошел вальяжно, весь довольный и раскованный. Комната отделана со строгим великолепием, трон богат, но не слишком, а король, могучий мужчина со смолисто-черными волосами и короткой черной бородкой лесного разбойника, смотрит на меня в упор, я уловил легкое замешательство, я же спутал все правила приема.

— Ваше Величество!.. — сказал я весело и дружелюбно, словно заскочил по пути к старому приятелю, — никаких фанфар, никаких церемоний. Зачем они нам, мы же все понимаем!

Он перевел дыхание, проговорил густым голосом:

— Ну да, вы правы... принц.

— Как простой консорт дружественного вам королевства, — пояснил я, — чуточку свернул к вам по дороге... и сразу же ринусь дальше по своим консортным делам. Ничего срочного, ничего серьезного, так... амурные дела, можно сказать...

Он смотрел исподлобья, но выражение лица не изменилось, хотя я тараторю, как беспечная сорока, что, наверное, должно быть свойственно консарту, но не настоящему мужчине, что привык смирять рабынь ретивных и коням ломать крестцы.

— Ваше Высочество, — проговорил он наконец, — я все же теряюсь в догадках...

Я отмахнулся.

— Да ерунда все, я же сказал. Просто потарашим друг на друга глаза, мы же, мужчины, любопытнее женщин, хоть и не показываем вида. Что пьете, Ваше Величество?

Он спохватился несколько театрально, здесь в глуши даже короли ведут себя естественно и притворяются с некоторым трудом.

— Ах да, вон там стол, давайте туда пересядем...

Глава 2

Слуга торопливо внес два заготовленных кубка из старого темного серебра и с вкрапленными камешками, слишком серыми, чтобы быть драгоценными, значит, просто улавливают неблагополучие, к примеру — яды, а то и вовсе тут же превращают в простую воду.

Я не стал выказывать свои возможности, терпеливо смотрел, как льется в мой кубок кислое слабое вино, сделал глоток и сказал с восторгом:

— О, настоящее натуральное!

Он взглянул несколько озадаченно, я сердито напомнил себе, что здесь все натуральное, даже вино, а он сказал вежливо:

— Рад, что вам понравилось.

— Мы соседи, — напомнил я. — Мезина и Бурнанды трутся краями на протяжении почти сотни миль! За это стоит выпить...

Он кивнул.

— Стоит.

Мы сделали по три мощных глотка и оба одновременно поставили кубки на столешницу. Он впервые улыбнулся.

— Как мне доложили, вы умчались вперед от свиты?

— Да, — подтвердил я. — Свита поехала прямо, а я крюкнул. О вас столько говорят, что просто не утерпел. Захотелось самому повидать такого великого человека.

Он уловил в моем голосе сомнение, насторожился.

— А что говорят?

— Да больше о мятеже, — ответил я. — Вроде бы вы подавили его не столько огнем и мечом, сколько умелой дипломатией, переговорами, мелкими уступками.

Он чутьточку помрачнел.

— Военных действий тоже хватило. Правда, замки не пришлось брать и сносить, но два довольно крупных сражения... все же состоялись.

— Так это же подвиги! — воскликнул я с пафосом.

Он кивнул.

— Да. Я вообще-то хорош в бою и всегда сам веду конницу в атаку. Но только я предпочел бы вести не на мятежников, это же мои взбунтовавшиеся подданные, а на врага, посягнувшего на священные границы...

— О, — воскликнул я еще громче, — это да, лучше! Хотя и мятежники, за неимением другого противника, сгодятся. Кстати, прибыл ли уже молодой барон? Я имею в виду барона Джильберта Шервина, сына благороднейшего лорда Карвина Хрутера, герцога Сафкердского, Унерольдского и вроде чего-то еще.

Он поморщился.

— А-а-а, мятежник...

— Думаю, — сказал я, — больше дурак, чем мятежник. В молодости все бунтари, вот его и сманили насчет души прекрасные порывы. Его отец, как я понимаю, в мятеже не участвует?

Он кивнул.

— Да, старый лорд хоть и питает симпатии к герцогу Бреттерсу, они дружны с детства, но остался в стороне. Хотя при моем дворе не появляется, но считает, что моя власть должна быть твердой.

— Сын тоже счел бы так, — сообщил я. — Лет через двадцать.

Он хмуро улыбнулся.

— Все шутите. Мятеж есть мятеж, на подавление ушло немало усилий, их можно было бы истратить и поумнее. Уж молчу, что погибли трое из моих доверенных людей. Все считают это доблестью, но мне недостает верных и преданных... Простите, отвечаю с запозданием: нет, еще не прибыл.

— Значит, — сказал я, — у него лошадка не шибко резвая. Это я к тому, что обогнал его. Хотя, конечно, старый лорд дал лучшую.

— А, — сказал он медленно, — вы с ним общались?

— Да, — подтвердил я. — Его едва не убили разбойники... если то были разбойники. Но он добрался до родного замка, провел там ночь, а утром отправился обратно.

Он тяжело вздохнул.

— Слава Богу.

— Что, — спросил я с интересом, — так уж хочется отрубить ему голову?

Он посмотрел несколько холодно.

— А это при чем? Этот молодой лорд Джильберт уже стал притчей во языцех. Это его третья попытка добраться до замка и попрощаться с семьей и родителями!

— Ваше Величество?

Он махнул рукой.

— Если бы не ваше вмешательство, провалилась бы, как я понял, и третья. Я отпустил его почти месяц назад! Еще в разгаре весны. Он помчался к родному замку, но дорогу перегородила разлившаяся река. Он пометался на берегу и, поняв, что наверняка опоздает, решил вернуться.

— Ух ты, — сказал я заинтересованно, — все же вернулся?

— Да, — сказал он раздраженно. — Я велел тащить его на плаху, но советники предложили позволить ему

вторую попытку, а то о нем пойдут слагать песни, а обо мне распространится недобрая слава как о бессердечном тиране. Я позволил ему переждать в темнице наводнение, а потом велел дать ему быстрого коня. На второй раз ему помешали обильные дожди, что превратили вполне проходимое раньше болотце в болотище...

— И снова вернулся?

Он хмыкнул.

— Представьте себе. Но был ли у него выбор? Это мы с вами понимаем, что можно и не вернуться. Еще простолюдин понимает, что в этом случае нужно уди- рать подальше и даже не думать о возвращении. Но рыцарство...

— Честь рода, — согласился я. — Этот юный барон осознает себя только частью великого древа, что тя- нется из тьмы веков и через наше время должно идти дальше. Потому обязан блюсти! Он же не сам по себе... И что теперь с ним?

Он посмотрел исподлобья.

— А что я могу?.. Закон есть закон, ему подчиня- ются даже короли. Именно короли и должны показы- вать пример безусловного подчинения закону. Чтоб все видели, раз уж король склоняется перед законом, то и они обязаны.

— Верно, — согласился я. — Всеобщее подчинение закону — это спокойствие для страны. Король не дол- жен быть выше закона... однако он может иногда смяг- чать наказание, выказывая милосердие, столь почему- то угодное Господу. И зачем-то внедряемое церковью в общество.

Он хмыкнул.

— Ну, догадаться можно, в чем-то даже одобрить, но это настолько далеко от повседневности... В буду- щем да, люди станут добрее и милосерднее, но мне кажется, церковь слишком торопится.

— Вот уж впервые такое слышу, — признался я. — Мне всегда казалось, церковь работает слишком неторопливо. Значит, вы поступите, как человек будущего?

Он посмотрел с интересом.

— Что, так уж хочется избавить его от четвертования?

— А вам? — спросил я.

Он поморщился.

— Нам, королям, нельзя делать то, что хочется. Даже в своей комнате с опущенными шторами на окнах и запертой дверью. А уж на людях я должен блюсти закон, дабы другие знали, что за преступлением всегда следует наказание... Впрочем, могу по многочисленным просьбам родни заменить четвертование простым усекновением головы.

— Родня просить не станет, — ответил я. — Вы же знаете, они гордые.

— Могут просить другие, — пояснил он. — Главное, чтобы это было легитимно в глазах общественности. Ладно, я вас понял. Мне самому этого отважного и глупого гордеца жалко. Как только получу просьбу, сразу же заменю четвертование на плаху.

— А просьбу...

— Организую, — ответил он небрежно. — Если не будет подлинных.

— От родни точно не будет, — сказал я. — Четвертование — это для крупных государственных преступников. Отец Карвин Хрутер, герцог Сафкердский и Унерольдский... ух какие гордые титулы!.. точно предпочтет, чтобы его сына четвертовали, а не просто отрубили голову, как мелкому дворянчику... Честь рода!

Он взглянул на меня искоса.

— Тогда лучше четвертовать?

— А зачем идти на поводу оппозиции? — спросил я.

Он подумал, нехотя кивнул.

— В какой-то степени верно. Лучше казнить как зурядного дворянина. Не стоит придавать мятежникам большого значения.

Мы потягивали неспешно вино из дорогих кубков, поглядывая друг на друга, я с подчеркнутым дружелюбием не обремененного никакими заботами человека, даже не человека, а консорта, это что-то вроде стрекозла, постоянно пьющего нектар, хотя, правда, с одного и того же цветка, зато — королевского!.. а он с видом настоящего мужчины, что милостиво позволяет по своей душевной щедрости находиться в своем обществе, подумать только, консорту...

Я не стал ожидать, когда он осушит фужер до дна, мне плевать на этикет, который еще не существует, наполнил снова по самый край, и король, уже без опаски, тут же сделал большой глоток.

— В моем королевстве, — сказал я неспешно, — однажды была схвачена группа мятежников, что замыслили убить короля. Их приговорили к смертной казни, но в последний момент король заменил на вечное заточение...

Он кивнул.

— Та-ак... И что вышло?

Я усмехнулся.

— Догадываетесь? Один из самых неистовых, оставшись в одиночной камере и не общаясь с товарищами, перебрал свою жизнь, подумал, еще раз подумал... и понял, каким дураком был. Там же в камере он изменился. По-настоящему. После освобождения вышел, кто бы мог подумать, мудрецом, написал трактаты «Преступление и наказание», «Идиот», еще что-то, не читал, только слышал, я же человек культуры... В общем, король, отменив казнь, дал стране очень цен-

ного человека, который прославил королевство и в тех землях, где о нем и не слыхали.

Король с удовольствием рассматривал игру закатных лучей в темно-красном вине, на меня не смотрел, и его слова прозвучали как бы вскользь:

— А что другие?

Я пожал плечами.

— Не знаю, если честно. Думаю, и они поумнели. Видимо, стали нормальными членами общества.

— Надеюсь, — проговорил он с невеселой иронией, — барон Джильберт на плахе повзрослеет быстрее.

— Он уже повзрослел, — заверил я. — Пусть еще недостаточно для помилования, но очень важно, что все-таки добрался до семьи, повидался, увидел слезы жены и детей, скорбь престарелых родителей, выслушал их, еще раз подумал, чего раньше вообще не делал...

Он смотрел на меня с вопросом в глазах.

— И что?

— Когда поднимали мятеж, — пояснил я, — никто из них не думал ни о жене, ни о детях. Таковы мы, мужчины! В первую очередь — дело. А также честь, слава, подвиги, почтение в обществе... Но когда вы разрешили навестить семью для прощания, он увидел их скорбь, их слезы, увидел отчаяние жены и горе отца и матери...

Он слушал внимательно, задумался.

— Хотите сказать...

— Да, — подтвердил я. — Думаю, уже понял многое. До этого не ценил то, что у него есть семья, как это у всех нас бывает, а когда понял, что видит их в последний раз, и больше все, никогда... Знаете ли, это способно перевернуть душу даже матерого воина, а не только такого прекрасногодушного... и не шибко умного, как вы сами наверняка заметили.

Он кивнул.

— Да, у них весь род таков. Прекрасные недалекие люди. Честные, но глупые. С такими хорошо иметь дело, когда они на твоей стороне. Когда нет — хуже не отыскать противников. Таких ни соблазнить, ни подкупить, ни запугать...

Я взглянул на опустевший фужер, подумал и наполнил его марочным коньяком.

— Это другое вино, Ваше Величество. Помогает заснуть крепким здоровым сном.

Он сделал глоток, надолго задохнулся, но великолепие незнакомого напитка заставило губы раздвинуться в счастливой улыбке.

— Да, — прохрипел он, — в самом деле... Конечно, даже после одного-двух глотков такого прекраснейшего вина... делами государства заниматься, мне кажется, не стоит.

— А мы уже все закончили, — заверил я. — С утра отправлюсь дальше.

Он полюбопытствовал:

— И часто вот так?

— Как?

— В одиночку? — пояснил он. — Без свиты?

— Чаще, — ответил я дипломатически, — чем хотелось бы. Вы же знаете по себе, как трудно подобрать умелых и толковых исполнителей!.. Чаще проще сделать самому, чем даже объяснить, что требуется...

Он вздохнул тяжело, пригорюнился.

— Горькая правда...

За дверьми слышались голоса, король поморщился, но дверь все же отворилась, заглянул важный дородный человек и сказал торопливо:

— Простите, Ваше Величество, что прерываю, но... еще раз простите, прибыл барон Джильберт Шервин, мятежник, как вы помните...

— Помню, — буркнул король. — Тащите его сразу на плаху, пока снова что-то не стряслось!

Тот моментально исчез, даже без поклона, я понял, что и здесь в узком кругу обходятся без формальностей, так что король в какой-то мере нравится, не дурак и не требует соблюдения протокола, когда это тормозит процесс.

Он поднялся, сказал обрюзгшим голосом:

— Пойдемте посмотрим?

— Сразу на плаху? — поинтересовался я. — Не на городской площади? Где весь народ увидит и оценит справедливость закона?

Он отмахнулся.

— Насмотрелись, когда там рубили головы основным зачинщикам. А мелких вешали. Три виселицы стояли! Для барона не стоит затевать все заново... А на задний двор дворца сбежится достаточно челяди. Зрители будут и всем перескажут.

— И то верно, — согласился я. — Когда зрелище с доставкой на дом, так даже комфортнее. Можно смотреть из окна, держа в одной руке пирог, в другой чашу с вином.

Мы покинули кабинет, короля тут же окружили его придворные, он отдал ряд коротких приказаний и, отпустив нетерпеливым жестом, повернулся ко мне.

— Вот сюда, Ваше Высочество. Там хороший балкон, прекрасный вид на задний двор. Я частенько люблюсь, когда там тренируются мои воины...

— А они, — сказал я понимающе, — видя, как за ними наблюдает сам король, из кожи лезут?

Он улыбнулся.

— Не без того. Но это же хорошо?

— Прекрасно, — воскликнул я. — Подданные должны стремиться вырвать похвалу даже у скупого на одобрение короля!

— Я не скупой, — заверил он. — Похвалы же ничего не стоят. С другой стороны, конечно, нельзя их обесценивать слишком уж...

Узким коридором вышли на просторный балкон, слуги за нами тут же принесли и поставили легкий столик и два плетеных кресла, которым не страшен дождь, если вдруг забудут убрать, а король наклонился над перилами и всмотрелся во двор.

— Мы вовремя, — сказал он довольно.

Глава 3

Из-за массивного левого крыла вышла группа мужчин. Во главе гордо и красиво идет молодой барон Джильберт, бледный, но решительный, в темном дорожном плаще, но на ходу развязал на горле завязки, небрежно сбросил на руки ближайшему из сопровождающих. И хотя там оказался не слуга, но весьма солидный придворный, тот принял покорно, все-таки последняя воля идущего на смерть.

Мы с королем с балкона наблюдали, как все останавливались у помоста, там только плаха, за палачом послали в великой спешке, все должно быть наоборот: палач обязан ждать жертву, зловеще опираясь на огромный ритуальный топор, непригодный для яростной схватки в сражении, а выкованный специально для таких вот случаев.

— Отсечение головы, — сказал я, — должно быть нравоучительным зрелищем.

— Будет, — заверил король. — Уже говорил, на городской площади казнили всех главарей. Но и смерть барона засвидетельствуют многие. А без красной дорожки на этот раз обойдемся.

Ждать пришлось довольно долго, слуга дважды появлялся с кувшином в руках и наполнял нам кубки, наконец во дворе появился спешащий к помосту палач, огромный малый, на груди кожаный фартук, это чтоб не испачкать кровью одежду, на голове маска с прорезями для глаз.

Мне показалось, что сидит не совсем плотно, роль покосился на меня, хмыкнул.

— Заметили?..

— А где настоящий?

— За городом, — объяснил он. — Там у него домик. О любой казни объявляют заблаговременно, так что никогда не опаздывает. Это с бароном исключительная ситуация.

— Лишь бы не промахнулся, — сказал я и передернул плечами. — А то одному рубили раз пять...

— Что? — спросил он с интересом. — Тоже новичок?

— Говорят, — сказал я, — враги подпоили палача, чтобы еще и казнь сделать мучительной. Тот все промахивался и рубил в спину...

— Бр-р-р, — сказал он. — Представляю! Омерзительно. Надеюсь, здесь все пройдет чище.

С Джильберта сняли камзол, оставив в белой рубашке. На помост тем временем торопливо взобрался священник и, развернув молитвенник, повернулся лицом к плахе и замер в скорбном молчании.

Палач взошел по ступенькам неторопливо, то ли соблюдая статус, то ли путаясь в чужом фартуке, у плахи остановился в слишком картинной позе, уперев острие топора в темное дерево.

Стражи, что преграждали барону дорогу к помосту, расступились, и Джильберт почти взбежал по ступенькам, настолько молодой, красивый и сияющий, что

в увеличивающейся толпе во дворе слышались горестные вздохи.

Священник торопливо причастил, судебный исполнитель прочел приговор, Джильберт выслушал спокойно, не дрогнув лицом и не шевельнув даже бровью.

— Желаете что-то сказать перед казнью? — спросил исполнитель.

Джильберт покачал головой.

— Нет... Все правильно. Мы подняли мятеж против короля, это нарушение закона, и все поплатились. Закон суров, но это закон. Я не прошу милосердия и не желаю его, мы все сделали правильно, я не раскаиваюсь!

Он без напоминания пошел к плахе, опустил голову в специальный вырез, чтобы палач не ударил слишком близко к затылку, сразу же выбросил в стороны прямые руки с растопыренными пальцами, как знак того, что он готов.

Палач медленно опустил топор острием на обнаженную шею жертвы, примерился, вскинул топор, но засомневался и еще раз для точности прикоснулся холодным лезвием к тому же месту приговоренного.

Наконец топор красиво и грозно взлетел над головой в кожаной маске. Я видел, как Джильберт задержал дыхание и закрыл глаза. Солнце заиграло на широком лезвии, толпа затаила дыхание.

Звонко пропел рожок, все повернули головы в нашу сторону. Король с балкона милостиво взмахнул белым платком.

Палач медленно опустил топор и, уперев острием в дощатый пол, красиво оперся на рукоять мускулистыми руками. На помост поднялся герольд, прокричал звонко, поворачиваясь во все стороны:

— Его Величество король Эдвин Рафнсварт милостиво заменяет смертную казнь путем усекновения головы бессрочным заточением в Башне Смерти!..

Толпа ошарашенно безмолвствовала, наконец кто-то заорал ликующе:

— Да не прольется кровь единственного наследника древнего рода герцогов Хрутеров!

Еще несколько голосов в толпе поддержали, но остальные собравшиеся показались мне явно разочарованными. Любая казнь — это красивое и нравоучительное зрелище, а казнь высокорожденного — вдвойне. Можно сказать детям насчет нужности соблюдения правил, вон даже высокие титулы не спасают, да и вообще просто приятно посмотреть, как палач рубит головы знатым.

Я пробормотал:

— Вы подготовили это заранее?

Король снисходительно улыбнулся.

— Нет, по дороге на балкон.

Я вспомнил, как к нему подходили за указаниями придворные, промолчал и только смотрел, как сразу несколько слуг торопливо сервируют стол там же на балконе. Вечер обещает быть теплым, и хотя нам заботливо набросили на плечи нечто вроде теплых халатов, но все равно начало лета, тепло еще не ушло из воздуха, а до холодной ночи далеко.

Обожаю эти моменты, когда солнце опускается к горизонту, косые лучи с невероятной резкостью высвечивают каждую травинку, все обретает добавочную глубину и объем, краски становятся ярче и насыщеннее. Я, равнодушный к красоте природы, только в эти минуты замечаю ее и всякий раз охаю, будто увидел первый раз: ух ты, а это, оказывается, просто сказочно красиво!

Перед нами два кубка и серебряный кувшин с вином, но я жестом отослал недоумевающих слуг, а король с напряженным вниманием смотрел, как перед

нами медленно возникают из ничего фужеры из тончайшего стекла.

Я наполнил мадерой, она как раз под очарование этого вечера, взглянул на короля и взял свой бокал. Король повторил мой жест, но после первого же глотка взгляд прояснился, а жесткие складки на лице разошлись.

— Ваше Величество, — сказал я, — это был очень мудрый поступок.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Да?

— Подарив барону Джильберту жизнь, — пояснил я, — вы показали себя мудрым и великодушным королем...

Он поморщился.

— На самом деле, если честно, я вообще отпускал его прощаться с семьей в надежде, что не вернется. И спасет свою шкуру.

— Но опозорит себя и свой род? — спросил я. — Он же не отдельный человек, а часть рода. Ну, как муравей, что лишь часть муравейника... Но заменив казнь на вечное заточение, вы сделали великолепный ход. Никто не узнает ваших истинных побуждений, кроме вас самого, зато народ и знать увидели ваше великодушие. Пусть даже кто-то и догадался, что будет дальше, это не так важно.

Он спросил с интересом:

— А что будет дальше?

— Через какое-то время, — сказал я с убеждением, — вы его отпустите по случаю какой-нибудь славной годовщины битвы, замужества вашей дочери или рождения внука.

— Гм, — проговорил он с прежним интересом, — а на чем вы основываете свои странные предположения?

— Но я угадал?

Он усмехнулся.

— Все равно мне интересно.

— Во-первых, — сказал я, — пройдет время, память о мятеже сгладится, у всех новые заботы, и освобождение пройдет практически незамеченным. В смысле, уже никому не будет, кроме самого барона Джильберта и его семьи, до этого дела. Во-вторых, что самое главное, он за это время в самом деле станет другим человеком...

Он присматривался ко мне с его большим вниманием и странным интересом.

— Да, вы уже говорили. Хотя у меня и есть серьезные сомнения, такие твердоголовые не меняются, но все же... пусть.

— Кстати, — сказал я, — Ваше Величество, напомните-ка детали насчет наших отношений...

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Ваше Высочество?

Я пояснил торопливо:

— Отношения наших королевств, я хотел сказать. Как соседи, мы не просто заинтересованы в дружбе и сотрудничестве, но и просто обязаны крепить узы братства и единства...

Лицо его становилось все холоднее, я не понимал, чем это вызвано, а он откинулся на спинку кресла, подумал, продолжая мерить меня достаточно недружелюбным взглядом... нет, даже не столько недружелюбным, а больше как бы умаляющим мою значимость, а это подразумевает, что я оскорбил его, даже заговорив о таких высоких делах государственной важности.

— Ваше Величество? — спросил я.

Он вздохнул, поморщился, губы искривились в недовольной гримасе.

— Ваше Высочество, — ответил он, — вы угостили меня дивным вином. Я это ценю. И готов с вами говорить об этом вине хоть весь вечер. Но только о вине, как вы должны понимать.

Я вскинул в удивлении брови.

— А почему нельзя...

Он снова поморщился.

— Принц, ну почему я вам должен разъяснять такие простые вещи? И, должен признаться, неприятные?

— Ваше Величество?

Он ответил нехотя, даже взгляд отвел в сторону:

— Принц, вы... консорт. Правит Мезиной королева Ротильда. Она и принимает решения, с кем дружить, с кем торговать, с кем воевать. Не обижайтесь, но с моей стороны обсуждение с вами важных государственных вопросов будет умалением моего достоинства и уроном королевской чести.

Я даже задохнулся от такого неожиданного удара, словно кувалдой мне в солнечное сплетение, но он прав, я даже как-то не подумал, что не консортье это дело — интересоваться вопросами межгосударственных отношений! Консорт — это нечто при спальне королевы. Это самец, отловленный для утех королевы. И, может быть, способный при удаче зачать ей сына, который станет королем, что никогда не бывает доступно консорту.

— Ваше Величество, — произнес я как можно дружелюбнее и бесхитростнее, я же консорт, мне все можно, — еще по глотку вина... и поспешу по своим делам. Увы, они есть даже у консорта.

Он промолчал, знаем, дескать, какие дела у консортов, но взгляд достаточно красноречив.

— Что, вот так на ночь глядя?

— Ваше Величество, — сказал я заговорщицки, — у консортов свои радости!

Глава 4

Как только высокие стены Бьернии скрылись из виду, я ощутил сильнейшее желание остановиться и воспользоваться Зеркалом Горных Эльфов. В конце концов, удастся протаскивать в него не только упирающегося Бобика, но даже арбогастра, а это значит, через пару минут окажусь в виду стен Дартмута, столицы королевства Шателлен, где у меня не просто дружественный правитель, но и, как бы сказать, полутесть, ибо его великолепная дочь Франка мне доводится полуженой. Может быть, именно потому король Найтингейл фактически единственный, кто не предал и не попытался улучшить свое положение за мой счет после того, как и до него доползли слухи об исчезновении без следов в суровых снегах севера этого самонадеянного принца, посмевшего выступить навстречу самому Мунтвигу...

— Нет, — сказал я со вздохом и пустил Зайчика вскачь, — это мои земли! И если не проеду по ним хотя бы раз, как проверить, когда брешут красиво и умело, а где по каким-то причинам почему-то говорят правду?

Вообще-то, в этих краях уже бывал, мне предстоит всего лишь около сотни миль промчаться до границы с Турнедо, а там по другую сторону уже Шателлен, но раньше именно проскакивал эти земли, ни разу не задумываясь, по какой земле стучат копыта моего арбогастра, и что с нею делать, а уж о том, как развивать ее быстро и правильно, вообще не приходило ни в голову, ни куда-то еще.

Незаметно пересекли условную границу с Турнедо, что уже не королевство, а название земель в этом регионе, здесь часто приходилось резко снижать скорость перед разломами в земле, хотя это арбогастр делает сам, меня не спрашивая, лес старались огибать по широкой дуге, но в этот раз деревья вытянулись на пути

такой длинной полосой, что арбогастр принял решение пересечь его напрямик, то есть ощутил, что это займет не много времени.

И уже вдали показался просвет между толстыми стволами, когда из-за могучего дуба вышла молодая женщина в очень легком платье и медленно пошла ко мне, призывно протягивая руки. Низкий вырез платья почти не скрывает ее крупную грациозно покачивающуюся грудь, ноги длинные, хотя в бедрах широки, представляю, какая там у нее задница...

Я остановил арбогастра, вытащил меч, а Бобик слегка зарычал, поглядывая то на меня, то на женщину.

— Сам справлюсь, — сказал я успокаивающе. — Наверное, еще хватает идиотов, что даже не задумываются, откуда вдруг в лесу одинокая женщина с таким холемым лицом и роскошным телом.

Он помахал хвостом, соглашаясь и одновременно напоминая, что я и сам был таким, пока пару раз не обжегся. И почему, договорил я, идет так грациозно нежнейшими босыми ступнями по сухой земле, где полно всяких колючек, и ни разу даже не поморщится, словно крестьянка с их крепкой, как копыта, кожей.

Другой рукой я на всякий случай выудил крестик, подаренный отцом Бенидерием, и зажал в кулаке. Надо опробовать в разных ситуациях, вдруг он не только против мертвых вампирш.

Женщина остановилась между деревьями, на ее прекрасном бездумном личике по-прежнему играет ясная и безмятежная улыбка, что так нравится нам, доминантным самцам, а с женщинами мы пока что все доминантные. Грудь ее за это время стала еще крупнее и приподнялась, почти вылезая наружу крупными красными кончиками.

— И что? — спросил я с интересом. — Давай дальше! Я натуралист, а ты все еще редкая натура, хоть и примелькалась.

Она опустила было руки, так как я должен быть покинуть седло и ринуться к ней, но я все еще на коне, и она снова протянула ко мне руки тем же умоляющим жестом.

— Я старый воробей, детка, — ответил я с полным чувством превосходства. — Видишь, этот трюк не работает. Устарел. Давай следующий... Хотя нет, погоди! У меня к тебе интересное предложение... Нет, не то, что ты подумала, если ты можешь думать, в том предложении ничего интересного, а у меня в самом деле интереснейшее! Что, если тебя так приручить можно? Кормить будем до отвала. И жизнь твоя будет интересной, хоть и скучной...

Идея была, конечно, сумасшедшая, вряд ли даже осуществимая. Раз она улавливает желания жертвы, то умеет превращаться в оленей, кабанов и прочих зверей, что обитают в этом лесу. Раз она умеет и человеку показывать то, чего это двуногое хочет, говорит о ее гибкости и быстрой перенастройке, все-таки основная ее добыча, конечно, не люди... С другой стороны, понятно же, что двуногое хочет того же, чего и любое четвероногое...

Вот было бы здорово держать ее в соседней комнате, пусть на цепи и прикованной к стене, а когда входят мои лорды, видеть, во что она превращается. Ну ладно, это просто забава, а вот когда буду принимать иностранных послов или встречаться с королями, то это уже может принести и ощутимую пользу.

Для одних будет превращаться в роскошных женщин, а для кого-то, к примеру, в козу... что грех не использовать к вящей славе Господа и моих интересов.

Не знаю сам, чего я ожидал, однако ее лицо вдруг исказилось лютой гримасой, она пригнулась и ринулась в мою сторону, быстро-быстро набирая скорость. На последнем шаге с силой оттолкнулась от земли и взлетела в прыжке, нацелив руки с быстро удлиняющимися когтистыми пальцами в мое горло.

Мне показалась в последний момент хищной птицей, изготовившейся ухватить мышонка, лицо тоже удлинилось, как у зверя, блеснули клыки...

— Ах так, — вырвалось у меня жалкое.

Не знаю, что я хотел вякнуть, но арбогастр лишь тряхнул ушами, но с места не сдвинулся. В десятке дюймов от меня ее встретило нечто, вроде стены из прозрачайшего стекла. Удлиненное лицо сплющилось от удара, как мокрая глина, когти беззвучно заскользили по незримой преграде.

Я воспрянул духом, грудь сама собой подалась вперед, а плечи гордо раздвинулись.

— Ну, — проговорил я, — если для человека с любовью к труду преград не существует... то ты точно работать не любишь.

Она упала на землю, подхватилась, уже не женщина, или не совсем женщина, прыгнула снова и ударилась с еще большей яростью. Стена не подалась, хотя и не вредит этому существу, у меня на ее месте уже бы вся морда окровянилась, а этой хоть бы что, будто у нее и нет крови...

— Если нет, — пробормотал я, — то тебя могут употреблять даже вегетарианцы. Но я не вегетарианец, хотя и вегетарианец тоже...

Она отбежала в сторону, но, чувствую, только для того, чтобы взять разгон. Арбогастр красиво изогнул шею и посмотрел на меня с укором.

— Ты прав, — сказал я, — нужно с этим заканчивать.

Я сунул крестик в карман, а в руку взял меч и выставил его острием вперед.

Она ринулась снова так же глупо и бездумно. Бобик глухо зарычал, лапы напряглись для прыжка, но покосился на меня и остался на месте.

Острый клинок вошел ей в живот, она как будто не ощутила и продолжала тянуться ко мне, и окровавленное жало вышло из ее спины. Только сейчас она ощутила нечто неладное, дернулась, по телу пошли судороги, а в бездумных глазах появилось тупое недоумение.

Я разжал пальцы, она рухнула, соскальзывая с лезвия меча, медленно поднялась на колени, в глазах растет уже дикое непонимание, затем так же неторопливо завалилась на бок.

Руки и ноги заскребли землю, Бобик фыркнул и потер нос лапой. Я тоже ощутил неприятный запах, но у меня обоняние не такое чуткое, зато сразу увидел, как тело начало меняться, превращаясь в существо, которое я подсознательно и ожидал.

— Хамелеон, — сказал я с отвращением, — Господи, неужели мое нутро о такой грезило, когда я сам мыслил о высоком?.. Нет, ну не могу же я быть таким уж лицемером! Перед другими приходится, но перед собой?

Существо продолжало расплываться и даже растекаться по земле, словно скелета нет вовсе. А может, и нет, живут же всякие там медузы или осьминоги без него, не жалуются.

— Но хамелеон не простой, — пробормотал я, вытирая меч и чувствуя, как опускаю новую крупинку знания в один из все еще пустующих отделов своего могучего мозга. — Иначе бы крестик не среагировал...

Бобик посмотрел на огромную лужу на том месте, где был монстр, отбежал к дальним деревьям, за которыми просвет, оглянулся.

— Ты прав, — сказал я. — Зайчик, он прав? Или просто догадывается?

Арбогастр кивнул, пошел рысью, огибая завалы и грациозно перепрыгивая стволы упавших деревьев.

Через пару минут деревья расступились, и мы по-неслись, набирая скорость, по ровной долине с редкими пологими холмами, где далекие горы далеко справа, а слева почти такие же, но пониже.

Времени остается совсем мало, почти на середине Турнедо, даже на ее южной половине, граничащей с Армландией, я догнал легкие воинские части барона Норберта, велел остановиться в сорока милях впереди, там прекрасная и просторная долина Отца Миелиса, а по обе стороны два огромных и густонаселенных города Штайнфурт и Воссу.

Самого сэра Норберта с самыми быстрыми конниками в передовом разезде я догнал уже в самой долине.

Он остановил коня, а когда я приблизился, покинул седло и преклонил колено.

— Ваше Величество...

— Сэр Норберт, — сказал я с облегчением. — Слава Богу, не пришлось вас ловить, барон!

Он спросил с беспокойством:

— Что стряслось, Ваше Величество?

— Здесь будет место великой битвы, — сказал я возвышенно. — Даже величайшей. Вам со своими людьми надлежит провести предварительную рекогносцировку. Я сейчас спешно установлю маяк, а вам надлежит охранять это место до тех пор, пока не подойдут тяжелые и очень тяжелые войска. А также обоз.

Он смотрел очень внимательно, лицо стало предельно серьезным.

— Маяк будет нуждаться в охране?

— Увы, — ответил я. — Еще как. Это маяк древних!.. Мы ожидаем, что Маркус опустится где-то с ним рядом. Но его нужно охранять от религиозных фанатиков, что будут бросаться камнями, называя орудием дьявола. Вы можете сопровождать меня, если хотите.

Он воскликнул:

— Разумеется! Если не ускачете...

— Нет, — ответил я. — Вон тот холм выглядит вполне.

Он отдал приказ конникам, те мгновенно рассеялись, умчались во все стороны, а сам поспешил за мной следом.

Бобик, все понимая, первым взлетел на вершину низенького приплюснутого холма и там вертелся, как выюн, стараясь понять, чего нас сюда несет, если тут голо и пусто.

Я спрыгнул на землю, арбогастр некоторое время поглядывал на меня, поедет или нет дальше, но вскоре потерял интерес и отошел в сторонку, пощипывая траву, а потом принялся, выбил копытом из-под земли проржавевшую подкову и с хрустом сожрал ее вместе с комьями земли.

Норберт покинул седло, не поднимаясь на самую вершину; неприлично верхом, когда король прогуливается на своих ногах, подошел с непривычной осторожностью.

— Ваше Величество?

— Да-да, — ответил я с внутренней дрожью. — Надо... хотя мы запомним этот миг, что изменит мир.

Он остановился и даже не последовал за мной, когда я отошел шагов на пять, словно такая точность что-то в этом случае да значит, выловил в самом маленьком кармашке то самое зерно, храню отдельно от остальных, вытащил меч и острием на глубину половины ладони ковырнул землю.

Зернышко упало на самое дно, я с тревогой старался сообразить, с достаточной ли силой сжал этот зародыш, запуская механизм пробуждения, пока вроде бы ничего не происходит...

Норберт наконец приблизился, опустился рядом на корточки. Взгляд его пробежал по земле и отыскал в ямке поблескивающее металлом зерно.

— Ваше Величество...

— Сэр Норберт?

— Не думаю, — сказал он, — что вот так сразу и пустит корни... да еще железные! Никакая трава так быстро не растет. Возвращайтесь в лагерь. Для вас разобьют шатер.

— Мне бы только увидеть, — сказал я жадно, — что оно... еще живо.

Он посмотрел на меня чуточку странно, как может этот металлический обломок размером с горошину быть живым, но смолчал, своему сюзерену нужно верить безоговорочно, оглянулся на свой отряд.

— Ну вот, шатер уже ставят.

— Подожду, — ответил я.

Он вздохнул, некоторое время мы сидели не отводя взглядов от зернышка. Наконец начальник разведки начал проявлять признаки нетерпения, я собрался уже послать его к лагерю волевым решением, когда из ямки донесся легкий щелчок.

Я затаил дыхание, земля вокруг зернышка слегка взбугрилась, получилось ровное такое колечко.

— Сработало, — прошептал Норберт.

— Да, — ответил я тоже тихо и не шевелясь, словно боюсь спугнуть, вдруг да выпрыгнет, как кузнечик, и улетит, распутив слюдяные крылышки. — Запускает корешки.

Он покачал головой.

— Невероятно...

— С Божьей помощью, — ответил я твердо и перекрестился, — в нашем мире вероятно все, что допускает Господь.

Он наконец оторвал взгляд от зернышка, что снова замерло, поднял голову.

— Я сейчас пришлю отряд, — сказал он. — Как я понимаю, это объект повышенной охраны.

— Чрезвычайно повышенной, — подтвердил я. — Я уже послал во все стороны гонцов, чтобы собрали священников, а самых быстрых к отцу Дитриху.

Он кивнул, добавил, выказывая хорошую память:

— А также архиепископу Сен-Мари, прелату Его Святейшества, примату всей Армландии, Турнедо, Варт Генца, Скарляндии...

— А теперь еще и Великой Улагорнии, — сказал я, — о чем он еще не знает. Но самое главное, великому инквизитору!

— Да, — согласился он, — это весомее, чем даже кардинальская мантия.

Я посмотрел на него очень внимательно.

— Что-то знаете?

Он загадочно улыбнулся.

— Просто предположил.

— Свое дикое предположение никому не высказывайте вслух, — велел я. — А то отец Дитрих вдруг да решит, что это я проболтался. Пришлите самых верных, исполнительных и не трусливых!

Он поднялся на ноги, во взгляде появился укор.

— Ваше Величество!

— Действуйте, барон, — ответил я. — Не вечно же мне здесь сидеть на четвереньках.

Он птицей взлетел на коня, как ураган скатился по склону, а в лагере тотчас же к нему сбежались все его люди. Через четверть часа холм окружили у основания

по периметру, а сам Норберт поднялся ко мне и доложил, слегка запыхавшись:

— Я решил, что лучше сюда вообще никого не допускать. Объяснил, что здесь ожидается чудо Господне, и сюда уже едут священники из Армландии и Турнедо.

— Хорошее решение, — сказал я с облегчением. — Смотрите, что было за это время...

Валик земли вокруг зернышка заметно поднялся, теперь наверху блестит только крохотная точка металла, но и ее засыпало, пока мы таращили на нее глаза.

— Что теперь? — спросил он снова шепотом. — Оно не уйдет в землю?

— Вряд ли, — ответил я с сомнением. — Хотя, конечно, должно запустить корни поглубже.

— А запустит?

— Если вашему королю надо, — ответил я с достоинством, — то еще как запустит! Чтобы соки земли тянуть, надо же питаться, иначе как расти, и чтобы ветром не вывернуло?

— А наверх?

— Попрет, — заверил я, хотя на сердце было холодно. — Куда денется!

Он с тревогой смотрел, как я присыпал землей, разминая ее в пальцах для рыхлости, а сверху ямочку накрыл тоненьким слоем почвы с растущей травкой.

— Теперь никто не найдет, — сказал я, — это секретнейшее место. А в лагере надо велеть всем помолиться на ночь, чтобы Господь явил чудо в поддержку нашего воинства.

Он подумал, кивнул.

— А за ночь вырастет?

— Не знаю, — ответил я честно, — Но даже если росток покажется, и то хорошо. А если нет... надо молиться каждый вечер. А когда придут священники,

пусть устроят крестный ход вокруг холма с пениями псалмов и призывами к Господу явить свою милость.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Ваше Величество, а вы настоящий государь.

Я спросил настороженно:

— Это в каком таком смысле?

— Ничего не упускаете, — ответил он. — Я бы даже не подумал о священниках, как и все военачальники, которых знаю. А вы zelo мудро... Вы идите отдыхайте, а я тут посторожу.

— От кого? — спросил я в удивлении.

— От вашей собачки, — ответил он и посмотрел на меня очень серьезно. — Если захочет тут порыться, весь холм снесет!

Я поморщился, спросил с неохотой:

— А чего вздумает рыться?

— Ваш запах, — пояснил он. — Вдруг возжелает посмотреть, какую сладкую косточку вы там спрятали?

— Бобика никуда не отпущу, — пообещал я. — А потом вообще двинусь дальше, дел много.

Вечером весь отряд в две сотни человек прочел молитву, стоя лицом к холму, а утром ко мне в шатер ворвался сотник Мериний, встрепанный и возбужденный до крайности:

— Ваше Величество!

— Что стряслось? — буркнул я.

— В лагере архиепископ! — вскричал он.

— И что? — осведомился я. — Это я его вызвал... А если это отец Дитрих, то пригласил любезно. Успокойся, мы на стороне церкви. Вернее, она пока что на нашей стороне. Где он?

— Только въехал на ослике, — сообщил он быстро, — благословляет воинов...

— Прекрасно, — ответил я.

Он выметнулся, я сделал радушное лицо, хотя обрадовался на самом деле, но вдруг да чего не так. Вышел наружу и увидел, как отец Дитрих слезает с ослика, почтительно поддерживаемый воинами.

Я бросился навстречу, смиренно преклонил колено и поцеловал руку.

— Отец Дитрих!.. Как же мне вас недоставало!

Он со сдержанной улыбкой благословил меня, быстро нарисовав над моей головой крест размером с комара, кивнул в сторону шатра.

— Пойдем, расскажешь.

В шатре он опустил в первое попавшееся кресло, что значит — устал в дороге, произнес строго деловым голосом:

— Рассказывай.

Я спросил почтительнейшим голосом:

— Может быть, вина? Или отдохнете с дороги?

— Как-нибудь потом, — ответил он. — И отдых тоже.

Я в изумлении смотрел, как он подержал над столом руки, пробормотал незнакомую мне молитву, ни в одних святцах не встречал, перед ним медленно появилась чашка с дымящимся горячим кофе.

Он с усмешкой взглянул в мое лицо.

— Забыл? У тебя подсмотрел. Должен признать, чудесный напиток.

Я опомнился, сказал торопливо:

— Тогда я должен угостить вас... тем более. А то вам, отец Дитрих, приходится употреблять всегда один и тот же сорт.

— А что, — спросил он, — есть и другие? Впрочем, обилие на столе хорошо для женщин, но не для мужчин, что перестраивают мир.

— Золотые слова, — воскликнул я. — Я сам вовсе не злоупотребляю разнообразием, больше для других

стараюсь. Да и то настоящие мужчины не слишком разбираются в этих ненужных тонкостях.

Он с интересом посмотрел на ряд мелких чашечек, что медленно возникают перед ним, начал пробовать с отстраненным видом, а я начал рассказывать ровно и медленно, чтобы не отвлекать:

— Как вы и велели, я достиг далекого севера и посетил там Храм Истины...

Он сказал с удовольствием:

— Я не велел, а советовал, но рад, что ты последовал доброму совету.

— Вы были правы, — сказал я, — тьма в моей душе разрасталась слишком быстро и готова была захватить меня всего, сделав ее воином. Однако священники и монахи сумели изгнать...

Он прервал:

— Полностью?

Я смутился, отца Дитриха не обманешь, ответил поспешно:

— Наверное, могли бы изгнать, сочли более целесообразным поставить ее под мой контроль. Дескать, нечистая сила в чистых руках непобедима! Сейчас меня даже соблазны ее не терзают. Да и некогда, честно говоря, на всякую хрень отвлекаться, когда вот-вот всех нас накроет и ввергнет в огненную бездну Маркус...

Он нахмурился.

— Маркус... да, Маркус... Даже в высших кругах церкви разногласия. И что собираешься делать ты? Я же вижу...

— При поддержке Храма Истины, — сказал я твердо, не моргнув и глазом, — и собрав все воинские силы, намерен дать бой. Для этого, отец Дитрих, я только что посадил в землю как репку маяк, что подаст сигнал Маркусу, где и куда садиться.

Я задержал дыхание, ожидая его ответа, он минутку подумал, спросил с расстановкой:

— Посадил... Интересное слово. Маяки обычно строят. Но на тот, что построили бы наши умельцы, Маркус вряд ли обратит внимание.

— Вы правы, святой отец, — сказал я самым убедительным голосом. — Это маяк, который использовали древние. Возможно, в церкви. Я даже уверен, что те древние маяки все находились в руках церкви, ибо кому, как не церковным людям, спасать жизни и души, указывая, куда идти, плыть и лететь?

Он спросил в упор:

— Это маяк... он что, вырастет, как простое дерево?

— Да, — ответил я. — Точно так же, питаюсь соками земли. Только намного быстрее. Он уже растет. Я расставил вокруг него охрану и, конечно, привлек с десятков священников.

Он вскинул брови, но сперва сделал большой глоток кофе из своей большой чашки, перевел дыхание и поинтересовался:

— А священников зачем?

— Если правду, — сказал я, — а вам я всегда правду, одну правду и только правду, хоть и не всю, то священники здесь больше для народа. Маяк и без священников вырастет, зато народ сразу увидит, что все в руках церкви, а то на все незнакомое и непонятное говорят, что от дьявола. Простой народ боится всего нового и потому супротив прогресса.

Он подумал, кивнул.

— В интересах дела? Да, верно. Так народу спокойнее. Многие даже спасение не примут из нечистых рук. Необходимо, чтобы верили, будто это под благословением церкви...

— Я паладин, — напомнил я, — но и мне, как и всему миру, нужна поддержка церкви. Потому и надеюсь

на вас, отец Дитрих. Я должен отбыть собирать силы на борьбу, а вас прошу взять это под свою руку. Маяк будет расти... я даже не представляю, скажу честно, каким он будет, потому народ, возможно, начнет пугаться, пойдут слухи, появятся бродячие проповедники, начнут вещать о руке дьявола, о знамениях, призывать разрушить это гадкое творение, оскорбляющее Господа...

Он кивнул.

— Да, знакомо.

— Необходимо перехватить влияние на массы и на людей, — сказал я. — Слишком уж много поставлено на кон. Нельзя, чтобы нам ударили в спину.

Он допил кофе, лицо чуть посвежелело, а усталые глаза заблестели.

— Хорошо... А вы сейчас куда?

— В Шателлен, — ответил я, — Фоссано, Мезину... Везде плохо, но сам виноват, слишком спешил, а ведь правду говорят, что удержать труднее, чем завоевывать...

Он грустно усмехнулся.

— Взрослеете, сын мой.

— Все еще? — изумился я. — А я-то думал, что уже все на свете знаю и понимаю... Увы, отец Дитрих, вы можете не поверить, но мне в самом деле общаться с вами в радость великую, хоть вы как бы инквизитор, а я вообще консорт... Но даже консорта может дико поджимать время, кто о таком может подумать и поверить в такое? Все ускорилося, я уже всерьез молюсь, чтобы мы успели. Позвольте...

Я поцеловал руку и поспешно вышел из шатра, пока не успел отыскать повод, чтобы задержаться и чешать языком с умным понимающим собеседником.

Бобик на полном скаку возбужденно гавкнул и притормозил так резко, что вспахал лапами твердую землю. В нашу сторону оглянулся с мучительным ожи-

данием, ну быстрее, черепахи, надо мчаться вперед к новым приключениям.

Мы взлетели к нему на вершинку приплюснутого холма. Я остановил Зайчика, охватывая взглядом прекраснейшее зрелище, где сотни крестьян рубят лес, заготавливая березовые дрова, а еще три отдельные бригады ведут, что называется, железную дорогу: одни расчищают место, где пройдет колея, другие укладывают шпалы, а третья бригада вымеряет железнодорожные рельсы и прибывает их к шпалам на точно отмеренном расстоянии друг от друга.

Спиной ко мне сердито притопывает ногой рослый, даже очень высокий мужчина, худой, костлявый, покрикивает сорванным голосом и нетерпеливо властными жестами передвигает группы рабочих с места на место.

За лязгом молотов по железным костылям, ими прикрепляют рельсы к шпалам, не услышал нас, пока Бобик не подошел и не обнюхал его руку.

Он в ужасе отпрыгнул, оглянулся с дикими глазами. Я приветливо улыбнулся.

— Бог в помощь.

Он вскрикнул:

— Ваше Высочество?.. Как же вы напугали!

Я покинул седло, чуть размял ноги и сказал доброжелательно:

— Высокий лентяй кажется еще ленивее. Это верно?

Он вскрикнул оскорбленно:

— Ваше Высочество!

— Вообще-то, — ответил я, — уже Величество, призывайте к новому титулу. Но это всего лишь титул, а я все тот же. Что здесь у вас? Я вроде бы вас раньше не видел...

Он возразил почтительно:

— Видели, но не обратили внимания. Я помогал тогда отцу Богидерию... Я Руперт Хааг, переведен отцом Тибериусом руководить постройкой железой дороги.

— Отец Богидерий, — проговорил я, — это специалист по металлам? Да, что-то припоминаю. Добро пожаловать, сэр Руперт, в наш ад!

Он взглянул на меня искоса, но не решился поправить, я и так должен знать, что само имя «Руперт» говорит о том, что он никак не может быть сэром, это имя из числа тех, что даются только представителям, как потом скажут, среднего класса, как, к примеру, такое милое женское имя, как Абигель или Абигейла, можно встретить только у слуганок.

— Ваше Величество?

Он произнес это без запинки, что говорит либо о его полном безразличии к титулам, либо о мгновенной обучаемости.

— Хорошо здесь, — пояснил я. — Про ад это я так, к слову. На самом деле если ад и есть на земле, то он в сердцах бездельников и нытиков.

— Спасибо, Ваше Величество!

Я оглядел радостную панораму ударной работы, сказал с чувством:

— Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник!

Руперт подпрыгнул, сказал с восторгом:

— Золотые слова! Ваше Величество, вы просто гений. Я запишу это и буду вдалбливать своим... А вы над чем сейчас работаете?

— Как всякий гений, — сказал я с надлежащей скромностью, — я боюсь работы. Она превращает меня всего лишь в талант.

Он заулыбался, показывая, что понял и ценит чувство юмора и что вообще счастлив быть подданным такого короля.

Я сказал с удовольствием:

— И все-таки прекрасный мир создал Господь.

Он перекрестился при упоминании Господа, так надо, и все видят приличного человека, но остался с полным равнодушия лицом.

— Да, Ваше Величество. Мир создал Бог, но оживил его дьявол.

Я посмотрел сперва по сторонам, никто ли не слышит, потом уже на него с явным интересом.

— Почему так решили?

Он взглянул исподлобья.

— Если бы не Каин, создавший первый город, если бы не его сыновья, начавшие добывать руды и выплавлять металл...

Я вздохнул.

— Да и заселить мир он успел изрядно, пока Адам сто тридцать лет не ложился с Евой после гибели Авеля и изгнания Каина. Когда он наконец-то родил Сифа, за эти годы сколько у племени Каина сменилось поколений?

Он ответил с академическим интересом:

— Можно прикинуть. Сколько у Каина было в изгнании жен? А если учесть, что тогда все жили лет по восемьсот-девятьсот и постоянно рожали...

Я потряс головой.

— Мне даже трудно такое представить. Потомство благородного Сифа затерялось среди каинитов, как редкие песчинки в океане. По сути, все мы — каиниты с небольшой примесью крови Сифа. Однако, дорогой сэръ Руперт, лучше поменьше отвлекайтесь на такие мысли. Инквизиция не дремлет...

На его губах проступила легкая улыбка.

— Вам такое сказать можно.

Я насторожился.

— Почему?

— Говорят, — ответил он тихо, — что вы, оставаясь паладином Господа, не преследуете магов, если те не воюют против вас. И вообще воюете не «против», а «за». И всякий, кто идет с вами, тот не враг.

Я пробормотал:

— Все это так, но пусть это знание не слишком... выпирает. В первую очередь я христианствующий король, а вы — опытный инженер, строитель железной дороги. А все остальное на втором плане.

Он поклонился.

— Ваше Величество, ваши слова полны мудрости.

— И трусости, — уточнил я.

— Осторожности, — поправил он. — Осторожность никогда не бывает излишней. Хотя мы об этом часто забываем. Ваше Величество, работу удалось наладить, теперь ни одно звено не простаивает из-за нерасторопности других!

— А рельсы?

Он развел руками.

— Да, с ними постоянные задержки, но это объяснимо... Однако бригады не простаивают! Я посылаю их рубить лес на дрова для паровой машины, а также строить склады вдоль дороги.

— Разумно, — одобрил я. — Действуйте так и дальше. Карта у вас есть? Давайте сюда. Покажу, как тащить дальше. Пока что ведите ее, как и было намечено моей вельможной, а отныне и королевской дланью, а потом, отвечая на вызовы времени, поведете в Ричардвилль...

Он переспросил чуточку испуганно:

— Ваше Высо... простите, Ваше Величество?

— Самый крупный город на севере, — объяснил я. — Не знали?.. Что за дикари... Правда, этот город

еще не существует, но вы ж должны смотреть в будущее? Иначе как? Мы же люди или кто?.. Вперед и выше! В светлое будущее!

— А Ричардвиль... это светлое?

Я проворчал:

— Хороший вопрос. Вот дотащите туда линию, сами увидите. Ахнете!

Он сказал опасливо:

— Может быть, не надо...

— Чего?

— Чтобы ахать, — пояснил он обстоятельно. — Лучше, когда все понятно.

— Вы настоящий инженер, — одобрительно сказал я. — У инженера все должно быть наперед просчитано! Как смета работ, так и землетрясений. В личной и общественной жизни. Что насчет паровозов?

— На линии уже два, — отрапортовал он. — Один еще на дровах, а второй готовимся перевести, как вы и велели, на каменный уголь. Осталось его только найти, а потом понять, что это и есть уголь... почему-то каменный...

Я вздохнул и махнул рукой.

— Пока пусть оба на дровах. А уголь ищите.

— Может быть, — предположил он робко, — древесный?

— С ума сошли, — сказал я. — А себестоимость подсчитали? Лучше больше дров набирайте в запас. В следующий раз песню привезу типа «Наш паровоз, вперед лети, в Ричардвилле остановка!» и еще «...в котлах нет больше пару...». Нет, про пар это вроде бы про пароходы.

— Ваше Величество?

— Пароходы, — объяснил я, — это пароплавы. На кораблях вообще-то легче установить паровые котлы. Я этим займусь, как только доберусь до Тараскона.

Он зыркнул быстро и весьма испытующе. Чтобы добраться до Тараскона, нужно сперва подмять по дороге весь Сен-Мари, захватить Геннегау, утвердить железную власть по всему королевству, чтобы никто и ничто не могло мешать и даже отвлекать от великих дел.

— Ваше Величество, — сказал он с чувством, — если понадобится, можете дать нам в руки копья и послать в армию. Да ради такого дела...

— Истинный государь, — ответил я напыщенно, — должен беречь умы, а в бой посылать тех, кого не жалко. Хотя мне вообще-то всех жалко, что удивительно, я как бы гуманист, но все же если завтра война, если завтра в поход, если темная туча нагрянет... то лучше не весь наш народ за свободную родину встанет, а те, кто и так жизнь проводят в пьянке и драках, а вы стройте и придумывайте, как строить лучшее и лучше. На сем заканчиваю высокое королевское напутствие, в котором вообще-то ничего не сказал для вас нового, но зато как сформулировал, а? Сам залюбовался!

Бобик примчался с крупным кабаном в пасти, тот еще слабо брыкается, я указал на Руперта, Бобик положил ему под ноги и отступил с ожиданием в глазах.

— Это выражение нашей высокой благосклонности, — объяснил я.

Руперт присел, хотел поднять кабана, но смог оторвать от земли только голову.

— Спасибо, — прохрипел он, — всем расскажу...

Я сказал Бобику:

— Видишь? Тебя благодарят.

Бобик лизнул начальника стройки в лицо, тот от неожиданности завалился на спину, нелепо задрал ноги, а мы с арбогастром красиво развернулись и понеслись в сторону Шателлена, благо до него отсюда рукой подать.

Глава 5

Королевство Шателлен можно назвать мелким королевством, все-таки меньше Фоссано и меньше Турнедо. Даже меньше, как я однажды заметил с гордостью, моей Армландии, где я по-прежнему являюсь гроссграфом.

Но зато по плотности населения превосходит как Фоссано, так и Турнедо. Лучшие долины заселены, на холмах пасутся стада овец, в королевстве несколько герцогств, графств, так что королевством называется по праву, а не только потому, что одному из самых могущественных лордов восхотелось именоваться королем.

Турнедо соприкасается на западе с Шателленом достаточно широко, там, пожалуй, самая длинная граница, что всегда беспокоила шателленцев, когда королем в Турнедо был грозный Гиллеберд, но сейчас Шателлен должен бы молиться за мое благополучие.

После получасовой скачки Дартмут приподнялся на горизонте красиво освещенный закатным солнцем, арбогастр довольно фыркнул, узнавая, там его кормили не только зерном, но и угощали старыми подковами, которые он любит больше всего, словно ребенок, которому дают конфеты.

Я остановился только перед городскими воротами. Стражники вздрогнули от неожиданности, я появился чересчур стремительно, но вытянулись, узнавая, я же здесь не просто гость, а королевский зять.

— Браво, ребятушки, — сказал я голосом рожденного быть хватом, — как там ваши жены, луки заряжены...

И, не слушая ответа, с гиком пронесся под аркой ворот в город, где почти не петлял, сразу выбрав околь-

ную, зато широкую дорогу, и с удовольствием увидел вырастающий в размерах королевский дворец.

Чем чаще вижу, тем больше убеждаюсь, что строил некто лишенный гигантомании, зато создавший не слишком пышный и некрикливый ансамбль, где есть пропорции, соразмеренность и некое сдержанное благородство линий.

Стражники у ворот вытянулись, слуги торопливо распахнули обе створки. Бобик весело пронесся первым, дорогу на кухню знает, да и вообще здесь уже все друзья.

Я передал слугам арбогастра, пошел бодрой пружинящей походкой по ступенькам. Еще от холла брызнули в стороны слуги, спеша успеть разнести весть, что принц Ричард, который так любит являться неожиданным, снова без предупреждения...

А я, пройдя пару залов, увидел Найтингейла. Он стоит ко мне спиной и беседует с придворными. Слуга подбежал к нему и затараторил, но увидел меня и просто испуганно указал рукой.

Я заулыбался и пошел подчеркнуто радостный, а он пару мгновений всматривался в меня, все в таком же камзоле с золотым шитьем, мужчины очень не любят менять что-то из одежды, с окладистой серебряной бородой. На по-прежнему роскошных серебряных волосах та же золотая корона в виде легкого обруча, хотя, думаю, у него и корон несколько для разных случаев, парадных и очень парадных.

Он протянул ко мне руки, я подошел и позволил ему обнять себя. Придворные молча поклонились и, пятясь, отступили, а потом потихоньку исчезли.

— Ваше Величество, — сказал я, — вы не меняетесь!

Он ухмыльнулся.

— Двадцатилетнего и тридцатилетнего всякий различит, а вот шестидесятилетнему можно дать и пятьдесят, и семьдесят... Какими судьбами, принц?

— Счастливыми, — заверил я. — Я же лицезрею вас! Это уже безмерное щасте.

— Вижу, — сказал он, — вы в хорошем здравии. Не так ли?

— Еще бы, — ответил я. — Я же у вас в гостях! И вообще видеть вас, Ваше Величество, радость. Нигде я не чувствую себя так уютно.

— Тогда присядьте, — сказал он. — Вот сюда, здесь удобнее. Сейчас принесут подкрепиться. Вам это понадобится.

Я спросил настороженно:

— Точно?

Он ответил с легким вздохом:

— Если я правильно догадываюсь о причине вашего... поспешного визита.

Я отмахнулся.

— Да пустяки, Ваше Величество. Просто решил навестить своего тестя.

Слуги, неслышно ступая, внесли кубки, кувшин с вином и поднос с холодным мясом.

Найтингейл молча наблюдал, как наполнили нам кубки и удалились, спросил негромко:

— Могу ли я поинтересоваться вашими планами, принц?

Я с удовольствием сделал глоток, вино хоть слабенькое и кисловатое, но превосходно утоляет жажду после яростной скачки.

— Ваше Величество, вы сама деликатность.

Он всмотрелся с некоторой тревогой.

— Неприятности, принц?

Я взглянул на короля поверх края кубка.

— Ваше Величество... кстати, каким бы это боком сказать, чтобы не совсем выглядело хвастовством, хотя, конечно, хвастовство есть, как же без него, родимого? В общем, я уже давно не принц. Или недавно? Да кому нужны эти подробности!

Он посмотрел с тревожным любопытством.

— Эрцпринц?

Я улыбнулся.

— Ваше Величество, кем я только не был! Впрочем, эти титулы все со мной. Они ну совсем не противоречат последнему, а с ними я вообще блистаю, как небо в звездах! Хорошее сравнение? Какой поэт во мне помер... Куда там Нерону.

Он спросил уже с настороженностью:

— Какому титулу... не противоречат?

— Я король, — ответил я и ощутил, что произношу это без смущения, как и без излишней гордости. — И скажу больше... Впервые я захотел... нет, просто решил взять корону сам. Своими собственными, как говорят в простом народе, руками. Что делать, мир такой, со словом короля считаются больше, чем со словом принца, даже будь принц самым совершенством и красавцем, как вот я.

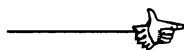
Он широко распахнул глаза и поднял брови, откинулся в изумлении на спинку кресла.

— Король... Армландии? А как посмотрит на это король Барбаросса?... Вы же знаете, в последнее время он... усилился.

Последние слова произнес совсем тихо, в неловкости, даже взгляд отвел, все-таки совсем недавно мы были почти братьями, когда заключили союз против грозного Гиллеберда.

Я покачал головой.

— Мое королевство отсюда далеко... но армия уже на марше.

— В эту сторону?

— В сторону юга, — ответил я дипломатично. — Прекрасное вино, Ваше Величество. И мясо... я в самом деле проголодался.

— Королевство, — повторил он все еще в изумлении, — моя Франка постоянно твердила, что обязательно станете королем, и вас надо опасаться... Как называется ваше королевство?

— Улагорния, — ответил я. — Ваше Величество, не напрягайте память в поисках такого крохотного королевства, что и не отыскать даже на крупномасштабной карте.

— Почему?

— Оно не маленькое, — пояснил я почти с грустью. — Вы же помните Варт Генц?

Он воскликнул:

— Еще бы! Я был дружен с королем Фальстронгом. Вы стали королем Варта Генца? Но тогда почему...

— Нет, — ответил я. — Я объединил Варт Генц и Скарляндию, добавив им земли стертого с карты королевства Эбберт. Это примирило оба королевства с объединением. Так что на картах появится... уже появилось новое могучее королевство, и зовется оно Улагорнией. Скажу сразу, что хотя вокруг него расположены независимые королевства: Бриттия, Гиксия, Ирам, Пекланд... но там все еще расположены мои армии.

Он пробормотал в еще большем изумлении и, как я заметил, с нарастающим чувством тревоги:

— И покидать пока не собираются?

— Не вижу необходимости, — ответил я честно. — Ваше Величество, мне с собой сейчас вот не нужна вовсе армия, с которой противостоял Мунтвигу. Впереди всего лишь одно королевство, которое дерзостно и даже предерзостно изгнало мои войска... ну, пусть два, если считать и Мезину!... так что у меня достаточно

сил. А главное — со мной справедливость и благодать Всевышнего!

Он перекрестился и сказал медленно:

— А если будет недостаточно, вам стоит лишь свистнуть... Да, я знал, что вы пойдете далеко, но чтоб такое?

Я огрызнулся устало:

— Аминь, Ваше Величество.

— Аминь, аминь...

— Нужда заставила! — объяснил я. — Как всегда что-то заставляет, иначе зачем мне это все? И принцем было хорошо, а еще лучше — простым рыцарем, что заботится только о коне и обожающей его собачке.

— Они любят вас, — пробормотал он, — вы их... Никаких сложностей.

— Вот именно, — подтвердил я. — Я всю жизнь увивал от сложностей! Вы даже не представляете, что это такое, родиться в поколении, что развлекалось и развлекалось, видело только в этом смысл существования... Дескать, нам все права, но без обязанностей, то удел родителей... И вот теперь я не просто привыкаю к обязанностям, но и понимаю, что они необходимы. Без них человек не человек, а некая тля.

В его добрых старческих глазах было сочувствие, но затем они стали строже, в них появилось новое выражение, и я понял, что воспоминания и сантименты остаются за спиной, а сейчас передо мной уже государь королевства Шателлен.

— Мир поменяется, — произнес он осторожно, — когда за вами подойдет армия. Но... как?

Я сказал торопливо:

— Для Шателлена ничего не изменится. Вы же были всегда моим верным союзником, а я как был вашим другом, так и останусь. Уж и не напоминаю, что я ваш зять, ибо полужать тоже зять!

— А для других?

Я развел руками.

— Для моих друзей что может поменяться? Но, конечно, как паладин, я обязан бороться за справедливость. Несправедливости, как вы знаете, были допущены в Сен-Мари, Мезине и в Ламбертини.

— Все люди ошибаются, — сказал он мягко.

— Все люди ошибаются, — повторил я, — но великие люди сознаются в ошибках! Потому заявляю, я ошибался насчет Барбароссы. Я надеялся, что наша дружба перевесит его извечную жажду захватить Ламбертину!

Найтингейл сказал мягко:

— Вы ушли навстречу Мунтвигу, от вас никаких вестей... Все решили, что вы погибли вместе с войском. Все-таки Мунтвиг полководец великий, армию сумел собрать исполинскую... А у Барбароссы всегда был зуб на Ламбертину. У него еще и личные счеты с герцогом Блекмуром.

Я сказал веско:

— Тяжелая ошибка равна преступлению. Барбаросса его совершил!

— И все-таки, — сказал он мягко, — Барбаросса наш друг и союзник. Вспомните, как мы вместе выдерживали натиск Гиллеберда!..

Я посмотрел на него сердито.

— Вы считаете меня совсем зверем? Но Ламбертину у Барбароссы придется все-таки отнять. Это дело чести!

— Думаю, он сам ее отдаст, — сказал он поспешно, — как только услышит, что вы уцелели в той ужасной войне.

— Не такая она и ужасная, — ответил я. — Наши страхи всегда все преувеличивают.

Он продолжал всматриваться в меня с настороженным интересом.

— Вы быстро взрослеете, мой принц, — сказал он. — Точнее, мужаете... Ах да, простите, мой король! Я отмахнулся.

— Меня все мои друзья еще долго будут звать привычно принцем. Это неважно. Главное, собрать силы на борьбу с Маркусом.

Он торопливо перекрестился.

— Сын мой, что за сумасшествие? Господь знает, что с миром делает. Не нашего ума что-то пытаться изменить. И не в наших силах.

— Наши силы мы еще никогда не собирали в кулак, — возразил я, — потому и не знаем, что мы есть на свете. В смысле, что представляем из себя.

Он покачал головой.

— Перестань и думать о таком. Просто живи, сын. Это я как старший по возрасту говорю. Давай сейчас поступим так... ты иди в свои покои, их сейчас там спешно готовят, а мы соберемся с мыслями, подумаем, что можем сделать для мира и стабильности в регионе.

— Золотые слова, — сказал я с умилением. — Как будто я сам сказал! А то думал уже всерьез, что постоянно только я хрень несу... А когда вас вот послушал, вроде бы и ничего.

За дверью слуги с поклонами сообщили, что проводят меня в мои покои.

— А что, — спросил я, — их куда-то перенесли?

— Нет, но вы могли уже и забыть...

— Еще чего, — сказал я оскорбленно, — такое забыть! Нет уж, поспать и поесть я люблю, потому дорогу в столовую запоминаю в первую очередь, а затем тропку к постели...

Мои покои оформлены по-королевски, хотя тогда еще не знали, что я король, а еще чувствуется женская

рука, явно Франка руководила всем, отец занимается политикой, она — дворцом. Когда Мидль был в Шателлене, они жили в его замке, но когда Найтингейл отправил герцога с экспедиционным корпусом в мое войско, Франка переехала на временное прожитие к отцу.

Я прошелся взад-вперед вдоль стены с гобеленами, роскошного ложа с пуховой периной, стола с креслами, да, это Франка руководила расстановкой, выбирала под цвет, чувствуется изыск, мы, мужчины, так не можем, нам и так хорошо, как поставят, так и ладно.

Большая фаянсовая чашка появилась на столе, как только я перевел на него взор, что значит, моя душа истосковалась по крепкому черному кофе, что-то в последнее время чаще приходится потреблять вино или виноградный сок, который я представляю тоже как вино.

Первый глоток ожег горло так, что я почти ощутил там лохмотья кожи, но второй пошел уже по заживленному, я закрыл глаза и довольно хрюкал и квакал, честно и по-мужски выражая всю богатую гамму чувств, вызванную этим восхитительным напитком...

— Ваше Величество...

Глава 6

Я вздрогнул, не часто меня застают врасплох, обернулся. В проеме полуоткрытой двери стоит в нерешительности Франка, в платье любимого синего цвета, волосы подняты в высокую прическу и густо перевиты такими же синими, как и платье, лентами.

Торопливо опустив чашку, я вскочил, поклонился.

— Франка?.. Простите, не ожидал и... не прибрался, да.

Она перехватила мой взгляд на ее слегка округлившийся живот, бледные щеки моментально окрасил нежнейший румянец. Строгость школьной учительницы потеряла давно, однако оставалась властность и неторопливая степенность принцессы. Но когда оказалась в роли жены двух мужей, как-то растерялась, уверенность улетучилась, и хотя подруги наперебой страстно завидуют и выпрашивают с пристрастием, как это оно, когда два мужа, да еще таких, когда тут и одного достойного найти трудно, и теперь она чаще всего выглядит робко и даже пугливо.

Я закрыл за ее спиной дверь, медленно взял ее бледную кисть в обе ладони и мучительно неспешно поднес к губам, неотрывно глядя ей в глаза.

Румянец стал ярче, запылал, суетливо передвигаясь по щекам и не зная, куда метнуться.

— Леди Франка...

— Сэр Ричард, — ответила она тихо.

— Вы все хорошеете, леди Франка, — произнес я и ощутил, что не соврал. — Ей-богу, нам с Мидлем повезло. Нет, он первый увидел ваши достоинства и весь проникся, а я, дурак, сперва прогадал, рудниками взял...

Она проговорила тихо:

— Но теперь у вас и рудники, и я?

Я отвел ее к столу и бережно усадил, а сам, стоя за ее плечом, старательно творил нежнейшие пирожные и крохотные конфеты с замороженной начинкой.

— Честное слово, — сказал я виновато, — я не пытался сохранить те рудники. Я, вообще-то, о них забыл, поручив всю заботу управителям. Просто речь в тот день шла о глобальных проблемах и великих потрясениях, потому о рудниках даже не упомянули.

Она осторожно брала двумя пальчиками диковинки, надкусывала ровными жемчужными зубками, на

некоторое время задерживала во рту, смакуя и опробывая, а я сидел напротив и, дополнив себе чашку, отхлебывал уже спокойнее и старался не хлюпать и не сербать, как конь на водопое.

— А обо мне упомянули попутно, — подсказала она. — Сэр Ричард, я же не виню вас. Тем более сейчас, когда под сердцем ношу дитя... и не знаю, кто из вас его отец.

— Мы оба, — ответил я серьезно. — Ему повезло, не находите?.. Надеюсь, будет сладкоежкой. Что значит в меня.

Она кисло улыбнулась.

— Наверное, мне тоже удивительно повезло... во всяком случае, так наперебой говорят все подруги.

— Со стороны виднее, — сказал я дежурное.

Она взглянула мне прямо в глаза.

— Уже поздний вечер, Ваше Величество. Мне явиться в ваши покои... или вы придете в мои?

Я сглотнул ком в горле. Она дивно хороша, эта строгая учительница с ангельским лицом и глазами цвета мореного дуба. А еще помню, насколько хороша, при всей ее застенчивости и трусости, в постели.

— Франка, — проговорил я и отвел взгляд в сторону, — Мидль сейчас на далеком севере. Ему трудно, он занимается не только шателленцами. Увы, я на него взвалил чересчур много.

Она прервала:

— Это же честь!

— Но, — пробормотал я, — у него нет такого дивного вина и даже чистой постели. А еще он хранит вам верность настолько трогательно, что стал примером для всех рыцарей нашего войска и всего Сакранта.

Она потупила взгляд и сказала польщенно:

— Вы говорите такие вещи...

— Если бы это был только комплимент, — возразил я сердито. — Честно говоря, я не раз подбивал его зайти к дамам, что строили ему глазки и бросали обещающие и даже многообещающие взгляды! Некоторые даже всеобещающие.

— Ваше Величество, — произнесла она чопорно, — когда муж в далеком путешествии, в Священном Писании есть сура, в которой такому разрешается заводить в тех землях не только любовницу, но и жену. Так что я не вижу...

Я торопливо прервал:

— Франка, дело в том, что он ни разу не поддался соблазну!..

— Что ж...

— Этот гад, — сказал я со злостью, — был и остается мне постоянным укором.

— Ваше Величество?

Я сказал еще злее:

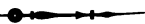
— Я не хотел быть приличным, я не терплю приличных, они мне кажутся брехунами и лицемерами. Ну не может нормальный человек быть приличным достаточно долго! Однако герцог Мидль, увы, он и есть. Самый приличный человек на свете! И отвратительно постоянен в своем приличии.

Она опустила взгляд.

— Я знала, за кого выхожу замуж. Наш брак был по любви, как вы помните! Вы сами сперва вредили, потом посодействовали. Правда, за такой богатый рудник...

— Он пример, — повторил я. — Это не значит, что этому примеру следуют, вы же знаете людей, особенно мужчин! Но все понимают, насколько герцог Мидль чище и достойнее их! Им восторгаются...

Ее щек коснулся румянец.

— Такие слова приятно слышать любой женщине. Особенно жене.

— Думаю, — сказал я мрачно, — о его верности наши барды что-нить да сложат. А я буду слушать и терзаться завистью.

— Ваше Величество!

— Он очень достойный человек, — закончил я. — Слишком даже! Это просто невыносимо.

Она ответила спокойно и с достоинством:

— Я знаю. Потому и люблю его еще с детства.

Я отодвинул чашку, развел руками, ощутил, что делаю слишком много лишних движений, пытаюсь скрыть неловкость и не умея это сделать.

— Потому, Франка... я не приду. Не нужно.

В ее глаза начало проступать удивление, всмотрелась в мое лицо.

— Сэр Ричард? С вами все в порядке?

— Смотря от какого столбика считать, — пробормотал я. — По рыцарской мерке — да, по житейской — дурак... Но если рыцарь оказывается в житейском мире?..

Она сказала очень серьезно:

— Я понимаю вас, сэр Ричард. Но мы не занимаемся прелюбодеянием, пока муж отсутствует. Я ведь пришла к вам сама, без фрейлин, что не сводят строгих взглядов. Я ваша жена, вам все можно.

— Да? Но почему я чувствую...

— Вы такой же муж, — напомнила она. — Это ваше право вести меня в спальню и удовлетворить свои плотские желания.

— Да, — согласился я. — Конечно, так бы и сделал, будь он в этом же городе на балу с красотками или за столом на веселом пиру!.. Но там лютая стужа, а он сам вместо младших командиров выходит в ночные дозоры в холод и вьюгу... хотя там тоже весна, но все

равно проверяет ночью дозоры, ибо враг не дремлет... И я даже в этот вот момент чувствую, что в чем-то его обманываю. Гадко.

— Ваше Величество?

— Я обманываю врагов, — признался я. — Ставлю им подножки и бью ниже пояса, а то и в спину... вам признаюсь, больше никому, но друзей никогда не обману и не предам!

— Вы не обманываете, — заверила она. — Вы мой муж. Это ваше право использовать меня в постели для своих нужд и всяких прочих потребностей.

— Гм, — пробормотал я, не зная, как объяснить, что любое право, написанное и принятое людьми, лишь попытка переложить на понятный язык одну из заповедей, которая дана общими словами и живет в наших сердцах. — Бывает такое, что поступаешь вроде бы по праву, а потом всю жизнь грызет червячок, что мог бы поступить не по праву, а правильно...

— Сэр Ричард?

— Франка, — ответил я с усилием, — позвольте мне поступить не по праву, а правильно... Я не приду в вашу спальню до тех пор, пока Мидль не вернется с войны.

— Сэр Ричард?

— Хочу хоть изредка поступать по совести, — выдавил я. — У меня это как-то зело редко, да еще и жизнь такая бессовестная, но когда получается... то надо, чтобы получалось!

Она поднялась, направилась было к двери, но обернулась и спросила:

— А что люди скажут? Это же сразу разнесется по дворцу, потом по Дартмуту, а затем вообще и по дальним замкам и крепостям!

Я буркнул:

— Скажите еще, по соседним королевствам...

Она посмотрела на меня с высокомерием и строгостью рожденной королевской дочери.

— Естественно! Вы же знаете, они следят за нами.

— Как и мы за ними...

— Вот-вот! — сказала она наставительно, чем снова напомнила учительницу. — И сразу скажут, что в королевстве Шателлен что-то неладно, если муж отказывается лечь со своей женой. Значит, нужно подсуетиться! То ли другую ему подложить, то ли попробовать какой договор перезаключить на более выгодных условиях, то ли предложить военный союз против короля Найтингейла...

Я поморщился.

— Принцесса, вы уж слишком... такие ужасы, что и на голову не лезут. Стражу от двери можно убрать, как и слуг, никто не увидит, что вы дрыхли в своей постели... И вообще, милая Франка! Позвольте поцеловать вас перед тем, как переступите порог.

Она подняла лицо, я поцеловал ее в губы, мягкие и пахнувшие пирожными, она послушно и несколько неумело ответила, но я пересилил себя и, приотворив дверь, выпустил ее в коридор и плотно закрыл за нею.

Вообще-то, я зря надрался крепчайшего кофе на ночь. И так бы проворочался довольно долго, а сейчас и не знаю, засну ли вообще. Вообще-то, сгруппировался и переборщил с благородством. Оно мне, вообще-то, не свойственно и никак эволюционно не оправдано, что значит — вредное. Благородство — это какой-то бзик, что постоянно вредит тому, кто им обладает, а восхищаются другие. Для них благородный человек что-то вроде инвалида, что уже не соперник, потому им можно восхищаться без всякой опаски...

Надо бы встать и пойти в покои Франки, она там тепленькая и мягкая под одеялом, тоже не спит, все

думает, что я за дурак такой, а ведь в самом деле дурак редкостный, крупный, стоеросовый, с Луны упавший...

Правда, можно и проще: позвать служанку, тоже вариант, а что не Франка, так брешут те, кто в темноте различает женщин, это вообще и не мужчины вовсе, а так, даже называть их противно теми именами, которыми их именуют настоящие самцовые мужчины...

Я повернулся на другой бок, любовь придает благородство даже тем, кому природа отказала в нем, но мне ничто не придает, а благородство у меня, в отличие от нормальных людей, то есть, то нет.

Этого не понимаю, если не предположить, что благородство бывает разного роста или разных калибров. По мелочи я, к примеру, благороден, а в крупном — политик. Или с женщинами — благороден, ну, это же к примеру!.. а в строительстве военно-морского флота — прагматичен.

Если это возможно, то я благороден. По возможности. В меру.

И какое это на хрен благородство, когда я просто презираю мелкие выгоды и пру напролом к крупным?

Бобик поднял голову, посмотрел на дверь, потом на меня.

— Что? — спросил я. — И не смотри!.. Не пойду, не уговаривай. И даже не намекай.

Он прищурился, как-то странно хрюкнул и снова уронил голову, однако взгляд его оставался прикованным к двери.

Я поморщился, повернулся на другой бок, но на стену перед моим лицом упала узкая вертикальная полоса света.

Резко развернувшись в другую сторону, я охнул, снова увидел Франку, на этот раз она уже в ночной рубашке до пола, но полупрозрачной, так что в пламени свечей за ее спиной хорошо вижу очертания ее фигуры.

Я открыл и закрыл рот, а она шагнула к постели, я не успел что-то сказать или возразить, как дернула за торчащие кончики ленточек у горла и посмотрела на меня с вызовом.

— Вы не посмеете отказаться, — заявила она твердо. — Это будет для меня оскорблением... А вы посмеете оскорбить женщину... так тяжело?

— Ох, Франка, — простонал я, — хоть этого не надо...

— Надо, — заявила она твердо. — Вы не забыли, что существуют еще и супружеские обязанности?

— Ох, — сказал я, — мне казалось, это больше из анекдотов...

— Это прописано во всех законах, — напомнила она. — Если супруг замечен в непосещении ложа супруги длительное время, она вправе заявить о разводе!

Я сказал опасливо:

— Надеюсь, вы о таком еще не думаете?

Она фыркнула.

— Как можно? Это сразу вызовет некоторые потрясения власти. А этого нужно избегать любой ценой.

Я пробормотал:

— Ну, если это необходимо, то давайте хотя бы медленно и печально...

Утром я выбрался из постели со смешанным чувством стыда и удовольствия. Нет, стыда все-таки больше. Как и разочарования. Нет, Франка в постели, что мои изысканнейшие пирожные, разочарован собой. Была же такая замечательная возможность красиво и гордо воздержаться, выказать волю и рыцарское благородство, а потом всю жизнь гордиться!

Я и выказывал несколько часов, правда, днем. Надо было тогда же и выехать, не стоило оставаться на ночь, не сдержался. Франку винить нельзя, это ясно.

Все, что делает женщина, — это заслуга или вина мужчины. Я виноват, виноват...

Как же приятно каяться в таком, почему-то это больше похоже на хвастовство, чем на раскаяние?

Глава 7

Еще из Ричардвилля я послал в Фоссано гонцов с сообщением, что очень тороплюсь и не могу навесить в его дворце своего короля, великолепного и благороднейшего Барбароссу, потому прошу встречи на границе Турнедо и Фоссано, там как раз на границе есть удивительно красивый замок Орлиный Клык, хотя вообще-то у орлов только когти и клювы, но клык так клык, древние были умнее, это все знают.

Назвал я его нарочито, подчеркивая, что после раздела Турнедо к Фоссано отошли значительные земли, теперь принадлежат королю Барбароссе, а замок Орлиный Клык, что был в глубине земель Турнедо, теперь оказался на границе с разросшимся за счет его земель Фоссано.

За то время, пока я маялся дурью и всячески оттягивал неприятный разговор, то давая втянуть себя в долгие дискуссии о роли и положении Великой Улагорнии, то побывал в наиболее важных местах нового королевства и указал, что строить и как строить, Великая и Непобедимая быстрыми маршами продолжала двигаться на юг.

Когда я занимался спасением шкуры молодого барона Джильберта, армия прошла через Турнедо вдоль границы с Шателленом, но не переходя, это я указал строго, и сейчас я несея наперерез передовым отрядам конницы, как полагал, но едва вдали на высокой скале

заблестел под солнцем высокий замок, как внизу в долине увидел остановившуюся конницу.

Точнее, всадники первого отряда только-только покидают седла, ведут коней на водопой к небольшой речушке, другие въезжают в долину, покрытые пылью настолько толстым слоем, что не различить цвета.

Я пустил арбогастра в их сторону, Бобик подскочил на всех четырех и понесся с такой скоростью, что превратился в темную полосу, что начинается возле нас с Зайчиком и тянется через долину к шатру оранжевого цвета, который только начали спешно устанавливать.

Арбогастр возмущенно фыркнул и сам пошел след стремительным, хоть и сдержанным галопом. Бобик в это время уже напрыгивает на Меганвэйла и пытается повалить его, чтобы истоптать лапами и зализать до потери сознания, как лучшего друга, что всегда принимал у него добычу и всякий раз хвалил.

Меганвэйл оглянулся на знакомый стук копыт. Лицо его из радостно удивленного при виде Бобика стало совсем счастливым.

— Ваше Величество!.. Я так и понял, как только увидел этого медведя...

Он преклонил колено, я соскочил с коня и поднял герцога.

— Как добрались?

— Пока только легкая конница, — сообщил он. — Тяжелая идет следом.

— Хорошее место выбрали, — одобрил я.

— Это барон Норберт подобрал, — сообщил он. — И замок вон близко, и вся армия разместится для настоящего отдыха. Все, как вы и сказали, Ваше Величество.

— Ага, — сказал я, — уже запомнили мой новый титул?

Он ответил почти с упреком:

— Ну да, сколько ждали!

— Быстро вы добрались, — сказал я с одобрением. — Я думал, застану только конный разъезд сэра Норберта.

Он вздохнул.

— Быстро? Это войска, что выступили по вашему приказу еще до коронации! Остальным тащиться еще пару недель, не меньше. Я с военачальниками поспел только потому, что у нас кони самого Ришара, скорей бы с ним увидеться. Но вы уже прибыли!

— Мчался, — заверил я, — как видите, во рту маковой росинки не было!.. Помните текст письма Барбароссе?

— Насчет встречи в замке Орлиный Клык? — спросил он. — Да, конечно. Как приготовить замок? Какие штандарты и где вывесить?

Я спросил, думая о другом:

— Штандарты... зачем?

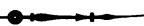
— А по какому церемониалу будем принимать, — пояснил он, — по большому или, говоря простым языком, очень большому?

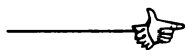
— Принимать будем не в замке, — ответил я. — Барбаросса должен сразу увидеть Ричарда Завоевателя. А король он или кто-то еще, неважно. Потому пусть Норберт выберет хорошее местечко перед замком, чтобы тот оставался на заднем плане.

Он просиял:

— А-а-а, вы же и не сказали, что в замке!.. Вы написали, что на границе с Фоссано, где этот удивительно красивый замок... Как ориентир, да?

— Смекаете, герцог, — одобрил я. — Каждый читает то, что хочет прочесть, потому буквы нужно расставлять так, чтобы и вашим, и нашим. В лагере перед приездом Барбароссы разместите только отборную тяжелую кавалерию. Из незнатных! Самое большое впе-

чатление производит дисциплина нашего войска, ею и надо тыкать в глаза всем, понял?

— Только бы успеть, — сказал он с тревогой.

— Барбароссе тоже добираться с неделю, — утешил я. — Как раз все и сойдется. Из Мезины вестей нет?

— От ее величества королевы Ротильды?

— От нее, — подтвердил я, — но и от наших лазутчиков. Они уже должны собрать ответы на все вопросы, которые я милостиво озвучил...

— У них хорошие кони, — напомнил он, — но не настолько, чтобы как птицы. Потерпите несколько дней, Ваше Величество.

Я ответил с тоской:

— Я-то потерплю. А вот потерпит ли Маркус...

Он тоже нахмурился, но, как подозреваю, только потому, что это тревожит меня, а он, как верный и преданный лорд, живет моими желаниями и заботами, хотя сам лично готов принять это с тем же смиренным равнодушием, как наступление зимы или весенний паводок.

В лагере шум и гам, люди все прибывают, и хотя центр расчерчен и за линии никто не смеет переступать и даже разжигать костры, все же сквозь тонкие стены из шелка доносится конское ржание, скрип телег, звон металла, громкие грубые голоса, могучий смех, крепкая брань, смачные шуточки...

Меганвэйл поинтересовался осторожно:

— Какие планы, Ваше Величество?

— Планы? — переспросил я. — Думаю, Вирланд не может претендовать на мои личные земли, как вы думаете? Право частной собственности священно. Тем более Гандерсгейм изволил пожаловать мне император Герман, в чью империю формально входит королевство Сен-Мари, Гандерсгейм и даже острова Рейндольса.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— И что... вас тревожит?

Я со злостью ударил кулаком по коленке.

— Мне попасть бы в Гандерсгейм! Там я оставил войска для усмирения степняков. Их достаточно, чтобы Вирланд ощутил шаткость своего положения на троне...

— А он на троне?

— Вроде бы нет, — ответил я, — хотя что мы знаем? Там еще темная лошадка, герцог Ульрих, властелин Ундерлендов...

— Может его поддержать? — спросил Меганвэйл.

— Поймет, — ответил я со вздохом. — У них крепкая дружба с детства. Но, с другой стороны, герцог Ульрих один из магистров Ордена Марешаля. Пока вот ломаю голову.

Он посмотрел с тем же непонятым выражением.

— Ваше Величество...

— Да, герцог?

Он покачал головой.

— Вы еще не разрешили проблему с королем Фоссано... кроме того, есть еще один крепкий орешек... да-да, Мезина! А вы ломаете голову, как поднять королевство Сен-Мари?

— Не просто поднять, — ответил я рассеянно. — А быстро и... малой кровью. Некогда мне широкомасштабные войны устраивать!

Он смотрел с непониманием, потом опомнился, спросил деловито:

— Значит, ждем гонцов из Фоссано и Мезины?

— Да, — ответил я. — Барбаросса пришлет уже с дороги на пути к нам, а из Мезины... не знаю, ответит ли Ротильда.

— Это неважно, — утешил он. — Главное, наши лазутчики сообщат, что там творится... Ого, вон уже отряд прибыл!

В сторонке несколько военачальников в полных доспехах, но забрала подняты, держатся тесной группкой. Я заулыбался, узнавая старых друзей, пошел, широко раскидывая руки.

Они начали с лязгом и металлическим скрежетом опускаться, преклоняя колено, не у всех выправлены вмятины в дорогах доспехах, кузнецы элитные доспехи исправлять не могут, а оружейников в лагере маловато.

Я обнимал, поднимая, хлопал по плечам, радовался, а они несмело и радостно улыбались своему принцу, который уже король, и каждый, думаю, чувствует с гордостью и тайной радостью, что и они, верные соратники, тоже поднимаются в силу, могуществе и знатности.

Барон Хельмут прогудел с тяжеловесной нежностью:

— До чего же приятно, когда король свой...

Я спросил живо:

— Это как?

Он проговорил так же тяжеловесно:

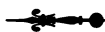
— Который посылает армии, не сидя на троне... а сам ведет в бой. Это же так здорово!.. И сердца возгораются... нет, воспаляются пламенным восторгом...

Граф Арнубернуз сказал весело:

— Наш друг хочет выразить свою радость, что мы, люди войны, вашему величеству ближе, чем придворные вельможи и расфуфыренные дамы.

Я отмахнулся.

— Что расфуфыренные дамы? В походе можно и свеженькой крестьяночкой полакомиться, а дичь всегда вкуснее. Располагайтесь, друзья мои. Ваш герцог заранее велел поставить для вас шатры и наметил места для костров и воинских палаток. Отдых, думаю, продлится неделю-две. За это время починить одежду, доспехи, отремонтировать телеги... Нам предстоит поход за Большой Хребет!

Глава 8

Голова гудит, как колокол в Вальпургиеву ночь. Не факт, что Маркус подчинится указаниям маяка, хотя таким высокотехнологичным должен заинтересоваться. Да и получить на халяву подпитку своим аккумуляторам, или что там у него есть, тоже вряд ли откажется. Конечно, у него могут быть установки, черпающие энергию прямо из вакуума, что не вакуум, а океан темной, как мы знаем, энергии. А то и еще какой-нибудь цветной или кисловатой... кто знает, какие еще есть?

Но все равно есть шансы, что сядет возле маяка. Хотя бы для того, чтобы изучить, забрать или разрушить на месте. Все-таки сигнал этого скардера Маркус перехватит еще в далеком космосе, должен заинтересоваться, слишком необычное нечто для полуразрушенной еще с прошлого раза планеты.

Во всяком случае могу вернуться в Храм и отрапортовать, что сумел выяснить, где сядет Маркус! Более того, сядет там, где укажем.

Ну, а если не сядет...

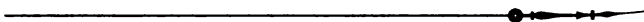
Бобик ринулся мне на шею, я уперся в землю и устоял, обнял в ответ и потискал, арбогастр посматривал с иронией и что-то пережевывал хрустящее, картинно перекашивая нижнюю челюсть.

— Все, — сказал я нервно, — торопимся. Это значит, спешим!..

Бобик запрыгал вокруг, выказывая готовность куда угодно, это же так здорово — мчаться и мчаться, арбогастр молча повернулся боком, подставляя стремя.

Я вставил ногу, женщин не видно, фанфаронить не перед кем, поднялся в седло и велел:

— Давай к замку Орлиный Клык. Не помнишь? Это на стыке Шателлена, Турнедо и Фоссано...

Он тряхнул гривой, я понял и пригнулся, и в следующее мгновение надо мной заревел ураган.

Мы мчались и мчались, срезая угол земель королевства Бурнанды, когда Бобик возбужденно гавкнул, привлекая внимание, подпрыгнул, а то сослепу не замечу, и, резко развернувшись прямо в воздухе, с треском проломился сквозь высокий кустарник с мелкими розовыми цветочками.

Я сказал сердито:

— Зайчик, с чего бы это он, не знаешь? Пойдем взглянем, а если что, обругаем вдвоем, мало не покажется.

Арбогастр пошел через кусты, словно это высокая трава, я только ноги поднимал, сучья такие, что и сапоги пропорют, а далеко впереди слышался мощный и требовательный гавк.

Кусты распахнулись, мы вылетели на поляну, едва не растоптав тела двух мужчин в кожаных доспехах, хотя их топтать уже можно, оба плавают в собственной крови, у одного череп рассечен до переносицы, а под деревом, упершись в него спиной, сидит, склонив голову на грудь, юноша с кровью на голове.

Бобик уже перед ним, требовательно лизнул в лицо, оглянулся, в глазах укор, ползем, как черепахи.

Раненый с трудом поднял голову, обеими ладонями зажимает широкую рану на животе, кровь залила не только одежду, но и землю под ним.

Я торопливо покинул седло, Бобик отступил, а раненый с трудом свел глаза и, различив, что к нему в кровавом мареве приближается человек, прошептал:

— Я... барон Джильберт Шервин... я не убежал... так и скажите...

— Тихо, — бросил я, — сами скажете, сэр.

— Я умираю, — проговорил он с трудом, и кровь хлынула изо рта. Он закашлялся и добавил: — Я не... опозорил...

— А кто сомневается? — спросил я и наложил обе ладони на его лоб и затылок. Пальцы ощутили глубокие раны, как он только еще дышит и в сознании. — Крепитесь, сэр. Сейчас вам станет лучше...

Он прошептал:

— Уже нет...

— Зря сомневаетесь, — возразил я с достоинством. — Благородный человек иногда может опуститься и до презренной работы лекаря. Просто так, для забавы... Любопытно бывает ощутить себя как бы простым человеком.

Его глаза округлились, еще не понял, что с ним происходит, только продолжал смотреть в меня с прежним непонятым отчаянием.

— Сэр?

— Я же не простой лекарь, — объяснил я снисходительно, — а из благородных! Естественно, мы все умеем лучше, чем простые. Чувствуете лучше?.. Я имею в виду себя, зачем вам остальные.

— Уже лучше, — прошептал он. — Я верю, вы человек благородный и скажете всем, что я не скрылся...

Голос его начал звучать сильнее. Я наконец отнял руки, юноша распахнул глаза, чистые и василькового цвета, как утреннее небо, в них росло изумление.

— Сэр...

— Все в порядке, — сказал я. — Ваши раны затянулись. Смерть вам не грозит. Во всяком случае, не от этих... В смысле, не сейчас.

Он проговорил с изумлением:

— Сэр... вы истратили такой ценный амулет... на незнакомого человека?

Я покачал головой.

— Не благодарите, этот амулет во мне. Я все еще паладин, сам, бывало, изумляюсь. Сможете вздаться? Или хотя бы встать?

Он оперся о ствол дерева, поднялся еще с неуверенностью, но заулыбался, не веря своим ощущениям.

— Это просто чудо! Вон та сволочь перерубила мне жилы на правой ноге... Если бы даже выжил, все равно был калекой... Сэр, я ваш вечный должник. Только скажите...

Я выставил перед собой ладони.

— Никакой благодарности. Это долг, который мы с вами несем и будем нести вечно. А теперь, дорогой друг, я вынужден спешить дальше.

— Сэр! — прокричал он с отчаянием в голосе. — Судя по вашему коню и собаке, вы человек благородный...

— Судя по коню и собаке? — переспросил я. — Ну да, если судить по коню и собаке. Что-то меня все больше замечают по ним, хотя я и сам вроде бы не стал мельче.

— Сэр...

Он умоляюще протянул ко мне залитую кровью руку, кровь уже засохла, но осыпаться коричневыми струпьями не спешит и потому выглядит страшновато.

— Сэр, мне нужно...

— Тихо-тихо, — сказал я. — Вам уже лучше, как вижу. Где, кстати, ваш конь?.. Тут все истоптано копытами.

Его качнуло, все-таки потеря крови сказывается, но ухватился за ствол дерева, постоял несколько мгновений, перебарывая головокружение.

Дышит часто, как я заметил по своей врожденной проницательности, глаза вытаращены, все еще ошарашен быстрым излечением.

— Коня?.. Ах да, ухватили за повод, как он только и дался, утащили силой. Жаль, он был просто замечательный. И такой верный...

Пошатываясь, он отошел на пару шагов и поднял из травы меч, длинный, залитый кровью по самую рукоять и с пошербленным лезвием.

— Двоих я зарубил, — произнес он гордо, — двоих ранил...

— Да, — согласился я, — это весьма.

— Их было четверо, сэ!

— Ушли двое?

— И коня увели, — сказал он с возмущением. — Но я их ранил серьезно... надеюсь.

Я спросил нетерпеливо:

— Здесь есть деревни или город?

— Да, — ответил он с готовностью, — до замка моих родителей осталось всего с десятков миль!

— Прекрасно, — сказал я. — Успеха вам, дорогой сэ! Джильберт. Даже пешком окажетесь там к вечеру.

Он в панике огляделся по сторонам.

— Сэр, мне нужен конь! Я должен, обязан оказать-ся там уже сейчас... я уже и так запаздываю. Я должен вернуться в столицу к полудню воскресенья, это самый крайний срок! Сэр, вы должны одолжить мне вашего коня... от этого зависит не только моя жизнь, а то, что всего дороже для нас.

— Что, — спросил я, — любовь? Жаркая и пламенная?

Он посмотрел на меня в высокомерном изумлении.

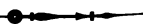
— Сэр, что такое любовь, когда на кону честь?

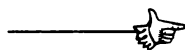
— Ах да, — пробормотал я, — честь... Но почему такая спешка?... Почему именно к полудню воскресенья? Что там такое случится?

Он вздохнул, лицо чуть потемнело, но тут же вскинул голову и ответил гордо:

— Вы в самом деле хотите знать такое?

— Я же задал вопрос, — отрезал я, — что еще? Сэр, я теряю время! Что для вас ожидается такое важное? Подвешат вам рыцарские шпоры? Повысят титул?

Он посмотрел прямо и гордо, лицо озарилось внутренним светом.

— Больше, сэр.

— А можно поинтересоваться, — сказал я с иронией, — что это за пряник?

Он ответил спокойно и гордо.

— Меня казнят.

— Что-о?

— Меня казнят, — повторил он. — На городской площади.

Я сперва даже не врубился, что это он сказал такое очень уж как-то возвышенно, словно казнь его моментально сделает святым.

— Казнят?

— Ну да, — подтвердил он. — Потому я должен успеть.

Я помотал головой.

— Погодите, сэр, погодите. Что-то я не совсем соображаю. А зачем так уж спешить? А если не успеете?.. Или вообще не явитесь?

Он посмотрел на меня с непередаваемым высокомерием.

— Я всего лишь спасу жизнь, — объяснил с ноткой презрения, — но запятнаю честь.

Я снова помотал головой, выставил вперед руки.

— Погодите, я снова не врубился. Можете рассказать подробнее? Надеюсь, это не тайна, а если и тайна, то скоро перестанет ею быть.

— Я дал слово, — сказал он и умолк, уверенный, что этого достаточно.

Я кивнул.

— Слово — это все, вы правы. Особенно слово чести. Кому дали?

— Королю Эдвину, — ответил он и, видя, что жду продолжения, объяснил: — Мы, сторонники герцога

Бреттерса. У него больше прав на престол, чем у короля Эдвина Рафнсварта. Потому подняли мятеж, собрали войско и начали продвигаться к столице, но король одних подкупил, других переманил на свою сторону, третьим пошел на некоторые уступки...

Я сказал понимающе:

— И от вашего войска осталось меньше трети еще до сражения.

Он взглянул с настороженностью.

— Вы там были, сэр?

— Знакомая схема, — ответил я. — Затем уцелевшие были схвачены и приговорены. Так?

— Да, — подтвердил он. — Но я попросил Его Величество отпустить меня на неделю, чтобы попрощаться с моей семьей. Наше родовое имение в землях Эгерса, сюда всего три дня пути, так что я мог бы даже переночевать, но не рискну.

Я спросил настороженно:

— Э-э-э... так это в десяти милях замок ваших родителей?

— Моего отца, — пояснил он. — Благороднейшего лорда Хрутера, герцога Сафкердского и Унерольдского. Там и моя жена с ребенком, там моя мать и две сестры. Я должен с ними повидаться, сказать, как их люблю, а затем успеть вернуться к королевскому двору.

— На собственную казнь? — уточнил я.

— На казнь, — подтвердил он гордо.

Глава 9

Я с удовольствием представил себе, что увидит Барбаросса и его свита, когда дорога взбежит на последнюю возвышенность, за которой расстилается огромная долина Вечного Клевера.

За это время прибыла основная часть армии, и красные, желтые, оранжевые, пурпурные, багряные, коричневые шатры заполнили всю долину, а дальше ровные ряды палаток, что уходят за горизонт, там простые воины, но на самом деле наиболее боеспособная часть, от которых требуется не столько безумная отвага и ярость в бою, а стойкость и терпение.

Показались двое скачущих во весь опор всадников Норберта. Один издала взмахнул рукой.

Альбрехт всмотрелся, сказал быстро:

— Свита Барбароссы уже близко.

— Подождем.

— Встретим у самого лагеря?

— Да, — ответил я. — Раньше нет смысла.

Он ухмыльнулся.

— Верно, пусть сперва увидит эту мощь. Это упрощит переговоры.

— Да, — согласился я. — Только это будут не совсем переговоры.

На его лице улыбка стала только шире. Дескать, переговорами называем из вежливости. К знатым противникам следует относиться со всеми знаками почтения и учтивости.

Я думал, Барбаросса оставит свиту, выедет ко мне навстречу один, но они продолжали двигаться к лагерью всей большой группой, пестрой и подчеркнуто веселой.

Все верно, подумал я одобрительно. Поехать одному — это указывало бы, что у нас действительно переговоры, как между враждующими сторонами, а какие мы враги, если я однажды спас ему жизнь и помог вернуть трон королевства, а он в ответ одаривал титулами, землями и в конце концов назначил меня коннетаблем всех его земель, а это значит, и сейчас все вооруженные силы королевства Фоссано подчинены мне!

Правда, вооруженные силы королевства — это всего лишь личная дружина короля, у многих лордов дружины побольше и вооружены получше... но я уже примерно знаю, как это исправить в угоду прогрессу.

Барбаросса едет впереди в распахнутой на груди шубе. Алый камзол расшит золотом, на золотой цепи огромная золотая звезда с множеством лучей, конь тоже весь в золоте, начиная от уздечки, украшенной рубинами, и стального налобника с золотой насечкой, и заканчивая ремнями на крупе.

Рядом с ним сэр Уильям Маршалл, ближайший друг, канцлер и советник. За это время седины прибавилось у обоих, однако оба держатся в седлах бодро, словно доныне проводят в них больше времени, чем в креслах.

Барбаросса заулыбался издали, хотя я ощутил некоторое напряжение в улыбке, тут же мелькнула тревожная мысль, смогу ли сам держаться достаточно естественно и дружественно.

Я не стал подниматься в седло и выезжать навстречу, в самом деле будет как-то официально, словно двое малознакомых государей, а мы в какой-то мере даже друзья, встал на краю лагеря и, расставив широко ноги, улыбался во весь рот.

Навстречу выбежали воины, ухватили коней под уздцы. Барбаросса тяжело слез, не прибегая ни к чьей помощи, Маршалл уже на земле, смотрит на меня с напряженной улыбкой.

Я подошел к ним и обнял по очереди, все время твердя себе, что я уже король, должен вести себя соответственно, не делать скидку даже на то, что Барбаросса намного старше, а то это немедленно используют.

— Ваше Величество, — сказал я, — прошу в мой шатер. Там и поговорим.

Он взглянул поверх моего плеча на красиво белеющий в синем небе замок Орлиный Клык.

— Не в замке?

Я отмахнулся.

— Да некогда. Мы спешим в Сен-Мари.

— Ого!

— Надо торопиться, — объяснил я, — пока Тоннель удерживают рыцари Ордена Марешаля. Если их сомнут войска герцога Вирланда, нам придется туго.

Он спросил на ходу:

— Он еще не объявил себя королем?

— Вирланд всегда был осторожен, — заметил я.

— Это точно. Осторожен и осмотрителен.

— Жаль, — сказал я, — это не всегда помогает. Он мог бы полностью ликвидировать короля Кейдана, которого ненавидит, но дал ему уйти сравнительно почетно. Он не ущемляет права Родриго, моего младшего брата, считая себя только регентом... Потому даже непонятно, чего он добивается.

— И добивается ли? — сказал Барбаросса. — Мне всегда казалось, в последнее время он просто плывет по течению.

Вход в шатер распахнули перед нами и держали так, низко кланяясь, когда мы вошли втроем, а потом опустили полог, и слышно было, как удалились, выставив охрану так, чтобы никто не приблизился и не услышал разговор.

Шатер просторный, но в центре всего один стол и три кресла. На столешнице три серебряных кубка, украшены мелкими камешками, да и то чуть-чуть. Не дворец, походный шатер воинственного полководца.

Я указал гостеприимным жестом на кресла, себе напомнил, что Барбаросса для меня уже не «Ваше Величество», а «кузен», мне хоть и все равно, но другим

нет, да и сам Барбаросса ощутил свое преимущество, а мне чем меньше кого ломать, тем лучше.

Они сели так, что мы образовали равнобедренный треугольник. Маршалл с интересом смотрел, как в кубках поднимается темно-красное вино, пошевелил крыльями носа.

— Аромат бесподобный...

— Вкус не уступает, — ответил я и обратился к Барбароссе, — кузен, мне очень хотелось бы заскочить в Вексен, где я назначен вами главнокомандующим всеми войсками королевства! Очень. Однако не могу позволить себе такой крюк. Как уже сказал, нужно спешить к Тоннелю. Потому и наш разговор будет кратким поневоле, хотя мне страстно хочется пообщаться с вами подольше.

Они смотрели на меня с некоторым удивлением, я понял, хлопнул себя по лбу.

— Простите за это фамильярное «кузен». Но я в самом деле уже король, на трон помазан святейшей церковью, и лорды трех королевств принесли мне присягу верности.

Они переглянулись, Маршалл проговорил осторожно:

— Ваше Высочество... то есть уже Ваше Величество? К нам новости доходят очень медленно...

Я отмахнулся.

— Да у них скорость прежняя, это я со своей армией передвигаюсь быстро. В общем, три королевства: Эбберт, Скарлянды и Варт Генц объединены в одно, Великую Улагорнию. На троне сижу я, прошу любить и жаловать. Потому, уж простите, разговор получается на равных и чисто формальный.

Маршалл взял кубок, рука дрогнула, но сделал глоток. Лицо выразило предельное удовольствие, но он

человек государственный, его лицо выражает лишь то, что выразить нужно.

— Прекрасно, — изрек он, — прекрасно...

Барбаросса тоже отпил малость, лицо отрешенное, вряд ли даже понимает, что пьет. Я вижу, как его мысль лихорадочно работает над вариантами, почему мы в лагере, а не в замке Орлиный Клык, и для какой цели я демонстрирую ему готовую к стремительному броску армию.

— Это прекрасно, — произнес он скорее озабоченным тоном, чем радостным. — Встать во главе такого королевства... Гм.. хотя мы и ожидали чего-то подобного. Три в одном?.. Гм... Чудеса там на севере...

— Еще какие, — подтвердил я. — К примеру, довелось узнать, что мир, оказывается, кто бы подумал, огромен. Впервые услышал о десятках королевств к западу от Сакранта и о трех десятках к востоку... И это, понятно, не все. Мои армии прошли через Бриттию, Ирам, Пеклант, Эбберт и сокрушили королевство Сакрант, где Мунтвиг собирал войска... Сейчас, как я уже сказал, я король огромного и могучего королевства Улагорния...

Маршалл обронил осторожно:

— А если учесть Турнедо и Армландию...

— Турнедо уже нет, — напомнил я, — это пространство разделено между вами, Найтингейлом, покойным Фальстронгом и мною. Однако в чем-то вы правы, сэр Уильямс. Две трети земель Турнедо вошли в Армландию, которая теперь граничит с моим новым королевством, а здесь на юге западными границами граничит с королевством Фоссано.

Маршалл уточнил:

— Собственно, теперь это фактически одно королевство?

— Да, — согласился я, — однако названия решено не менять. Важнее, что отныне между ними нет границ, а есть свободное перемещение капитала, рабочих рук и беспощинность торговли.

Маршалл покосился на Барбароссу, а мне сказал:

— Значит, образовано самое крупное королевство в этом регионе? Но будет ли оно жизнеспособным?

— Все зависит... — ответил я. — Но давайте перейдем к более близким делам. За мной, как вы заметили, армия, какой не было ни у Карла, ни у Мунтвига. Поэтому, сэр Уильямс, многие вопросы мне удастся решить быстрее.

Маршалл медленно наклонил голову.

— Вы растете очень быстро... Ваше Величество. Значит, весь север теперь ваш?

— Мой, — согласился я. — Во всяком случае, где побывали мои армии.

Барбаросса зашевелился, с подчеркнутым удовольствием крикнул, отер губу рукой.

— Великолепное вино... просто чудо. Только в раю такое пьют... Если север под вашим контролем, это же великолепно!.. И это точно убережет северные границы моего королевства. Никто не посмеет с той стороны... Вендовер помалкивает, Горланд зализывает раны, Эбберт вообще в руинах, Мордант далеко... Ричард, дорогой друг, я тогда всю эту армию, как выполнившую свою задачу в Ламбертинии, двину к Тоннелю!

Я спросил с удивлением:

— Зачем?

Он прищурился.

— У тебя большая армия, но разве моя помешает? Ха-ха, еще и Найтингейла подобьем принять участие... Ну, как в старые добрые времена, когда спешно выстраивали защиту против Гиллеберда!

— Тогда был союз против напавшего врага, — напомнил я, — с последующим разделом его земель. А Сен-Мари — моя добыча. Мои лорды не поймут, если я отдам Барбароссе или Найтингейлу хоть клочок земли!

Он отмахнулся с таким пренебрежением, что так вот я и поверил, ага.

— Какие счета? Я просто помогаю другу, который однажды весьма помог мне. И не нужно мне земель за Хребтом...

Я отмахнулся.

— Какие счета, мой король?.. У меня все в порядке. Армия моя способна вести войну одновременно с пятью-шестью королевствами... впечатляет? А такое соотношение сил позволяет мне выполнять любую стратегическую задачу.

Он пробормотал, глядя на меня внимательно:

— Против пяти-шести?

— Да, — ответил я. — Невероятно, да? Я уже сказал, даже у Карла и Мунтвига не было такой мощи. А что меня недооценивают до сих пор, это хорошо...

Он отвел взгляд, голос прозвучал глухо:

— Ну да... это верно...

Я сказал бодро и весело:

— Потому, Ваше Величество, я отвечаю любезностью на вашу любезность и помогу вам с вашими проблемами.

Он ответил настороженно:

— Но у меня нет проблем...

— Будут, — заявил я уверенно, он дернулся, я пояснил: — Жизнь почему-то полна неожиданностей, как ни выстраивай ее, заразу, прямой, как натянутая тетива. Потому поступлю зеркально, что есть хорошо и гуманно. Мудрецы одобряют и впишут в поучитель-

ные примеры для молодежи... из числа принцев. Наследных.

Он смотрел из-под нависших бровей.

— Это... как?

— Как вы спасли Ламбертинию, — сказал я благодарным тоном, — так и я помогу королевству Фоссано!

Он стиснул челюсти, вперил в меня бешеный взгляд. Лицо окаменело.

— То есть, — проговорил он, — введете свои войска?

— Частично, — ответил я. — Небольшие отряды. И только для контроля. Моя великодушная защита должна быть вполне адекватной вашей, дорогой король. А также будут следить за поступлением налогов. Как вы понимаете, часть пойдет в федеральный центр, это в мой карман, поясняя, а часть будет оставаться на местах. В провинции. Или на периферии, если вам так удобнее.

Маршалл спросил с тем же напряжением, как и Барбаросса:

— На каких местах?

— В каждой области, — пояснил я, — налоги будут собираться согласно установленным лично мною нормам. Часть останется в распоряжении местных властей, часть пойдет в вашу столицу Вексен на содержание двора, все остальное в федеральный центр.

— Ваш карман? — уточнил он.

Я посмотрел на него с укором.

— Фи, какие грубые слова от государственного секретаря! Если я этот центр, то какие тут недопонятки?..

Барбаросса проговорил тяжелым голосом:

— Ваше Величество, вы почему-то полагаете, что мы согласимся на такое... покровительство?

Я жестко ухмыльнулся.

— Согласилась же на ваше покровительство Ламбертиния?.. Вы даже говорите, что согласилась с радостью? Думаю, и вы согласитесь с таким же ликованием и плясками. Разве я не упомянул, что все будет зеркально?.. В простом народе говорят: как аукнется, так и откликнется, а народ как бы коллективный хранитель мудрости, хотя каждый в отдельности самый полный дурак. Вам советники подсказывали, что эльфийку с трона лучше убрать, удавить или увести ее в отдаленный замок, поставив там надежную стражу, но вы не послушали советников, верно? Не послушаю своих и я, мой король.

Они напряглись, Маршалл спросил чужим голосом:

— А вам... советовали?

Я посмотрел на него жестко, но сказал я с мягким укором:

— Сэр Уильям, вы же государственный деятель!

— Гм, — ответил он замедленно, — я еще и рыцарь.

— Я тоже, — заверил я. — Потому и отклонил здравые, надо признаться, предложения, основанные на принципах разумной необходимости. И целесообразности. И прочие доводы.

Он смотрел на меня тяжелым взглядом исподлобья, в то время как Барбаросса вообще молчал и не двигался.

— И что теперь? — спросил Маршалл. — Как решили поступить? Да-да, я понимаю, что когда за спиной такая армия, разгромившая нашествие Мунтвига, то теперь здесь все в вашей власти...

Я сказал с укором:

— Сэр Уильям...

Он улыбнулся.

— Ваше Величество, это просто пробный шар.

— На самом деле, — признался я, — еще не решил окончательно. Признаюсь, для меня самого такой рез-

кий поворот слишком крут и, признаюсь... неприятен. Я все еще больше рыцарь, чем политик, хотя постоянно и твержу себе, что политиком должен быть... даже обязан!.. в каждом поступке, ибо в политике мелочей не бывает.

— И все-таки?

— Давайте пока поступим так, — сказал я, словно все еще советуюсь с ними, пусть и в ультимативной форме, — я все оставляю... как есть. Как население и всех лордов королевства. Пусть выглядит, что я просто прибыл навестить старых друзей, Его Величество Фердинанда Барбароссу и сэра Уильяма Маршалла, подвигами которого восхищен с детства. А те мелкие неприятности, все-таки все знают о захвате Ламбертини, мы разрешили за пиршественным столом...

Сэр Маршалл слабо улыбнулся.

— Тогда... этот стол сейчас накроют для дружеского пира?

Я ответил без улыбки:

— Эта, как вы понимаете, версия для населения Фоссано. Особенно для лордов, что всегда ищут повод для мятежа, а нам мятежи ни к чему. Как вам, так и мне. Но все-таки реальность отныне несколько иная.

Оба насторожились, я видел, что готовы к самому худшему. Я выдержал паузу, и Маршалл спросил:

— Какова?

— Для недопущения, — сказал я, — подобных случаев... как с захватом Ламбертини. Или таким вот покровительством с вводом войск и разгромом местных отрядов.

Маршалл повторил быстро:

— Его Величество даст любые клятвы на Библии!

— Сэр Уильям, — сказал я с укором, — клятвы священные только для рыцаря или просто благородного человека, но политик не может быть ни тем, ни другим.

Потому вы оба понимаете, что отныне королевством Фоссано управляю я! Я и только я. Вы все остаетесь на своих местах, но в Фоссано будут мои представители и управляющие. В королевстве буду проводить набор в королевскую армию, главнокомандующим которой буду я и никто больше..

Глава 10

Они снова надолго замолчали, я видел, в каком бешеном темпе работают их мозги, даже кожа на головах покраснела от прилива крови.

— Мятаж, — сказал я намекаяще, — исключен, как вы понимаете. Шателлен, Вендовер или Ламбертиния вас не поддержат, это понятно. А лорды Армландии или Турнедо приведут такие армии, вы их злейший враг, что после них останется во всем королевстве только выжженная земля...

Маршалл рывком вскинул голову.

— Вы изменились, сэр Ричард.

— Надеюсь, — ответил я сдержанно.

Он пояснил:

— Вы никогда не были жестоки. Потому и сейчас трудно поверить в то, что говорите так... уверенно.

— Жесток? — переспросил я. — Маркус не оставит даже выжженной земли!

Барбаросса молчал, обдумывая, а Маршал проговорил раздумчиво:

— Его Величество король Барбаросса крайне расположен к вам... Ваше Величество, однако же бароны вряд ли согласятся с такими условиями... А лорды королевства Фоссано издавна известны буйным нравом.

— Знаю, — ответил я.

Он приподнял брови.

— В самом деле?

— В самом, — ответил я мирно. — Армин Арпагаус, двоюродный брат Его Величества, потому и не показывается в столице, почти не показывается, что постоянно гасит ростки мятежа. Многие местные лорды до сих пор помнят, что Его Величество когда-то просто захватил трон, пользуясь местными раздорами, короля убил собственной рукой...

Барбаросса буркнул:

— Поединок был честным.

— Да, — согласился я, — и тело короля в его ночной рубашке было выброшено тут же из окна на каменные плиты двора. Вы стали королем, хотя, признаю, правите мудро и справедливо. Армин тогда сумел освободить Берн и Шальк от вурдалаков, троллей и прочих странных огров, что хоть и горные, но спустились в долины и захватили там все?

Барбаросса лишь зыркнул зло, а сэр Уильям сказал негромко:

— Это было давно. Сейчас уже практически все лорды полностью лояльны Его Величеству.

— А барон Сегунд Толстый? — спросил я, всегда приятно шегольнуть памятью.

— Мятежный барон Сегунд Толстый, — ответил сэр Уильям обстоятельно, — после долгой войны и осады его замка бежал в королевство Вендовер, где и нашел убежище.

— Ох этот Вендовер, — сказал я с лицемерным сочувствием. — То герцогу Блекмуру, бежавшему из Ламбертии, дает приют, то этому Толстому...

Сэр Уильям сказал быстро:

— Королевство Вендовер — крепкий орешек!

— Это хорошо, — ответил я. — Как верный наш союзник, король Вендовера Буркхарт Третий прислал нам свое войско во главе с его сыном, принцем Сан-

дорином... Кстати, у меня в заложниках три принца. Еще Ингельдас из Аганда и Бергавулбас из Сизии. Вы о таких королевствах и не слышали, верно? Но северная мощь их армий тоже за нашей спиной. И скоро о них узнает и Сен-Мари.

Сэр Уильям пробормотал:

— Похоже, вы действуете не наобум.

— Это точно, — ответил я мирно. — Знаете ли, сэр Уильям, жизнь полна неожиданностей, представляете? Потому я, будучи крепко битым, научился учитывать пусть не все, но побольше, побольше. Главное, схватывать больше, чем мои... оппоненты. И соображать быстрее.

— Похоже, у вас это получается.

Я кивнул.

— За моей спиной армия, где воинов больше, чем жителей в Фоссано, считая стариков и детей. Мы можем пройти от границы и до границы, не оставив камня на камне, стерев с лица земли города и села до единого... и в летописях на некоторое время будет упоминание о некоем королевстве Фоссано, которого теперь нет. Не верите? Спросите, как я прошел Эбберт. А еще можем оставить армию в стране, окружив все замки, и там либо предпочтут умереть от голода, либо сдаться. Сразу сообщу, к сдавшимся не будет никакого снисхождения, всех отправят на каменоломни, не разбирая, кто герцог, а кто слуга. Я паладин, выполняю волю Всевышнего, а перед ним все равны.

Они молчали, Маршалл проговорил словно бы в раздумье:

— А вам нужна такая жуткая слава?

— Великие идеи безжалостны, — ответил я.

Он поднял голову и посмотрел в упор.

— А какая у вас идея... если это не секрет?

— Не секрет, — ответил я. — Хочу собрать все силы на борьбу с Маркусом.

Он вздрогнул, взглянул расширенными глазами.

— Ваше Величество?

— Именно так, — подтвердил я и посмотрел на него ясными глазами. — Здесь все равно все погибнет!.. Какая разница, если уничтожу на неделю или месяц раньше?

Он сказал быстро:

— Однако же зачем уничтожать? Не проще ли оставить все как есть и крикнуть великий призыв на бой с врагом?

Барбаросса поднял голову и посмотрел на Маршала с надеждой.

— Золотые слова, — сказал я с чувством. — Я бы так и сделал, поверьте! Но Его Величество поступил весьма благородно, введя войска в Ламбертинию и взяв ее под защиту, потому я даже перед лицом неотвратимой гибели должен ответить ему такой же благодарностью! Так что этот вариант даже не обсуждается, сэр Уильям. Мои лорды меня не поймут, если на такую учтивость короля Барбароссы не отвечу адекватно. Они все горят жадой помочь мне отблагодарить той же монетой!

Он нервно дернул щекой.

— Да-да, понимаю. Ваша сорокатысячная армия пришла за вами только затем, чтобы посмотреть, как вы будете благодарить Его Величество!

— Стотысячная, — уточнил я.

Он вскинул брови.

— Ваше Величество?

— Со мной сто тысяч, — объяснил я любезно. — И это не дружины баронов, что в любой момент могут повернуться и уйти. Это моя королевская армия. Если хотите в старых терминах, то это моя личная дружина,

которой плачу я, и потому подчиняются каждому слову их лорда... Еще вина?

Барбаросса смолчал, а Маршалл покачал головой.

— Спасибо, Ваше Величество.

— Спасибо, — спросил я, — это «да»?

— Спасибо, «нет», — ответил Маршалл.

Барбаросса промолчал снова.

— Обещаю, — добавил я, — мы не станем размещать на территории Фоссано отряды из Армландии или Турнедо, которые вас ненавидят и постоянно бы затевали ссоры, тыкая в глаза статусом победителей. Только вартгенцы, сакрантцы, бриттийцы... Может быть, пару отрядов из Галли, Пеккланда или Мезины, но это больше для статуса, как вы понимаете. Фоссанские лорды должны видеть, что против них если и не весь мир, но десяток королевств точно!

У Маршалла нервно дернулась щека, еще бы, уловил намек, что в первую очередь это должен увидеть и уяснить задиристый Барбаросса с его окружением, жаждущим побед и легкой добычи.

— Ваше Величество, — проговорил он с трудом, — вы весьма... добры.

— Всего лишь рационален, — ответил я с некоторой горечью. — Теперь королевство Фоссано, будем говорить прямо, в сфере моего влияния. И я заинтересован, чтобы там, где явно или неявно правлю я, все было мирно и без конфликтов.

Он произнес с тяжелым вздохом:

— Прямое правление?

— Непрямое, — ответил я. — Но правление, если говорить без прыжков в стороны. Я буду вмешиваться, только если будут отклонения от моей генеральной линии. И, конечно, налоги должны будут поступать ко мне в полной мере и бесперебойно.

Барбаросса мрачнел все больше, впервые удар такой мощи, даже тогда, в дни переворота, когда его жизнь висела на волоске и он прятался в лесу, он не чувствовал такой угрозы, я почти сочувствовал ему, а он наконец произнес со вздохом:

— Ваше Величество, вы стали настоящим политиком. И все делаете верно, как заправский король, который ни перед чем не останавливается.

Мне при всей своей самонадеянной уверенности почудился укор, я поинтересовался победно:

— А что не так, Ваше Величество?

Он хмыкнул и промолчал. Я видел, что он готовился встать и уйти, ведь все уже сказано, но заговорил невесело сэра Уильям:

— Все верно, Ваше Величество, вы поступаете безошибочно. И роли не играет, что герцог Блекмур, пользуясь уходом ваших войск, собрал своих сторонников и вторгся в Ламбертинию. У меня есть точные сведения, что его поддерживал тайком король Вендовера Буркхарт Третий.

— Вряд ли, — возразил я. — У меня его сын, принц Сандорин, в заложниках!

— Но герцог не смог бы собрать столько сторонников, — указал он. — Откуда они, если практически вся Ламбертиния к этому времени приняла вашу власть?.. Или нет?

— Приняла, — подтвердил я. — Но мои разведчики донесли, что в Ламбертинии расположены войска короля Барбароссы.

— Так это и не секрет...

— Заняты все крепости, — добавил я, — усиленно охраняются все посты и переправы. На всех перекрестках дорог выставлены посты армии Фоссано.

Он смотрел мне в глаза прямо и чуть покачивал головой.

— Ваше Величество, а как иначе? С герцогом Брекмуром отступила всего лишь горстка его верных сторонников! Да, у всех есть люди, преданные до смерти, но вообще-то для масштабной войны их маловато. Герцог мог опираться только на армию Вендовера!

— Не могу поверить, — сказал я.

— Или королевства Лихтен, — договорил он. — Оно граничит на востоке с Вендовером, на юге с Ламбертинией, и Фарландией. Королевство достаточно мощное, но мы жили с ним, как хорошие соседи. Однако два года тому старый король умер, а его сын, севший на трон, молод, горяч и стремится к воинской славе...

Я поморщился, нет никакого сомнения, старый лис старается отвести хотя бы часть вины, но не понимает, что легко вижу его игру и сейчас же выведу на чистую воду.

— Сэр Уильям, — сказал я, — с этого момента давайте подробнее.

Он пожал плечами.

— Те небольшие отряды, которые вы оставили в Ламбертинии для стабилизации, были немедленно разбиты и отступили в беспорядке. Герцог Блекмур во главе огромной армии двигался в южном направлении, захватывая замки, крепости, предавая огню города и села, что не признавали его власть. Вскоре вся Ламбертиния была захвачена!

— Так уж и вскоре? — спросил я со скептицизмом.

— Ваше Величество, — ответил он с достоинством, — Ламбертиния перед вами. Признаться, я удивлен, что вы не послали туда людей, чтобы те выяснили, как обстоят дела на самом деле, и сообщили вам...

Я ощутил болезненный укол, в самом деле промах, в Мезину послал, а в Ламбертинию не счел нужным, дескать, и так все ясно...

— А что случилось с королевой? — спросил я со стесненным сердцем.

— С эльфийкой, — уточнил он, — эльфийку Лалаэль успел вывезти из осажденного Истанвиля граф Бальдфаст Бредли. Он по вашему указанию обеспечивал прокурорский надзор в Ламбертини, если помните...

Я вздохнул с облегчением.

— И... где они оба?

— Сперва были у нас в Вексене, — ответил Маршалл, — а потом, когда Его Величество не стал терпеть, что на земли его лучшего друга и командующего его армией вторглись враги, он возглавил один из ударных отрядов и выказал в боях великое мужество и отвагу... В общем, после двух месяцев ожесточенных боев захватчиков удалось вытеснить за пределы Ламбертини. Уже на границе с Вендовером произошло самое крупное сражение, мы подозреваем, что участвовали королевские войска Буркхарта Третьего...

— Сволочь, — вырвалось у меня, — это несмотря на то, что у меня его сын в заложниках!

— Видимо, — ответил он невозмутимо, — уже понял, что не станете казнить принца Сандорина. Но я не договорил, Ваше Величество. В том сражении, самом кровопролитном, в котором погибло двенадцать тысяч воинов фоссанской армии, захватчики были окончательно разбиты и, самое главное, пал герцог Блекмур!

Я помолчал, подумал, спросил трезво:

— Где сейчас королева Лалаэль?..

— На троне, — ответил он с таким удивлением и даже посмотрел на меня с укором, мне в самом деле стало неловко. — Граф Бредли немедленно отвез ее обратно.

— Обратно... это куда?

Он посмотрел с высокомерным удивлением.

— Ну не в лес же... В столицу королевства Ламбертии великолепный Истанвиль. Его Величество изволил дать им почетную охрану в составе ста знатных рыцарей и трех тысяч конницы в сопровождение для поддержания чести и престижа. Кстати, герцог Блекмур, когда сел на трон, велел королевство снова считать герцогством, но Его Величество вернул прежний статус королевства.

Глава 11

Барбаросса за все это время, пока Маршалл говорил, не только не промолвил ни слова, но даже не шевельнулся и отрешенно смотрел мимо нас. Лицо его стало усталым, я поразился, как он постарел за то время, как мы встретились полчаса назад.

— Ваше Величество, — проговорил я с раскаянием, — это несколько меняет дело. К сожалению, те слухи, которые докатились до меня... подали ситуацию в довольно искаженном свете.

Он продолжал смотреть мимо, лицо не изменилось. Я подошел ближе, преклонил колено.

— Ваше Величество! Я все еще ваш коннетабль. Я молод, и хотя я, конечно же, умнейший человек на свете, но иногда меня все же обводят вокруг пальца так легко, словно два пальца о дерево... То ли дело вы, старый опытный волчара. В общем, я весьма и очень искренне винюсь. Был зело неправ.

Он молчал еще некоторое время, затем шевельнулся с таким усилием, что я услышал треск раскалывавшейся скалы.

— Да, — произнес он сухо, — вижу, вам пришлось в дерьме повозиться.

— Еще как, — подтвердил я виновато. — Теперь вот бью по всем, не разбирая, кто свой, кто чужой... вернее, считая, что все, гады, только и делают, что предают.

— Из крайности в крайность? — спросил он и наконец-то посмотрел на меня в упор. — Да, это мне знакомо. Ладно, Ричард, не будем раскапывать. Дело неприятное, и чем больше в нем рыться, тем больше будет обид. Просто забудем. Ты пока еще не понимаешь, что я не мог тебя предать. Просто не мог! Это было бы изменой прежде всего себе, а я себя, как и ты, холю, почитаю и всячески нахваливаю. Только про себя, не так, как ты. Я цаца, не стану пачкаться чем-то непотребным, пусть это принесло бы мне земли, славу и деньги. Есть кое-что повыше, чем слава, деньги и земли...

Я сказал самым виноватым голосом:

— Да уже знаю... Но мне казалось, это исповедую только я, а раз другие думают иначе, то я и о них, мерзавцах, буду думать иначе. Все гады! Только я замечательный.

Он усмехнулся, улавливая то, что я хотел сказать, но не произнес, устыдившись, мы все, если настоящие мужчины, избегаем высоких слов.

— Ладно-ладно, — повторил он, — забудем. И не стоит возвращаться. Я тоже должен был подумать, что тебе могут поднести иначе. Да и вообще жизнь приучила к тому, что лучше предполагать худшее, не так сильно ошибешься.

— Вот-вот!

— Полагая так, — сказал он, — ты перестанешь попадать в неприятности.

— Разве?

— Точно, — заверил он. — Только вся твоя жизнь станет мрачной. И вокруг в самом деле будут только враги.

Я подумал, сказал с неохотой:

— Тогда выбираю с неприятностями... но чтоб не слишком часто.

Он засмеялся.

— Добро пожаловать в реальный мир. Эй, там принесут нам вина?

Я сказал торопливо:

— Ваше Величество, я так провинился, что позвольте поухаживать за вами лично. Нет, спинку и ниже спинки чесать не буду, но вот вино...

Он заинтересованно смотрел в мое лицо, что окаменело, а взгляд стал бараньим, и вздрогнул, когда перед ним возник роскошный фужер из тончайшего узорного, как вычурные снежинки, стекла. Темно-красное вино начало подниматься со дна быстро, однако у золотого ободка замедлило движение, остановилось.

Барбаросса потянул ноздрями.

— Да-а... это что-то...

Второй фужер появился перед Маршаллом, себя я сделал нарочито поменьше и поскромнее, подчеркивая свой статус виноватого, а наполнил густым виноградным соком точно такой же окраски.

Маршалл ухитрился отхлебнуть раньше сюзерена, как бы на случай отравы, прикрыл глаза и замычал от избытка чувств.

После прекрасного вина был не менее прекрасный коньяк. Им пришлось наполнять объемистые фужеры трижды, прежде чем я настоял, что Ламбертиния отходит Барбароссе, несмотря на все его протесты. Даже Маршалл выглядел несколько обескураженным, явно побаивается, что на трезвую голову пожалею о таком щедром подарке, а Барбаросса все твердил о своей ры-

царской чести, что располагается выше королевской выгоды.

Я настаивал, что идея воссоединения королевств Фарландии и Фоссано, поглотив разделяющее их герцогство Ламбертинию, уже успела с легкой руки его величества завладеть умами многих лордов и даже простых торговых людей, которым хотелось бы расширить пространство для торговли с едиными пошлинами и едиными правилами.

Маршалл осторожно добавил, что о воссоединении мечтали еще до воцарения Его Величества, однако же такой щедрый подарок короля Ричарда к чему-то да обязывает.

Я решительно отмахнулся рукой все возражения.

— Ни к чему не обязывает!.. Мы же друзья или как?.. Ну вот. И как друзья, мы подпишем договор о взаимной безопасности!

Барбаросса еще не врубился, но Маршалл сразу спросил настороженно:

— Договор? Какой договор?

— Опять за рыбу гроши, — сказал я с досадой. — В общем, мы обязаны будем приходить друг другу на помощь, если вдруг кто нападет.

— Но разве, — поинтересовался он с той же осторожностью, — мы и без договора не придем друг другу на выручку? Да не придем, а примчимся! Прилетим даже.

— Разумеется, — заверил я, — но это мы знаем, а как насчет других? Они тоже пусть усекут, что договор обязывает нас помогать друг другу, даже если почему-то и не захочется. Так бывает?

Он пробормотал:

— Слишком часто. Однако же...

— Естественно, — перебил я, сделав вид, что посчитал его запинку за окончание фразы, — у нас бу-

дет общее экономическое пространство, чтобы наши королевства развивались, росли и богатели. Никаких таможенных налогов, хорошие и даже добрые отношения между королями и народами, везде счастье и все поют, как дураки, потому что всем хорошо с такими законами.

Барбаросса потягивал марочный коньяк и помалкивал, однако Маршалл, блюдя его интересы, цеплялся к каждому слову. Судя по его посерьезневшему взгляду, он уже прикинул, что, даже объединив три королевства, Барбаросса все равно не сможет соперничать с Великой Улагорнией. Та крупнее вдвое, а главное все-таки в том, что по договору все налоги хоть и будут собираться местными королями в свою казну, однако же немалая часть пойдет в Ричардвилль на содержание общей армии.

Это тоже подано мной красиво и с обтекаемо щадящими словами: поддержание мира во всем мире, защита церкви, соблюдение прав королей от своеволия местных лордов...

И хотя это все так, никакой юрист не увидит подвоха, да его и нет, я намерен и буду соблюдать все до последней буковки, однако же каждый, кто ставит подпись, понимает: отныне вся верховная власть переходит к тому, у кого в подчинении вся эта громадная армия.

Маршалл наконец сделал паузу, отхлебнул чуть-чуть из кубка, лицо медленно стало расслабленным, но взгляд остался острым.

— И многие уже подписали? — спросил он.

— Читайте сами, — ответил я любезно. — Король Ирама Иоанн-Георг Гехингем, король Бриттии Ричмонд Драгсхолм, король Гиксии Натаниэль Стокбридж, король Сакранта Леопольд Кронекер... уж не стану упоминать Великую Улагорнию, вобравшую

в себя земли и всю мощь Варт Генца, Скарлярдии и Эбберта...

Он заметно мрачнел, хотя должен бы радоваться за такого могучего союзника, но все мы, мужчины, соперники даже с самыми близкими друзьями, это у нас в крови. То ли от Змея, то ли сам Творец заложил такое.

Все-таки, мелькнуло у меня сочувствующее, сэр Уильям Маршалл во многом все еще турнирный боец. И хотя уже давно на государственной службе, но не научился скрывать чувства, как уже почти умею я.

— Договор хорош, — произнес он мрачно. — И его подписывали, думаю, ворча, но все же соглашаясь.

— Абсолютно верно!

— Уверен, — сказал он, — раздражало только одно...

— Сэр Уильям?

— Древняя формула, — напомнил он, — дескать, на этом договоре либо твоя подпись, либо твои мозги. Никто не любит, когда его пусть даже на пир ведут насильно.

Я вздохнул, развел руками.

— Но разве так будет не лучше?

— Как сказать, — ответил он трезво. — С виду вроде бы все замечательно: единые законы, единые пошлины, нет таможенных постов, а если разбойникам раньше достаточно было перейти границу, спасаясь от королевских войск, то теперь их достанут везде... но все же...

— Что?

— Не знаю, — признался он. — Что-то в этом есть и опасное. Такие империи создавались и раньше, но почему-то все быстро рушились. И становилось только хуже.

— У нас будет не империя, — возразил я, деликатно успев заменить «у меня», — а содружество свободных и как бы демократических королевств!.. Каждый король правит у себя, и это будет защищено дополнительными статьями договора. Мы лишь примем защиту от самодурства, жестокости, внезапного нападения на мирного соседа.

Он сказал с тяжелым сарказмом:

— И Познавшая Радость Побед, что теперь внушает страх и трепет после разгрома великой армии Мунтви-га, будет на страже?

— На страже мирных завоеваний, — подтвердил я. Он подумал, спросил с недоумением:

— А как это завоевания могут быть мирными?

Отношения наладились, для закрепления нужно бы попировать с недельку, но я виновато сообщил Маршаллу, что у меня проблемы с Ротильдой, он понял и сказал с сочувствием, что с женщинами проблемы всегда, но пусть мое Величество не волнуется, он постарается убедить барбаросье Величество, что мой внезапный отъезд вызван вовсе не охлаждением отношений, а именно ссорой с женой, после чего он тайно возгордится, так как у него с Алевтиной никогда трудностей не возникало.

Ротильду я вызвал, как и Барбароссу, на стык королевств, только Барбароссу на западный угол Турнедо, а Ротильду на восточный. Там примерно такой же замок, как и Орлиный Клык, но и в этот я входить не собираюсь, а велел Альбрехту расположить там лагерь и принимать постепенно прибывающие войска.

Бобик унесся, не слыша моего запрета, далеко вперед, вообще исчез из виду. Я представил себе, что он поворяет по земле и всегда с иголочки одетого Альбрехта, истопчет его роскошную шляпу, но смолчал,

пусть собачка порадует, я с нею играю совсем редко, весь в делах...

На месте будущего лагеря, где состоится встреча с Ротильдой перед вторжением в Мезину, носятся, как муравьи по горячему песку, два десятка разведчиков Норберта под руководством бравого Гаргастера, опытного сотника, с которым Норберт прошел несколько сражений и доверяет ему полностью.

Все торопливо размечают, где какие ставить шатры, по какой линии разместить палатки и костры. Все должно быть как по шнурку, в этом случае по сигналу тревоги никто не мечется, сталкиваясь с другими, а сразу хватают оружие и становятся в строй.

Я крикнул издали:

— А где граф Гуммельсберг?

Один из разведчиков прокричал бодро:

— Он там впереди размечает дорогу! Чтобы войско входило в лагерь сразу к своим местам.

— Не спит, — сказал я. — Моя собачка с ним?

Он крикнул еще веселее:

— Она ему таскает кабанов и оленей! Их тут видимо-невидимо!

— Бедный Альбрехт, — сказал я.

— Ваше Величество, ваш шатер уже ставят!.. Вон на том бугре.

— Запомню, — ответил я. — Но пока проедусь по периметру будущего лагеря. Рассчитывайте на недолгую стоянку. Максимум пару недель.

Проехать мне удалось не больше трети периметра, как навстречу понесся рыцарь в настолько блестящих и тщательно подогнанных доспехах, что только по этому узнал бы графа Гуммельсберга. А еще под ним седло из непонятно чьей кожи, настолько роскошное и отделано золотом, а под седлом попона ярко-пурпурная,

такая была и в тот день, когда я его увидел впервые на поле сражения в Армландии.

И сейчас на верхушке шлема гордо трепещет под ветерком пышный султан из крашенных перьев, такой же укреплен над конским лбом, с плеч графа красиво ниспадает оранжевый плащ, прикрывая конскую спину до самой репицы хвоста.

Красиво остановив на скаку, так что конь взвился на дыбы и помолотил воздух копытами, Альбрехт соскочил на землю и церемонно преклонил колено.

— Ваше Величество...

— Кончайте, граф, — посоветовал я.

— Ваше Величество?

— Не люблю церемоний, — пояснил я. — Если уж хотите выразить свое почтение, то почаще говорите, какой я талантливый, умный, красивый...

Он поднялся, покачал головой.

— Нет уж, лучше преклонять колено. Хотите, даже могу лечь?

— Вот такие вы все, — сказал я горько, — доброго слова жалеете для своего сюзерена...

— Доброго слова не жалко, — возразил он. — Но нельзя же так бессовестно врать, Господь все видит! И за такие слова заставит меня на том свете раскаленную сковороду лизать!

— Больше ему делать нечего, — сказал я сварливо, — как подбирать для вас сковороду погорячее. Когда ожидается подход армии и обозов?

— В ближайшие два-три дня, — сообщил он.

— Кстати, — поинтересовался я, — вроде бы вы, как мне чудится, оставлены канцлером Великой Улагорнии?.. Почему вы здесь, а не в великом и славном Ричардвилле?

Он вздохнул, виновато развел руками.

— Ричардвилль пока только на бумаге, хотя уже и начали рыть канавы под фундамент. Государственными делами тоже заниматься странно, когда там половина нашей армии. В общем, я привлек к работе сэра Клифтона Джонса, это был личный секретарь короля Фальстронга, если вы еще помните такого, а потом и ваш, гм, уж простите за выражение... Затем по моему приглашению в Ричардвилле остался Фридрих Геббель, лорд малой печати и сенешаль бывшего королевства Варт Генц... это название еще можно употреблять хотя бы в разговорной речи?

— Понял, — сказал я, — вы их вызвали якобы на коронавание моего величества и тут же предложили работу, от которой нельзя отказаться? Сильно били? Руки выкручивали?

Он посмотрел в меня бесстыже честными глазами.

— А кто бы оказался? Во-первых, там у них работы вообще нет больше. Во-вторых, здесь земель и людей втрое, а еще размах, возможности... Их громадный опыт просто бесценен! Не беспокойтесь, Ваше Величество, за ними тоже присматривают, разворовать казну не дам. Да и кроме того...

Он вздохнул, помолчал, словно на языке вертится слишком уж большая гадость, даже заколебался, стоит ли вот так сразу.

Я сказал нетерпеливо:

— Давайте, граф, выкладывайте!

— Я не уверен, — закончил он, — что вы тут не наломаете дров. Сказать по правде, в Великой Улагорнии еще долго будет так, словно никакой Улагорнии еще нет, а есть Варт Генц, Скарляндия и даже Эбберт... пусть и все три королевства под вашим железным задом. Простите, железной пятой... Ох, я хотел сказать, под вашей железной дланью! Длань — это рука такая. Ну вроде коня, что на самом деле лошадь.

Я нахмурился.

— Когда-нибудь дождусь от вас теплых слов, граф?..

Он нагло ухмыльнулся.

— Ни за что!

— Ладно, — сказал я с угрозой, — тогда не плачьте, запрягу по полной.

— Уже запрягли, — сообщил он. — Судя по тому, как заторопились, с мятежной королевой постараетесь уладить без масштабной войны?..

Я буркнул:

— Примерно. А что?

— Я прикинул, — сказал он деловым тоном, — сколько нам понадобится войска, чтобы вторгнуться через Тоннель и снова овладеть Сен-Мари. Два легких конных отряда уже пошли через Армландию, нужно сообщить маршалам, что помощь идет...

Я поморщился, махнул рукой.

— Далеко заглядываете, граф. Я человек скромный. Мне бы с Мезиной разобраться.

Он сперва нахально заулыбался, затем внезапно стал серьезным.

— Вообще-то, да, понимаю. Там женщина!..

Я посмотрел на него сурово.

— Вообще-то есть идея...

Он поспешно отпрыгнул.

— Нет-нет! Так не пойдет!

— Граф, — сказал я с ласковой угрозой, — вы даже не знаете, что я собираюсь предложить...

— И знать не хочу, — сказал он нервно. — Мне знаком этот взгляд и этот тон. Сами разбирайтесь со своей женщиной. Никто вас не заставлял жениться.

— В самом деле? — спросил я с сомнением. — А мне казалось, вы активно так это выступали за укрепление всяческих отношений с Мезиной...

— За укрепление отношений, — уточнил он, — но не всяческих! Нехорошо присобачивать всякое непотребное!

— В самом деле нехорошо? — спросил я. — Жаль. А то бы я вам наприсобачивал. Ладно, граф, вы тут рисуйте на земле каббалистические знаки для своего нечестивого обогащения и завлечения невинных дев и всем говорите, что размечаете место для лагеря, а я сделаю вид, что первым поверил, и пока отвлекусь малость...

Он взглянул исподлобья.

— То есть вас никто не найдет даже с собаками?

— Я не надолго, — пообещал я. — Что делать, если все так просто сложно... Но все равно бдите! Я нагрэну.

Глава 12

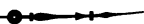
Шатер наконец закрепили на растяжках, я сказал в нетерпении:

— Хорошо-хорошо!.. Следующий — графу. А я пока взгляну изнутри.

Бобик боднул меня громадной башкой, я посмотрел в его обвиняющие глаза, оглянулся на недовольно пофыркивающего арбогастра.

— Что-то придумаем, — пообещал я виновато. — Но пока что эта штука слишком маломощная. Мы-то пролезем втроем, уже пробовали, потом эта штука восстановливалась больше месяца. Может быть, ее надо было выставлять на солнце? Когда-нибудь поэкспериментируем. Обещаю! А сейчас, увы, придется одному, зато я вернусь к вам, морды мои любимые, намного быстрее...

Бобик прошел за мной и с надеждой смотрел, как я вытаскиваю из сумки и растягиваю вверх и в стороны Зеркало Горных Эльфов.

— Нет, — сказал я строго. — Жди меня, и я вернусь, только очень жди... Что-то все тяжелее рама... Нет, стой там. А лучше сядь. И вообще, жди меня, и я вернусь, всем смертям назло...

Всматриваясь с предельным напряжением, я представил себе помещение кельи, в которой жил в Храме Истины, сосредоточился, и в сером тумане появились голые стены и узкая койка, сперва расплывчато, затем все четче и яснее, хотя по краям зеркала блещет неприятная радуга, но я сейчас совсем не эстет...

В келье пусто, прекрасно, могу сразу попытаться. Бобик горестно вздохнул, когда я начал ломиться в зеркало, однако проще биться головой в стену, ничего не происходит, поверхность упорно отказывается пропускать на ту сторону.

— Испортилось? — пробормотал я. — Этого еще ко всем моим радостям не хватало.

Арбогастр вздохнул с сочувствием, но мне показалось, в глазах появилось довольное выражение. Значит, мы поскачем, мы помчимся навстречу рассвету или, как говорят, навстречу утренней заре.

Или нет, может быть просто не в состоянии пробить защиту Храма. Если никакие демоны не могут, то и эта штука бессильна... С другой стороны, все правильно. Если сразу шагнул бы в келью, то пришлось бы отбrehиваться, как очутился внутри, минуя единственные врата.

Они и так возникнут, все-таки пешком никто не дотопает до ворот Храма, но как-то можно будет отгавкаться от слишком любопытных, а если сразу в келью или в кабинет аббата — это слишком.

Я представил себе как можно отчетливее местечко в полумиле от Храма, там невысокие скалы, если оттуда выйду, меня могут заметить издали с ворот и подтвердить, что я шел пешком издалека.

Коснулся ладонью поверхности зеркала и ощутил, что подается, прогибается, нужно только надавить сильнее.

Я прислушался, нет ли близко лишних ушей или глаз, вдавился боком в раму, едва не обрывая пряжки камзола.

Мгновение лютой стужи, в лицо пахнуло холодным воздухом, а подошва сапога ступила на мокрую траву. Но все-таки трава, а не снег, как было, когда покидал Храм через вот те ворота, что даже ближе, чем видел в зеркале, все-таки пропорции чуть здорово смещены...

Половина неба, а это половина вселенной, охвачена лиловым огнем, что колыхнется медленно и торжественно, как театральный занавес, но на самом деле там просто сверхсветовая скорость, страшно даже пытаться вообразить, голова лопнет...

Я торопливо опустил взгляд, вон там за поворотом открывается вид на исполинский Храм, что все еще загадка для меня, как и люди, что живут в нем, не раскрываясь чаще всего даже друг для друга.

Я торопливо сложил зеркало, но едва вышел из-за скалы, как уши потряс тяжелый грохот, что несется как с неба, где массивные тучи сшибаются краями и высекают длинные ветвистые молнии, так и из глубин земли, словно там идет стадо мамонтов.

Огромная гора надвигается непривычно быстро, словно я делаю один шаг, а она — десять. Донеслись медленные удары огромного колокола и тягучий напев молитвы, что вообще-то интересно, как-то не думал, что молитва, едва слышная внутри Храма, звучит так мощно снаружи.

Я быстрыми шагами приближался к воротам, над головой треск и злое шипение, словно скалы туч, ударяясь друг о друга, высекают длинные искры, но во-

рота в стене все же разрастаются, я вытащил меч и постучал рукоятью в створки, как и в прошлый раз.

Через пару мгновений сверху раздался могучий бас:

— И кто это... ах да, брат паладин!.. Вас впустить или вы снова только мимо шли?

— Открывай, — сказал я в нетерпении.

В воротах отворилась дверка, я пригнул голову и протиснулся на ту сторону. Во дворе все так же пусто, брат Жак за это время как будто стал еще выше и массивнее, на меня уставился с радостным изумлением, но тут же перевел взгляд за спину.

— А где, — спросил он в недоумении, — лошадка и собачка?

— Отдыхают, — ответил я. — А тебе меня мало?

— Даже много, — заверил он. — А вот собачка была бы как раз... У нас до сих пор со смеху покатываются, когда вспомнят, как она у отца Мальбраха... ладно, это потом.

— Потом, — согласился я. — Можешь закрыть ворота, я не собираюсь пятиться, увидев вместо делегации встречающих всего лишь твою роту.

Он закрыл калитку на массивную шеколду, обернулся и оглядел меня с головы до ног, покачал головой.

В глазах могучего монаха я увидел неподдельное восхищение.

— Брат паладин, — сказал он, — я уверен, ты еще сегодня был в тех краях, где яблони всюю цветут!

— А ты только что был, — ответил я ему в тон, — в пещерах на глубине в милю... а то и сейчас еще там.

Он ухмыльнулся.

— Брат паладин, это же невозможно!

— Мы рождены, — ответил я, — чтоб сказку сделать былью. Преодолеть пространство и простор... Что мы и делаем время от времени. Как выборы аббата?

Он сказал весело:

— Выборы? Идут!.. Готовимся. Но мы не спешим. А ты?

— А я спешу, — ответил я. — И лучше бы напрямик к аббату. Что-то у меня с головой... я был уверен, что выборы нового настоятеля должны быть не то через пару недель, не то через пару месяцев...

Он кивнул.

Все верно. Только в каждом монастыре свой устав, а у некоторых еще и свое летоисчисление. Но об этом, судя по твоему лицу, тебе еще рано. О твоём прибытии я доложу, не волнуйся. Тем более что ты, судя по всему, что-то накопал.

— Откуда видно?

— Иначе бы не прибежал вприпрыжку, — ответил он с ухмылкой. — Эй, брат Альдарен!.. Проводи брата паладина в его келью и устрой на ночь.

В трех шагах возник тихий смиренный монах, по возрасту почти послушник, хотя уже догадываюсь, он в храме не один десяток лет.

— А настоятелю сообщить? — спросил он почти-тельно, словно Жак не Жак, а владетельный сеньор.

— Я сам сообщу, — сказал Жак. — Утром.

Поклонившись, брат Альдарен сказал благочестивым голосом:

— Да будет благодать Божья с вами, брат паладин. Следуйте за мной.

— Привет, Альдарен, — ответил я. — Веди. Мою келью еще не заняли?

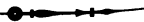
Он ответил с оттенком удивления:

— Нет, конечно. Отец настоятель сказал, что вы сегодня вернетесь.

Я кивнул Жаку.

— Еще увидимся.

Он облизал губы, намекая на то вино, которым их угощал, сказал с готовностью:

— Только свистни, брат паладин!

Альдарен замедленно повернулся и пошел к зданию, не оглядываясь и не делая ни единого лишнего жеста.

Уже у самого порога здания я спросил в его спину:

— Брат Альдарен, а это ничего, что у тебя нет... тени?

Он ответил тем же равнодушно благочестивым голосом:

— У брата Смарагда их две, ну и что?

Я зябко передернул плечами.

— Вообще-то да, неча со своим свинячьим рылом в суконный ряд. Тут же не простые свиньи, тут духовная элита. Как отец настоятель себя чувствует?

Он ответил, не меняя голоса:

— Как и последние двадцать лет. Стар он уже, брат паладин.

Я спросил невольно:

— А когда он был молодым?

— Тогда он был молодым, — ответил он.

— Когда это было? — спросил я.

Он ответил уклончиво:

— Тогда мир был совсем другим... Вот ваша келья, брат паладин. Располагайтесь, отдыхайте. Утром о вас немедленно сообщат аббату.

Я проворчал с подозрением:

— Уверен, он и так уже знает.

Он обернулся и посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— Конечно. Но таковы правила.

Таковы правила, думал я рассерженно, но в то же время голова раскалялась, словно котелок, подвешенный над огнем, от сотен и тысяч новых и весьма противоречивых мыслей. Конечно, они стараются держаться,

как все люди. Как, видимо, вели себя очень давно. Или как сейчас ведут себя люди в других регионах.

Наверное, у меня допуск повысился, если я заметил и отсутствие тени у брата Альдарена, и тот намекнул, что отец настоятель намного старше, чем я думаю.

Возможно, допустят еще куда-нибудь или к чему-нибудь, если, конечно, не шелкнут по носу, если суну морду в запретное. Ладно, пусть шелкнут, зато буду знать границы. Сказал же однажды Пифагор: стыдно умирать, состарившись, так и не узнав, на что способны твои дух и тело.

Колокол отзвонил время отхода ко сну, я растянулся на узкой монастырской койке, чувствуя, как после мгновенного перехода болят все кости, словно я отмахал все мили на крыльях.

В сон провалился почти моментально, некоторое время бегал и прыгал, даже летал, потом странный холод вошел в мое сердце, оно начало трепыхаться все реже и слабее, засыпая, как рыба на разделочном столе, а вот я уже снова в том чудовищно отвратительном зале, неизвестно где расположенном. На этот раз через каменные плиты проросла высокая трава, иные стебли мне до пояса, проползла вялая мысль, что либо камень призрачный, либо трава, но тут же угасла под натиском ужасающе пугающего чувства, что я совсем тля, а здесь такая мощь, что никто и не заметит, как меня раздавят...

Стены далеко, из них торчат черные ветви, непонятно как проросшие, но я с ужасом понимаю, что эти ветви размером со столетние дубы, а само дерево столь чудовищно, что может держать на себе целый материк...

Если в прошлые разы, когда я видел все это во сне, я шел по своей воле, преодолевая сопротивление воздуха-воды, или почти по своей воле, то сейчас меня

медленно, но властно несет некая мощь, я не властен над собой, только в страхе и беспомощности смотрю, как мимо проплывают омерзительные корни, в нишах стены отвратительные звери, а смотрятся ужасными потому, что это люди, ставшие зверьми...

Снова впереди из тьмы выступил черный трон, злобный и сладко отвратительный, чересчур массивный, олицетворяющий власть над всем миром. Меня медленно несло к помосту, и как я ни пытался противиться, но мое тело поднялось по ступенькам...

Незримый голос, что огромный, как вся вселенная, произнес во мне ясно и отчетливо: «Не смей даже прикасаться! Это гибель тебе и всему миру», однако я поднялся на последнюю ступеньку, пурпурная подушка уже победно багрового цвета, а корона из странного черного металла радостно вспыхнула тьмой, узнавая и приветствуя меня. Я протянул руки...

Острая боль заставила вскрикнуть, я с трудом обратил взор на поврежденное место, моя правая кисть целиком в пасти чудовищно огромного черного зверя.

Я вскрикнул и пробудился, Бобик, страшный и взъерошенный, уже не Бобик, а настоящий Адский Пес, держит мою руку в зубах, глубоко вонзив в нее клыки.

— Что ты делаешь?— вскрикнул я. — Отпусти!

Он медленно разжал челюсти, налитые багровым огнем глаза горят сатанинским безумием, а рычание угасает в его груди медленно и неохотно.

Кровь остановилась, хотя чистая простыня уже испачкана красными пятнами, я с усилием начал зашивать раны, но те отступали медленно и очень неохотно, наконец исчезли, оставив шрамы, а те так и не отступили, оставшись грозным напоминанием, как я понял, только не понял, о чем.

Бобик не ложился, продолжая всматриваться в меня непривычно пристально, как в чужака, которому еще непонятно, можно ли доверять.

— Это я, — заверил я дрожащим голосом. — Только дурной сон, а ты умница, разбудил вовремя...

Но на душе оставались страх и черная безнадежность. Во сне Бобик меня спас, но наяву я все-таки взял ту корону. И с каждым днем чувствую ее нарастающий зов.

Я вздрогнул, сознание окончательно очистилось от липкого сна. Я посмотрел дикими глазами на середину комнаты, где Бобик, и он медленно растаял в воздухе.

— Что за... — проговорил я дрожащим голосом. — Бобик, морда ты моя расчудесная, ты и на расстоянии меня спасаешь?..

Глава 13

Зашел брат Альдарен, поклонился и спросил, не поднимая взгляда:

— Брат паладин... принести что-то для трапезы?

Я помотал головой.

— Нет, спасибо. У меня пост.

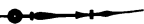
Он почему-то не поверил, переспросил:

— Пост? Но сегодня ж не...

— А у меня добровольный, — пояснил я гордо. — Воздерживаюсь от всякой пищи, ибо!.. Я же понимаю.

Он старался не смотреть на стол, где лежат остатки буженины, шейки и карбонада, политые соусом, ибо нет Бобика, а я создавал несколько бездумно, когда количество неважно, Бобик все подчистит.

— Хорошо, брат паладин, — ответил он покорно, но щеки почему-то заалели, то ли от возмущения, то ли от появившегося аппетита. — Через час вас примет отец настоятель.

— Надеюсь, аббат в добром здравии? — спросил я.

— В добром, — ответил он. — Отдыхайте, брат паладин.

— И тебе не хворать, — ответил я.

Когда дверь за ним мягко закрылась, я лег на узкую койку, закинув ладони за голову. Всего-то десять заповедей, а как же ограничивают жизнь! Сужают. Обрезают с боком самые интересные места и возможности.

Правда, это можно объяснить тем, что Господь уже тогда в своей мудрости предвидел угрозу прокрастинации и поспешил обрезать для нее пути. Это как пугливой или слишком любопытной лошади цепляют шоры по бокам, чтобы не отвлекалась, а смотрела только вперед на дорогу.

А в самом деле, монахи — лучшие в мире антипрокрастинисты. Мне тоже нужно навесить антипрокрастинистские шоры по бокам. Это вдобавок к тем, что уже навесил человеку Господь, спасибо ему, это я сейчас понимаю, хотя обычно бурчу и бунтую, капризничаю и заявляю о своих суверенных правах свободного человека...

Подсев к столу, я понял, что никогда так не жалел об отсутствии Бобика, всегда готового прийти на помощь, особенно в таких случаях.

Пришлось старательно доесть остальное мясо, вот-вот лопну, но теперь точно запомню этот урок.

В коридоре слышались шаги, сандалии с деревянной подошвой стучат особенно громко только у послушников, дверь тихонько приоткрылась.

Худой парнишка в не по росту длинной и просторной рясе заглянул вполглаза.

— Брат паладин, — проговорил он робко.

— Говори сразу, — велел я.

— Отец настоятель готов принять вас, брат паладин.

— Ого, — сказал я. — Это что, у него понизился статус? Раньше прислали бы монаха, а то и священника!

Он прошелестел, скромно потупив глазки:

— Обо всем ведает только Господь, брат паладин.

— Но дураки Ему не нужны, — напомнил я сурово. — Дураки и нищие пойдут в рай, как сказано в Писании, а умные и сильные — к Господу! Понял?

Он пролепетал, трепеща всем телом:

— Н-н-нет...

— Все равно запомни, — сказал я еще строже, — а в уединении обдумай.

Мы вышли в коридор, послушник пошел впереди мелкими шажками, так вроде бы личность умалется перед Господом, хотя на фиг Ему это умаление, Он и так знает, что выше всех, а Ему, напротив, нужны люди сильные, умные, энергичные...

У аббата в канцелярии двое священников копаются в бумагах, еще один тут же что-то переписывает мелким почерком, все трое посмотрели на меня, как на выходца с того света.

— Привет, братья, — сказал я дружелюбно, хотя надо было сказать «отцы», — закройте распахнутые... для молитвы, конечно, рты, а то вороны влетят...

Послушник сказал торопливо, пока я не брякнул что-то еще пожизнерадостнее:

— Брат паладин к аббату.

Я сам, опередив его, а то как будто ждет от них разрешения, открыл двери и вошел, быстро охватывая взглядом обстановку довольно уютного кабинета, где все стены в шкафах с книгами.

Аббат в кресле по ту сторону стола, на столешнице раскрытая книга, но при стуке двери сразу же поднял на меня взгляд покрасневших глаз с толстыми набрякшими веками.

Я учтиво поклонился, помня, что аббат в далеком прошлом потомок герцога, если не сам герцог.

И он произнес, как сюзерен, принимающий вассального лорда:

— Брат паладин...

Голос прозвучал едва слышно, аббат слаб, я сказал с подобающим смирением:

— Святой отец... мне удалось кое-что... хотя не то, не там и не так...

Он указал взглядом на кресло, что на этой стороне стола.

— Садись, сын мой. Рассказывай.

— В своих скитаниях, — сказал я, — в поисках смысла жизни, конечно же, я собирал и весьма материальные вещи, хотя, конечно, духовность — это все!.. И в этот раз, перебирая все блестящее, что я, как ворона, натаскал в свое гнездо, обнаружил любопытную вещь... Опуская подробности, скажу сразу, эта штука может заставить Маркус...

— Заставить? — произнес он совсем тихо, но достаточно властно.

— Понудить, — поправил я себя, — побудить, привлечь, заинтересовать... В общем, очень высока вероятность, что Маркус опустится именно возле этой штуки. Я ее определяю, как маяк, что в ночи светит кораблям, указывая верный путь, куда плыть.

Он помолчал, я затаил дыхание, наконец он сказал с сомнением:

— Так ли уж велика необходимость Маркуса в таком маяке?

— Полагаю, — сказал я осторожно, — что да, очень. Кроме того, что этот маяк — создание той же эпохи, что породила сам Маркус... возможно, породила... этот маяк еще и может как бы подкармливать сам Маркус...

Он поинтересовался:

— На расстоянии?

Я вздохнул с великим облегчением:

— Святой отец, вы великий человек! Сразу хватается все с лету, как пес муху. Действительно, маяк может подкормить... или напоить Маркус на расстоянии, но только на самом малом.

— То есть, — уточнил аббат, — Маркус должен опуститься рядом с маяком?

— Да.

— И где расположен тот маяк?

Я ответил со стесненным сердцем:

— Мне нужно было прибыть сюда и посоветоваться, отец Бенедерий, но сейчас счет идет уже не на дни, а, боюсь, на часы. Я посадил его в ямку, как сажают зернышко дерева... на самом деле это и есть зернышко, только механическое. В общем, древние умели делать такие зерна, так удобнее перевозить... Далеко перевозить, очень далеко.

Я напрягся, собираясь долго и нудно объяснять процесс понятными аббату словами, однако он спросил тихо:

— За какой срок вырастет?

— Не знаю, — ответил я несколько ошарашенно, в самом деле это очень важно, маяк окажется бесполезным, если будет расти, когда Маркус уже опустится на землю. — Как я сам не подумал...

Он помолчал, размышляя, наконец проговорил:

— Возможно, ты был прав, что не терял времени. Будь ты послабее духом, ты бы обязательно прибежал посоветоваться и переложить решение на наши плечи.

Я спросил робко:

— Может быть, нужно было посадить где-то ближе к Храму Истины?

Он чуть качнул головой.

— Нет. Я уверен, ты выбрал хорошую просторную долину так, чтобы вблизи были большие города. Маркус их увидит сразу. Там его и следует ждать.

Мое сердце забилося чаще, кровь начала ломиться в голову горячими волнами.

— Спасибо, святой отец!

Он чуть прикрыл усталые глаза толстыми набрякшими веками, пронизанными красной сетью полопавшихся капилляров.

— Пока не за что.

— Но вы сказали такое, — воскликнул я, — что дает надежду! Надежду на сопротивление!

Он произнес невесело:

— Мы узнали только, где он приземлится, да и то не наверняка... А как организовать оборону? Те, кто прилетит со звезд, могут быть вообще неуязвимы.

— Уязвим, — пообещал я. — Только бы найти то, чем именно уязвить. Сейчас, как я понимаю, это главная задача. Отец настоятель?

Он долго молчал, накрыв красными вздутыми веками такие же покрасневшие глазные яблоки. Я уже начал думать, что аббат заснул от старческой немощи, надо встать и потихоньку уйти, когда он наконец поднял верхние веки и взглянул на меня в упор.

— Поиск оружия?

— Да, — подтвердил я. — Отец настоятель?

Он произнес едва слышно, словно раздумывая про себя:

— Главное оружие... эти наша воля, наша стойкость... наша жажда победы... Надо искать на этом поле в первую очередь...

Я пролепетал:

— Отец настоятель, одной стойкости мало.

Он снова впери в меня взгляд, что показался мне пронизывающе острым.

— Сын мой... ты можешь рассказать, что с тобой случилось?

— Отец настоятель, — проговорил я, — со мной много чего случилось. Что именно я должен рассказать?

Он чуть поморщился.

— Ты знаешь, что меня интересует.

Я вздрогнул, напрягся, однако аббат снова дремлет в кресле, словно вообще обо мне забыл, и я потихоньку заговорил, тщательно выбирая слова:

— Святой отец... вы однажды спасли мою шкуру очень по-крупному... в смысле, мне бы каюк, если бы не ваша предусмотрительность, что несколько раз могла по мелочи... а один раз и по-крупному.

Он на мгновение приподнял и снова опустил верхние веки, красные и набрякшие, пронизанные сетью ярко-красных капилляров. Я догадался, что это у него кивок, престарелому аббату каждое усилие дается с трудом.

— Как? — спросил я, догадываясь о невысказанном вопросе. — Святой отец, я рассчитываю, что в верхах церкви более широкие взгляды, чем в самом низу, где религия только похожа на веру, но ею не является.

Он открыл глаза и посмотрел на меня ровно и спокойно, никаких чувств не отразилось на его пергаментном, как у мумии, лице.

— В общем, — сказал я осторожно, — когда наша крестоносная армия под знаменем креста и с крестами на плащах крестоносно и с пением псалмов двинулась в поход на условного антихриста, нам попытались помешать злобные и нечестивые колдуны, отвергнувшие святую праматерь-церковь, гореть им в вечном огне...

Он снова чуть двинул веками, я понял и продолжал чуть пободрее:

— Они наслали страшную бурю! Наша церковная и во Христе армия столкнулась с огромными нецерковными трудностями и понесла бы немалые потери... если бы рядом со мной совершенно случайно не оказался некий колдун. Конечно, тоже нечестивый, они все нечестивые, однако же те гады оказались ему то ли соперниками, то ли когда-то в суп плюнули, так что он попытался остановить их...

Он смотрел внимательно, а когда я замялся, спросил коротко:

— И?

Я мощно перекрестился.

— И слава Господу!.. Он преуспел. Буря улеглась, святой отец!

Он чуть-чуть наклонил голову, я услышал тихий надтреснутый голос:

— Но это не все?

— Увы, — сказал я с раскаянием. — Те колдуны оказались весьма сильны, как последние недобитые язычники! Они сопротивлялись так мощно, что этот колдун едва не погиб. И тогда он в предсмертном усилии попросил меня помочь, представляете?.. Я сказал, что не могу, но он заявил, что мне достаточно только опустить ладонь на его плечо!.. Что мне оставалось делать? Если те гады убьют этого колдуна, то моя церковная армия понесет большие церковные потери и будет вынуждена остановиться, погребенная снегом. В смысле остаться.

Он посоветовал так же слабо:

— Меньше рассуждений, сын мой.

— Хорошо, — сказал я упавшим голосом. — Хотя, вообще-то, порассуждать я зело люблю, это ж не работать! Я ж интеллигент как бы. В общем, конкретно говоря, как бы сказать яснее, я все же весьма положил ладонь на его плечо. Увы, положил. Даже опустил. Что

делать, я же спасал крестоносную армию во имя Господа! Это же мои люди, я за них отвечаю, как пастырь за овец, вроде бы так же отвечал Христос, если я его ни с кем не путаю...

Он сделал нетерпеливое движение, я затараторил:

— Из моей руки что-то как бы потекло в его плечо. Из моего организма, так сказать. Изнутри, хоть это и не весьма. А он, колдун то есть, уже пал на колени под ударами тех гадов, но теперь поднялся и уничтожил не только остатки бури! Тех троих противников отыскал и уничтожил так, что уже точно не возникнут и не появятся. Он так и сказал, хотя я раньше думал, что достаточно просто убить.

Я умолк, не зная, как объяснить то, что было потом, аббат спросил тихо:

— А дальше?

— Дальше, — продолжал я упавшим голосом, — он охамел почему-то и сказал, что теперь в нем такая мощь, что вообще сотрет с лица земли все, что хотя бы пикнет или пискнет. И даже меня сотрет, я же только сосуд для некой темной мощи, но раз он ее забирает всю себе, то зачем вообще я?

— Помог тот крестик? — подсказал аббат надтреснутым голосом.

— Да, — ответил я. — Не знаю, как вы предчувствовали, это ваш громадный опыт, нечеловеческая мудрость и величайшие знания нашей слабой природы... в общем, колдун сам наложил на мою грудь ладонь и хотел забрать остатки моей силы, о которой я даже не знал... ну, как бы не знал... и тогда под его рукой воспламенился ваш крестик!.. И сжег его в пепел, колдуна сжег, а ветер тут же развеял этот серый пепел... по ветру.

Он молчал некоторое время, я терпеливо ждал, наконец сказал просительно:

— Святой отец, вы что-то знали или чувствовали? Потому и дали защищающий крестик?

Он ответил, как мне показалось, уклончиво:

— Все, у кого за плечами долгая жизнь, могут достаточно точно прогнозировать будущее.

— Да, — ответил я жалко, — но это в общем... я не думал, что прогнозирование может быть таким точным и в мелочах. А я, увы, как бы мелочь в масштабах вселенной, хоть и обидно. Одно непонятно...

Он проскрипел едва слышно:

— Что?

— Этот крестик, — объяснил я, — совсем не реагировал на ту темную мощь, которую колдун начал извлекать из меня!

— Верно.

Я сказал быстро:

— Почему не начал уничтожать ее прямо во мне?

Он ответил совсем тихо:

— Крестик защищает тебя, сын мой... И только от внешней магии. А что в тебе... Ты хозяин, тебе и отвечать на Страшном Суде. Свобода воли, свобода выбора.

— Как же меня достала эта свобода, — сказал я с тоской. — Как было хорошо, когда за меня решали родители, школа, армия, учителя... И как хочу, чтобы за меня решал кто-то бесконечно сильный и умный! И, конечно, любящий и заботящийся обо мне, таком замечательном.

Он слабо перекрестил меня и прошептал:

— Не хочешь.

— Святой отец?

Он ответил со вздохом:

— Бесконечно силен и бесконечно мудр наш Господь, но даже Он дал человеку свободу, хотя мог бы, как сам понимаешь.

— Понимаю, — пробормотал я.

— Значит, — сказал он, — у Него на людей великие планы. Иди и трудись, сын мой, чтобы планы Господа стали и твоими. А для начала постарайся совладать с той недоброй мощью, что заключена в тебе. Если она вырвется на свободу...

— Быть беде, — досказал я упавшим голосом.

— И если сам ее выпустишь, — проговорил он слабо, — беде быть еще большей.

Глава 14

Я ощутил холод в теле и страшное одиночество, будто оказался на вершине заснеженной горы, а с юга и севера к ней уже подошли многокилометровые льды Великого Ледникового периода.

— Так как же мне...

— Твоя сила велика, — произнес он, — даже слишком...

Я возразил:

— Ничего не бывает слишком! Мне бы еще чуток. А лучше побольше, побольше...

— Побольше тебя раздавит, — ответил он мрачно. — Тебе следует поговорить с отцами Велезариусом и Ансельмом.

Я спросил с недоумением:

— Велезариус... это тот, кто строил стену вниз? Помню, знаю. А отец Ансельм — глава церковного суда. У меня до сих пор мурашки по коже, как вспомню. Зачем они мне?

Он пожал плечами.

— Как хочешь. Я думал, ты всерьез сказал, что хочешь больше силы.

— Хочу!

Он сказал с неохотой:

— Она в тебе есть, уже трое ощутили. Но какая-то... темная, что ли. Если ее выпустить, сразу подомнет. Потому лучше держи в себе, никому не выказывай.

— Еще бы, — пробормотал я. — Как могу другим, если не вижу сам?..

— Это и беда.

Я поднялся, поклонился.

— Отец настоятель...

Его рука чуть приподнялась над столом, осеняя меня крестным знамением.

Велизариус, размышлял я, выходя из его кабинета, этот тот священник, который больше всех, как говорят о нем, знает о мире демонов. В этом ему нет равных, а стену против демонов внизу он строил наравне с другими, кое-кто в том деле и посильнее, тот же Кроссбринер, приор монастыря.

Отец Ансельм потому и глава церковного суда, что умеет распознавать самые незначительные вкрапления черноты в человеке, и, как говорят, он с уверенностью может указать на человека, которому демон кивнул благосклонно или коснулся его плеча хотя бы пальцем.

Он еще в тот день забил тревогу, когда я впервые переступил порог монастыря. Однако аббат своей властью и под свою ответственность запретил любые расследования сути человека, скрывающегося под личиной брата паладина.

Никто не понимал странного решения настоятеля, лишь потом согласились, что да, настоятель нечто смутное предвидел, раз уж брат паладин оказался таким полезным как в деле разгадки тайны молодого монаха Целлестрина, так и в рейде против ломающих защитную стену демонов, но все равно все вздохнули с облегчением, когда я покинул монастырь.

Сейчас я чувствовал, как растет напряжение вокруг меня, и, чтобы побыстрее разрядить его так или эдак,

надо бы отправиться искать Велезариуса. Ансельма можно бы раньше, знаю, где камеральная, но помню его как главу церковного суда, крупного, при регалиях инквизитора, сурового и властного по виду, осанке и прямому взгляду, и решил оставить его на потом, если вдруг что не получится с отцом Велизариусом.

На меня поглядывали с испугом и любопытством, а сам я видел в Храме слишком много, на мой взгляд, новых лиц, что непонятно, не так уж и долго я отсутствовал.

Вскоре окликнули, я увидел брата Гвальберта и брата Смарагда. Они заспешили навстречу встревоженные, а в глазах настолько глубокое участие, что мое сердце радостно дрогнуло.

— Как ты, брат паладин? — спросил Смарагд жадно. К аббату вызывают настолько редко, что всякий раз это событие. — Что он сказал?

Брат Гвальберт сладострастно потер ладони одна о другую.

— А вот за винцом брат паладин все и расскажет!

Пойдемте, — сказал я, обрадованный тем, что тягостный визит к суровым отцам Велезариусу и Ансельму на время откладывается. — У меня в самом деле еще сохранилось кое-что...

— И его надо допить, — сказал Гвальберт с лицемерным сочувствием, — а то в этом мире все так быстро портится!

Но не успели мы развернуться в сторону коридора, где моя келья, как нас окликнул отец Ромуальд, все такой же громадный викинг с рыжей бородкой и нещадно синими глазами. С ним отец Мальбрах — толстенький и невысокий, с округлым мягким лицом и бесконечно добрыми, почти детскими глазами.

Не успели поприветствоваться, как подошел отец Муассак, крупный и могучий, взглянул на меня черными глазищами из-под густых чернящих бровей.

— Говорят, ты что-то отыскал? — прогудел он с недоверием в голосе.

— Уже говорят? — удивился я. — Никому еще ничего даже не шепнул...

— У нас умеют делать выводы, — бросил он. — Пойдемте все вон в ту келью, обсудим.

— Ваша?

— Нет, пустая. У нас, к сожалению, пустых много.

Услужливый брат Смарагд забежал вперед и, распахнув дверь, держал ее для нас, кланяясь всем.

В келье по-христиански аскетично, зато большой стол и две длинные лавки по обе стороны. Мы рассаживались, я ожидал расспросов, но брат Гвальберт посмотрел на стол, затем очень внимательно на меня.

Я спохватился, здесь же тоже люди, хоть и монахи, быстро начал создавать простые глиняные кружки, но заполнял их лучшим вином, а на широкое блюдо выложил тончайшие ломтики сыра всех сортов, какие только сам когда-либо пробовал.

Отец Ромуальд с удовлетворенным видом потер ладони.

— Хорошо... А то я уж подумал, что ты потерял это умение в своих дальних странствиях.

Они быстро разобрали кружки, Гвальберт и Ромуальд сразу припали к питию, как кони на водопое, отец Мальбрах сперва понюхал, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— А это точно не от дьявола?

— А если от него? — спросил я с интересом.

Он с сожалением посмотрел на поверхность темно-красного вина, на меня, сказал решительно:

— Тогда, вооружившись молитвой, поборюсь с силами ада!

И за два мощных глотка осушил половину содержимого кружки. Над ним посмеивались, а он, чтобы доказать свою решимость сразиться с темными силами, быстро допил до конца, вытер тыльной стороной ладони рот.

Я оглядел их, смотрят с интересом, но не как на героя, а как на парнягу, которому повезло наткнуться на что-то полезное.

— И что? — спросил я. — Да, мне удалось сделать первый шаг для борьбы с Маркусом. А вам? Все еще прячете задницы в пещеры поглубже?

Они переглянулись, Мальбрах ответил мирно:

— Брат паладин, ты слишком резок...

— Он просто молод, — вступился за меня Гвальберт, но прозвучало это так, что, дескать, он ж еще дурак, на его голове еще поленницу дров обтесать, а потом еще две корзины орехов расколоть, а сейчас чего хотите...

— Мы не можем укрываться от мира, — сказал я, — он нуждается в нас. Если мы его оставим — он погибнет.

— Хорошие слова, — прогудел отец Ромуальд задумчиво. — Но мы должны на всякий случай спрятать книги понадежнее. Монастырь без библиотеки что крепость без оружия. Книги — наше оружие.

— Кому они нужны, — сказал я уже зло, — если все погибнут?

Отец Муассак повел в мою сторону черными глазами.

— Все когда-то умрем...

— Все умрем, — сказал я гневно, — а те, кто прячется в пещеры, еще и слохнут!

Отец Ромуальд поморщился.

— Не так пылко...

— Вы так и не поняли, — сказал я. — Задача не в том, уцелеете ли вы или нет, хотя шансы ничтожны, сами знаете... а стоит ли человечество бытия или нет?.. Вы не подумали, что это может быть уже последний прилет Маркуса?

Все насторожились, Ромуальд спросил:

— Ну-ну, что это еще за?..

— Вполне возможно, — сказал я медленно и оглядел всех, слушают ли внимательно, — Господу уже надоело то топить человечество, то жечь огнем... И сказал себе: посылаю этот огненный меч на людей в последний раз! Если и сейчас примут свою судьбу покорно, как овцы какие, то эти создания и не заслуживают жизни. Сотру в пыль все, как саму Землю, Солнце, Луну и планеты со звездами, как и всю вселенную. И потом, может быть, когда-нибудь и где-нибудь попытаюсь сотворить новую, получше.

Видимо, я сказал хорошо, посерьезнели, смотрят остановившимися глазами, побледнели, у отца Мальбраха даже губы стали синими.

Наконец Ромуальд крикнул, ухватил кружку зазевавшегося Смаграда, тот слишком долго смаковал и залпом выпил, после чего широко раскрытыми глазами уставился на меня.

— Страсти какие... ты чего так пугаешь?

— А что, — поинтересовался я. — Не пора ли ему в самом деле с такими ничтожествами так и поступить?

Он потребовал:

— А мы ничтожества?

— А если, — парировал я, — даже не пытаемся защититься? Сразу прячемся по норам? Я бы точно прибил...

— К счастью, брат паладин, — сказал брат Гвальберт с тяжелым сарказмом, — ты не Господь.

— Да, — согласился я, — но создан по его образу и подобию. Так что смотрите на меня и слушайте. Если не окажем Маркусу жестокий прием, Господь совсем разочаруется в нас и сотрет к такой матери!

Смарагд спросил жалко:

— Всех в ад?

Я покачал головой.

— Хуже. Не будет ни рая, ни ада. Ничего не будет.

Он съежился, втянул голову в плечи, остальные смотрят на меня исподлобья, уже злые, но мои слова явно задели и даже встревожили.

— Брат паладин, — сказал мягко отец Мальбрах, — ты еще мало знаешь в этом мире...

— А чего не знаю важного? — спросил я. — Вы собираетесь его разгромить сами? Но что-то я не слышал, что вступите в бой! Ну да, я понимаю...

Он спросил мрачно:

— Да? Что именно?

— Религиозный человек, — ответил я с издевкой, — не станет отвлекаться от молитвы на всего лишь благое дело! Да что там благое, даже ради спасения жизни не станет.

Он покачал головой.

— Ошибаешься, брат паладин. В Священном Писании четко сказано, что тот, кто ради молитвы повредит своему здоровью, тем более — жизни, не войдет в Царство Небесное. Жизнь человека Господь ценит настолько, что ради ее спасения позволяет даже отказаться от Него! Так что ты не прав.

— А как на самом деле?

Он взглянул удивленно.

— Брат паладин... Все верно, сейчас все свободные монахи переносят наши книги и все ценности в самые глубокие пещеры, что не будут затронуты катаклизмом поверхности. Но твое предложение заставить большин-

ство оставить работу и начать готовиться к схватке... Как? Я еще не знаю. Это решат на собрании. Но ты сделал великое дело!

— Мало, — отрезал я.

Он сказал с мягким укором:

— Могло не быть и его. Но теперь, когда известно, где опустится Маркус, есть шанс окружить то место. И либо напасть и победить, либо заставить отступить от людей. Ладно, можем и сами все погибнуть, но и это не зря. Господь примет наши души, ибо мы пытались спасти мир от разрушения!.. Так что ты не совсем прав.

Я сказал с раскаянием:

— Если все так, то я совсем не прав.

Отец Муассак вытащил из складок необъятной рясы и положил перед собой на стол причудливо ограниченный кристалл. По стенам сразу пошли радужные сполохи, а на потолке образовался странный круг из трех тесно соприкасающихся колец.

— Видите, — сказал он скромно, однако я ощутил поистине дьявольскую гордыню в его словах, — это камень Ронбера.

Все сразу умолкли, взоры обратились к кристаллу. Я увидел на лицах жадный интерес, спросил осторожно:

— А для чего?

— С его помощью, — пояснил отец Муассак, — можно не уходить в глубокие пещеры. На какое-то время позволяет... я не знаю, как это объяснить, но позволяет... в общем, когда Маркус закончит и улетит, то снова на том же месте...

Он замолчал в затруднении, не зная, как подать нам понятнее, но я сказал живо:

— А-а, все ясно, как на ладони!.. Временный переход в другое пространство!.. Это просто, как бы даже элементарно, объяснять почти смешно такие очевид-

ные вещи. Хотя, конечно, пока не для нас. И много таких средств индивидуального спасения?

Он посмотрел на меня с укором, брат Гвальберт саркастически фыркнул.

— Это не для спасения, — ответил отец Муссак мягко.

— Для спасения других, — буркнул отец Ромуальд. — Неизвестно, что хуже, брат паладин. Большинство предпочли бы остаться в пещере вместе со всеми, чем вот так снаружи в одиночку, и начинать раскапывать...

Я поинтересовался:

— И сколько времени потребовалось, чтобы ограничить это чудо?

— Двести сорок лет, — ответил отец Муассак.

Я охнул.

— Ого!.. Так скоро? Ну, монахи тоже начинают работать все быстрее. Или это вся цивилизация ускоряется?.. Двести сорок лет, подумать только, это же просто семечки!

— Да, — согласился он, — раньше делали, помню, за триста лет. А еще раньше так и в четыреста не укладывались.

— Ускорение, — сказал я победно. — Мы придем к победе монастырского труда! И когда-то сумеем повторить все достижения древних и превзойти их... с Божьей помощью и под крылом матери-церкви! Но сейчас нужно оставить даже это выгранивание, а сперва дать бой Маркусу. Все для победы.

Они допили вино, друг на друга поглядывают так, словно от меня все хранят великие тайны, но так и не решились проболтаться, даже коньяк не развязал языки, монахи — народ стойкий.

Я проводил их до двери, а потом подумал и вышел следом. В зале спинами ко мне с десятков священников

и монахов, все с такой грустью и даже скорбью смотрят на рухнувшее со стены массивное зеркало, словно разбилась статуя Вильгельма Завоевателя.

Глава 15

На полу обломки массивной рамы и блестящая россыпь зеркального стекла, в котором отражаются потолок и стены. Рама из толстого дерева, но изломы чистые, хотя я подсознательно ожидал увидеть множество дыр от личинок короедов, у нас эти жуки работают не хуже, чем термиты в жарких странах.

— Плохая примета, — сказал я с сочувствием.

Ко мне обернулся отец Аширвуд, который первый помощник приора Кроссбрина, лицо нахмуренное, в глазах неудовольствие.

— Брат паладин, — спросил он с подозрением, — ты что, как дикий язычник, веришь в приметы?

— Да это так просто говорится, — сказал я, выворачиваясь, как скользкий уж, — начало разговора, как вот о погоде, которой из-за стен не видно, а поговорить хочется.

— Нужно следить за речью, — сказал он назидательно. — Особенно своей.

— Жаль зеркальца, — сказал я с сочувствием. — Ничего, хотя старое как бы освящено самим временем, но ваши умельцы, уверен, сделают новое еще лучше.

Один из стоящих впереди обернулся, я увидел под глубоко надвинутым на лицо капюшоном рот отца Форенберга, сторонника традиций в одежде.

— Такое уже не сделают, — проговорил он.

Голос его был мягкий, но внушающий, я сразу насторожился.

— Что-то особенное?

— Очень.

Монахи и священники смотрят со скорбью и печалью, отец Форенберг перекрестился и что-то сказал отцу Хайгелорху. Тот вздохнул и покачал головой.

Самый большой фрагмент рамы сухо треснул и разломился надвое, подгребая под собой мелкие.

Я пробормотал:

— Самоликвидация?

Отец Форенберг ответил так же тихо:

— Кончился срок его жизни. Только и всего.

Я сказал шепотом:

— Знаю людей, которые смогли бы попытаться восстановить.

Он взглянул на меня с острым осуждением.

— Мы не общаемся с нечестивыми магами!

— Это не маги, — объяснил я, — а монахи-цистерианцы. Не слышали?

Отец Форенберг покачал головой, в его голосе прозвучала ласковая укоризна:

— Брат паладин... мы знаем цистерцианцев. Они на верном пути. Но это еще дети... Неужели думаете, могут что-то из того, чего не можем мы?

Я пожал плечами.

— Прошу простить меня, святые отцы. Ваши возможности почему-то скрыты от меня. А у цистерцианцев прозрачные системы.

Отец Форенберг сказал тем же ласковым голосом, каким разговаривают с домашними собачками и детьми:

— Все в свое время, брат паладин.

Массивные фрагменты рамы еще в двух местах треснули, опустились ниже. Я заметил, что зеркало продолжает дробиться, вон рассыпается тяжелая фигурная композиция, что держалась на самом верху, но уцелела, когда с грохотом и треском обрушилась на ка-

менный пол, однако сейчас медленно и с печальным достоинством распадается на части, рассыпается, превращается в совсем крохотные фрагменты...

Отец Муассак не отводил взгляда погрузневших глаз от бывшего зеркала, где все уже не потрескивает, а тихо-тихо шуршит, опускаясь к полу и заполняя пустоты.

Вид у отца Форенберга таков, что рушится его жизнь, явно он больше всех работал с этим зеркалом, и сейчас у него появится масса свободного времени.

Я встал рядом и сказал с подчеркнутым сочувствием:

— Приношу самые теплые соболезнования. А как вы относитесь к зеркалам, что позволяют перемещаться?

Он скосил глаза в мою сторону.

— Ни одно зеркало не запрещает...

— Простите, — уточнил я, — вы же любите точные научные формулировки, типа сколько ангелов на острие одной иглы! Я имею в виду, позволяют перемещаться через них... на большие расстояния? Р-р-раз — и в другом месте!

Он посмотрел уже внимательнее.

— Вы сами такие видели? Или только слухи?

— Видел, — ответил я скромно, — и пользовался.

Он вздрогнул, повернул ко мне голову. Глаза округлились, он всмотрелся внимательно, я мило улыбнулся в ответ.

— И не только такие, отец Форенберг. А есть еще...

— Говорите, — потребовал он шепотом. — Нет, пойдемте отсюда. Здесь уже ничем не помочь.

Его келья намного просторнее моей, однако роскоши нет, только стол, несколько простых кресел и книжные шкафы под самый потолок, но книг там уже почти нет.

Он молча указал на крайнее кресло, я сел, засмотрелся, как рядом на полке в изящной подставке поблескивают выпуклыми стеклянными формами песчаные часы. Сперва принял за клепсидру, привык видеть в таких постоянно переливающуюся воду, намного реже песок, но здесь из верхней перевернутой колбы струится нечто тончайшее, напоминающее прямой луч серого лазера, что не вода и не песок.

В нижней растет аккуратная горка, а на стекле четкие отметины, означающие, как я понял, часы, четвертушки и даже минуты.

— Красиво, — сказал я подхалимски, — просто замечательно! Это такой металл?.. Или особого рода истолченный песок с некими примесями?

Он придвинул кресло поудобнее, чтобы хорошо видеть мое лицо в пламени свечи, ответил рассеянно:

— Нет... это Сомерхальдер.

— Сомерхальдер? — переспросил я. — Это такой минерал?

Он покачал головой, не отрывая внимательного взгляда от книги.

— Нет-ет, Джон Сомерхальдер. Был такой великий колдун.

— А-а-а, — сказал я понимающе. — Его работа? Он создал?

Он посмотрел на меня, как на дурака.

— При чем тут создал? Я убил его и сжег, а это его пепел. Намного удобнее, чем лучший просеянный мастерами песок. И в то же время напоминание, враг не дремлет... Сомерхальдер на свете не один.

Он ласково улыбнулся мне, добрый и милый ревнитель старых традиций в одежде, это же так важно, поинтересовался:

— Так что насчет зеркал, что вы где-то видели?

Я рассказал почти без утайки о двух зеркалах. В одном из которых можно наблюдать за непонятно где расположенной комнатой, полной волшебных сокровищ, что совсем не волшебные, где время от времени появляется некий маг, и о втором, где видишь дивный мир, в котором так хотелось бы жить...

Рассказал и о зеркалах в покоях леди Элинор, теперь герцогини Элинор, в одном можно видеть себя очень измененным, старым или в другой одежде и в непонятно каком месте, а другое показывает странный багровый мир, тоже полный диковинных вещей...

Он слушал очень внимательно, глаза то загорались восторгом, то мрачнели. Когда я умолк, он ухватил кубок с вином и осушил до дна, рука заметно тряслась.

— Сколько еще диковин в мире, — сказал он жарко, — эх, если бы...

— Что, — спросил я. — Что мешает?

— Нам нельзя покидать Храм, — ответил он потускневшим голосом.

— Почему?

Он вздохнул.

— Просто не можем. Не спрашивай, это долго объяснять, да и сам запутаюсь.

— Жаль, — сказал я, — мне бы тоже очень хотелось, чтобы вы своими глазами вот так, как меня. Вдруг да отыщете ключик.

Он скупно усмехнулся.

— К вам?

— Я человек бесхитростный, — заверил я. — У меня сердце на рукаве. Открыт всему миру, а также новым идеям, взглядам, вызовам времени, ибо толерантен и незашорен... А вы?

Он отвел взгляд.

— Вы человек свободный, брат паладин.

— Разве?

— Свободнее нас, — уточнил он, — монахов. Вступая в монастырь, мы отрекаемся от светской жизни и принимаем Устав, а также обязуемся следовать Правилам.

— Ваш Устав не позволяет? Или что?

— Все вместе, — ответил он уклончиво. — Хотя, конечно, вы меня не просто заинтересовали... а очень заинтересовали. Я буду думать, как найти решение.

Я понял по его лицу и понижению голоса, что разговор окончен, поднялся и скромно поклонился.

— Отец Форенберг...

— Брат паладин, — ответил он.

Я вышел в коридор, мелькнула слабая мысль, что остатки зеркала за это время уже рассыпались в мельчайшую пыль, а та и вовсе растворилась, так что никакие цистерианцы в самом деле ничего бы не сделали, отец Форенберг прав, но все равно я молодец, поймал на крючок. И если все пойдет правильно, то он землю будет рыть, но какой-то способ да выкопает...

Вдали мелькнула высокая и сутулая фигура Жильберта. Я обрадовался, крикнул не по-монастырски громко:

— Жильберт!.. Брат Жильберт!

Он оглянулся, лицо его болезненно дернулось, будто мой рев больно ударил по ушам, поспешил ко мне, часто-часто перебирая задними конечностями, потому что бегать неприлично, даже запыхался.

— Брат паладин, счастлив вас видеть!

— Ну да, — сказал я саркастически, — так рад, что даже не пришел повидаться.

— Дела, — сказал он умоляюще. — Я помогаю в меру сил опускать самые ценные книги в пещеры...

— Коллаборационист, — сказал я веско. — Ладно-ладно, не оправдывайся. Проводи меня к отцу Велезарусу.

Он уставился на меня добрыми и чистыми глазами ребенка, спросил опасливо:

— А он... разрешил? Человек он очень занятой.

— Отец настоятель разрешил, — оборвал я. — А хозяин лучше знает, что кобыле делает. Пойдем-пойдем! Твоя трусливая деятельность подождет, это важнее.

Он воскликнул послушно:

— Как скажете, брат паладин! В случае чего, сошлюсь на вас.

— Давай, — согласился я, — с меня как с гуся вода. Ого, еще выше?

— Отец Велезариус, — ответил он застенчиво, — на третьем этаже.

На третьем, куда я еще не поднимался, торжественная тишина, высокие своды, узкий коридор с мраморным полом, а вдали в стене сказочно прекрасные цветные витражи, не верю, что простое стекло, не иначе как горный хрусталь...

Я сам чувствовал, что начинаю ступать с неким благоговением, Жильберт вообще идет, как тихая мышка, глазки опустил долу, недостоин, значит, созерцания, а то залапает взглядом, пятна останутся.

Он подвел меня к массивной и огромной, непривычной для монастыря витражной двери. Добротной, крепкой, но со вставками из цветного стекла, из-за чего я ощутил себя в соборе.

А может, и привычной, мелькнула мысль. Много ли я монастырей видел?

Жильберт деликатно постучал к двери, сказал просительно:

— Отец Велезариус... Я привел брата паладина...

— Знаю, — донесся голос прямо из двери. — Его отец Бенедерий прислал. Ты, отрок, иди и не трепещи, а брат паладин... входи.

Дверь молниеносно ушла в проем, я едва-едва успел поймать взглядом это движение, а для брата Жильберта, если бы смотрел в эту сторону, она бы просто исчезла.

Но Жильберт, не отрывая взгляда от пола, поспешно развернулся и, быстро-быстро семеня задними лапками, как ручной хомячок, понесся к выходу из коридора и с этажа.

Я перешагнул порог, не стал оглядываться на захлопнувшуюся дверь, сказал почтительно:

— У вас прекрасная келья, отец Велезариус. Господь присматривает за вами.

— Бог нас всех видит, — буркнул он, — только не различает.

Я остановился. Он с минуту рассматривал меня изпод нависших седых бровей, наконец кивнул на кресло с изящно выгнутой спиной.

— Садитесь, брат паладин. Понимаю, вам бы лучше в седло, но нет у нас, увы, хотя если хотите...

— Нет-нет, — сказал я поспешно. — Я человек простой, мне и в этом кресле терпимо. Я не оторвал вас от молитвы, отец Велезариус?

— Лучшая молитва, — ответил он коротко, — это хорошо сделанная работа.

— Не ошибается только тот, — учтиво сказал я, — кто ничего не делает. Но и ничего не делать — ошибка! Так что работать как бы надо. Усердно.

Он усмехнулся.

— Золотые слова. С чем послал вас отец настоятель?

— Мне почему-то кажется, — проговорил я осторожно и готовый тут же втянуть рожки обратно, — вы уже знаете...

— Только с его слов, — ответил он небрежно, словно нет ничего проще слышать эти слова у себя на третьем этаже, в то время как аббат находится в своем

кабинете на первом. — Но это говорит только о том, что я знаю, как вы рассказали аббату.

— У меня слабая фантазия, — пожаловался я. — Можно сказать, совсем хилая. Была бы побогаче, разве я пошел бы в короли? Нет, я стал бы человеком искусства!.. В общем, все было проще некуда...

Я рассказал о маяке, что есть главное, из-за чего я прибыл снова, случай с магом Карлом-Антоном Земмельвейсом попытался опустить, но тогда не объяснить, почему все чаще преследуют страшные сны, нехотя рассказал о черной короне Повелителя.

Он слушал сперва невнимательно, всем видом показывал, что занят, но известие о маяке заставило встрепнуться, а когда рассказал о темной силе, что свила гнездо во мне, заметно встревожился, долго молчал.

— Божья воля пригнула нас к земле, — сказал он наконец с сомнением в голосе, — но верю я, она же и поднимет!

Я ответил учтиво:

— Бог с нами, он нас не оставит.

— Брат паладин, — произнес он, — а ты замечаешь, что на твою долю выпали непростые испытания?

— Замечаю, — ответил я, — тревожусь, и изумляюсь, как многим вещам, тому же звездному небу над головой и странному чувству внутри нас... но задумываться над такими вещами некогда. Пока к нам приближается этот проклятый Маркус, а с ним гибель всему живому, когда заниматься своими мерехлюндиями?

Он вздохнул, развел руками.

— Ну, Маркус — это... это неизбежность...

— Маркус, — отрезал я твердо, — как потоп, который можно было бы избежать! Отец Велезариус, вы среди ученых и мудрых братьев в своем уютном мире начали забывать, что по ту сторону высоких стен церк-

вей и монастырей это тупое и неграмотное стадо, злобное и полудикое, тоже наши братья!.. Они все точно погибли, как моряки на утлой лодчонке, застигнутые страшной бурей!

Он осмотрел меня с непонятной иронией.

— Сын мой, ты заблуждаешься, полагая, что только в морском плавании или в бою жизнь отделена от смерти тонкою преградой. Грань между ними столь же ничтожна повсюду. Не везде смерть видна так отчетливо, но везде так же близко.

Он оборвал себя, посмотрел на дверь, словно ожидая гостя, а я, чувствуя, что происходит нечто непонятное мне, умолк и сидел тихонько, пока в коридоре в самом деле не послышались тяжелые шаги.

Часть третья

Глава 1

Дверь распахнулась, в келью вошел с длинным посохом отец Ансельм, камерарий и, увы, глава церковного суда, хотя сейчас, к счастью, без регалий, однако же я понимаю, инквизитор всегда остается инквизитором.

Здесь в келье шаги его стали бесшумными, я подумал, что в коридоре он нарочито делает громкими, это как бы вместо заблаговременного стука. Или здесь по шагам все узнают друг друга, могут выскочить в коридор, если кому он нужен.

Я подхватился и отвесил почтительный поклон.

— Отец Ансельм...

Он кивнул и перекрестил меня, продолжая всматриваться, но я не задымился и не исчез, даже не завопил, и он спросил отца Велезариуса:

— Что, настолько серьезно?

Тот кивнул и добавил непонятное:

— Брат паладин пришел сам.

— Гм, — сказал отец Ансельм. Он сел на лавку у стены, уткнув конец посоха в пол между расставленных ног и вперив в меня пронизывающий взгляд. — Садитесь, брат паладин. Отец Велезарий говорит, вы пришли сами?

— Да, — ответил я кротко. — Ибо верю в вашу силу и святость, святые отцы.

Он поморщился, словно услышал неуклюжий и неискренний комплимент.

— С какой целью?

— Отец настоятель рек, — ответил я осторожно, — что во мне таится дурная сила. Не в том смысле, что дурная, все мы в чем-то дурные, в смысле — дураки, а именно плохая, темная, хотя все мы хоть немножко темные... даже святые, как я слышал... И только вы поймете, что нужно делать.

Отец Ансельм посмотрел на отца Велезариуса с молчаливым вопросом в запавших глазах. Тот за это время быстро полистал одну из книг на столе, поднял голову, с гримасой неудовольствия захлопнул ее и обратил взор ко мне.

Я с холодком по спине ощутил, что мягкий и добрый священник, вероятно, не всегда и не совсем, судя по изысканной клепсидре, такой уж мягкий.

Сейчас он смотрел на меня с холодной расчетливостью мясника, прикидывающего, то ли пустить эту овцу на мясо, то ли оставить на шерсть...

— В тебе в самом деле много тьмы, — сказал Велезариус. — Очень. Даже неясно сколько. И она какая-то...

Он замялся, подбирая слово, а отец Ансельм проговорил холодно:

— Темная.

— Темная тьма? — спросил я.

Он кивнул.

— Темнее не бывает. Настолько... вообще нечто нечеловеческое. Ты в самом деле человек?

Я спросил обиженно:

— А кто же еще? Самый что ни есть мыслящий тростник и петух с плоскими ногтями.

Велезариус сказал успокаивающим голосом:

— Да что человек, видим! Только слишком много в тебе всякого. Как только и вмещаешь столько.

— Если бы хорошего, — уточнил отец Ансельм, — но иногда кажется, что в тебе одна чернота. Тем удивительнее, что ты ухитряешься как-то делать правильные вещи.

— Но все же тьма, — сказал Велезариус, — рано или поздно возьмет верх. Ее слишком много в тебе. Отец Ансельм, я чувствую угрозу, она уже... на пороге!

Отец Ансельм, строгий и напряженный, как струна, ответил хриплым голосом:

— Срочно к отцу Бенедерию. Это безотлагательно!

В кабинете отца настоятеля я рассказал очень подробно, в комнате только отцы Велезариус и Ансельм, что несколько тысяч лет пытались вырастить или отыскать будущего повелителя сразу двух миров... нашего и Темного. Для него изготовили особую корону Мощи, ее положили на сиденье трона и сказали, что ее возьмет лишь тот, кто станет властелином, и тогда не будет Светлого и Темного Мира...

— А что будет? — спросил отец Ансельм строго. — Все рухнет?

— Нет, — пояснил я, — будет только один.

— Один властитель?

— И один мир, — ответил я. — Наверное, так я понял. Хотя и не понял. Но разве это важно? Человека такие пустяки никогда не останавливают, чтобы действовать смело и решительно, ибо безумству храбрых поем мы песню! Безумство храбрых — вот мудрость жизни!

— Безумства следует совершать осторожно, — заметил отец Велезариус и горестно вздохнул.

— Гибель не страшна герою, — возразил я, — пока безумствует мечта!.. Герой — это как бы я. Ну, в переносном смысле.

Они все трое смотрели с брезгливым уважением, как на сильное и опасное животное. Я же рыцарь, живу по рыцарским законам, что ничего не имеют общего с умом, зато прекрасны и возвышенны, в то время как их нормы примитивны и приземленны. Отношение к жизни у нас диаметрально противоположно, я вот упоение в бою и смерти мрачной на краю, а они, тупые в эмоциональном смысле, не понимают прекрасности упасть с рассеченной головой или пронзенным насквозь рыцарском копьем...

— И теперь тебе все чаще эта корона снится, — проговорил отец Бенедерий усталым голосом. Он сидит, откинувшись на спинку кресла и запрокинув голову с закрытыми глазами, как будто спит, и кажется, что монотонный голос звучит сквозь сон. — Значит, скоро возьмешь...

Я сказал горячо:

— Да ни за что!

— Соблазн растет, — сказал отец Велезариус. — Так всегда... У всех бывают минуты слабости. И вот однажды...

Я вздохнул, сказал отчаянным голосом:

— Хуже того, мне был запрет...

Отец Ансельм, как истый инквизитор, сразу зацепился за оброненные слова.

— Кем? Насчет?

Я ответил понуро:

— Мне являлся архангел Михаил. Наглый такой, разговаривает, словно я простолюдин какой, а я уже был не то графом, не то герцогом... Безо всякого уважения, что характерно, и потому вдвойне оскорбительно. Конечно, это задело, а как иначе? У меня при мне рыцарское достоинство! Я его не терял, к слову сказать. Потому я к этому Михаилу тоже без должного уважения... Вы же знаете, с вежливым и мы вежливо,

а с хамом принято по-хамски, хотя Иисус и говорит что-то непонятное насчет снисходительности. Но если хамам все спускать, на голову сядут и ноги свесят...

Они морщились, ерзали, отец Ансельм прервал почти грубо:

— Короче.

— В общем, — сказал я торопливо, — короче говоря, он сам несерьезно подошел к передаче послания, потому я уже был заранее настроен как бы против. Вот и получилось...

— Что он передал?

— Запрет, — сказал я упавшим голосом, — ходить в тот Темный Мир. Объяснил, но тоже как-то несерьезно. Я бы сказал, недостаточно убедительно обосновал, что его тоже создал Господь!.. Да-да, как-то вскользь, о таких серьезных вещах так не говорят!

Отец Велезарий вскрикнул:

— Темный мир создал... не дьявол?

— Кишка у него тонка, — возразил я, — миры создавать! Конечно, Господь! Господь, как учит наша церковь, может быть и вы слышали, везде и во всем.

— И тот, — проговорил он потрясенным голосом, — мир...

— Темный мир, — подтвердил я. — Его тоже создал Господь. Для практики. Ладно, Он потом так сказал, наверное, а сперва Он тот создавал. Как свой замечательный и единственный... А потом, когда понял, что может и лучше, создал уже наш. Он же сам сказал так, это записано в Библии, что создал лучший из миров! Но все равно не хотел бы, чтобы и с Темным что-то случилось... Все-таки Его работа, жалко.

Они сидели молча, замерев, как каменные, наконец отец Велезарий спросил почти шепотом, голос его заметно дрожал:

— Кто... не хотел бы?

— Господь, — пояснил я удивленный его пусть не тупостью, но страусиным нежеланием признать истинное положение вещей. — Единственный, кому известна вся истина! Владыка Дня Суда, Милосердный, Чистейший, Величайший, Творец, Создатель, Прощающий, Дарующий, Всеведающий, Всеслышащий, Высочайший, Терпеливый...

Аббат вздохнул.

— Да, Он в самом деле должен быть очень терпеливым.

Отец Ансельм в ужасе перекрестился.

— Господи, спаси и помилуй!.. Зная вас, брат паладин, догадываюсь, вы в бараньей тупости отважного и до кончиков ногтей благородного рыцаря не последовали мудрому совету.

— Приказу, — уточнил отец Велезарий печальным голосом.

— Вот-вот, — сказал отец Ансельм, — приказу и повелению архангела Михаила. Того самого, что в свое время низверг самого Сатану с его воинством в ад!..

Аббат проговорил трескучим и до жути трезвым голосом:

— Плохо то, что ангелы всех родов и чинов никогда не говорят от себя, а только передают волю Господа. Это не архангел запрещал брату паладину входить в тот Темный Мир. Это он для нас темен, а для Господа, наверное, совсем нет...

Они все трое вперили в меня нещадные взоры. Я чувствовал себя уже в аду в самой глубокой яме, полной раскаленных углей, пролепетал жалко:

— Да, я вошел...

— Вы не просто вошли, — обронил отец Ансельм злым голосом. — Не так ли?

Я горестно вздохнул.

— У меня как-то само так получается, — сказал я упавшим голосом. — Везде эти посудные лавки, очень тесные, а у меня грация мудрого и рассудительного слона!..

— И что дальше? — спросил отец Ансельм.

— Они сами напали, — сказал я защищаясь. — Я их как бы и не трогал даже пальцем!.. А они напали. Я вынужден был защищаться, и потому гнался за ними до самого их дворца Темного Властелина... я даже, признаюсь, обрадовался малость: наконец-то Темный Властелин! Только и слышал, как все с ним борются, но что-то он все жив и жив, даже не догадывается, что с ним борются. Согласен-согласен, я больше по удаче, чем по уму и доблести, сумел проникнуть в тот Темный Мир. Мало того, я спер там корону Повелителя их мира...

Отец Велезариус дернулся, посмотрел на меня дикими глазами, потом на аббата.

— Разве такое возможно?

— Видимо, — ответил тот скрипучим голосом, — Господь зачем-то такое допустил. Зачем? Вряд ли узнаем...

— Тогда что?

Аббат сказал тихо:

— Как я понимаю, брат паладин... вы сумели как-то...

— Воздержаться? — спросил я. — С трудом. Руки иногда сами, так бы и обрубил! Было такое, вытащил из мешка и уже почти-почти опустил себе на дурную голову... Даже не знаю, чего мне стоило удержаться и положить обратно.

— Даже у самого стойкого, — сказал аббат, — бывают минуты, а то и дни упадка, душевной усталости. Вдруг начинает казаться, что все делаешь не так...

Отец Велезарий сказал с ужасом:

— И тогда он вытащит корону... и уже не вернет обратно!

Аббат кивнул.

— И станет воплощением Зла на земле.

Отец Ансельм проговорил с подозрением в голосе:

— Не это ли готовят падшие ангелы уже там в аду? Они там не успокаиваются, как мы все думаем. Дескать, победили, теперь они там навеки и уже смирились! Не удался прямой вызов Господу, так пробуют восстать через человека, созданного самим же Творцом?

Аббат пробормотал:

— Неисповедимы пути Господа. Возможно, Он понимает, что брат паладин все же наденет корону Темного Мира... и потому наслал Маркус, чтобы люди увидели, от чего Господь очищает землю...

— Эх, — сказал отец Велезарий с досадой, — почему Он просто не заберет у брата паладина ту корону?

— Не может, — пояснил аббат. — Все века дурачки дразнили христиан: если Бог всемогущ, но может ли создать такой камень, который не сможет поднять?... Так вот этот камень — свобода воли человека. Господь ее дал человеку и не отменит, ибо свобода воли — краеугольный камень его творения.

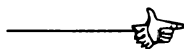
— Жаль, — пробормотал отец Ансельм сурово. — Когда смотрю на брата паладина... скажу честно, меньше всего хотелось бы, чтобы судьба мира оказалась в его руках хотя бы на мгновение.

Аббат медленно пошевелился в кресле. Я замер, он посмотрел прямо на меня, и в его лице было что-то очень страшное. Верхние веки, тяжелые, как само небо, поднялись, я вздрогнул от прямого взгляда в упор.

— Полагаю, — произнес он ровным голосом, — нам стоит взглянуть на корону, созданную для такой чудовищной цели...

Отец Велезарий вскрикнул испуганно:

— Но как же...

— Втроем, — прервал аббат, — сможем удержать брата паладина... если он не совладеет с искушением... Не так ли, отец Ансельм?

Тот подумал, вздохнул.

— Надеюсь. Но я бы на всякий случай пригласил и отца Ромуальда.

Аббат сказал устало:

— Согласен. Брат паладин, покажи нам ту черную корону.

— Она в сумке, — сказал я торопливо, — сейчас сбегая...

— Не торопись, — ответил он. — А мы пока отыщем отца Ромуальда.

Глава 2

Через несколько минут я снова предстал перед ними с объемистой кожаной сумкой, где храню самые ценные и негабаритные вещи, от самых мелких, как зерна Гугол, или средних вроде клетки с меняющимися размерами, где все еще томится пленник, до этой короны, что занимает треть пространства.

Отец Ромуальд уже в комнате, все четверо сразу вперили взгляды в сумку, а отец Бенедерий сказал строгим ясным голосом:

— Брат паладин... прочти молитву, очисти свою душу и... с мыслью о Господе достань корону.

Я закрыл глаза, вспоминая с трепетом и холодом в груди, как прорывался с окровавленным мечом в руке к трону, где на сиденье черная корона Повелителя Двух Миров. Тогда мне казалось, что она вся черная, за исключением одного-единственного горящего диким огнем рубина, но наяву обод весь усеян впритык

черными бриллиантами, а рубин зловеще горит в том месте, что над лбом. Бриллианты, как понимаю, либо не бриллианты вовсе, либо не только бриллианты, как и этот зловещий рубин...

Словно с другого континента донесся искаженный голос, в котором я с трудом узнал голос аббата:

— Брат паладин... пора...

Я расстегнул ремни, волна сладкого ужаса прокатилась по телу еще до того, как пальцы коснулись короны. В кончики стрельнул мучительно острый, отвратительно приятный холод. Задержав дыхание, я ухватил за обод и потащил наружу, и снова то странное ощущение, словно в руке горный хребет, а то и вся тяжесть Земли, и в то же время у меня на ладони абсолютно невесомая вещь.

Аббат напрягся, отец Велезариус вскрикнул в ужасе, а отец Ансельм закрыл глаза ладонью и присел, втянув голову в плечи. Только Ромуальд попытался сделать шаг в мою сторону, но его отшвырнуло к стене.

— Нет, — услышал я слабый голос потрясенного аббата, — это слишком для нас... брат паладин... положи обратно... сейчас же!

Последние слова он почти выкрикнул, ибо мои руки сами по себе поднимают корону выше и выше, пока не оказались на уровне головы.

— Верни обратно, — проговорил аббат хриплым голосом. — Верни... мир погибнет...

— Нет, — прорычал я, могучее и никогда не испытываемое наслаждение тугими волнами идет от кончиков пальцев, прокатывается по телу и наполняет все мое существо мрачным ликованием. — Нет... Это мое!

Отец Велезарий беззвучно открывал рот, но неведомая сила прижимает его к полу, где уже распростерся, словно лишенный костей, отец Ансельм.

— Клянусь, — донесся сквозь грохот кипящей в моих жилах крови голос аббата, — завтра ты возложишь на себя корону... Потерпи... и позволь приготовить торжество...

— Зачем это мне, — проревел я так мощно, что погасли свечи, а по келье пронесся ледяной ветер, — когда я уже сам...

Ладони с короной пошли вниз, я чувствовал неизъяснимое древнее наслаждение и предчувствовал сладостный момент, когда обруч плотно сядет на голову, и вся мощь и власть Повелителя Двух Миров войдет в меня и наполнит восхитительным счастьем всеобщего разрушения...

Я не услышал рычания и не увидел стремительно мелькнувшего тела, но острая боль заставила вскрикнуть. Я упал, подмятый чудовищно сильным зверем, что вжал меня в пол и тянется острыми клыками к моему горлу.

Рядом слышались испуганные крики, шум, грохот, лязг, я с трудом перевернулся на живот и спрятал горло, но чудовище не стало прокусывать мне шею и становую жилу, как обычно делают хищники, догнавшие жертву, и я наконец понял, что это Адский Пес снова помешал мне надеть темную корону.

Он часто и хрипло дышит, прямо передо мной зияет распахнутая дверь в коридор, скособочилась и висит на одной петле, аббата не видно, а отец Велезарий и отец Ансельм со странно закопченными лицами, словно весь день раздували затухший костер, горестно смотрят на остатки посохов: у отца Велезария осталась половина, у отца Ансельма и того меньше, древки почернели, а концы обуглились.

Отец Ромуальд усадил аббата обратно в кресло и приводит его в чувство. Я протянул руку, чтобы потрепать с благодарностью Бобика, но рука прошла

сквозь его тело. Он лизнул мне пальцы, я успел ощутить горячий язык, но в следующее мгновение растворился в воздухе.

— Где, — прошептал я, — корона?

Оба часто и хрипло дышат, хватая воздух широко распахнутыми ртами, ответить не в силах, зато от противоположной стены раздался суровый голос отца Ромуальда:

— В твоей сумке.

Я оглянулся в удивлении, прямой и напряженный, как тетива на композитном луке, он держит ладони на плечах сидящего в кресле аббата, а тот выглядит там полным сил полководцем, а не дряхлым старцем.

Отец Велезариус, отдышавшись, прохрипел:

— Спасибо твоей божьей собачке... как только выбила корону из твоих рук, мы посохами в твою сумку...

— Кто бы поверил, — сказал отец Ансельм зло, — святое дерево посоха, выструганного из креста, на котором распяли Христа, не выдержало прикасания к этому... этой...

Я отстраненно подумал, что никто даже не среагировал на призрачную собаку, что каким-то чудом на короткое время становится реальной.

— Искренне сожалею... но то был не я...

— А кто? — спросил отец Ромуальд свирепо.

— Какая-то сила, — признался я, — что во мне. Отец настоятель, мне послышалось, что вы сказали...

Аббат ответил все еще сильным голосом, но идущим на спад, словно тоже быстро стареющим:

— Да, я это сказал.

— Это... чтобы обмануть... ту темную силу?

Он покачал головой.

— Нет.

— Но... как же...

Отцы Велезариус и Ансельм смотрели на него в изумлении и страхе. Аббат произнес устало:

— Все равно та мощь скоро возьмет над тобой верх. В следующий раз ты совершенно бездумно вытащишь корону и наденешь. И никакая собачка тебя не остановит. Потому... нужно сделать шаг навстречу.

Я ощутил холод в теле, что пронизал до мозга костей. Одно дело клеймить их за трусость перед Маркусом и призывать не прятаться от опасности, другое дело самому вот так выйти и выдержать удар, не говоря уже о том, чтобы осмелиться нанести ответный.

Стараясь не выказывать терзающего меня ужаса и жажды снова раскрыть сумку, я застегнул ее на обе пряжки и постарался вообще отвернуться.

— Сделаю все, — сказал я аббату, — что скажете. Я верю... у вас получится.

Он покачал головой.

— Нет.

Я насторожился.

— А что...

— Получиться должно у тебя, — ответил он невесело. — Потому завтра решится... быть нам или не быть.

Он произнес это просто, как будто речь только о нем, и так уже старом, да еще о Велезариусе и Ансельме, тоже битых жизнью и старых, однако я с холодом во всем теле ощутил, что завтра станет ясно, быть или не быть Храму Истины... а также всему нашему миру.

На миг в глазах стало темно, а под ногами пусто, словно падаю в глубины бездонного космоса.

Я перевел дыхание и сказал чужим голосом:

— Отец настоятель... все понимаю... я проведу эту ночь в молитве.

Он перекрестил меня и произнес ровным голосом:

— И не ропщи. Господь испытывает не грешников, а праведников.

Я поклонился.

— Спасибо, отец настоятель.

— Иди, — сказал он. — А мы подумаем, как и что сделать.

Возможно, ход мыслей аббата проще, чем я думаю. Маркус все равно все сметет с лица земли и уничтожит человечество, так почему не рискнуть с темной короной Повелителя Двух Миров? В случае неудачи мир всего лишь будет уничтожен на несколько недель раньше...

Но в случае удачи, пусть и маловероятной, появляется некий дополнительный шанс, хотя и непонятно какой, а также непонятно, появляется ли...

В страхе и смятении я побродил по залам, в келью возвращаться невыносимо, вытащился из головного здания на двор, где яркое солнце, свежий, но теплый воздух, ветерок, а монахи, как робкие мыши, ходят вдоль стен, опустив головы и пряча руки в длинных рукавах.

Я отметил, что во дворе нет привычных колодезя и множества телег, на которых привозят все необходимое, начиная от дров и заканчивая мукой и мясом.

Только успел вспомнить, откуда берут воду, как со стороны ворот послышался хриплый рев боевого рога, затем трубный голос брата Жака, створки заскрипели, распахиваясь сразу обе, чего не делали для меня, и во двор на рысях въехал на прекрасном белом коне рыцарь в сверкающих белых доспехах.

Монахи, позабыв о приличествующей сдержанности, радостно закричали, а рыцарь красиво улыбался и вскидывал над головой правую руку, не выпуская из левой повод. На белом полотнище груди я рассмотрел еще издали большой красный крест, как и на щите.

Два монаха переглянулись, один спросил озадаченно:

— Это что же... уже пора?

— Ну да, — ответил второй. — Четыре месяца прошло!

Тот охнул, покрутил головой.

— Как быстро время летит...

И вроде бы ничего особенного не сказано, но я ощутил, что красный крест на груди и на щите как-то связаны с тем, что «уже пора», рыцарю что-то предстоит, а он, как верный слову и чести, не может не прибыть в опасный для кого-то момент.

Он снял обеими руками шлем и передал одному из монахов, солнце осветило красивое юное лицо Сигизмунда, исполненного мужества и стойкого благородства.

Я помахал с крыльца рукой, он засмеялся звонко, кивнул и, соскочив на землю, быстро пошел ко мне. Не знаю, собирался ли он преклонить передо мной колено, я давно освободил его от вассальной присяги, но ему как будто нравится демонстрировать рыцарскую верность сюзерену, потому я шагнул вперед и быстро обнял.

— Рад тебя видеть, Сиг!

— Сэр Ричард, а как счастлив я...

— Пойдем ко мне, — предложил я. — Или тебе нужно доложиться аббату?

Он покачал головой.

— Аббат знает.

— Тогда ко мне, — решил я и втайне порадовался, что хоть кто-то в монастыре меня слушается, так как Сигизмунд беспрекословно пошел рядом со мной. — Расскажешь, что у тебя за труды...

— Что мои, — возразил он живо. — Представляю, какие битвы ведете вы, сэр Ричард!

В моей келье я сам помог ему снять железо доспехов, он стеснялся и все порывался выйти, чтобы это сделали монахи или послушники, затем послушно сел к столу, где я сперва насоздавал различных видов сыра, он принялся за них с таким энтузиазмом, словно за это время стал вообще вегетарианцем, но когда на столе появилось блюдо с ветчиной и бужениной, он довольно заурчал, а в глазах разгорелся здоровый блеск.

Я наблюдал за ним с любовью и нежностью. Его мир прост и чист, и где бы он ни оказывался, все равно сам остается чистым, и люди вокруг него хоть на какое-то время становятся лучше.

— Кстати, — сказал я, — ты ведь здесь вовсе не потому, что соскучился по монахам.

Он мягко улыбнулся.

— Сэр Ричард, они нуждаются во мне.

— Я уже понял, — ответил я. — Что на этот раз?

Он покачал головой.

— Вам не стоит даже спрашивать. Как я слышал, у вас завтра очень серьезное испытание. Настолько серьезное, что даже не знаю... Мне сказать не сказали, но я понял, что судьба всего Храма будет зависеть, сумете ли вы устоять перед натиском сил Зла...

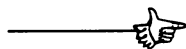
— Я такое добро, — заверил я, — что любое зло устрасится и падет на колени! Но я все равно схвачу и зверски расчленю во имя добра и гуманности. А у тебя что?

Он помялся, но не умеет все еще врать, когда задают прямые вопросы и смотрят в глаза.

— Слева от монастыря, — ответил он с огромной неохотой, — на расстоянии мили есть старый портал. Раз в три месяца открывается...

— Ого, — сказал я, — и куда через него можно попасть?

Он дернулся, посмотрел на меня с испугом и отворачиванием.

— Куда? Сэр Ричард! Мы знаем только, что прет оттуда. Это... это исчадия ада. Они отвратительны!.. Отец настоятель, как поговаривают в Храме, мог бы уничтожить тот портал, однако он почему-то медлит...

— Почему? — спросил я живо.

Он поморщился.

— Всякое говорят...

— Например?

— Дескать, этот портал вблизи Храма будет напoминанием, что зло присутствует всегда. Человек всю жизнь должен бороться с ним, обучать своих детей и защищать от той тьмы других.

Я подумал, сказал с одобрением:

— Аббат прав. По очень высокой, правда, мерке. Не всем это видно и не все поймут. Но прав. И ты при-был, чтобы отправиться туда и встретить этих гадов?

— Вы в самом деле все понимаете, — сказал он серьезно. — Этот портал еще и место особых испытаний. Но не в этот раз. Монахи заняты сохранением Храма.

Я насторожился.

— Постой-постой. Это в каком смысле?

Он ответил с недоумением:

— В самом прямом.

— Но разве... не прячутся в пещерах?

— Прячутся, — подтвердил он. — Но раньше и Храм удавалось сохранить. Сейчас же неизвестно, хватит ли объединенной мощи... Потому сразу два ва-рианта.

— Значит, — поинтересовался я, — ты только при-был и сразу в бой... Да, это твоя жизнь, Сигизмунд. Вечная борьба со злом. Что ж, я пойду попорочу для себя какую-нить лошадку.

Он вскрикнул встревоженно:

— Сэр Ричард! Вам завтра великое испытание, о чем вы говорите? Вам нужны будут все силы. До последней капли.

Я поморщился.

— Какие могут быть испытания в часовне?.. Раз-ве что прочесть десяток молитв и не сбиться... Это я смогу, ты же знаешь, какой я ревностный этот, как его, ага, христианин!. А вот если сходим к порталу и малость там побуяним, мне такое деяние вдруг да зачтет-ся при испытании?

Он задумался, что так непривычно для него, сказал нерешительно:

— Наверное, вы правы, сэр Ричард...

— Буду готов через пару минут, — сказал я и пошел к выходу.

Глава 3

Недоставало только Бобика, который помчится впереди, даже Сигизмунд как-то странно поглядывает вперед, словно все-таки видит его там, бегущего ровными прыжками и постоянно поглядывающего по сторонам, вдруг да близко добыча...

А может, и видит, мелькнула пугливая мысль. Что-то с этим Бобиком не совсем понятно. То ли взрослеет и переходит в новую стадию, в смысле, обретает новые возможности, то ли это свойственно только особому расположению Храма и монастыря...

Сигизмунд смотрит вперед красиво и целеустремленно, мне даже почудилось, что на его лицо падает отсвет великих битв, сражений и подвигов во имя церкви и всего человечества, а красные кресты на груди и щите полыхают красным огнем.

Если правосудие, мелькнула мысль, и пошло по неправильному пути, то наша гребаная толерантность

и политкорректность, над которыми кто только не ржет и кто только о них не вытирает ноги, ни при чем.

Началось это еще в каменном веке, отмечено в законах Хаммурапи и Ашурбанипала, Рима и Греции, а на заре ранней Европы то же самое: в России за убийство простолюдина нужно было заплатить пять гривен, за убийство знатного — побольше, но опять же не око за око, зуб за зуб, а какая-то странная мягкотелость... Казалось бы, все просто: убил — будешь убитым сам! Так нет же, отделяется штрафом, а в эпоху попоже — тюремным сроком со всеми удобствами.

Наверное, я все еще ветхозаветный человек, для которого формула: око за око — понятна и справедлива, а все остальные... нет, там явно подыгрывают преступникам.

Сигизмунд еще ригористичнее, он за справедливость и только за справедливость. Милосердие до него если и достучится, то не раньше, чем не просто повзрослеет, а вообще постареет. Хотя некоторые так и остаются юными до смерти от старости, почему-то это считается хорошо...

Впереди поднялись невысокие, но довольно скалистые горы, я рассмотрел изумрудно-зеленую искорку, но в седле трудно сосредоточиться и сфокусироваться так, чтобы приблизить изображение и рассмотреть в подробностях.

Сигизмунд увидел, что я всматриваюсь во что-то, ему пока недоступное, спросил с интересом:

— Что-то увидели?

— Зеленый огонек, — ответил я. — Или не огонек... но что-то блестит, как спинка бронзовки под солнцем.

— Ого, — сказал он пораженно, — в том месте как раз и есть портал. Неужели пробудился чуть раньше?..

— Опасно?

Он сказал торопливо:

— Лучше поспешим...

Его красавец конь ринулся в галоп, мой конь попытался было идти рядом, но ощутил по мне, что обогнать можно, начал наращивать скорость еще и еще, хорошие кони в монастыре, я даже не стал оглядываться на быстро уменьшающегося позади Сигизмунда, потому что зеленый блеск впереди растет быстро, и что-то в нем зловещее даже с виду.

В небольшой долине, зажатой покатыми горами, среди зелени расположился абсолютно ровный круг из серого камня, только края с одинаковыми зубцами, а слева от нас еще круг, но малый, не больше двух ярдов в поперечнике.

Этот тоже с зубцами, те сцеплены с зубцами огромного круга, словно две шестеренки, однако понятно, что если же когда-то и вращались, то потом некой чудовищной силой были выдраны из гигантского механизма и вбиты в землю.

Я придержал коня, не люблю колдовство, хотя сам не прочь, но то я, мне можно. По краям малого каменного круга горят мелкие изумрудно-зеленые огоньки, но мне показалось, что медленно увеличиваются.

Горят на каменной плите, никаких дров, масел. Камень ровный, без трещин, чистейшее колдовство, хотя колдовство называть чистым как-то язык не поворачивается...

Из-за скалы вышел высокий мужчина в длинном халате, похожем на рясу до пола, но все-таки халате, что значит маг, это их профессиональное одеяние, дескать, нам насрать на ваши нормы этикета, одеваемся, как изволим, а в халате всегда удобнее...

Не раздумывая и не останавливаясь ни на миг, он с ходу выбросил руку с ладонью вперед и растопыренной пятерней.

Я дернулся в сторону, в последний момент пропустив огненную стрелу мимо, чуть опалило щеку, а моя рука так же бездумно выдернула меч, ноги тронули бока коня, и он в два прыжка оказался перед незнакомцем.

Тот не успел метнуть новую магическую стрелу, меч уже взлетел над головой, и он поспешно вскинул жезл, держа его обеими руками. Острие скрежетнуло, высекая искры, я охнул от боли в пальцах, но удержал и снова нанес удар, однако маг сумел парировать удар снова.

Мне совсем не понравилось злое выражение в глазах, поспешно метнулся с седла, надо мной с шумом пронеслась целая стая странных огненных птиц, от жара захватило дыхание, но я проскользнул под животом коня, снова на бегу вскинул меч.

Маг начал привычно поднимать посох обеими руками, но я с силой двинул мечом вперед, как копьем. Такие удары незнакомы этому миру, где мечи служат, как и топоры, для раскалывания стальных панцирей и шлемов противника, и маг запоздало дернул руки вниз, но стальной клинок уже вошел в его живот.

— Что, — спросил я злобно, — кто из нас овца?

Он захрипел, выронил посох и ухватился обеими руками за клинок, стараясь то ли вытащить из своего тела, то ли не дать погрузиться глубже.

Жаль, что мечи это не острые сабли, мечи всегда тупые, можно легко хвататься голыми руками за лезвие, не рискуя пораниться, но, думаю, этот маг, судя по его сосредоточенному виду, сумел бы не поранить пальцы и о бритву.

— Отступись, — прохрипел он. — И получишь все...

— Все? — спросил я. — Почему так мало?

— Это... — сказал он надсадным голосом, — не мало...

Его руки продолжали вытягивать мой меч, несмотря на то что я старался всадить его глубже. Я понял, ничего не получится, вот если бы прижать его к скале, а то он сам отодвигается, сделал вид, что сейчас нажму, но с силой дернул на себя, и меч покинул его тело, оставив глубокую рану.

Он вперил в меня взгляд страшных глаз, я без размаха саданул рукоятью в зубы. Он вскрикнул и упал навзничь, уже хватаясь за разбитый рот.

Я наступил сапогом ему на грудь, острие моего меча зависло над его лицом.

— Что собирался делать?.. Хотя, что я за дурак, спрашиваю такое... Твое последнее слово, предатель?

Он выговорил с трудом, едва приподнимая грудь под моим тяжелым сапогом, а я еще и с силой надавил на эту ногу:

— Ладно, ты сильнее... Только победа надо мной ничего не даст...

— Это почему?

— Придет тот, кто еще сильнее...

Я ощутил предостерегающий холодок, эта сволочь права, так чаще всего и бывает, но и отступать как-то стыдно что ли, я отрезал с высокомерием:

— Вот и хорошо. Пусть приходит. А то надоело таких тараканов давить...

— Хорошо, — пообещал он, — мы еще встретимся...

Я с силой вонзил острие меча прямо в разинутый рот.

— Я хожу другими тропами.

За спиной простучали копыта, Сигизмунд соскочил с обнаженным мечом в длани.

— Сэр Ричард! — прокричал он в великом возмущении. — Он же почти сдался!

— И что, — спросил я, — куда бы ты привел пленного?

Он ответил нехотя:

— В Храм...

— А это честно? — поинтересовался я строго, как положено наставнику. — Спихнул бы решение проблемы на других? Что, по-твоему, монахи должны делать с таким враждебным элементом? Поить, кормить и спинку чесать?.. Нет уж, учись принимать решения сам. Даже неудобные.

Он хмуро смотрел, как я подобрал посох этого жреца и осматриваю так любовно, словно сам пользуюсь такими же. Этот посох, как я решил с видом знатока, коротковат. Он вообще ближе к жезлу, хотя и не жезл... Впрочем, в старину жезлы были длинные как посохи, хотя жезл Диониса или жезл Гермеса совсем короткие, зато причудливо украшенные, как и целый набор жезлов Гора, зато жезлы Аарона и Моисея выше роста своих хозяев, это жезлы-посохи, которыми в торжественные случаи усиливали магию, а в неторжественные разгоняли собак.

Впрочем, все жезлы олицетворяют власть, служат ее символом, даже такие простенькие, как урей или кадуцей. За века все жезлы укоротились до маршальских или тех полосатых палочек, которыми указывают дорогу на перекрестках...

Это же настоящий, вровень с моей головой, сделан не то из белого металла, не то из кости неизвестного мне зверя, навершие очень сложное, масса переплетенных фигурок, много драгоценных камней, что-то символизирует, жезлы все что-то символизируют, очень важное, в первую очередь власть, как светскую, так и духовную, не зря же гофмаршаллы и церемониймейстеры без них не обходятся.

Сигизмунд, не утерпев, спросил с некоторым неудовольствием:

— Сэр Ричард, а стоит ли держать в руках эту нечестивую вещь?.. Это же грех.

— Но малый, — уточнил я, — а вот польза может быть большая.

— Сэр Ричард, — вскричал он патетически. — Как можно христианскому рыцарю извлекать пользу из языческой вещи?

— Можно, — заверил я. — А если еще и для других, то вообще...

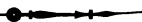
Он нахмурился и сердито смотрел, как я пошел к малому кругу, где присмотрелся к дыре в центре малой шестерни. Давно бы заросла травой или ветром нанесло бы в отверстие земли, однако же отчетливо вижу уходящий вниз туннель, мог бы просунуть руку... нет, не смог бы, однако же что-то в этом кроется...

Сигизмунд отвернулся и пошел осматривать конские копыта, вроде бы прихрамывает, а я взвесил на ладони жезл, что-то в нем непривычное, даже не что-то, а все, начиная с того, что не могу даже приблизительно сказать, из чего его создали.

Осторожно я начал опускать кончик жезла в это темное отверстие. Когда опустил на ширину ладони, внизу нечто шелкнуло. Я ощутил сопротивление, но не враждебное, а как бы сообщающее: контакт есть, продолжай, все работает, не торопись, система должна разогреться...

Я подождал, еще чуть опустил, услышал шелчок и снова остановился. Так было трижды, наконец посох ушел в отверстие почти весь, осталось только навершие, как раз для хватания руки, вон даже места для пальцев...

Глубоко под ногами раздался далекий неторопливый грохот, словно медленно и неспешно открываются исполинские врата, отъезжая по усыпанным мелкой галькой канавкам.

Сигизмунд отпрыгнул от коня, глаза лезут на лоб, выставил перед собой меч.

— Что это?

— В прошлый раз было не так? — осведомился я. — Вроде бы подземная гроза...

— Нет, — ответил он и перекрестился. — Не так. Сейчас что-то вообще страшное.

— Как наша жизнь, — ответил я жизнерадостно. — Жизнь имеет смысл лишь как задача или долг. А один великий богослов, Ван Гог, говаривал, что жизнь без любви он считает греховным и безнравственным состоянием.

Сигизмунд уточнил:

— Без любви к Богу?

Я воскликнул шокированно:

— А разве это не само собой разумеется?

Грохот под ногами медленно и неторопливо нарастал, становился все громче. Сигизмунд, не выпуская из руки меча, оглядывался по сторонам в полной готовности бить и крушить в благородной ярости.

— Что, — спросил я в удивлении, — что не нравится? Жизнь слишком хороша, чтобы ею наслаждаться.

Малая шестеренка дрогнула, с надсадным скрипом начала проворачиваться, сминая набившуюся между зубцами землю и перетирая в пыль, а огромная шестерня сдвинулась медленнее, как ей и положено, по ее периметру захрустели камешки, затрещали.

Я пробормотал:

— Сейчас пойдет быстрее.

— Откуда знаете? — вскрикнул он тревожно.

— Дык земли набилось, — пояснил я, однако рыцарю и это показалось непонятно, а шестерня, перемалывая камешки и землю между смыкающимися зубцами, в самом деле пошла быстрее, шибче и уже без шелкающего треска, а с мягким шорохом.

— Вот теперь все правильно, — сказал я, не показывая своей дрожи, вассал не должен видеть неуверенности сюзерена, и хотя Сигизмунд давно не вассал, однако же чтит меня как старшего, а значит, это накладывает или налагает, никак не запомню, в общем, накладывает, что значит, я обязан держать морду кирпичом.

Он вскрикнул, торопливо поднял голову. В небе темные тучи быстро и страшно пошли по кругу, все быстрее и быстрее, словно их затягивает в некую воронку.

— Ничего, — сказал я бодро, — у нас тут на земле не хуже!

Сигизмунд проследил за моим взглядом, щеки его побелели. От большой шестерни дико и страшно побежала в сторону ветвистая молния. Быстро, но не мгновенно, как ей положено, а расшвыривая камешки и прожигая в земле канавки, где моментально остаются черные обугленные дорожки.

Однако молния не исчезла, продолжала трепетать на земле, захватив всю долину, и быстро-быстро ветвилась, создавая страшную паутину, чудовищную и несимметричную, как корни дерева.

Раздалось сильное шипение, словно холодная вода бесконечно льется на раскаленную поверхность. Светящиеся корни шевелятся, двигаются беспокойно, затем начали сплетаться и, через пару минут, оторвавшись от общего ствола, начали закручиваться в страшные спирали, похожие то ли на укрупненные галактики, то ли на гигантские сюрикены.

Из ближайшего к нам святающегося молниеворота начало подниматься нечто блестящее, металлическое, похоже на круглую каску.

У меня от дурного предчувствия едва не остановилось сердце, а металлический набалдашник начинал

пониматься, земля ссыпалась с краев каски... слава богу, это в самом деле всего лишь каска, точнее — шлем на голове металлической статуи воина в доспехах...

Я всхлипнул от облегчения, всего лишь статуя, а мог бы выкопаться и живой, но заулыбался бодро и весело, показывая Сигизмунду белые великолепные зубы. Он взглянул на меня в страхе и непонимании, а по всей долине из земли поднимаются металлические статуи древних воинов, все в полтора моих роста, но не поверю, что в старину народ был крупнее. Либо изыски, либо непонятная пока инженерная необходимость, в которую поверю охотнее.

Сигизмунд прошептал в ужасе:

— Говорил же отец, в старину люди были крупнее.

— Фантазия скульптура, — огрызнулся я.

— Сэр Ричард, как вы можете...

— Фантазия скульптура, — повторил я, выдергивая жезл, — усиленная щедрым гонораром заказчика. Посмотри на их самодовольные рожи! Тебе не кажется, что их делали с кого-то весьма конкретного? Смотри-смотри, вон даже бородавка у всех на левой щеке! Наверное, в те века это считалось украшением, иначе бы скульптор не вытютюливал... И вообще чересчур громадные. Сила — уму могила!

Он с трудом оторвал взгляд от статуй воинов, что так и остались торчать, непонятные и неизвестно для чего предназначенные, косо посмотрел на меня, одним взглядом оценив мой рост, ширину плеч и объем бицепсов.

— Я исключение, — сказал я твердо. — Я вроде Пифагора, был такой знаменитый олимпийский боец. На трех Олимпиадах побеждал в кулачном бою, но остался известен изобретательством особого кроя брюк, которые вошли во все учебники, как пифагоровы штаны,

что во все стороны равны... Тебе, кстати, их поменять не нужно?

Он опасливо пощупал себя сзади.

— Да вроде нет. И у меня не пифагоровы.

— Точно? — спросил я с сомнением. — А то Пифагор стал дико знаменит благодаря этим штанам.

— Точно, — ответил он мрачно. — Всю одежду мне в монастыре шили!

— Мужчины? — спросил я с сомнением. — А почему без карманов? Для мужчины карманы — это все. Без карманов либо не одежда, либо что-то женское. Ладно, пойдем... А вот если бы пифагоровы...

То и дело с опаской оглядываясь на металлические статуи, он поднялся в седло, разобрал повод, на меня поглядывал сумрачно.

— Не пифагоровы, — сказал он с вызовом. — Вообще мне кажется, сэр Ричард, с этим Пифагором вы путаете. Либо надсмехаетесь! Монахи шить умеют! И ничего во мне женского нет. Вы мне зубы не заговаривайте! Как перед аббатом оправдываться будете?

Я изумился.

— Зачем?

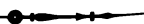
— Но он не велел уничтожать портал Зла! И эти вот... что повылазили. Вдруг они?

— Аббат мудер, — изрек я. — Он не дает заданий, что превышают наши силы и весьма скромные в неограниченности таланты. Говоря яснее, которые хоть и по рылу, но не по зубам. Надо не только зубы, но и клыки!.. У тебя клыки есть?

Он сказал оскорбленно:

— Сэр Ричард, за кого вы меня принимаете? Я что, зверь какой, да еще дикий?

— Вот-вот, — ответил я. — А на меня он посмотрел и сразу понял, такому и приказывать не надо. Вообще лучше не приказывать, а то и взаправду пойду... В об-

шем, аббат уже знает, что мы этот проклятый портал Зла закрыли раз и навсегда, что значит, надолго.

Он пробормотал с озабоченностью в голосе:

— А не вылезет этот проклятый портал в другом месте?

Я посмотрел с отвращением.

— Сигизмунд, ты рассуждаешь, словно и не рыцарь! Вылезет — пройдем и вобьем в землю снова. Разве не для подвигов рождены? Старость нас в постели не застанет, слышал такую песню?

— Нет, — ответил он.

— Я тоже, — сознался я. — Так, кто-то напевал спьяну... Да и то, уверен, слова перепутал. В общем, с такими, как мы, всегда есть место подвигу!..

Он перекрестился и сказал с чувством:

— Спасибо, сэр Ричард! Вы меня успокоили. С вами всегда так, сперва взволнуете, а потом успокоите. И такая благодать на душе...

— Я такой, — согласился я гордо. — Утешитель. А насчет портала не переживай. Уверяю между нами, паладинами, аббат в самом деле не знал, как закрыть этот портал. И если даже поворчит, что мы уничтожили полигон для оттачивания навыков рукопашного боя с нечистью, все же вздохнет спокойнее. А если где-то и вылезет, то это будет уже в другом месте, а то и вовсе в другом королевстве. Пусть отдуваются местные власти.

Обратно наши кони шли ноздря в ноздю, а когда приблизились к воротам Храма, Сигизмунд красиво и мощно подул в боевой рог. Гнусавый хриплый вой пронесся над миром, я уверен, что способен поднять на ноги весь Храм, однако на воротах появился только позевывающий Жак.

— Проезжайте, — сказал он, ворота медленно и торжественно распахнулись, как и положено перед

героями, что возвращаются с очередной плановой победой. — С вас выпивка.

— Заметано, — ответил я бодро.

Наши кони пошли резво, но в самом проеме уперлись в некую стену, абсолютно незримую на ощупь. Я поставил коня боком, пощупал рукой, ощущение такое, что там стена, толщина которой от этих ворот и до Большого Хребта.

— Че-то у тебя сбой, — заявил я.

Сигизмунд помалкивал растерянно, я видел по его лицу, что уже винит себя за разрушение портала.

Жак с недоумением смотрел с высоты ворот, наконец проворчал:

— Стойте там. Щас выйду.

Мы не двигались в седлах, он вышел неспешно, обошел обоих и ткнул пальцем в мою сторону.

— Брат паладин, что это у вас там торчит из-под плаща?

— Трофей, — ответил я со скромной гордостью.

Сигизмунд сказал торопливо:

— Сэр Ричард сразился с могучим колдуном и зарубил его!

Я протянул жезловидный посох Жаку, но тот отпрыгнул с непривычной для его веса легкостью.

— Нет-нет, бросьте это на землю!.. Фух, эту штуку ворота и не пропускают. Брат паладин, пусть это там и лежит, я сообщу отцам, заберут сами. С нею ворота все равно не впустят, а без нее даже не вдарят. Хотя, может быть, им и хочется.

Я сказал с беспокойством:

— Это ценный трофей!.. Уверен, что не сопрут? А то вон и Сигизмунд неровно дышит, видишь, как облизывается и руки потирает?

Жак покосился на молодого рыцаря, у того лицо перекошилось от сильнейшего отвращения, ухмыльнулся мне и сказал уже весело:

— Да, брат паладин, из веселых краев ты, видать... хотелось бы и мне там покуролесить!

— Еще успеешь, — подбодрил я.

Мы проехали под аркой ворот, никакого незримого заслона больше нет, во дворе монахи останавливаются и поворачиваются в нашу сторону. Глаз не видно под опущенными на лицо капюшонами, но чувствуется, многие сгорают от любопытства.

Глава 4

Я проснулся под басовитые удары колокола, прислушался, со всех сторон, словно звучат сами стены, мощное пение доносится с такой силой, будто хор расположился вокруг моей узкой монастырской койки, хотя слева стена, но голоса звучат и оттуда.

Дверь приоткрылась, я ожидал брата Альдарена, но вошел отец Леклерк, привычно суровый и нахмуренный, в прошлый раз мы общались часто, в этот раз что-то не получается.

Отец Леклерк, очень строгий, вместо привычно темной и сильно потертой рясы на нем добротный плащ, однако церковный, к тому же носимый лишь высшими иерархами церкви.

Я ничем не выдал своей гениальной догадки, что отец Леклерк явно не простых свиней, это чувствовал и раньше, но тогда это были одни догадки, а сейчас вот и доказательство. Щас меня поведут, как бычка на заклание, должны же обставить этот цирк покрасивше и показать мне, что моя жертва очень важна для Отечества... Ну, примерно, как я говорю другим.

Но внутри все трясется, хотя подбадриваю себя нахальными сравнениями, ехидничаю и всячески выказываю свою неустрашимость, хотя, боюсь, этих монахов хрен обманешь.

— Готовы? — спросил он коротко.

— Готов, — ответил я обреченным голосом.

Он не стал уточнять, к чему готов, а то бы я ответил, несколько заготовок так и вертятся на языке, и чем ситуация торжественнее, тем сильнее хочется снизить пафос, тогда не так страшно.

— Пойдемте, — произнес он ровно и бесстрастно. — Вам понадобятся все ваши силы. Как насчет зайти в часовню для молитвы?

— Нет, — ответил я вежливо и, наткнувшись на его внимательный взгляд, пояснил: — Я постоянно на связи с Богом. Простите, отец Леклерк, но лично я не нуждаюсь в посредниках.

— В часовне нет священника, — напомнил он. — Только вы и Бог.

— Он и так всегда со мной, — ответил я кротко. — Бог и я.

Он проглотил какие-то слова, остановился у двери, а когда я приблизился, распахнул передо мной ее и сказал тихо:

— Надеюсь, Он будет с вами и в страшный час испытаний.

— На Бога надейся, — ответил я грустно, — но к берегу гребь и верблюда привязывай.

Он хмыкнул, помолчал, некоторое время шли молча, затем начал указывать:

— Сюда... нет, теперь сюда...

Мы вошли в ту часть Храма, о которой я даже не подозревал, хотя вроде бы излазил здесь все, так что можно резонно предположить, что и сейчас какие-то секции попросту закрыты от моего примитивного восприятия. Я зрю либо глухую внешнюю стену, либо вижу через окно простор степи...

— А теперь сюда, — сказал он. — Вот в этой часовенке...

Я перешагнул порог любезно распахнутой для меня двери, вздрогнул, внутри эта часовенка просторнее иного собора, стены уходят в немыслимую высь, а почти весь зал, за исключением узкого прохода к алтарю, занят плотными рядами священников и монахов, которых я никогда не видел.

От всех веет несокрушимой силой и уверенностью, лица грозные и суровые, я ощутил трепет, эти люди лучше меня понимают, что всех нас ждет, если провалю испытание, потому собрали все силы монастыря и Храма, а сами подготовились со всей ответственностью...

Я украдкой оглядел знакомые лица: аббат Бенедерий в первом ряду, рядом с ним приор Кроссбринер и его первый помощник отец Аширвуд и его трое помощников, их я вообще увидел впервые, это значит, что в эту часовню в самом деле стянуты все силы Храма.

Двумя рядами священники, отец Мальбрах, ели-мозарий, толстенький, невысокий, с округлым мягким лицом младенческого цвета и с такой же нежной кожей, но сейчас он так же суров и сосредоточен, как стоящий рядом отец Леклерк, дальше отец Форенберг, многочисленные бефлифы, келарь Иннокентий, отец Зибериус, даже сейчас с заученной улыбкой приветливого госпиталия, камерарий Анельм и отец Ромуальд, оба напряженные, как натянутые тетивы.

Даже престарелый, но не растерявший мощь отец Хайгерлох стоит прямо, хоть и опирается на трость, дальше отцы Латард, Муассак, Фростер, Хеттерлинг, отец Мантриус, Стоунвуд, но снова удивило присутствие священников высокого ранга, неужто они никогда не спускаются со своих высот, не показываются даже своим же собратьям...

Возможно, мелькнула мысль, сейчас, когда нечто особое, и когда понимают, что без их мощи все рухнет в первые же мгновения, они снизошли со своих высот и примут главный удар...

У самого алтаря двое священников с надвинутыми на лица капюшонами, я услышал, как сосредоточенно творят молитву, выговаривая каждое слово, и узнал по голосам отцов Велезариуса и Ансельма.

Аббат Бенедерий, двигаясь с трудом, но без помощи монахов, которых не допустили в такое высокое собрание, и не желая затруднять священников, те заняты жизненно важным для Храма, подошел ко мне ближе и спросил тихо:

— Сын мой... ты готов?

Я ответил, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже:

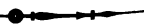
— Да, святой отец

— Помни о своей миссии, — предупредил он. — Рухнешь ты, рухнет мир. Погибнет все, что знаем и любим.

Он все равно погибнет, мелькнула трусливенькая мысль, не надо на меня такое, я же не атлант, чтобы небо на каменные плечи...

Аббат повернулся к священникам, те словно услышали нечто, раскрыли книги, мало похожие на молитвенники, у меня побежал мороз от их могучих голосов, исполненных такой силы и мощи, что вслед за морозом сразу же охватил священный трепет.

Грудь моя сама по себе начала вздыматься от прилива неведомых мне чувств, среди которых доминировало одно, которое я назвал бы любовью к людям, если бы не счел такое для себя оскорбительным, как для сильного и решительного человека, идущего к цели, невзирая на...

— Действуй, — донесся издали голос аббата, он прозвучал откуда-то сверху и показался молодым, дивно ясным и наполненным той же неведомой силой, что творила этот мир. — Теперь только ты...

Я расстегнул ремни, с некоторым страхом сунул руку к тому отделению, что завязано еще и на отдельные узелки, терпеливо их распутал и вытащил черную корону.

Черный обод из неизвестного металла, черные жемчужины одна к одной... нет, это бриллианты, от короны пошел черный свет, никогда не думал, что такое возможно, черные бриллианты чистейшей тьмы сверкают победно и зловеще, а пальцы мои хоть и чувствуют холод, но это отвратительно сладостный холод.

Словно в полусне я начал поднимать корону, снова это странное ощущение, что держу в руках горный хребет, и в то же время это вот, скованное неизвестно из чего, и неизвестно как выглядит на самом деле, легче перышка... наш мозг так устроен, что даже в очертаниях облаков видим замки и драконов, так что это вот корона, а это вот.. да, алмазы...

На короткое мгновение что-то сместилось в глазах, вместо короны я увидел некий сгусток тьмы, мрачно блистающий лиловыми огнями, но это длилось кратчайшее мгновение, снова держу корону, черную корону из неведомого металла, где по ободу прижаты один к другому черные бриллианты, а надо лбом в клиновидную оправу вделан багровый рубин.

Молитва звучит мощно, я поднял корону над головой, прислушался к себе и понял, что могу без усилий, совершенно не перебарывая себя, снова положить ее обратно в сумку.

— Да будет воля Твоя, — произнес я мысленно, вслух молятся только для показухи, — да сбудутся Твои Планы.

Обод коснулся моей головы. Я задержал дыхание и весь сжался. В мозг моментально хлынул жуткий холод, должны полопаться все сосуды, однако следом прошла жаркая волна, и я ощутил дикое ликование и такое ощущение силы, какое никогда-никогда...

Тело мое начало наполняться странной мощью, словно мощный пампинг в каждой клетке, я раздвинул плечи, чувствуя, как становлюсь выше и громаднее.

А дальше в меня хлынуло чудовищное наслаждение плоти, настолько омерзительно сладостное, что весь распадался на триста миллионов ослепительных всплесков, горел и плавился, кричал в диком восторге, мир то и дело погружался в сладостный красный туман, блистающее багровыми молниями марево, проносились мимо огромные чудовища из блистающего огня, другие ползли отвратительно забавные и уходили в красную черноту, что погружала в беспамятство, как мне казалось, но все равно я видел все и чувствовал все, хотя и смутно помню, как убивал этих двуногих и жрал их сырое мясо, чувствуя его невыносимую соленую сладость, выгрызал мозг живых людей, что кричали и бились в стальных тисках...

Прими и стань, говорил во мне огромный как вселенная голос, и могучий, как вся темная энергия. Ты Повелитель Двух Миров, ты властелин всего, что существует...

Я уже принял, однако нечто во мне злое и бунтарское прохрипело, задавленное этой вселенской мощью:

— Нет уж... во тьме заплачут вдовы, повыгорят поля, и встанет гриб лиловый, и кончится Земля...

Мир разрушения прекрасен, продолжал уговаривать голос, в котором я потрясенно узнал самого себя, и с ужасом понял, что это не имитация, а говорю я сам, только огромный и настолько могучий, что просто

всесильный, ты насладишься вселенскими катаклизмами взрывающихся звезд и горящих галактик...

А мне нужны бабочки и цветочки, возразило во мне что-то крохотное и еще не до конца не затоптанное, и хотя на самом деле цветочки и бабочки мне и на хрен не нужны, никогда ими не любовался, природа не храм, а мастерская, и человек в ней — работник, но ведь работник же, а не разрушитель!

Он продолжал убеждать, разворачивая картины как полной и абсолютной власти над людьми, где те не больше, чем бессловесный скот, их можно откармливать и на убой, так и власти над вселенной, но я вцепился в эту дурную мысль о бабочках и не отпускал, и все больше твердил, что красота нужна этому миру, хоть и не понимаю зачем, что имею мнение и хрен оспоришь, человек — звучит гордо, а гордый сам раздает советы, поучает и указывает с высоты доминантства, как кому жить и куда идти каким лесом...

Когда начал приходить в чувство, зал почти пуст, из последней шеренги монахов осталось четверо, но их раскачивает, на моих глазах один упал, двое послушников подбежали и быстро вынесли за двери исполинской часовни.

Пошатываясь, из коридора вошли двое, бледные, изнуренные, с запавшими глазами, встали в шеренгу.

Кто-то прокричал сорванным голосом:

— Братья Милениус и Черенгис, можете возвращаться! Спасибо за ваш подвиг. Отец Киринис, помогите брату паладину.

Помог не только отец Киринис, еще двое подхватили, сбоку и сзади, я чувствовал их сильные руки, но не мог шевельнуть не то что головой, но даже глазами.

Совместными усилиями вывели меня из часовни, ноги каким-то чудом держат, но я их не чувствую,

словно деревянные, и вообще слишком странное ощущение, в ушах все еще звучат хрипы и сладкие стоны, а биение крови в ушах чувствую, как мощные толчки землетрясения, когда в объятиях сплетались Уран и Гея.

Словно издали я услышал голос аббата:

— Что с отцом Мантриусом?

— Еще бездыханный, — ответил чей-то голос, — но отцы Леклерк и Юстериус пока бьются за его жизнь...

Я с трудом разлепил губы и произнес чуть ли не по складам, не понимая, чей это голос, и догадываясь, что буду привыкать к нему еще долго:

— А он... тоже?

— Нет, — ответил голос, перед глазами прояснилось, я увидел озабоченное лицо Бенедерия. — Он всего лишь нарушил запрет... и попытался прикоснуться...

— Прикоснуться? — спросил я. — К чему?

— Мы все видели, — ответил Бенедерий, сильнее омерзение отразилось на его старческом лице, а костлявые плечи передернулись, — видели, чем со-
вращали тебя... но отец Мантриус захотел еще и ощутить, что ощущаешь ты...

Меня тоже передернуло.

— Глупец... Хотя, понятно, ученый...

— Недостаточно, — сказал кто-то сердито сбоку. — Но теперь ему точно будет наука.

— Если выживет, — сказал сбоку другой голос.

— И если не потеряет разум, — добавил третий.

Голоса я начал узнавать, и сразу ощутил надежду, что все это уйдет, как страшный сон, я снова стану...

Перехватив взгляд аббата, я невольно поднял руки к голове, пальцы наткнулись на холодный металл. В ужасе я схватил, сорвал с головы, сердце снова застучало часто-часто, однако корона просто корона, сейчас абсолютно не чувствовал ее чудовищной мощи.

Я поднял глаза на аббата Бенедерия, он уже снова теряет силы, побледнел, двое священников торопливо подхватили его под руки.

— Все? — спросил я хриплым голосом. — Корона мертва?

Он покачал головой.

— Нет.

— Но я не чувствую...

— Не чувствуешь ее власти, — произнес он устало. — Даже зов утих... Но это твоя корона. Теперь только ты ее хозяин и властелин. Корона Повелителя Двух Миров. Темный мир ты уничтожил... с позволения Господа, однако твоя власть над всеми существами из него, что когда-либо проникли в наш мир, осталась.

Я зябко передернул плечами.

— Моя власть? Да зачем мне такая власть? Да еще над... б-р-р...

Он произнес сухо:

— А ты при чем?... Если надо?

— Ах да, — ответил я, — если надо...

Он взглянул остро, качнул головой.

— Ты очень быстро приходишь в себя. Одно время казалось... да не только одно, что тебя вот-вот сломят, уже сломили, но ты как-то из последних сил поднимался снова.

Я сказал льстиво:

— Вы и ваши священники помогли!

— Если бы ты сам перестал бороться, — сказал он уже не так сухо. — мы ничего бы не смогли. Но ты сражался и сражался, находя в себе новые силы, хотя всем нам казалось, что черпать уже не из чего. Сказать по правде, даже мы не ожидали такого чудовищного натиска и такой мощи со стороны Темного Мира, что воплотился в короне Темного Властелина! Нужно проверить, где была допущена ошибка... Если бы не твоя

непонятная стойкость, здесь бы все рухнуло. Потому иди отдохни, а нам нужно позаботиться о братьях. Сорок человек без сил лежат на полу в соседнем зале, а восемнадцать — в госпитале. Отец госпиталий с ног сбился, не может никого вернуть в сознание.

Я сказал испуганно:

— Господи... что с ними?

Он ответил хмуро:

— Всего лишь посмотрели на то, что видишь ты.

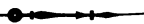
— А отец Мантриус?

— Тот сдуру хотел и почувствовать, — ответил он с неприязнью. — Но его стойкости хватило меньше чем на две секунды... А теперь иди!

Глава 5

В келье меня навестил брат Гвальберт, за ним тут же примчались Смарагд, Жильберт и еще несколько человек. Я лежал на койке, как спущая рыба, а они наперебой рассказывали, как все происходило, хотя вообще-то все двери были плотно закрыты, но видно было, как выносили потерявших сознание священников высшего ранга, а им на замену тут же становились из второго эшелона, их монахи раньше не видели, те обитают, как еще раз объяснили мне, невежде, на высших этажах и вниз вообще не спускаются.

Без объединенной мощи всех священников и монахов, понятно, мне продержаться не удалось бы и минуты, так мне кажется, и так уверяют Смарагд и Жильберт, хотя Гвальберт многозначительно похмыкивает. Собранные в часовне священники не то чтобы постоянно подпитывали меня своей святостью, а скорее ослабляли мощь и напор черного соблазна, в то время как все остальные отцы и монахи читали молитвы

с утра до вечера, а потом с вечера и снова до утра без всякого перерыва.

Монахи, что оставались за пределами часовни, даже не видели, что было дозволено высшим братьям, но когда насели на меня с требованиями рассказать, что было и как, я покачал головой, чувствуя, какая она тяжелая, а шея у меня тоньше стебелька.

— Спросите у отца Мантриуса... Говорят, знает больше всех... В смысле, поставил опыт на себе...

Снова и снова рассказывали, что за время моего страшного испытания старшие братья видели все моими глазами, но только видели, а все бури и все соблазны терзали только меня, но для старших братьев даже просто видеть это чудовищное зрелище оказалось чрезмерно, закаленные и испытанные аскеты трепетали, не в состоянии устоять перед теми чудовищными посулами.

Передавали, что чутьчку прикоснуться к тому, что я не только видел, но и чувствовал, хотел отец Хайгелорх, но когда это увидел отец Мантриус, что считался покрепче, он поспешил опередить собрата, однако сразу же упал бездыханным. Сейчас монахи борются за его жизнь, но никто не уверен, что смогут сохранить его разум, так как с подобными случаями не сталкивались.

Смарагд сказал ласково, хотя и с недоумением:

— А еще, брат паладин, скажите спасибо своей собачке!

Жильберт пояснил:

— Она все время сидела с вами, не покидая ни на минуту. И ваша ладонь была на ее загривке.

— Как бы ни дергались, — добавил Смарагд, — как вас ни корежило, но вцепились в ее загривок и не отпускали.

Гвальберт снова промолчал, мне иногда кажется, что он если и не старший, что среди младших под прикрытием, то на полпути к старшим, потому знает больше, сейчас при упоминании Бобика снова промолчал, только улыбнулся чуть снисходительно.

Я тоже промолчал. Иногда кажется, что моя бесильно свесившаяся с ложа рука касается его громадной башки, пальцы осязают его шерсть, но если посмотрю в ту сторону, там будет пусто.

А так вот чувствую, что Бобик посмотрел на меня и широко зевнул. Дескать, какие счеты, вот поспим власть, потом вместе сбегает на охоту...

Спасибо тебе, сказал я ему мысленно. Люблю тебя, веселая морда. И уже скучаю по тебе...

И снова было то ощущение, словно он лизнул мне пальцы.

— Отлежитесь, брат паладин, — сказал Гвальберт, — затем зайдите к отцу настоятелю.

Я сказал слабо:

— Да я и сейчас готов...

Он улыбнулся.

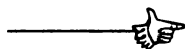
— Но отец Бенедерий не так крепок, хотя умеет дотягиваться через годы и черпать силы из своей молодости.

Остальные молча и завидующе сопят, я попытался представить себе, как это удастся аббату, но слишком ошарашен, потому лишь пробормотал слабым голосом:

— После обеда?

— Да, — ответил Гвальберт, — после обеда будет как раз.

Я в самом деле пролежал до обеда, когда отзвонил колокол, но и тогда не нашел в себе силы встать, слишком потрянуло это вот испытание, как называют его в монастырях, или искусы, как говорят в церквях.

Ощущение такое, что все эти патологические убийцы, извращенцы, растлители и расчленители всех мастей испытывают еще большее счастье... нет, не хочу марать это слово, испытывают наслаждение. А то, что оно низменное, крайне низменное, не всякого остановит. Мы все понимаем, что плотское наслаждение дает острее чувство, чем любование произведением искусства.

Отец Леклерк явился без стука, просто вошел в келью, я даже не успел увидеть, как именно, просто оказался возле моего ложа и дружески похлопал по плечу.

— Вставай, брат паладин. Тело твое в порядке, а душу нужно лечить в работе. Пока ничего лучше не придумано.

— А жаль, — пробормотал я. — А нельзя ли мне работу на дом?

Он в удивлении приподнял брови.

— Это как?

— Притаскивайте мне драконов прямо в келью, — пояснил я, — и поближе к кровати. Чтобы можно было их как бы вообще лежать.

— Хорошая идея, — одобрил он. — Нужно будет сообщить нашему Совету. Вижу, брат паладин, вы уже готовы к напутствию отца настоятеля.

— Уже выпихиваете? — поинтересовался я. — Только-только собрался уйти в монахи...

Он дружески поддержал, когда я слезал с постели, меня в самом деле слегка качнуло и даже повело, но сфокусировал зрение и заставил мир стоять по стойке «смирно», первым пошел к двери подчеркнуто твердым шагом и с прямой спиной.

В коридорах пусто, Леклерк перехватил мой шарящий по простору взгляд, покачал головой.

— Никого нет?

— Да, — подтвердил я. — Куда все подевались?

— Половина братьев слегла, — сообщил он бесстрастно.

— Ого, — сказал я невольно. — Все так серьезно?

— Не очень, — ответил он, — но суток двое будут приходить в себя. Потрясение было очень уж... резким. Треть совершенно разбиты, остальные просто переводят дух и набираются сил.

— Да, — пробормотал я, — потрянуло так потрянуло... Как аббат?

— Не хуже других, — ответил он, как я заметил, неохотно. — Это все его умения... Вот и пришли. Соберись, покажи, что не зря весь монастырь на тебя работал.

Дверь распахнулась сама, я увидел в глубине кабинета аббата, что сразу отложил бумагу и поднял голову. Наши взгляды встретились, я почти физически ощутил это давление, заставил себя широко улыбнуться и сказать с чувством:

— Святой отец! Вы спасли не только мою шкуру, которой весьма дорожу, но и душу!

Он чуть наклонил голову, в голосе прозвучало недовольствие:

— В человеке вообще нет ничего, кроме души.

— За душу, — воскликнул я, исправляясь на ходу, — особенно! За нее и благодарить как бы нельзя, потому что ни одна благодарность не в состоянии выразить...

Он вскинул руку, прерывая мою речь, что станет все цветистее и запутаннее.

— Твою душу спасали не только для тебя.

Он не пригласил меня сесть, это может быть как дурным знаком, так и тем, что разговор будет очень кратким.

— Отец настоятель? — спросил я.

— Теперь, — произнес он почти сухо, — ты настоящий хозяин этой короны Власти. Она всегда была для тебя ловушкой, но ты повел себя с самого начала не так, как рассчитывала Темная Фея. Ты не одел ее сразу же и не сел на тот трон, а потом долго возил с собой, пряча от других, но не решаясь опустить ее на свое чело, хотя зов становился все мощнее.

Я зябко передернул плечами.

— Должен сказать, святой отец... мы успели в последнюю минуту. Вы и успели, собственно. Я зело слаб и немощен духом, ибо привык гордиться объемом бицепсов... Бицепсы — это вот, а с этой стороны трицепсы, они еще толще и рельефнее, видите?

Он поморщился.

— Вижу твою суетность... Но Господь зачем-то возложил на тебя такую нелегкую, говоря очень мягко, ношу. Так что крепись и неси, не ропща. Отныне без страха можешь надевать и эту корону, хотя я бы очень даже не советовал.

— Отец настоятель?

— Всякий раз, — объяснил он, — Темный Мир будет стремиться укрепить свою власть над тобой. В нашей жизни даже простые вещи имеют власть над человеком. Люди гибнут за металл, а что уж говорить о столь значимом, как эта драгоценная корона? Поэтому избегай надевать по пустякам. Я смутно зрю час, когда тебе придется воспользоваться всей ее мощью...

Я сказал, содрогнувшись:

— Конечно же, запрячу ее подальше. И постараюсь вообще забыть.

Он взглянул на меня внимательно.

— Мы знаем о твоей способности... призывать вещи.

— Только свои личные, — сказал я поспешно. — Если бы мог и чужие...

Он продолжил бесстрастно:

— Корона теперь тоже твоя. Можешь оставить в надежном месте. Она послушно откликнется на твой зов. Ты заставил признать свою власть, как умелые наездники покоряют норовистого коня. Однако помни, чем чаще ею пользуешься, тем быстрее становишься сам черным!

— Ох, — сказал я опасливо, — я ее вообще никогда не призову.

Он вздохнул, лицо потемнело.

— Не зарекайся. Иногда жизнь так прижимает, что иные вообще продают душу дьяволу... А теперь, сын мой, благословляю тебя в твоём нелегком пути. Установи маяк для Маркуса и продолжай собирать армию для борьбы с ним!

Я поклонился.

— Святой отец...

Отец Леклерк ждал в приемной, взглянул пытливо.

— Ну что?

— Благословил, — ответил я коротко. — Так что отбываю немедленно. Отец Бенедерий полагает, что я готов. Я — тем более! У меня дел масса. Чтобы дать бой Маркусу, я должен собрать все свои и чужие силы.

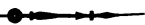
Он проводил меня до выхода из здания, там остановился, в глазах вопрос, но я пошел через двор в сторону ворот.

— Может быть, — крикнул он вдогонку, — коня дать?

Я оглянулся на ходу, покачал головой.

— Мы, паладины, должны быть скромными. Господь пешком ходил, чтобы людей приучать добрее быть со странниками, мол, каждый может оказаться переодетым Богом...

Он ничего не ответил, что и понятно, а я дошел до ворот, наверху появился Жак, навалился животом на каменную ограду.

— А-а, брат паладин! Легок на помине. Что скажешь?

— Отворяй ворота, — сказал я. — Ладно, в монастыре надлежит быть зело скромным, так что можешь и калитку.

— Нет уж, — сказал он грохочуще, — для тебя, брат паладин, я могу и дыру в стене проломить!

Он распахнул ворота настежь, но я вышел без всякой горделивости, скромность украшает королей, хотя бедных оставляет спать голодными, на той стороне помахал рукой.

— Будь!.. Еще свидимся.

Он сказал со странной интонацией:

— Это точно. Но... брат паладин, и как ты дальше?

— Да вот побреду, — ответил я скромно, — морозным зноем палимый.

— Ага, — сказал он с пониманием. — А где посох?

— Волшебный?

— Какой волшебный, от собак отбиваться!

— А что, — спросил я, — тут есть собаки?

— Нет, — ответил он.

— Тогда зачем?

Он усмехнулся.

— Чтоб соответствовать. А то на странника не как-то уж. Хотя для тебя, брат паладин, это неважно, как думаю.

— Почему?

— Да так, — ответил он неопределенно, — ты по своей великой скромности постарайся пройти тихо и незаметно, не привлекая внимания. Я угадал?

— Насчет моей великой скромности? — спросил я. — Не совсем. Правильнее было бы сказать, величайшей скромности! Я сам думаю, что скромнее меня нет на свете человека. Да что там думаю, уверен!

Он ухмыльнулся шире.

— А я просто уверен. В час добрый. Как появится Маркус, только свистни.

— Это ты свистни, — сказал я хмуро. — Думаю, ваши наблюдают за ним получше, чем я.

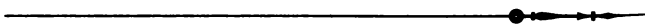
Он продолжал ухмыляться, но не ответил, а морда простецки хитрая, дескать, понимай, как знаешь.

Глава 6

За той самой скалой, что скрывает Храм от взора, я присел для надежности, вытащил Зеркало. Сердце колотится, на душе тоска и чувство близкого поражения, я стиснул челюсти и начал растягивать рамки.

Удалось чуть-чуть, пролезет разве что голова, но я не Агнаст, есть у Норберта один такой, может до известных пределов сплющиваться, чтобы пролезть в узкую нору. Умеет складывать кости скелета, больше, чем новорожденный, у которого кости черепа наползают друг на друга, чтобы мог протиснуться через крайне узкий выход и увидеть свет, который называем Божьим, но, вообще-то, наш Господь отдал все нам и сказал, что создал прекрасный сад, но если засрете, то в дерьме и жить будете, Он пальцем не шелохнет, чтобы убирать за нами.

На всякий случай я потыкал пальцем в твердую, как каменная стена, поверхность зеркала, а тот дурак с той стороны тупо тыкает пальцем в ответ, так что кончики всякий раз почти соприкасались. Нет, бесполезно. Даже если бы умел пролезать в узкую щель, все равно Зеркало еще не накопило достаточно энергии, чтобы сделаться экраном хотя бы для наблюдения, а уж для переноса через пространство придется ждать... даже не знаю сколько дней или недель.

— Ладно, — сказал я горестно, — вернемся в первобытный мир...

Уже без спешки закрыл глаза, сосредоточился, стараясь вообразить самое совершенное существо для длительного полета. Голова закружилась, но почти сразу ощутил поток новых чувств, что с ходу попытались потеснить мои человеческие, но я уперся, доминант все-таки я, а не всякие там перепончатокрылые, и, когда раскрыл глаза, я уже в теле птеродактиля, полный хозяин всех функций, кроме самых примитивных.

Подпрыгнул, с силой ударил крыльями по воздуху и с усилием поднялся в воздух, хотя со стороны кажется, будто взметнулся не по-птеродактильи стремительно, но я-то знал скорости и повыше...

Все же, как ни придумывай, как ни улучшай это тело, но есть предел для полета таким образом. И все возрастающее сопротивление воздуха, и высокий расход энергии, и недостаточная крепость мышечных волокон, ну не могу я их сделать стальными!.. все это не позволяет развить ту скорость, которая бы меня устроила.

Впрочем, если уж честно, меня больше всего бы устроило, если бы мог прыгать прямо с дивана в те места, куда возмечтал. А еще лучше, вместе с диваном.

На высоте воздух не просто холодный, а холоднящий. Я учащенно работал крыльями не только для увеличения скорости, но и чтоб согреться, птеродактили вообще-то не для северных широт, пусть даже в летнюю пору, видно же, какое тут лето...

Как теперь понимаю, древние могли изменять свои тела. Хотя вряд ли была такая уж острая необходимость, все-таки шаг назад, если только не в волновую форму, а так вот просто из одной звериной в другую — думаю, просто мода или некоторые бытовые удобства.

Потом, когда все рухнуло, даже это умение было потеряно, немногие потом смогли путем долгих поисков возродить некие возможности, но, конечно, самого низшего уровня.

Даже я, такой умница и постоянно ищущий остатки бывшего могущества погибших цивилизаций, довольствуюсь этим вот примитивизмом, самому стыдно, но, с другой стороны, когда было искать и рыться, если постоянно мир спасал!

Ну, почти спасал. Ведь спасая свою шкуру, я спасал и мир, кому он будет нужен, если меня прибьют?

Холод пронизал до костей, но и там холодно, я ощутил со страхом, что разогреться не удастся, хотя вроде бы почти час неся, как раскаленный болид через атмосферу, но сейчас всего трясет...

Крылья слушаются все хуже, взмахи слабеют, я ощутил, что если попытаюсь двигаться навстречу ветру еще несколько минут, то просто рухну...

Выставленные вниз и вперед под углом лапы не выдержали вес тела, я рухнул и некоторое время лежал, судорожно хватая воздух сперва через зубастый клюв, а потом распахнутым ртом.

Сердце медленно успокаивалось, но ощутил такой голод, что в животе начались судороги. Поспешно создал кусок мяса, сожрал быстрее Бобика, почти проглотил, потом еще и еще.

Только сейчас заметил свои исхудавшие руки, мышцы ушли в топливо, вот это я дал, молодец, выложился до потери пульса. Хотя, конечно, половину расстояния сумел, вдвойне молодец, но все же дурак...

Отдохнув, я создал еще мяса, три больших куска сожрал, пусть и через силу, еще три сложил в сумку и отодвинул в сторону. Нужно попытаться надеть ее на себя и лететь с нею, чтобы жрать в полете, хотя, конеч-

но, летящий с сумкой на спине птеродактиль весьма необычное зрелище, но кто увидит?

Скрип тележных колес донесся совсем близко. Я поднял голову из-за камней: в мою сторону движется небольшая колонна переселенцев, там две телеги, нагруженные скарбом, их тянут смиренные усталые лошади, две двуколки с вещами, их толкают впереди себя угрюмого вида мужики в грязной и сильно изорванной одежде, позади всех устало идет женщина, а несколько детишек устроились среди скарба на подводах.

Прятаться бесполезно, я расположился, как понижаю, на краю дороги, передние меня увидели, к идущему впереди тут же подтянулось несколько мужчин, в руках появились дубинки и простые плотницкие топоры.

Я поднялся во весь рост, в руке кусок мяса, ем медленно и неспешно, показывая, что я тоже путешественник, вот присел перекусить, потом пойду дальше.

Мужики быстро оглядели меня, я горделиво приосанился, понимая, что посмотреть есть на что, высокий и широкий в плечах красавец, одежда чистая и говорит о благородном происхождении, на поясе в дорожных ножнах кинжал, из-за плеча выглядывает рукоять меча, а сапоги с золотыми шпорами.

Один быстро сорвал шапку и низко поклонился.

— Да будет Господь с вами, сэръ рыцарь!

— И с вами, — ответил я небрежно. — Переселяетесь?

— Да, господин рыцарь!

— Хорошее дело, — благосклонно сказал я. — Демография и политкорректность нуждаются в перемешивании.

Мимо нас протащились одна за другой телеги, на второй покачивается на дне закутанный в окровавленные тряпки жутко изуродованный труп взрослого

мужчины. Одна рука оторвана и лежит рядом, за телегой едва-едва тащится, держась за борт, убитая горем женщина.

Я кивнул в его сторону.

— Несчастный случай?

Мужик горестно вздохнул.

— Нет, господин рыцарь. Его убили... Похороним на стоянке, прочтем молитвы, а утром отправимся дальше.

— Разбойники? — спросил я.

Он покачал головой.

— Хуже.

— А что хуже разбойников? — спросил я. — Эта зараза откуда и берется...

Он посмотрел на меня, в запавших глазах появилась надежда.

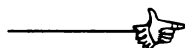
— Я староста этой деревни и, наверное, всего нашего народа. Меня зовут Джоббером. Если бы вы сумели защитить вас, ваша милость, Господь воздал бы вам за такое доброе дело!

— Гм, — сказал я, — добрых на моем счету как раз маловато, все больше сомнительные... Так что да, не помешало бы, если только в одно касание и не снимая... гм... сапог. Вы кто? Из какого королевства?

Телеги там впереди остановились, как и люди, женщины опустили на землю, переводя дыхание в тени, из мужчин трое двинулись в нашу сторону, но остановились, чтобы все слышать, но не участвовать в разговоре. То ли не доверяют вожаку, то ли просто любопытные или готовы помочь, если что.

Джоббер посмотрел на меня с недоумением.

— Ваша милость, — сказал он виновато, — да мы и сами не знаем, из какого мы королевства! Мы ж бродяги, постоянно с места на место, а землю какого государя топчем, только всевидящий Господь знает, да не скажет!

— Ладно, — сказал я, — все равно это сфера моего влияния, раз я человек и рыцарь, так что я, видать, и за вас, морды немытые, в ответе. Что именно случилось?

Мужики вытянули шею, а Джоббер сказал торопливо:

— Нас преследует демон!

— Ого, — произнес я.

— Правда-правда, — заверил он и быстро-быстро перекрестился, поплевал через плечо и что-то пробормотал, похожее на первый слог молитвы. — Огромный и настолько могучий, что ничто его не берет!

— А что, всем пробовали?

— Всем, — заверил он, — что есть у нас. Топорами, копьями, кипящей смолой...

— И что?

— Он даже не заметил!

Я с сомнением оглянулся в сторону телеги, на которой растерзанный труп.

— А что отогнало?

— Сам ушел, — объяснил он понуро и с отчаянием в голосе. — Он убивает каждый день по одному! Убивает и уходит. За ним можно гнаться и бросать камни, стрелять из лука... больше никого не трогает.

Я сказал задумчиво:

— Странный демон. Странные привычки. Если такой могучий, почему не перебьет вас всех?.. Ладно, у вас уже привал?.. Хорошо. Я переговорю с людьми.

Народ жалкий, к тому же измученный бесконечным переходом, во время которого пытаются убежать от преследующего их демона, в самом деле огромного и могучего, староста не соврал, все говорят одно и то же, совпадают даже мелочи, так что здесь в самом деле что-то странное...

На краю лагеря раздались крики, вопли, треск ломаемого дерева. Ухватившись за рукоять меча, я то-

ропливо развернулся в ту сторону, и сердце застыло в ужасе.

Там у ближайшего костра бродяг высится громадный, в два моих роста, огненно-красный демон с приплюснутой головой и выдвинутым вперед зубатым рылом.

Вокруг мечутся бродяги и бесстрашно бросают в него дротики, а он держит в руках отчаянно вопящего человека и медленно раздирает его за ноги.

Я добежал до них как раз в момент, когда демон, передумав, неспешно оторвал правую руку у кричащего человека, отбросил небрежно через плечо, так же неторопливо оторвал вторую, наконец с силой потянул за ноги и разорвал на две половинки.

До земли протянулись выпавшие влажно блестящие кишки и прочие внутренности, а он небрежно уронил на землю залитые кровью половинки, совершенно не обращая внимания на град сыпавшихся в него стрел.

Трое мужчин, бесстрашно ухватив луки, с близкого расстояния выпустили в него несколько длинных стрел почти в упор, но те отскочили, как от каменной скалы.

Я заорал, сжимая в руке меч:

— Кто ты? Ты почему такое творишь?

Демон повернул в мою сторону голову, огромную и массивную, похожую на гранитный валун, прорычал хриплым голосом, в котором слышалась мощь урагана:

— А кто ты, посмевавший задавать такие вопросы?

— Человек, — крикнул я. — Которому Господь вручил эту землю и велел в ней править всеми, даже ангелами!

Он всмотрелся в меня бешеными глазами.

— Король?... Что ж, а я — Крамардарт. Бог давно исчезнувшей страны Грамардия.

Джоббер вскрикнул за нашими спинами:

— Он не бог! Он демон!

Я обратился к Крамардарту.

— Не будем меряться... гм... титулами. Что ты хочешь?

Демон, назвавшийся звучным именем Крамардарт, прорычал громче и еще злее:

— Я Крамардарт, не понял?... У меня был храм, где приносили жертвы. Храм разрушен пришлыми народами, но в подземельях уцелела комната жрецов, где последние из них спрятали священную чашу. Эти люди ее украли!

Джоббер заорал за моей спиной:

— Мы ее не крали!

Мужики, кто с топорами, кто с дубинами, хоть и держатся на расстоянии, но все слышат, закричали яростно:

— Мы не воры!

— Он все врет!

— Мы ни на кого не нападаем!

— Мы мирный народ...

Крамардарт прорычал, не отрывая от моего лица испепеляющего взгляда:

— Укравшие священную чашу из моего храма понесут жестокое наказание. Я буду убивать по одному из их народа каждый день! И так будет, пока чашу не вернут. И никто из этих жалких тварей не будет знать, кого я разорву на части следующим.

Я сказал быстро:

— погоди-погоди! Ты точно знаешь, что ее украли? И что украли именно эти люди?

Он прогремел, гневно повышая голос:

— Я — бог!..

— И что, — сказал я, — даже боги ошибаются. Вот, например, наш Господь сделал женщину, хотя мог бы... гм...

Он прогрохотал, прерывая мой слабый писк:

— После разрушения храма я потерял почти все силы и даже впал в долгий сон. Но когда я ощутил, что чаша исчезла, гнев пробудил меня и придал сил. Я бросился в храм, там след... Нет, следы этих жалких существ меня совсем не интересуют. След чаши! Как брали, куда несли и какие люди передавали из рук в руки... Я все это увидел!

— Верю, — ответил я небрежно, — я такое тоже вижу, хотя и не бог. Хотя может быть уже... Ладно, хотя тот народ, как мидяне, чья история темна и непонятна, уже исчез, но ты все еще хранитель чаши? Не простой, а священной?

— Да, — рыкнул он. — А кто ты и кому служишь, человек?

Я ответил с достоинством:

— Справедливости. И вроде бы милосердию, но это потом, потом...

— Справедливости, — повторил он рычащим голосом. — Тогда заставь их вернуть чашу!

— Еще вопрос, — спросил я, — понимаешь, я страсть какой любознательный. Почему убиваешь только по одному, уже понял. Но почему просто не заставишь их вернуть чашу? Объясни, а то опять скажут насчет роялей...

Он медленно и устрашающе качнул головой из стороны в сторону, жуткие багровые глаза начали медленно гаснуть.

— Они, — прогрохотал он тяжелым голосом, в котором помимо былой мощи чувствовалось и нечто похожее на признание поражения, — они не мои верующие.

Глава 7

Я хлопнул себя по лбу, звук получился не совсем чтобы медный, чему я обрадовался, как начало перехода в интеллектуалы.

— А-а-а-а, понятно! Повелевать ими потому и не можешь, а вот принудить... Тоже понятно. Стой здесь и не очень-то размахивайся, а то лошади, дуры, уже пугаются. Я доминант, которому поручено, должен быть еще и судьей. Хотя эти оборванцы в справедливость вряд ли верят, но это ее не отменяет.

Мужики со страхом смотрят уже и на меня, который так уверенно разговаривает со страшным демоном, а я вперил указующий перст в сторону Джоббера и спросил грозно:

— Что вы украли в храме этого... существа?

Джоббер вскрикнул негодуя:

— Украли?.. Да ни за что!.. Да никогда!.. Господин, мы никогда ничего не ворует!

Демон взревел грозно и начал угрожающе поднимать страшные руки с толстыми когтистыми пальцами.

— Тихо, — сказал я ему. — А то велю вывести из зала. Идет расследование! Не мешать суду. Я как Соломон, вникаю и в мелочи. Теперь ты, Джоббер, ответствуй. Чем вообще-то занимаетесь, если не воруете?

Мужики оскорбленно заворчали, Джоббер всплеснул руками.

— Воровать? Да никогда!

— Так чем же?

— Раскопками, — ответил он быстро. — Вы знаете, сколько приходится переворошить руин, пока найдешь хоть что-то? А за находку дадут разве что пару монет, едва хватает на скудный ужин с самым дешевым вином...

— Но на этот раз, — заметил я, — нашли очень ценную чашу?

Он вскинул голову, глаза бегают из стороны в сторону, однако старался смотреть твердо и даже с вызовом.

— Мы нашли, — подчеркнул он голосом, жестами и даже с гордой позой. — Нашли, а не украли!..

Я повернулся к Крамардарту.

— Они ее нашли.

Он, уже багровый от ярости, проревел:

— А если в твой дом войдут и что-нибудь там найдут?

Джоббер прокричал бесстрашно:

— Но твоего дома давно нет!..

Крамардарт зарывал люто, я вскинул руки, призывая к тишине. Все умолкли и повернули голову в мою сторону.

— Дома может и не быть вовсе, — сказал я, — мы же знаем, как часто целые племена бросают все нажитое и уходят на новые земли! А Великое Переселение Народов?.. Так что дело не в домах. Если бы и этот Крамардарт умер, тогда да, это было бы найденное, хотя я лично полагаю, что в доме мертвого тоже нехорошо мародерничать. Дроп еще так-сяк, а лут совсем неплохо. Однако Крамардат жив, и потому взятая в его храме чаша считается не найденной, а украденной.

Крамардат снова взревел, но уже негромко, зато Джоббер и его люди закричали в великом возмущении и неприятии моего решения.

Я снова вскинул руку, призывая к тишине.

— Вам лучше отдать ее добровольно. Да, у меня есть против древнего бога Крамардарта некая защита... возможно, я смог бы отстоять эту чашу. Но разве Господь не поставил человека венцом творения потому, что надеется на его справедливость?

Они все молчали и смотрели на меня несколько тупо, даже Крамардарт, и я ощутил некоторую досаду, что мои перлы красноречия пропадают зазря, на всех свиней бисера не напасешься.

— Быть справедливым, — закончил я, — можно быть только в отношении всех. Нельзя быть справедливым к одним и несправедливым к другим. На этом зиждется... блин, какое-то паршивое слово, на этом покоится... это еще хуже, в общем ура справедливости!

Крамардарт молчал, еще не врубившись, я в самом деле хорош в красноречии, а Джоббер закричал:

— Так нельзя! Это теперь наше!

— Нет, — отрезал я. — Мало ли что этот Крамардарт не совсем как бы наш. Я паладин, а паладины не за своих, а за справедливость. Что делать, если справедливость в этот раз на стороне этого древнего бога, что уже и не бог для нас, а просто старый, хотя и сильный демон?.. Вот мой суровый и весьма зело справедливый вердикт: чаша принадлежит ему.

Джоббер оглянулся на своих мужиков, те злые и угрюмые, отводят взгляды, даже женщины, спрятавшись за телегами, дрожат, но прислушиваются, явно чаша очень дорогая, может быть вообще из золота, это же вся их команда обогатится, купят хороших коней и настоящие подводы, смогут осесть и начать оседлую жизнь...

Кто-то из мужиком крикнул сорванным голосом:

— Нас сорок человек!.. А что, если все навалимся на этого демона и уьем, то чаша будет наша!

Крамардарт начал грозно рычать, я кивнул и добавил:

— Если сумеете убить, а потом еще и ограбить этого монстра, который вообще-то имел какие-то заслуги до того времени, как опустился до этого жалкого состояния, то уцелевших преступников во имя справедливости перевешаю я.

Джоббер крикнул в отчаянии:

— Но как же... вы же человек!.. А он — нет.

— Человек, — пояснил я высокомерно, — царь природы и венец творения! Библию надо читать, не вежды. Царь природы — это всей природы, не только...

Джоббер оглянулся на своих людей, те злобно переговаривались, наконец один из них с проклятиями высвободил руки из лямок, сбросил мешок на землю.

Ему помогли развязать туго затянутый узел, он с огромной неохотой вытащил чашу.

Она вспыхнула под лучами солнца, как его осколок. Сердце наполнилось радостью, а тело — силой, я ощутил готовность промчаться до воинского лагеря, где оставил Бобика и арбогастра, хоть на крыльях, хоть на задних конечностях, как страус или киви-киви.

Крамардарт взревел радостно и протянул к ней огромные лапы. Мужик струхнул, отпрыгнул, прячась за спины соратников. Джоббер взял у него чашу и с огромной неохотой сунул мне.

Я взвесил ее в руках, явно не золото, золотую такого размера пришлось бы держать обеими руками, заметно напрягая мышцы.

— Моим решением, — сказал я громогласно, слово обращаясь к огромной толпе, заполнившей городскую площадь, это уже привычка и заодно тренировка на будущее, — милостивого и справедливого правителя чаша возвращена ее настоящему владельцу. Получи, Крамардарт!

Древний бог протянул лапу, я опустил чашу на широкую ладонь, но он не убрал ее сразу, а некоторое время пристально всматривался в меня.

— А ты, — проревел он озадаченно, — кто?..

— Король Ричард, — ответил я высокомерно.

— Это понятно, — рыкнул он, — а кто на самом деле?

Я сказал уклончиво:

— Мы те, кем являемся в данное время, а не те, кем рождены. Ты ведь не всегда был только хранителем чаши?

Он медленно выпрямился, чаша почти целиком исчезла в его громадной ладони, только самый верх пронзительно и нещадно горит под яркими лучами солнца.

— Прощай, король Ричард, — прогремел он, голос прозвучал невесело. — А ведь были когда-то времена, верно?

— Были, — согласился я.

— Но все прошло...

— Кое-что вернется, — сказал я утешающе. — Но на другом этапе.

Он раскинул руки в странно знакомом жесте и поднял голову лицом к небу. Заблестали ветвистые молнии, грянул гром, и его тело исчезло в багровой вспышке.

Не обращая внимания на поникшего Джоббера и его людей, я потащился обратно к той одиноко торчащей скале, за которой смогу перевоплотиться в птеродактиля.

То ли за это время воздух потеплел, то ли от чаши получил некий импульс, но дальше я летел еще быстрее, прям со скоростью намыленной молнии, еехватило на все то время пути, пока внизу не показались знакомые места, а потом среди зелени выступил лагерь.

Не рискуя с исчезничеством, я опустил за ближайшими кустами, перевоплотился и вышел, беспечно насвистывая, дескать, погулять отлучался.

Полог красного шатра отлетел в сторону, огромное черное тело появилось на пороге, и в следующее мгновение меня сбило с ног и покатило по земле под натиском толстых лап и горячего красного языка.

— Я же недолго, — крикнул я в оправдание. — В самом деле недолго! Пойдем арбогастра спросим!

Через красиво и ровно расположенный квадратами лагерь в нашу сторону уже несется навстречу на великолепном коне, в свое время подаренном графом Ришаром, Альбрехт с развевающимся за спиной плащом крестоносца.

— Ваше Величество! — крикнул он сердито. — Вы хотя бы предупреждали!

Я изумился.

— Как? Не предупредил разве?

Он соскочил на землю, передал повод подбежавшему воину.

— Предупредили, — ответил он сварливо. — Но недостаточно.

Я огляделся, лагерь еще почти пуст, кроме легкой конницы пока никого, тяжелые части прибудут на днях, но точно не сегодня.

— Граф, — спросил я в изумлении, — вы что, соскучились?

Он вздрогнул, перекрестился.

— Господи, умеете же вы пугать, Ваше Величество!.. Только и прожили без страха и ужаса пару дней.

Я поинтересовался:

— Что за это время нового? Прошу в мой шатер, граф. Если там еще не все разворовали, а мебель не перебили...

Он буркнул:

— Была такая мысль, но там воровать нечего, а мебель еще не установили.

— Вот видите, — сказал я наставительно, — как я забочусь о вашем нравственном здоровье и уберегаю от греха?

В шатре я сел, с удовольствием вытянул гудящие от усталости ноги и указал графу на лавку напротив.

— Итак?

Он поклонился, я не увидел его лица в этот момент, но даже по фигуре ощутил, что мой канцлер в глубоком недоумении, что для него весьма нехарактерно.

— Ну? — спросил я.

— Похоже, — проговорил он, разгибаясь, — я недооценил королеву Ротильду.

— Да садитесь же, — сказал я. — Неужто сообщила, что выезжает немедленно?

Он сел, расправил полы роскошного камзола, на меня поглядывал с подозрением.

— Вы знали?

— Предполагал, — ответил я с чувством превосходства. — У нее характер бойца. Понимает, что если не явится, то против нашей вторгнувшейся армии шансов нет вообще.

— А так есть?

— Нет, — ответил я. — Но она об этом пока не знает.

— Тогда что?

— Выслушаю, — сообщил я. — А потому посмотрю. Казнить такую красивую женщину рука не поднимется, хотя нанесла мне тягчайшее оскорбление, однако же убрать ее как-то придется.

— Надеюсь, — пробормотал он, — убрать из Мезины?

— Ну да, — подтвердил я, — а вы что подумали?.. Фи, герцог, вы какой-то уж слишком кровожадный. Берите пример с меня! Еще никого не убил, хотя иногда хочется всех вас передушить голыми руками.

— Значит, Ротильду...

— По приезду, — ответил я, — арестовать. Но желательно сделать это без шума. Потом суд, вынесение обвинения, приговор...

— Приготовить суд лордов?

Я посмотрел в изумлении.

— Зачем тревожить занятых людей такими пустяками? Она всего лишь жена, хоть и королева. В любом законе записано, что муж вправе решать судьбу жены.

Он сказал с намеком:

— Обычно провинившуюся жену ссылают в монастырь.

— Ротильду и в монастырь? — спросил я.

Он вздохнул.

— Да, она точно не для монастыря.

— Придумаем, — пообещал я. — А пока перекусим, промочим горло и подумаем, как все это сделать красиво и без пыли.

Он уточнил:

— Без крови?

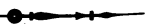
— Без какой крови? — спросил я в недоумении. — Почему без крови? Как это вообще без крови?.. Вы, граф, смотрите, становитесь совсем вегетарианцем. Без крови и грязи ничего не происходит. А вот без пыли иногда удается.

Глава 8

В лагерь постепенно входят конные отряды рыцарей, у них лошади получше, следом прибыла тяжелая панцирная конница, дальше я ожидал пешие части, но раньше начали появляться нагруженные доверху телеги обоза.

К моему удовольствию на первой же телеге я увидел восседающего с вожжами в руках отца Тибериуса. Он счастливо заулыбался, узнавая своего сюзерена, пусть я и светское лицо, торопливо слез на землю.

— Ваше Величество! — воскликнул он с восторгом. — Это правда? Вы уже король?

Я отмахнулся.

— Он самый. Поздравляю с таким быстрым переходом. Я еще не видел, чтобы обоз тащился со скоростью конницы.

Он сказал с ликованием:

— Это все те особые повозки, что вы привезли из Ламбертини! Что за умные люди там живут!

— Это все граф Антуан Стоункрос Лорд Камберлендский, — пояснил я, — он создатель совершенных повозок на ременных рессорах! Но скажу вам пока по секрету...

Его глаза вспыхнули восторгом.

— Ваше Величество?

— Есть возможность, — сказал я почти шепотом, — сделать их еще лучше. Намного лучше.

— Господи, — воскликнул он. — благословляю твое имя! Как же нам повезло с таким королем!

— Не накаркайте, — предупредил я. — Со мной еще наплачетесь. У меня к вам будет довольно обычный для любого правителя вопрос...

— Ваше Величество?

— Связь, — отрубил я. — Мне нужна связь. Земли под моей десницей расширяются почти что неконтролируемо. Во всяком случае, я не знаю, как избежать или затормозить этот процесс...

Он смотрел исподлобья, на подвижном лице постоянно сменяются выражения недоверия, непонимания, восторга, изумления, сочувствия, наконец спросил, запинаясь:

— То есть... вам изволилось бы... какие-то улучшения в нынешней связи?.. Гонцы на быстрых конях, голубиная почта, сигнальные огни...

Я покачал головой.

— Вы же догадываетесь, о чем я, отец Тиберий. Даже должны догадаться, что мне все это не только

знакомо, но и не весьма интересно. И потому так уж получилось, что мне придется все больше опираться на братьев вашего монастыря.

— Ваше Величество, — ответил он с готовностью, — мы всегда готовы..

— Мои желания просты до безобразия, — сказал я. — Нет, для безобразий мне женщин не надо, я сам сплошное безобразие.

— Ваше Величество?

— Что мешает развитию королевств? — спросил я. Он смотрел вопросительно, я открыл рот, закрыл, потом махнул рукой, сказал зло: — Не знаю, что мешает больше всего, но отсутствие дорог — весьма!.. А отсутствие связи — весьма зело!.. Отсутствие мгновенной связи — весьма зело обло!.. Это меня лимитирует, как вы догадываетесь!

Он выждал, не брякнул и то еще, поклонился.

— Ваше Величество... любого бы... ну, его, лимитировало. Мы стараемся расположить как можно больше наших устройств... если вы имеете в виду то самое, что имею в виду я... но это дорого и трудоемко, вы говорили. Есть и другие способы, я читал о них в древних книгах.

— Какие?

— Разные, — ответил он, — весьма разные. И даже всякие, я бы рискнул сказать. Но мы пока не отыскали ни сохранившиеся образцы, ни описания, как они действуют.

— Описания ничего не дадут, — сказал я с тоской. — Даже не поймете, что это описания, а не следы от короеда в дереве.

— Ваше Величество?

— Формулы, — тоскливо сказал я, — весьма не весьма как бы, потому не, я бы сказал честно, не глядя в глаза. Сам их не понимаю, а для вас так и вообще

язык филигонов... В общем, имейте в виду эти приоритетные задачи для подъема моего народного хозяйства. Это не значит, что надо бросить все и кинуться искать то, не зная чего, радостно забросив все дела, но дергать ушки на макушке...

Он поклонился, понимая, что разговор близится к концу.

— Ваше Величество, а разве ваша гениальная находка насчет строительства этой удивительной... железной дороги, как вы ее называете, это не улучшение связи? Это же с какой скоростью гонцы могут из королевства в королевство!

— Железная дорога, — сказал я чуточку сварливо, — это прежде всего перевозка стратегических грузов для народного хозяйства! В больших и весьма больших объемах. А также очень больших. Сравнимых разве что... да и сравнить не с чем.

Он смотрел с восторгом, а я подумал, что вообще-то у меня есть достаточно надежное средство перемещения, которое сейчас надолго потеряло силу, словно подзаряжается от света дальних и весьма тусклых звезд.

А когда я, хоть и с великим трудом, но пролез однажды с арбогастром и Бобиком, так вообще ни на что не реагировало больше месяца. Ну и минус еще то, что могу видеть только места, где уже был, хотя это пока не критично, не до рассматривания новых полян, когда приближается Маркус.

— Ищите, — сказал я настойчиво. — Отец Тибериус, когда-то в прошлом люди передвигались мгновенно, аки ангелы. Но, в отличие от них, куда хотели, а не куда их посылали. Потом из-за войн и катаклизмов это было разрушено... а восстанавливалось уже частями, кое-как, умение было потеряно.

Он сказал скорбно:

— Все точно, Ваше Величество.

— Все не могло погибнуть, — сказал я убежденно. — Слишком уж было много, понимаете?.. Где-то засыпано при катастрофах, где-то спрятано в пещерах... Да, конечно, само по себе без развитой инфраструктуры не заработает, но были же варианты для любителей природы? Что селятся в безлюдных горах, пустынях, арктических льдах?..

Он смотрел с непониманием.

— Ваше Величество?

— Говорю, — сказал я, — что у таких должны были быть автономные штуки. Я имею в виду те, что мгновенно переносят на огромные расстояния!

Он напряженно морщил лоб, часто моргал, сказал сумрачно:

— Ваше Величество, у меня после каждого разговора с вами голова трещит от всяких мыслей. Сутками не сплю, мозг кипит, так и рехнуться можно...

— Вы умнейший человек, — сказал я с сочувствием. — Дурак бы ничего не понял из моих слов, для него это только звуки, как блеянье козы. Ну пусть рев льва, я же все-таки теперь король, Мое Величество, как же!.. А вот вы ощутили... еще не поняли, но ощутили, а это уже начало знания...

— Ваше Величество, — сказал он, — если вы даете мне полномочия...

— Самые-самые, — заверил я. — Вы не маг, вы настоятель монастыря, для Ватикана выше нет репутации!.. Потому вторгайтесь в любые хранилища, требуйте любые рукописи, спрашивайте всех, кто что-то знает... даже с пристрастием, если понадобится! Великая цель оправдывает средства. Любые. Прогресс, как я слышал, безжалостен, ибо он — закон природы, в котором чувствуется рука Творца, а Он не был слюнтяем, стоит только вспомнить Содом и Гоморру, потоп тоже был хорош, а теперь этот Маркус...

Он вздохнул.

— Всякий прогресс идет извилистым путем.

— Это хорошо, — сказал я. — Но бывает, что прогресс — это движение по кругу, только все быстрее и быстрее. Это погубило древних греков и римлян, но мы-то умнее!..

Он благочестиво перекрестился.

— Дай-то Бог!

Когда он был уже на выходе, я сказал заговорщицки:

— Дорогой аббат, а креститься в самом деле вам надо почаще. Чтобы все видели!

Он грустно и понимающе улыбнулся.

— Как и вам, Ваше Величество.

Конные разъезды примчались с сообщением, что в сторону нашего лагеря движается войско. Чуть позже поступили уточненные данные, не войско, для него маловато людей с оружием, почти совсем нет, зато очень много женщин в повозках.

Я заинтересовался, Гаргастер, глава конной сотни, сообщил, что отряд движется со стороны королевства Мезина.

— Понятно, — сказал я. — Сообщите графу Альбрехту. Он уже готовит встречу, а вы поступаете в его распоряжение.

— Слушаюсь, Ваше Величество!

Он умчался, я прошелся взад-вперед по тесному шатру, сердце стучит, кровь бросилась в лицо, словно что-то постыдно украл, а меня застучали.

В лагере некоторое оживление, уже что-то услышали, а это «что-то» явно касается замеченных в составе многочисленного посольства из Мезины женщин в повозках.

Я опустил за собой полог, еще не зная, вернуться ли, я же теперь король, и хотя мне самому на это как-

то вот именно, но для других я цаца, должны и обязаны всячески выказывать уважение и великое почтение.

Альбрехт не показывается, как он велел передать, готовит встречу, но что имеет в виду, даже я сейчас не вполне.

Ждать пришлось долго, наконец снова примчались конные, весело прокричали издали:

— Едут, едут!

— Под королевским штандартом!

— Высшие лорды Мезины!

— Ваше Величество, встречать изволите?

Я помедлил, покачал головой.

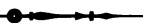
— Много чести. Не соизволю.

Вдали показалась настолько огромная масса разноцветного люда, даже мне на какое-то время почудилось войско, но, приглядевшись, понял, Ротильда взяла с собой свиту не меньше чем в тысячу человек.

По мере того как приближались, сумел рассмотреть украшенные золотыми вензелями повозки, из окон которых выглядывают молоденькие и чудо насколько хорошенькие женщины... что и понятно, это попытка смягчения моего чудовищного гнева. Напрасная, надо сразу сказать, попытка.

Повозок вообще многовато, как я понял, в них престарелые лорды, наиболее сановитые и могущественные, хотя что мне их могущество, все остальные на конях, но тоже воинов почти не вижу, все разодеты празднично, ибо лорды, именитые и, как понимаю, представители самых древних родов, словно это что-то значит.

Происхождение мало что значит, хотя вслух о таком благоразумно помалкиваю. У Христа было несколько братьев и сестер от старого Иосифа Обручника, вдовца. Но никто из них ничем себя не проявил, а этот злой и нелюдимый, рано убежавший из дому

и не желавший знаться с родителями, сумел поднять все человечество на ступеньку выше.

Не доезжая пару сот ярдов, повозки остановились, слуги начали торопливо открывать дверки и вынимать оттуда... детей. Самому старшему, на мой взгляд, нет еще десяти, самому младшему — лет пять, остальные все между, и набралось их там около сотни.

Я молча ждал, а их выстроили в четыре ряда и послали вперед, как заградотряд.

Они так и шли, суровые и нахмуренные, ни один не улыбнется, смотрят со страхом, но уже будущие взрослые мужчины, идут вперед, хоть и всем страшно.

Группа всадников разделилась на две половинки, оттуда на красивом белом коне выметнулась всадница с распущенными огненно-пламенными волосами.

Глава 9

Конь ее пошел красиво, закидывая ноги в сторону, гриву треплет ветер, красный хвост стелется по ветру. Арбогастр подо мной не двигается, я тоже как вбитый в землю столб, даже лицо держу каменным, смотрим свысока, с нашим ростом это нетрудно.

Дети идут, спотыкаются по густой траве, иногда падают, им помогают встать и снова двигаются к нам, суровые и сосредоточенные.

Ротильда пустила коня рядом, не обгоняя и не отставая, платье на ней открывает плечи, вырез весьма смелый даже для королевы, тонкую талию стягивает золотой пояс, украшенный бриллиантами.

Я не двигался, ожидая разгадки этого представления, а она красиво соскочила на землю, на мгновение показав ноги почти до колен, красные сапожки плотно охватывают изумительно вылепленные голени.

Мои лорды тоже не двигаются с мест, даже не шевелятся, сильно прибалдев, а Ротильда быстро шла в мою сторону, не отрывая от моего лица пристального взгляда зеленущих глаз, а в трех шагах присела в глубоком поклоне и склонила голову.

Я некоторое время молча и угрюмо смотрел на нее, а дети подошли и тоже встали на колени. Это уже слишком, использовать детей — запрещенный прием.

Ощувив не жалость, а гнев, я спросил резко:

— И что это за представление?

Она вскинула голову, но с колен встать не рискнула, ответила торопливо и совсем не голосом королевы:

— Это... заложники, Ваше Величество!

— Заложники? — переспросил я. — Зачем мне заложники?

Она сказала быстро, я уловил в ее голосе страх:

— Это дети самых могущественных лордов!.. А вот эти двое... мои сыновья, Куинг и Ультер. Я их люблю безумно, но отдаю в залог моей и нашей покорности.

Я подумал, поморщился.

— Это не тот случай. Моя армия, разметающая несметные полчища Мунтвига, как гнилую солому, роет землю копытами, ожидая приказа вторгнуться в Мезину и всю предать огню. Потому заложники ничего не решают...

Она вскрикнула жалобно:

— Ваше Величество!.. Я не понимаю, на что вы гневаетесь!.. Я оставалась верна союзу между нами!

— Так ли? — спросил я остро.

Она смотрела снизу вверх, я все еще не предлагал ей встать, но она так выглядит еще жалобней, и я чувствовал, как ожесточение начинает покидать мое сердце и даже испаряться из груди.

— Клянусь, — ответила она, но не уточнила, чем клянется, — я открыла новые рудники в Данеладе, как

вы и велели, там же я построила большие плавильни взамен устаревших мелких, я почти вдвое расширила поля в краю Зеленого Ряста...

Я сказал саркастически:

— Ну еще бы! Это служит укреплению Мезины, с чего бы вы пренебрегли такими возможностями? А что насчет моих войск, что оставались там следить за порядком?

Она запнулась на миг, чуть-чуть уронила взгляд, но тут же подняла его на меня, и я снова ощутил дивное очарование ее колдовских глаз.

— Ваше Величество, — произнесла она тихо, — но разве вы не велели всей армии спешно к вам на помощь... простите, на соединение с основной частью войск?

— Велел, — согласился я. — Но Шварцкопф проговорился, что оставил несколько тысяч панцирной конницы и отборную пехоту в три тысячи человек.

Она сказала быстро:

— Но он не сказал, наверное, что это я попросила его!

— Сказал, — произнес я с подозрением. — Зачем это было вам? Боялись, что трон слишком уж шатается?

Она покачала головой.

— Нет. Не потому.

Я подумал, помолчал, затягивая паузу, наконец произнес, стараясь держать голос и лицо крайне жестокими и недовольными:

— Можете встать.

Я не называл ее королевой или Ее Величеством, что она, конечно же, заметила, но не подала виду, поднялась, на ее нарядном светлом платье на уровне колен остались для грязных пятна, укор мне, я в самом деле ощутил некоторое замешательство, словно бы перебор-

шил, хотя на самом деле планирую масштабное вторжение в королевство, а что рядом с ним испачканное травой платье!..

— Сэр Плесс, — сказал я жестким голосом, — сэр Ройсс-Гера!.. Проводите нашу... гостью в мой шатер. И поставьте надежную стражу.

Снова она, судя по ее виду, уловила ту заминку перед словом «гостья», словно я в последний момент заменил им «пленницу», но опять же не повела глазом, послушно и даже смиренно пошла, опустив голову, в сторону главного шатра, что выделяется как размерами, так и пурпурной тканью.

Примчался на таком же запыхавшемся, как и он, коне граф Альбрехт, мигом оценил обстановку, спросил деловитым тоном:

— А что с детьми? Перебить всех?

Я оглянулся, все стоят на коленях, почти все опустили головы, но самые младшие уже подняли их и смотрят с любопытством, полагая это какой-то затянувшейся игрой.

— Хорошая идея, — одобрил я. — Перебейте.

Он дернулся.

— Значит...

— Только собственными руками, — уточнил я. — Вам же нужны острые ощущения?

— Да, — согласился он. — Острее уже и невозможно... Вернуть всех обратно?

— И побережнее, — ответил я. — Нечестно так использовать детей.

Он сказал философски:

— Нечестными могут быть только мужчины. А у женщин вообще нет такого понятия.

Он проводил взглядом королеву Мезины, ее под стражей уже ввели в мой шатер.

— Ваше Величество, — сказал он торопливо, — так я пошел отправлять детей?

— А поучаствовать в нашем разговоре с арестованной королевой не хотите, граф? — спросил я мстительно.

Он отшатнулся так, что едва не свалился с коня.

— Ни за что!

— Что случилось?

— Сунуть голову, — сказал он, — между молотом и наковальней? Нет уж, нет уж... Я сумасшедший, но не настолько.

— Трус, — сказал я обвиняюще, — и вообще предатель. Вот и положиись на таких в бою.

Не отвечая, он повернул коня и умчался. Стражи у шатра посматривали на меня с ожиданием, я кивнул, дескать, иду, не выпускайте пленницу, если она вдруг что или вообще чего.

Когда я откинул полог, Ротильда в кресле тихая и задумчивая, но вздрогнула и вскочила, когда я вошел в шатер, громадный, мрачный и решительный.

— Ваше Величество...

Я взглянул на нее сверху вниз, покорно присевшую в поклоне.

— У вас хорошая разведка, — заметил я холодно.

— Ваше Величество?

— Здесь все еще называют меня высочеством, — пояснил я. — Встаньте, леди. Можете сесть. Нет, в другое кресло. Лучше вон туда.

Она покорно села на указанное место, это кресло стоит в стороне от стола, и теперь она выглядит, как обвиняемая на суде перед целой коллегией.

— Где сейчас мои войска? — спросил я. — Сомневаюсь, что вам удалось переманить их к себе на службу... хотя вам многое удавалось, леди.

Она чуточку вздрогнула, я наконец-то произнес роковое слово, означающее ее новый статус. Леди. С одной стороны, это очень хорошо, не пленница, однако вряд ли это устроит Ротильду, дикую и решительную, у нее настолько могучий инстинкт выживания, что никогда и ни на чем не успокоится, это же понятно, но все же очень интересно, как начнет выворачиваться, хотя меня не обманешь...

— Они верны вам, — согласилась она. — Не скажу, что я не старалась их приблизить к своему дворцу...

— Да ну, — сказал я саркастически.

— Это же так естественно, — произнесла она невинно, — чтобы сильнейшие поддерживали трон.

— Они и так поддерживали, — возразил я. — По моему приказу.

— Я всего лишь хотела подстраховаться, — произнесла она в недоумении. — Что тут плохого или опасного? Слабая женщина старается...

Я прервал:

— Леди, только не надо это вот насчет слабой.

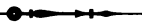
— Ваше Величество?

— У вас силенок на всю мою армию хватит, — сообщил я.

— Вам виднее, — сказала она лстыиво, — но чувствую себя все-таки слабой... Так вот, ваши люди вам верны. Убедившись в этом, я усилила их войсковые части дружинами своих сторонников и послала помочь лордам Бурнандии отстаивать свои права перед грубым вмешательством их короля Эдвина Рафнсварта в древние вольности и нарушения законных свобод.

— Ого, — сказал я настороженно, — это уже вмешательство во внутренние дела другого государства!

Она позволила себе чуть-чуть улыбнуться, пока робко.

— Мы с Бурнандами так давно связаны торговыми договорами... У нас есть то, чего нет у них, а у них — наоборот. Потому караваны с товарами постоянно идут в обе стороны. И мы не могли позволить, чтобы такой взаимовыгодной дружбе был нанесен урон!

Я сказал саркастически:

— Значит, вы помогали себе и Бурнандам?

— Вы говорите абсолютно верно, — сказала она. — Вы ведь мудрейший и талантливейший король на всем севере!

— Ну спасибо, — сказал я саркастически. — Леди, вы совершенно не умеете льстить. У вас даже голос деревянный. Привыкли, что льстят только вам?

Она подняла на меня взгляд громадных зеленых глаз.

— Привыкла, — ответила она просто. — Вы первый мужчина, чье превосходство признаю.

— Ладно-ладно, — сказал я, хотя на этот раз ее голос вроде бы прозвучал искренне, — меня на комплименты не поймаете.

— Вы же знаете, Ваше Величество, — произнесла она так же просто, что должно прозвучать искренне, — я говорю правду.

— Не знаю, — отрезал я. — Леди Ротильда, я не верю вам. Ни в чем. Значит, все мои войска удалены от столицы, чтобы развязать вам руки, и сейчас воюют в Бурнандах?

— Не все, — ответила она.

Я спросил с недоверием:

— Что, какая-то часть в столице... или возле?

Она опустила взгляд, ее пальцы нервно мнут ткань дорогого платья, наконец проговорила, не поднимая головы:

— Нет... в столице их нет.

— А где?.. Леди, мне врать бесполезно. Я уже так насобачился с хитрецами, сразу замечаю, когда врут.

— Остальные, — ответила она совсем тихо, — в Грандепте.

— Ого, — сказал я невольно. — Это сосед Мезины с востока?

— Да.

— И что они там делают?

Она проговорила тускло:

— Небольшое королевство, ничем не примечательное, но через него течет самая крупная река среди... всех королевств, которые я знаю. Местные никак ту реку не используют, Ваше Величество.

Я воззрился на нее в удивлении.

— И что? Вы затеяли войну, только бы выйти на берег той реки?.. Кстати, как реку называют?

— Каусар, — ответила она.

— Каусар, — повторил я задумчиво. — Что-то знакомое... Что, это она и есть? И протекает здесь?.. А ну-ка, ну-ка, давай подробнее!

Она посмотрела в удивлении.

— Та река, Ваше Величество, очень даже не простая река. В Мезине вообще нет ни одной судоходной!.. Даже на лодочках не поплаваешь, разве что на паре озер... А Каусар, можно сказать, сплошной водный путь, что пропадает зря. Можно выстроить пристань и грузовые корабли. По воде перевозить товары дешевле всего...

— Да и безопаснее, — согласился я. — Может быть, это не тот Каусар, на который я подумал... Гм, мало ли что. Только, как говорите, водным путем отличается?

— Не только, — сообщила она, — там много рыбы, у берегов масса водоплавающей птицы, что гнездится в камышах. Но местные почему-то даже рыбу не ловят!

— Наверное, — предположил я, — что-то мешает. В любом случае, если у соседа есть то, чего у вас нет, разве это повод для нападения?

Она возразила горячо:

— Я не нападала!

— А как? Сделали так, что сам напал?

Она помотала головой.

— Нет. Там другое...

Я видел, как запнулась и подбирает слова, ждал, наконец она быстро зыркнула исподлобья.

— Ваше Величество...

Она остановилась в нерешительности, я сказал подбадривающе:

— Ну-ну, леди? Привыкайте, что я теперь в самом деле Его Величество. И вся Мезина для меня не больше кленового листочка, прилипшего к моему рукаву. Могу стряхнуть, могу не стряхнуть... Подумаю. Итак?

Она коротко вздохнула, вскинула голову и посмотрела в мое лицо решительно и прямо.

— Когда пришли вести о нашествии с севера полчищ Мунтвига, у нас началась сдержанная паника. Ну да, паника тоже может быть всякой. Совсем недавно ушли войска Карла, нас это затронуло тоже, а теперь еще более ужасный и могучий, как пошли слухи, полководец Мунтвиг... Для всех нас было огромным облегчением, что вы каким-то образом успели собрать могучую армию... Я так и не поняла, как можно так быстро... если не предположить, что готовили заранее... Возможно, хотели сделать то же самое, что и Мунтвиг?

Она прервала себя и уставилась зелеными глазами, что становятся ярче и ярче, уже как драгоценные изумруды, засветившиеся изнутри.

— Не приписывайте мне глупостей, — посоветовал я. — Хотя ваша догадка насчет армии верна. Я ее готовил уже давно, хотя и не для завоевания мира.

Она кивнула, лицо стало почти деловитым.

— Мы все понимали, что война будет долгой и тяжелой. Я верила, что Мунтвиг не разобьет вас... так уж сразу. Вообще почему-то не верила, что он победит, хотя меня и уверяли в этом со всех сторон.

— И все же...

Она сказала горячо:

— Ваше Величество!.. Все, что делала, ваше!.. Разве не в ваших интересах получить выход к Каусару, где я уже построила большой порт и заканчиваю строительство обширных складов для товаров?.. Разве укрепление... дружеских связей с Бурнандами вам плохо?

— Вы как-то странно запнулись на слове «дружественных», — сказал я. — Крови пролили много?

— Обошлось без серьезных столкновений, — заявила она. — Почти. Там и так силы были почти равны.

— Чьи? Короля и мятежников?

— Да, — ответила она тихо, — я всего лишь помогла... успокоить мятеж.

— Как? — спросил я саркастически. — Помогая мятежникам?

— Просто король так быстрее согласился, — пояснила она, — оставить древние вольности благородным лордам.

— Ну да, — сказал я, — слабый король — хороший сосед. Верно?

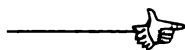
— В общем, — ответила она уклончиво, — сейчас там все спокойно, как и было раньше. Только наше влияние теперь намного ощутимее.

— Зная вас, леди, — сказал я, — представляю, насколько ощутимее. Не умеете останавливаться на полпути, верно?

Она возразила почти жалобно:

— Это мужчины не умеют останавливаться! Я лишь чуть-чуть упрочила свое положение в двух соседних

и дружественных королевствах, и... все. Больше ни шагу.

Я посмотрел на нее пристально.

— А что еще?

Она взглянула испуганно.

— Что вы имеете в виду?

— Леди, — сказал я, — вы что-то недоговариваете. Полагаю, самое важное. Советую выкладывать все. Вы сейчас предстали перед судом, если еще не поняли. Я обвинитель, адвокат, судья и палач. Даже суд при-
сяжных. Суд мой будет праведным и скорым.

Она прошептала:

— Надеюсь... еще и справедливым? Или это не-
важно?

— В зависимости, — ответил я мудро. — Итак?

Она пожала плечами, уже чуточку осмелев, я же не
бью, посмотрела малость дерзко.

— Ничего важного. Вы же не считаете важным, что
ко мне продолжают поступать предложения от женихов?

— Так-так, — сказал я. — А вот с этого места под-
робнее.

Она снова пожала плечиками, крупные локоны ог-
ненно-красных волос зашевелились по плечам и груди,
невольно приковывая внимание.

Глава 10

Ее губы чуть тронула первая улыбка, но Ротильда
тут же согнала ее под моим, надеюсь, строгим взглядом.

— Первыми, — сказала она, — о моем замужестве
заговорили послы королевства Бурнандии. Но они
предложили брата короля Рафнсварта, так что я даже
не стала рассматривать. Однако...

— Ну-ну?

Она взглянула искоса.

— Из политических соображений не стала отказывать так уж сразу.

Я сказал саркастически:

— Хорошо быть женщиной?.. Да еще красивой?

Она сказала скромно и опустила глазки:

— Спасибо, Ваше Величество.

— Не за что, — отмахнулся я. — Весь мир признает вас красавицей. Я только соглашаюсь с общим мнением народа. А кто был вторым? Из Грандепта?

Она покачала головой.

— Из Пирмонта.

— А это еще что?

— Королевство, — сказала она, — что за Грандептом. Большое и достаточно сильное. Но, думаю, король Рогендорф подумывает, что если стал бы королем и здесь, то Грандепт был бы так зажат между Мезиной и Пирмонтом, что его можно было бы постепенно растворить в наших королевствах...

— Хороший план, — согласился я. — Тем более что это было бы уже одно королевство...

Она прямо взглянула мне в глаза.

— Уже из-за этого, Ваше Величество, этот брак был абсолютно неприемлем.

Я сказал с иронией:

— А если бы вам удалось установить власть и над его Пирмонтом? Мощное единое королевство в ваших нежных лапках?

Она на мгновение задумалась, но мне показалось, что этот вариант обдумывала раньше, отвергла, а сейчас вот вернулась и пересматривает еще раз на всякий случай.

— Он бы старался захватить власть и здесь, — ответила она с неохотой. — К сожалению, его поддержали бы даже мои лорды!

— Предатели?

Она покачала головой.

— Сами знаете, женщина не должна сидеть на престоле. А если оказывается, то лишь ценой каких-то хитростей.

Я кивнул, две женщины, правление которых назвали золотым веком, остались на тронах только потому, что всю жизнь обещали своим лордам, что вот-вот выйдут замуж, Елизавета и Екатерина Вторая, и вряд ли их страны обрели бы такую мощь и влияние, если бы обе вышли замуж и на трон сели бы мужья.

— А в каком положении, — спросил я, — это вот все... сейчас?

Она сделала вид, что безмерно удивлена.

— Ваше Величество?.. Я не поняла ваш вопрос! Он мне показался слишком бестактным, но так как я не могу даже предположить, что вы спросите бестактное, то, видимо, вы хотели узнать что-то другое?

Я сказал строже:

— Леди, у королей моего ранга все тактное. И уместное. Короли выше моды!.. Тем более этикета. Я спросил, повторяю для тугих на ухо, в каком положении ваше сватовство на данный момент?.. С кем-то уже обручены или уже даже замужем?

Она отшатнулась в таком ужасе, что даже стенкам шатра наверняка стало видно, насколько переигрывает.

— Ваше Величество!

— Шо?

— Как вы можете?..

— Шо могу?

— Даже предполагать такое? Разве я не ваша верная и любящая жена?

Я смотрел на нее некоторое время туповато, что-то она не с той карты зашла, или же у нее какие-то козыри.

— Леди, — проговорил я туповато, — в этом месте я должен заржать дико и упасть на спину, дрыгая ногами. Но я не стану, ибо я зол и гневен. Потому отвечайте на вопросы. Здесь суд, а не... Надеюсь, вам это доступно?

Она ответила послушно:

— Я ни с кем не обручена, тем более — не замужем. Как я могу, если я замужем за...

— Бросьте, — прервал я. — Стали бы вы пытаться перевербовать моих людей, а потом отсылать из столицы в надежде, что погибнут в других регионах!

Она сделала большие глаза.

— Я? На гибель?.. Зачем? Они расширяли наше влияние... ваше влияние, Ваше Величество! Хотя почему-то на меня и гневаетесь, но я все равно ваша любящая и верная жена!

Я фыркнул.

— Скажите еще, нежная! Я вообще ржану громче моего коня.

Она сделала глаза еще больше, рот приоткрылся, показывая блестящие жемчужные зубки.

— Что... я не была нежна?

Я буркнул:

— Что-то не припомню. Визгу много, шерсти мало. Я вроде бы ходил поцарапанный...

— Только спина, — сказала она твердо. — И то чуть-чуть, на вас же все заживает мгновенно, я проверила. Ваше Величество, я готова отвечать на все ваши вопросы!

— Все равно вывернетесь, — сказал я. — Как я понял, вы всех их продолжаете водить за нос, сыплете обещаниями...

— ... двусмысленными, — уточнила она. — Ни к чему не обязывающими.

— Ага, — сказал я, — значит, вы тоже исходили из дикого и абсурдного предположения, что какой-то там Мунтвиг... я уже и забыл, кто это, меня изничтожил?

Она покачала головой.

— Нет.

— А что?

— Я исходила, — сказала она терпеливо, — из того, что они так считают. А раз так считают и что-то планируют... что ж, пусть планируют. Разубеждать не в моих... не в наших интересах.

Я сказал грубо:

— Леди, вы уже второй раз сказали «мы» и «наши». Вы под серьезным подозрением, и мы не «мы», а вы и я. Пока не получу полную картину, я не стану делать выводы, что для вас хорошо и плохо.

Она сказала с готовностью:

— Спрашивайте.

— Спрошу, — пообещал я. — Неужели вы полагаете, что я буду ориентироваться только на ваши слова?

В ее зеленых глазах метнулся испуг.

— Ваше Величество?

— Сейчас в Мезине, — сказал я, — особенно в Беллимене, мои люди собирают информацию о вашей деятельности. И вашем поведении. Первые сведения придут завтра-послезавтра. Вы пока останетесь под охраной.

Она невесело улыбнулась.

— А можно мне провести эту ночь прикованной цепью к вашему ложу?

Я посмотрел на нее свысока.

— Странные речи от дикой, как ее часто называли, королевы Ротильды. И неприступно-своенравной. Где тут хитрость, скажите сами, а то я такое найду...

Она произнесла тихо:

— Вы не поверите, но, когда женщина в конце концов встречает настоящего мужчину, она из дикой тигрицы превращается в жалобного котенка и счастлива, когда ее просто гладят.

— Не дождетесь, — отрезал я твердо. — Стража!.. Отвести эту женщину в шатер сэра Альбрехта. А он пока перебьется.

Альбрехт примчался, как ошпаренный, глаза дикие, но на середине шатра опомнился, принял вид и поклонился церемонно и даже с некоторой величавой неспешностью, так несвойственной для него.

— Ваше Величество, могу я осмелиться...

— Чтоб вы на что-то да не осмелились? — спросил я в изумлении. — На что намереваетесь осмелиться? Переизнасиловать всех монашек в ближайшем монастыре?

Он сказал с неудовольствием:

— Слова-то какие подбираете... Переизнасиловать, как будто я уже их изнасиловал хотя бы по разу... Обидно, когда обвиняют в том, что мы проделываем разве что в мыслях да иногда во сне... Ваше Величество, я не понял причину такой великой чести!

— Ну-ну, — сказал я, — люблю слушать, какой я замечательный.

— Но эта великая честь несколько чрезмерна, — сказал он с достоинством. — Когда королеву Ротильду привели в мой шатер.

Я сказал с пониманием:

— Так вы ж ее наверняка тут же переправили в тот, что приготовили для нее лично?

Он замялся, сказал в затруднении:

— Простите, не успел...

— Не брешите, граф, — сказал я зло. — С чего вы решили, что она останется в моем шатре?

Он дернулся.

— Ваше Величество! Как раз о таком не думал! В таком деле как-то в суматохе всяких дел ну совершенно выпорхнуло из головы...

— Ну да, — сказал я саркастически, — со свистом выпорхнуло. Мелочи все помните и успеваете, а самое главное выпорхнуло со свистом да еще закрикало. Не юлите, граф. Ноги ее не будет в моем шатре!.. Тем более в постели... Ладно, что там с ее людьми?

Он оглянулся по сторонам и ответил, понизив голос:

— Окружили так, мышь не проскользнет.

Я отмахнулся.

— Думаю, никто и не подумает сопротивляться. Наверняка все получили четкие указания.

— Да я не поэтому, — сообщил он, — чтобы не послала гонца. Вдруг не то вздумает сообщить. И не тем людям.

Я покачал головой, на столе два пустых кубка, наполнил их вином и кивнул на один графу.

— Полагаю, все они получили от Ротильды четкий приказ держаться ниже травы, тише воды в озере. Она надеется как-то переломить ситуацию, а придворных подобрала таких, что верят ей беззаветно.

Он взял кубок, отхлебнул деликатно.

— А что думаете сами?

Я пожал плечами.

— Пока в затруднении. Конечно, врет, не могла не стараться укрепить свою власть и как-то отгородиться от моего вмешательства. Однако каждый ее шаг можно интерпретировать и как ее желание укрепить и расширить наше общее влияние.

— Ну да, — сказал он со странным выражением, — имея такую жену, можно не беспокоиться за свой тыл.

— Берите, — предложил я. — Даром отдаю.

Он отшатнулся.

— Ни за что!

— Почему? — изумился я. — Зато тыл будет тот, что надо.

— Нет, — огрызнулся он. — Не надо!

— Такого тыла?

— И тыла, — сказал он твердо, — и жены. — Это же вы с нею как гром и молния, а я что, тихая овечка. Мне и жену бы овечистую...

— Так у вас же есть, — сказал я с подозрением.

— В Армландии, — уточнил он. — А Церковь разрешает брать вторую жену, если вне своего королевства пребываешь больше чем три месяца.

— Как время летит, — сказал я.

— Разве? — изумился он. — Я думал, вам за своими полуженами не так заметно.

— Знаете ли, — возразил я, — две полужены еще не совсем одна жена.

— А три?

Я подумал, ответил с неуверенностью:

— Мне кажется, и три не совсем то, что одна цельная. Это ж не совсем математика! Это, скорее... ну, что-то другое.

— А четыре?

Я сказал сердито:

— Граф! У меня что, четыре?.. Откуда могу знать? Это у вас одна настоящая, и здесь будет настоящая, а у меня все какие-то полу, а это не совсем даже, что полу, а тоже иначе. Если и математика, то не наша эта математика.

— Зато, — напомнил он, — у вас есть невеста. А вот у меня нет.

— Что? — спросил я с подозрением. — Это кто еще?

— Аскланделла, — сказал он быстро и тут же, предупреждая мою вспышку уже настоящего королевского гнева, добавил еще быстрее: — Вы сами пообещали!

Я спросил в диком изумлении:

— Я? Это когда?

— Вы поклялись на мече, — произнес он почти со злорадством, — ну ладно, не на мече и не поклялись, но разве ваше слово не крепче гранита?.. что как только... ладно, если только переживете схватку с Маркусом, то сразу же вот так и женитесь на Аскланделле.

Я вздохнул, поморщился.

— Граф...

— Что, — спросил он с тревогой, — будете стараться проиграть?.. Это нечестно! А спасение мира?

— А как я сказал? — переспросил я. — Неужели так и сказал, что сразу? Не в моей манере политика сжигать за собой мосты... Другое дело, за всеми вами.

— Нет, — ответил он вынужденно, — но разве это не само собой разумеется, что победитель дракона женится на спасенной им принцессе?

Я отрезал с высокопарным достоинством:

— Граф, мы строим новое чистое общество! И ломаем старые традиции. Человек, как сказал Господь, волен в своих поступках. И никто его не волен принуждать к женитьбе на принцессах, когда будет полно глупых крестьянок и гулящих девок.

Он смотрел на меня несколько оцепенело.

— Ваше Величество, никогда не пойму, когда вы шутите... Я уж чуть не поверил, глядя на ваше серьезное лицо, что такое общество мы и строим.

Он допил вино, прислушался к голосам за шатром, лицо посветлело.

— Вроде бы шатер для королевы уже поставили, — сообщил он радостно. — Пойду перегонять ее на другое место.

— Дайте хоть ложе для нее сколотить, — сказал я. — И стол. Чтоб не на полу спала и ела.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Вы что, все же о ней заботитесь?

Я огрызнулся:

— Не о ней, а вам стараюсь причинить побольше неприятностей!

Он с неодобрением посмотрел, как я создал для себя большую чашку черного кофе, поклонился с самым оскорбленнейшим видом и гордо покинул шатер.

Жены и полужены, подумал я раздраженно, потягивая горячий кофе, а когда чашка опустела, наполнил ее снова. Король, как принято считать в обществе, должен стараться родить как можно больше сыновей. А потом, когда повзрослеют и обзаведутся семьями, вынужден желать им смерти, чтобы не свергли с трона и не привели страну к гибели ввиду своей молодецкой отваги и безразмерной дури.

Корону в правильном государстве король должен передавать внукам. Пока взрослеют, он продолжает править справедливо и мудро, так как уже стар, умен и бит жизнью, а когда внуки войдут в силу, он сам уходит на покой и выращивает розы.

Правда, еще до того, как внуки достигнут юности, решает, которого из них готовить в короли, а остальных сажает на скамейку запасных, обычно за щедрые пожертвования церкви пристраивает их аббатами монастырей.

Но хотя я уже и мог бы, да, но всегда что-то серьезное мешает. Да и сейчас вот как-то глупо заниматься женитьбой, когда Маркус угрожает уничтожить все на поверхности земли.

Явился сотник Гаргастер, сказал почтительно:

— Ваше Величество, я расставил вашу личную охрану у выходов из лагеря. Помня, что вы предпочитаете без свиты... они будут охранять вас не слишком заметно.

— Это лучше, — одобрил я. — Но слишком уж не тряситесь за мою жизнь. Король рискует жизнью каждый день. Во дворце даже больше, чем в лагере или в дороге, когда его чаще всего даже не узнают. Да и узнали бы... Во дворце можно все организовать и подготовить, а здесь на ходу не так просто.

Он хмуро улыбнулся.

— Я не знаю, где опаснее: во дворце или в странствиях. Во дворце могут долго подбираться к вам, изучать ходы и выходы, чего нет в дороге, но в дороге вообще нет охраны...

— Мы не простоим здесь долго, — заверил я. — Пока враги узнают, где я, пока подберут опытных убийц и пошлют сюда... мы уже будем далеко, а на месте этого лагеря только пепел. Разведчики из Мезины прибыли?

— Сегодня ждем, — отрапортовал он. — Двое скачут, загоняя коней. Скоро будут.

— Сразу ко мне, — предупредил я.

— Ваше Величество, — произнес он с удовольствием, делая ударение на «Ваше Величество», — все исполним.

Глава 11

Разведчики прибыли через два часа, их отпаивали вином по дороге, пока вели под руки в мой шатер. Я кивнул на два кресла, их всадили туда и придержали, когда пытались вскочить перед королем, но я нетерпеливым жестом велел сидеть.

Альбрехт явился следом за разведчиками, весь полыхает от сжигающего его любопытства. Я прошелся по шатру, снова придержал разведчиков, пытающихся вскочить.

— Вкратце, — сказал я, — что в Мезине?

Первый, он постарше и уже засылался Норбертом в чужие земли для сбора сведений, все же вскочил, ответил достаточно четко:

— Десятник Джозеф, Ваше Величество. Я был в самой Беллиминне, общался с торговцами и купцами, они всегда знают обо всех больше других.

— И что говорят? — спросил я нетерпеливо.

— Королева Ротильда, — ответил он, — хитрой и вероломной политикой сумела упрочить свое положение в королевстве. Те лорды, что сочувствуют мятежникам, отстранены от двора, хотя сами и не принимали участия в мятеже. За последнее время она сумела завязать с соседними королевствами Бурнанды и Грандепт такие отношения...

— Ну-ну? — поторопил я.

— Которые, — закончил он с усилием, — вроде бы поставили тех в подчиненное положение. Как это, понять не удалось, но все говорят об этом. И все довольны, даже те, кто сторонники мятежников.

Я отмахнулся.

— Что с нашими войсками? Пусть их горстка, но они наши!

— Две трети в Грандепте, — сообщил он с готовностью, — треть в Бурнандах.

Второй гонец вскочил.

— Подтверждаю. Я был в Бурнандии. Сам видел сэра Мерейля и говорил с ним. Они охраняют там большой порт на реке.

Я покачал головой, повернулся к десятнику.

— Что в Мезине говорят о самой королеве?

Он ответил осторожно:

— Разное. Чаше всего, что не ее это дело. Женщины благородного происхождения должны вышивать платочки и присматривать за слугами в доме. А коро-

лева Ротильда правит решительно и жестко. При этом не брезгует, так говорят, иногда как бы проговариваться, что получает от вас послания, где сказано, что вы успешно громите Мунтвига уже на его землях...

Альбрехт за моей спиной довольно хмыкнул, Ротильда молодец, пользуется любой возможностью укрепить власть и влияние, даже если сама не верила, что мы в самом деле в состоянии сопротивляться Мунтвигу.

Я сказал медленно:

— Таким образом она действовала где хитростью, где прикрывалась моим именем...

Альбрехт уточнил подчеркнуто миролюбиво:

— Грозным именем Ричарда Завоевателя, который явится по одному слову жены с огромной армией и тут же всех нагнет и обидит. Собственно, в этом нет явного преступления.

Я сделал вид, что не слышу, повернулся ко второму.

— А что там насчет Грандепта?

Тот принялся подробно рассказывать, я внимал тщательно и придирчиво, Альбрехт выслушивал вместе со мной, где хмурился, где крутил головой, то и дело в театральном изумлении вскидывал брови.

Когда я мановением пальцев отпустил гонцов на отдых, поспешно цапнул со стола кубок с остатками вина и допил залпом.

Я посмотрел на него зверем.

— Что молчите, граф?.. Я понимаю, страшитесь разбудить мой львиный гнев. Но можете не трястись, я уже страшен!

Он посмотрел на меня, на кубок. Я вздохнул и наполнил его снизу, чтобы без вылезающей наверх пены, полусладким шампанским.

— Ваше Величество, — сказал он, — я всегда был высокого мнения о вашей жене-повелительнице. По-

велительнице... это в общем смысле, а не том, что вкладывает в это слово народ, когда называет вас консортом и как-то странно хихикает... Но даже в самых смелых предположениях не думал, что она так развернется при минимальной поддержке... да и то не оказанной, а ею самой позаимствованной!

— Вот именно, — прорычал я. — Еще неизвестно, какие непотребства творила моим именем!

— Известно, — отпарировал он. — Установила некоторый контроль... если не совсем полный, но все же, над Бурнандами и Грандептом.

— А что еще? Из того, что нам неизвестно?

Он посмотрел подчеркнуто благодарно.

— А вы разве человек мелочный? Я полагал вас политиком высокого полета, который летает под облаками и поливает всех и все жидким пометом. А это, оказывается, она показала себя таким политиком! Это же надо: водить за нос многочисленных женихов и своих лордов, ожидающих на троне сильного мужчину, и в то же время оттяпывать у них земли, возможности, союзников...

Я в раздражении создал и себе вина, самого легкого, но отодвинул и заменил чашкой крепкого кофе, сделал два мощных глотка.

— Граф, вы мне зубы не загупливайте. Кое-что делалось с привлечением моего имени! А если оно запятнано?..

Он спросил с интересом:

— Для политика это важно?

— Я еще и рыцарь, — ответил я с достоинством. — я олицетворун... или олицетворюн, как правильно?. В общем, олицетворяю дух королевской власти и отношения нового короля к морали и прочим недостойным явлениям общества. Потому важно понять, не запятнано ли мое полосатое имя в данной ситуации?

Он пожал плечами.

— Чего проще? Нужно позвать Ротильду и выяснить подробности.

— Соврет, — сказал я убежденно. — Вы встречали женщину, чтобы не врала?.. Если не врет, то уже и не женщина. А если рыжая, то это вообще... Нет, мы и без нее запутаемся, обойдемся без помощниц дьявола.

Он развел руками.

— То, что о ней говорят, может быть, сплетни... но не вранье. Она выдающийся политик! Я бы хотел назвать ее великим, но разве могут быть двое великих одновременно?.. Так что великий — это вы, Ваше Величество, а она всего лишь выдающийся, но зато как выдающийся!.. До нее далеко и некоторым великим, это я о гигантах древности, Ваше Величество, про вас даже и не подумал, хотя, вообще-то, думаю часто, но только в самом хорошем и приятном смысле... Так что позвать?

Я махнул рукой.

— Придется. Нам нужно поскорее разобраться и топтать дальше. Я должен понять, что на самом деле в Сен-Мари, остался ли там кто-то мне верен? Где Ришар, что с Ордоньесом, как там с Гендерсгеймом...

Он, не слушая, выдвинулся из шатра, указания отдавал почти шепотом, но вернулся довольный и улыбающийся.

— Ваше Величество... стоило бы еще один кубок. Покрасивше.

— Обойдется, — буркнул я хмуро. — Ку-у-уда? Ждать!

Он сказал виновато:

— Я хотел было проследить, чтоб не убежала по дороге. Кто их, женщин, знает...

— Король все знает, — ответил я мудро.

Он сказал пугливо:

— От такого и не убежишь, найдет и ка-а-ак ухватит...

За шатром голоса, шарканье подошв тяжелых сапог, сдержанное позвякивание металла, наконец все приблизилось, полог приподнялся и ушел в сторону, пропуская к нам Ротильду настолько ослепительную с башней красных волос, но в платье приглушенно-зеленоватого цвета, что у меня дыхание остановилось в груди, Альбрехт вообще громко ахнул.

Я демонстративно оценивающе оглядел ее с головы до ног, которых, вообще-то, не видно под волочащимся по полу платьем, но предполагаю, что они там есть, хотя движется так ровно, словно плывет или катится на колесиках.

— Почему не в кандалах? — спросил я сопровождающую стражу. — А где цепи?

Альбрехт быстро зыркнул на меня, какие цепи, сказал виновато:

— Забегался по вашим делам, Ваше Величество!.. Забыл одеть...

— А стража?

— Я хотел лично одеть, — сообщил он и плотоядно потер ладони.

Я нахмурился.

— Идите, граф. Вашей предательской деятельностью займусь позже при подготовке к четвертованию. А вы, леди, ответствуйте, какой ваш заговор против меня был последним?

Она тоже посмотрела на Альбрехта, что потащился к выходу, проговорила печальным голосом ведомой на казнь:

— Позвольте сесть, Ваше Величество?

Я буркнул:

— Вон на тот стул. Чтоб я видел ваши руки.

Альбрехт вышел, она тут же лучезарно улыбнулась.

— Догадываюсь, Ваше Величество, вы уже получили исчерпывающие сведения из Мезины. И моя не-

винность не только подтверждена, но и заслуживает награды. Не так ли?

— Невинность? — повторил я тупо.

— Невинность, — уточнила она. — Невинности вы меня уже лишили... в широком смысле. И моя практическая деятельность на всемерное укрепление вашей монолитной власти и вашего доминирования во всех областях жизни...

— Стоп-стоп, — прервал я. — Почему мне кажется, что слышу самого себя? Кто еще на свете может нести такой вздор?

Она улыбнулась еще ласковее.

— Когда Ваше Величество, еще не будучи Вашим Величеством, одаряли меня своим высоким и милостивым вниманием, я впитывала его мудрость, его слова, выражения и даже интонации.

— Господи, — вырвалось у меня, — я что, вот такой гад?.. И такое несу? С ума сойти. А я воображал себя таким красивым, мудрым, неповторимым...

Она перевела взгляд на столешницу.

— Ваше Величество, какой из этих кубков ваш?

— Чтобы допить и узнать все мои мысли? — спросил я с подозрением. — Нет уж, пейте из своего...

Я создал фужер из самого тонкого и прочного стекла, украсил золотой вязью и осторожно наполнил дорогим шампанским.

Ротильда приняла из моих рук, в зеленых глазах помимо благодарности что-то еще хитрое, но когда сделала первый глоток, глаза распахнулись во всю ширь в неподдельном изумлении и радости.

— Господи!.. Что это?

Я посмотрел на свод шатра, там ткань колыхнулась, но ветерок тут же умчался без следа.

Ротильда отпила еще чуть, полные губы вздулись, как переполненные сладким соком черешни, заблестели.

— Ваше Величество, что за божественное вино?

Я буркнул:

— Мне показалось, вы спрашивали у Господа... хотя не понимаю, неужели он отвечает и женщинам?

— В отдельных случаях, — ответила она. — Но, думаю, вы вполне можете заменить Его. Я имею в виду, ответить вместо Него. И даже отвечать.

Она сделала еще пару мелких глотков, потом не выдержала, изящные манеры пусть идут лесом, допила до дна, но едва осторожно опустила фужер на стол, я наполнил снова доверху.

— Вы очень любезны, — проговорила она тем голосом, в котором ни следа сексуальности, видит мою настороженность и не желает спугнуть дичь, не знает, что я еще тот стреляный воробей, на мякине не проведешь, — и у вас такие дивные умения...

Меня на мякине не проведешь, повторил я про себя твердо. На меня эти штучки не действуют.

Глава 12

Она заснула на моей груди, потом засопела, сползла и отвернулась, но я подгрреб ее нежную разогретость, вжал в себя и через пару минут заснул тоже, повторяя каждый изгиб ее тела, со стороны мы явно похожи на сложенные ложки в ящике.

Утром, разлепив веки, я ощутил, что она еще спит, а когда тихонько приподнялся на локте, долго всматривался в ее счастливое и мирное лицо, ничего в нем нет от неистовой королевы, что правит железной рукой и нагибает лордов. Может быть, мелькнула мысль,

она из скрытых ведьм? Есть же такие, не подозревают о своих способностях, пока не случится нечто особое...

Хотя пока что все, что делает, можно объяснить великолепно развитым мышлением, настойчивостью, пониманием природы людей, деловой хваткой...

Она засопела, приоткрыла один глаз, сообразила, что я, опершись на локоть, рассматриваю ее, широко распахнула глаза, такие ярко-зеленые, что у меня снова сердце затрепетало щемяще и радостно.

— Ваше Величество?

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе, — ответила она настороженно. — А оно доброе?

— Для кого как, — ответил я.

Она запнулась на миг, спросила:

— А для меня?

По ее виду можно угадать, на языке было «а для нас», но удержалась вовремя, возобновление нашего союза пока что висит на волоске, а еще оба знаем, постель таких, как мы, совершенно не связывает и никакими обязательствами не облагает.

— Это зависит, — ответил я уклончиво.

Она всмотрелась в мое потемневшее лицо.

— О чем задумались, Ваше Величество?

— Ротильда, — буркнул я, — ты меня поставила в несколько неожиданное положение. Я сам предпочитаю ставить так других, но чтоб меня...

Она прошептала нежно:

— А какие неожиданности?.. Мои люди знают, что я выполняла ваши указания. Никто не должен знать, что у вас на какие-то мгновения были некоторые подозрения на мой счет.

Я охнул.

— На какие-то мгновения?

— Ну да, — проговорила она мирно, — разве я не все объяснила?

— Это были не объяснения, — оборвал я. — Или не совсем те объяснения. Ладно, я не могу признаться своим лордам, что меня одурачили. Сделаем вид, что поверил.

— Только вид?

— Молчи, — сказал я свирепо, — а то удавлю прямо шас. В общем, я принимаю решение... какое принимаю решение... нужно что-то умное... и правильное... Ага, сделаем так. В общем и целом...

За тонкой стенкой палатки слышались приближающиеся шаги, строгие голоса, затем полог без всяких церемоний отлетел в сторону, вошел сотник Гаргастер.

— Ваше Величество, — сказал он жизнерадостно, словно обращался к родному брату, — что со свитой... леди Ротильды?

— Снабжайте их всем необходимым, — ответил я, в то время как Ротильда натянула одеяло почти до самого горла, но великолепные плечи все же оставила обнаженными. — К сожалению, мне придется на несколько дней отлучиться из лагеря.

Он выпучил глаза.

— Ваше Величество! Мы же на марше! Почти на марше.

— Марш будет долгим, — ответил я строго и возвышенно. — Но мы, мужчины, отвечаем, как повелел Господь, за мир, который он создал, а он кроме птиц и зверей, как мы знаем, создал еще и Еву. Увы, отвечаем за ее потомство, как подал нам пример благородный Адам, приняв на себя вину Евы и разделив с нею наказание. Вы поняли?

Он взглянул в сторону ложа и пробормотал хмуро:

— Вы собираетесь исправить то, что она сломала? Я имею в виду не совсем Еву... Но разве такое возможно?.. Где проходит женщина, там...

— Надо, — оборвал я.

Я выбрался из-под одеяла, начал одеваться, потом спохватился, услышав за спиной рассерженное шипение.

— Ах да, сотник!

Гаргастер поклонился.

— Да-да, уже почти понял.

Едва он вышел, она выскользнула из-под одеяла, я уже не обращал на нее внимания, оделся и опоясался мечом, а когда оглянулся, она каким-то образом оказалась в платье и с усилием, загибая руки за спину, пытается сама застегнуть там многочисленные крючки.

— Давай, — сказал я, — помогу.

Она посмотрела с такой благодарностью, что мне стало неловко. Даже удивительно, что королева может одеться самостоятельно. Это значит, что ей пришлось побывать в таких тисках, когда это приходилось делать... а еще, что она все просчитала, как и что получится здесь...

— Чудная спина, — сказал я искренне, — просто даже не нахожу слов. Вот тут уже крылышки пробиваются... Правда, черные.

Она повернулась, в зеленых глазах лучится даже не радость, а счастье, губы расплзаются в широкой улыбке, обнажая ровные жемчужные зубки.

— Ах, Ваше Величество!

— Ричард, — напомнил я. — В конце концов, мы же равны. Я король, ты королева...

Она взвизгнула и, бросившись на шею, осыпала жаркими поцелуями, которые я принял благосклонно, аки великий король, одаривший чем-то весьма и зело.

— Все-все, — сказал я наконец, — перестань, ты не Бобик, только ему позволены такие вольности. В общем, возвращайся в Мезину...

Она спросила с подчеркнутой обидой:

— Ваше Величество, вы меня гоните?

— Убираю из лагеря, — ответил я сварливо, — полного мужчин.

— Вы затмеваете всех, — заверила она, не моргнув и глазом.

— Я тоже уезжаю, — объяснил я. — Дела, дела... Непроверенные слухи наделали много вреда. Уж молчу, что есть и некоторые мелкие ошибки и микроскопические промахи с моей стороны, что привели к глобальным последствиям... Потому надо срочно все поправить.

— Сен-Мари?

Я взял ее за уши, подтянул ближе, чмокнул в лоб.

— Ты поняла все верно. А теперь иди... Дорогой граф, Ее Величество королева Мезины Ротильда Дрогонская изволит в сопровождении свиты отбыть в свои владения. Окажите содействие в тщательной подготовке... э-э-э... торжественного отбытия. Пинками гнать некрасиво, запомните!

Альбрехт вздохнул, посмотрел на меня с укором.

— Что? — спросил я сварливо.

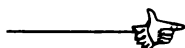
— Ваше Величество, — произнес он чопорно, — у вас очень своеобразная манера общаться.

— Интеллигентность, — объяснил я, — в хамской форме эффективнее. Я уяснил наконец, что добро с кулаками слабее добра с кастетом. Потому вот у меня набор мечей и разного рода умений убивать и грабить.

Он поинтересовался с непроницаемым лицом:

— А накормить?

Я сказал с неудовольствием:

— Странные вопросы задаете, граф! Не королевское дело — кормить народ. Это он должен кормить короля, армию и армейскую канцелярию. Или не армейскую, какая разница, как ее называть!.. Мы же позволяем народу кормиться, что ему еще надо?..

— Какой-то кривой способ, — проговорил он задумчиво.

— Все нужно начинать с главного, — отрезал я.

— Сперва убить, а оставшихся кормить? — уточнил он. — Да, это экономичнее. Вообще перед битвой солдат лучше не кормить, это же сколько еды зря пропадет.

Я посмотрел на него хмуро.

— Граф... Что-то вы совсем стали...

— Жадным?

— Практичным, — укорил я. — На таком высоком уровне жадных не бывает. Бывают неучитывающие. И недопонимающие. В общем, я сейчас прошвырнусь по Грангепту и Бурнандам. Нужно будет сгладить впечатление от неразумных и по-женски неумных действий своей супруги, принести извинения и пообещать, что отныне беру все в свои недрогнувшие чистые руки и больше не дам ей своевольничать.

Он посмотрел на меня внимательно.

— То есть как бы дезавуируете ее решения и поступки?

— Полностью, — заверил я.

— И даже отведете наши войска?

Я фыркнул.

— Граф, вы так шутите?

Он поклонился, весь сочась ядовитой иронией.

— Стараюсь перенимать ваш юмор, Ваше Величество. Вы так часто повторяете насчет одной команды, я вот и сапоги заказал из такой же кожи...

— Да, — согласился я, — сапоги — это важно.

Глава 13

Бобик ринулся ко мне с вопросом в глазах: едем? Куда едем?.. Так чего же стоишь, поехали быстрее! Расстоялся тут... Все еще стоишь? Ну что с тобой? Да шевелись же!..

Арбогастр, напротив, подошел с величавой грацией молодого и полного сил носорога.

— И снова бой, — пробормотал я, — покой нам только снится... Сквозь кровь и пыль, тра-та, тра-та, и мнет ковыль...

Бобик сделал пару кругов в нетерпении, пока я поднимался в седло и разбирал повод. Вообще-то, его можно и не разбирать, это больше ритуал, арбогастр поумнее простого коня, понимает больше, я даже не могу сказать насколько больше понимает, и где вообще его границы.

Военачальники подошли за инструкциями, я сказал в нетерпении:

— Вперед! В Армландии и даже в Турнедо сейчас строится железная дорога. Посмотрите, куда успели дотянуть. Когда придут составы, грузитесь во имя Господа! Мне всегда хотелось посмотреть на рыцарей-крестоносцев, что на поезде мчатся навстречу врагу совершать подвиги!

Альбрехт поинтересовался мрачно:

— Неважно, с какой скоростью прибудем... вы уже будете там?

— Возможно, — ответил я туманно, — уже отбуду.

— Оттуда?

— Если управлюсь, — сообщил я. — Как карта ляжет. Но оставлю сообщение, граф! Да-да, я вас тоже люблю.

Он тяжело вздохнул.

— Что я такое сказал?

— У вас было такое выражение, — сказал я любезно. — Нам нужно торопиться, граф. Время поджигает, уже все пятки оттоптало. Видите, прихрамываю, как лорд Байрон? Только не на ту ногу.

— Не знаю такого лорда, — произнес он. — Но вам идет. Появилась некая такая многозначительность. Женщины могут поверить, что вы и в боях участвовали, а не только ночами через заборы лазаете...

— Идите вы, — сказал я, — граф... Бобик, вперед! Пока я не сказал графу, куда именно и как глубоко.

Арбогастр рванулся с места в карьер, но чуткий Бобик опередил, однако мы бодро промчались лишь до ближайшей рощи, что загородила от лагеря и наблюдающих за нами, там я резко повернул, крикнул:

— Запоминайте дорогу в Грандепт!.. А в Сен-Мари все равно успеем раньше армии...

Вообще-то, в Грандепт я ринулся лишь потому, что не могу сидеть без дела. Моя армия двигается хоть и быстрее всех прочих, ибо скорость — ключ к победе, но все же на переходы требуются недели там, где моему арбогастру хватает часа.

Грандепт выглядит спокойным мирным королевством, по которому вроде бы и не проходили опустошительные войны, но это лишь потому, что деревни и села отстраиваются быстро. Города чуть дольше, но все же год-два — и город снова бурлит жизнью.

Я пригнулся под гривой Зайчика, неугомонный Бобик постоянно впереди, пару раз кольнуло сожаление, что нельзя через зеркало Горных Эльфов, нужно аббата Тибериуса озадачить на предмет ускоренной подзарядки, это задача попроще, чем создавать такие штуки заново...

Спрашивая дорогу у всех, кто попадался на пути, мы довольно быстро домчались до Вунсторфа, так

именуется главный город королевства Грандепт, что показался достаточно зажиточным, но без столичного блеска, словно местные короли всякий раз выбирают под столицу другой город.

И на городских воротах вообще нет стражи, что удивило, все-таки столица, неужели у местного короля совсем нет достаточно сильных врагов, хорошо живет...

Мы проехали через весь город, привычно пугая народ огромным конем зловеще черного цвета и еще больше — огромной черной собакой. Но так как проскакивали быстро и ни на кого не обращая внимания, то никто так и не умер от страха, а мы вскоре оказались перед воротами в королевский сад, он же двор и одновременно плац для королевских развлечений.

Двое гвардейцев в изумлении уставились на огромного коня, на пса, наконец перевели взгляды на меня.

— Ого, — сказал один, — это где ж таких разводят?

— В Мезине, — ответил я. — Но только начали. Новая порода! Если успеете подсуетиться, то... думайте! Вы ворота откроете или как?

Они спохватились, отворили ворота, но уже когда мы проехали бодро на рысях, спохватились, что не спросили, кто мы и зачем.

Мы слышали их крики за спиной, но сделали вид, что малость глуховаты. Перед входом во дворец остановились, окруженные немногочисленными зеваками из разномастных придворных.

Навстречу заторопился невысокий, зато поперек себя шире, массивный вельможа, до предела важный, солидный и умеющий смотреть свысока даже на всадников.

— Приветствую, — сказал я легко.

Он распахнул рот, широкий, как у старого бегемота с отвисающим до середины груди подбородком, глаза полезли на лоб. Метнул взгляд на смиренного Бобика,

посмотрел еще раз на арбогастра и сказал слабым голосом:

— Ваше Высочество... принц Ричард?

— Узнали? — сказал я с удовольствием. — Приятно. А то, бывало, так забегаешься, что и собственная жена... гм... не узнает.

Он совладал с изумлением, поклонился уже со всем почтением.

— Мы же не в медвежьем углу, Ваше Высочество. Мезина рядом, это простой люд о вас не знает, но при дворе все наслышаны о браке королевы Ротильды с принцем Ричардом... И хотя вас никто не видел, кроме посла и его людей, но все наслышаны о вашем огромном черном коне и такой же огромной черной собаке, у которой глаза, как горящие уголья.

— Да, — согласился я, — принцев на свете как зайцев в лесу, а такого коня и собачку еще поискать. Доложите Его Величеству, что прибыл король Ричард Завоеватель. Да-да, король! Так и доложите.

Он посмотрел внимательно, отступил на шаг и учтиво поклонился, хотя на лице и в глазах оставалось сильнейшее сомнение.

— Несомненно, Ваше... Величество. Доложу слово в слово.

В столице, как и во всем Грандепте, нравы патриархальные, через минуту он вернулся с дородным человеком, которого явно только что оторвал от обеда, тот дожевывает на ходу и вытирает ладони о полы лоснящегося сюртука на оттопыренных валиками сытой жизни боках.

Я подумал, что здесь еще не в ходу здороваться за руку, это хорошо, не обожаю почему-то липкие потные ладони.

Управитель сказал учтиво:

— Это сэр Херлуф, личный секретарь его Величества короля Мишеля Штольберг-Штольберг.

Я приветливо кивнул.

— Здравствуйте, лорд Бидstrup.

Секретарь смолчал, глядя на меня в недоумении, управитель же подумал и сказал осторожно:

— Сэр Херлуф из рода Райхенштайнов, очень древнего и знатного...

— Правда? — спросил я изумленно. — Почему я был уверен, что все Херлуфы обязательно Бидstrupы?.. Граф Райхенштайн, никаких обид, в моем королевстве, которое я давно покинул, это было едва ли не самое чтимое имя... Может, родственник?

Он подумал, вид польщенный, покачал головой.

— Разве что в очень-очень давние времена кто-то, кого считаем погибшим, выжил и забрел... или его завезли раненым в дальние королевства. Ваше Высочество, если желаете, я вас сразу же проведу к Его Величеству.

— Он не занят? — спросил я.

— Его Величество сейчас кормит своих птичек, — пояснил сэр Херлуф. — Обычно в это время он весьма расположен...

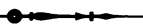
— Отлично, — сказал я бодро. — Воспользуемся его расположением!

Слуги только сейчас, повинувшись взгляду секретаря короля, ухватили арбогастра за повод, а я степенно покинул седло, стараясь двигаться важно и величаво.

Бобик посмотрел на меня с вопросом в глазах, я сказал учтиво:

— Если вы не против, моя смиренная собачка побегает тут малость, пока мы пообщаемся с Его Величеством.

— Да, — ответил сэр Херлуф с некоторым беспокойством, — если никого не съест...

— Разве у вас нет кухни? — спросил я.

Он отмахнулся.

— Есть, вон там...

Бобик тут же сорвался с места, взметнулась легонько пыль, он исчез, а я сказал весело:

— Итак, посмотрим на птичек?

Похоже, мелькнула мысль, здесь еще не знают, что я король и что власть моя намного обширнее, чем была у того принца, который уходил в поход на Мунтвига. И, конечно же, несравнимо больше, чем была у принца-консорта...

Но и здесь к Ротильде не придерешься: она нигде не умаляла мою власть, напротив, говорила о ее мощи, но только всякий раз добавляла, что я — ее муж, а настоящая королева — она, а это значит... да, это значит, что закон — ее слово, а не мое. Причем наверняка нигде это не было сказано явно, а просто подчеркивалось, что ее слово — закон. А моя мощь — подразумевается ее мощь.

На пороге галереи, заполненной солнечным светом через широкие окна и птичьим щебетом, вполоборота ко мне человек в обычной, хотя и очень дорогой одежде насыпает из чашки мелкие зернышки в блюда для птиц и что-то говорит им ласково. Я ожидал что-то необыкновенное, но это, на мой взгляд, простые щеглы и чижики.

Но птицы по фигу, сам король все же интереснее: Штольберг-Штольберг, сюзерен и потомственный король, умное лицо, исполненное спокойствия и внутреннего достоинства, мягкие манеры, мягкий голос, небольшая седеющая бородка и усы, даже не бородка, а так, больше похоже на месячную небритость, что, как ни странно, мне нравится больше, чем ухоженные бороды и лихо закрученные вверх кончиками усы.

Среднего роста, среднего телосложения, средней пышности одежды, даже знаки отличия не выставляет напоказ, а так, кому надо — заметит, а остальным не стоит в глаза тыкать, что он из стариннейшего рода, давшего четыре поколения королей, это не его заслуга, он это понимает...

Сэр Херлуф откашлялся, король повернул в нашу сторону голову, я снова отметил, что он уже мне нравится, а это значит, надо быть настороже и не позволять личной симпатии вмешиваться в дела стратегической важности.

— Сэр Херлуф? — спросил король, как я и заметил по его общению с птичками, голос мягкий и рассудительный.

Сэр Херлуф поклонился.

— Ваше Величество...

— Что у вас, сэр Херлуф? — спросил король так же мягко и, не глядя, закрыл дверцу клетки, так же заученно опустил щеколду, дабы не вылетели.

— Ваше Величество, — ответил Херлуф с неимоверным почтением, словно обращается к величайшему из королей, — это его высочество принц Ричард, муж королевы Ротильды...

Король взглянул на меня с новым выражением в глазах, я прочел там «А-а, консорт!», но произнес он совсем другое:

— Принц, я всегда рад гостям, а вам рад в особенности, вы все же сосед... Пойдемте в мой кабинет, перекинемся новостями.

Я поклонился.

— Буду рад, Ваше Величество.

Он на ходу оглянулся на замершего в поклоне личного секретаря.

— Проследите, чтобы Джон почистил во второй и четвертой клетке. И пусть поправит дверцу на третьей, а то скрипит так, будто это городские ворота!

Глава 14

Мы прошли по короткому коридору в его кабинет, и тот понравился тоже: все просто, патриархально, никакой ненужной роскоши. Чувствуется, что король здесь хорош и не нуждается в постоянной демонстрации своей власти.

Он указал мне на кресло у стола, сам сел по ту сторону, там спинка высокая и с эмблемой королевской власти.

Я сел, улыбнулся.

— Ваше Величество, мне так приятно видеть короля, который кормит птичек, а не двигает по карте войска, мечтая захватить земли соседа, а там всех перебить, а деревни сжечь!

Он чуть наклонил голову.

— Спасибо, Ваше Высочество.

Я улыбнулся шире.

— Дабы не было недоразумений, я то решите, что обманываю, давайте сразу сообщу, что я не принц, а король. Да-да, где-то я принц, где-то грандпринц, это неважно, а важно то, что я король Улагорнии, это слившиеся вместе королевства Эбберт, Скарляндия и Варт Генц, о которых вы, конечно же, слышали, так как с вашим королевством Улагорнию разделяют только Бурнанды.

Он слушал с изумлением на лице, но не шевелился, а когда я закончил, проговорил медленно:

— Это многое меняет...

— Совершенно верно, — подхватил я. — Вы в своей мудрости все хватаете на лету. Как вы поняли, все те непотребства и глупости моя жена Ротильда творила в мое отсутствие. Я ушел слишком далеко на север, Ваше Величество, моя армия прошла Ирам, Пекланд и закончила поход в Сакранте, резиденции Мунтвига,

разгромив его окончательно и бесповоротно. В наши земли слухи вообще даже не доползали, так что вы понимаете, Ротильда действовала по своему женскому разуму...

Он чуть наклонил голову, наблюдая за мной исподлобья.

— И сейчас вы...

Я сказал с жаром:

— Ваше Величество, я прибыл, чтобы принести свои искренние извинения. Повторяю, в мое отсутствие жена несколько... да что там несколько, весьма превысила свои полномочия. Как вы понимаете, жену следует периодически бить, но, к сожалению, когда находишься так далеко... Мунтвиг оказался такой скотиной...

Он слушал с недоверием, то и дело зыркал испытующе, стараясь понять, что за моими вежливыми словами, наконец, видя, что я остановился и жду его реакции, произнес нерешительно:

— У нас, вообще-то, говорят, что жена должна следовать за мужем... Не в буквальном смысле, но...

Я сказал, морща нос:

— Вы же знаете Ротильду... И, наверное, знаете, как она стала моей женой. Я просто спасал ее от деспота... лучше бы не спасал! А теперь только со двора, тут же такого натворит!.. В общем, скажу сразу, я выведу из вашего королевства все войска, которые она ввела по женской дурости.

Вошли слуги, двигаются бесшумно и с такой экономностью движений, что вроде бы только вошли, а на столе уже блюда с жареным мясом и приправами, два кубка и большой серебряный кувшин вина.

Он помолчал, все еще рассматривая меня очень внимательно, а когда слуги покинули комнату, произнес с вопросительной интонацией:

— Ваше Величество...

— Еще раз приношу свои извинения, — повторил я. — Когда жена делает глупости, все равно виноват муж. Если из-за вторжения были допущены какие-то разрушения, то я готов возместить издержки.

По его лицу было видно, что эта идея ему очень понравилась, даже успел быстро прикинуть, сколько можно содрать, но все же решил, что от добра добра не ищут, развел руками и проговорил растроганным голосом:

— Ваше Величество!.. Не будем обращать на такие пустяки внимания. Что издержки? Главное, чтобы соседи были мирными и дружелюбными.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал я так же тепло, — надеюсь, те дружеские узы, которые были крепки до этого опрометчивого поступка моей пылкой и нетерпеливой жены, останутся в сохранности и в силе.

— Разумеется, — ответил он и добавил, привыкая к новому титулу: — Ваше Величество!

— И тот порт, — продолжил я, — который уже построили наши инженеры, начнет работать в штатном режиме. Наши торговые гильдии уже направили туда караваны сухопутным путем... Не хотелось бы их возвращать обратно.

Он насторожился, однако лицо, как ни странно, посветлело, я даже уловил оттенки облегчения. Ну не может победитель вот так просто отступить да еще с извинениями! Если бы так случилось на самом деле, то где-то опасный подвох.

— Разумеется, — ответил он медленно, быстро-быстро просчитывая варианты, — это послужит дружбе и сближению наших королевств... а если взаимовыгодно, то мы должны... и будем стремиться всячески развивать и поддерживать...

Я вздохнул с облегчением.

— Ну вот и все. Моя миссия миротворца выполнена. Господи, как же я люблю миротворить!.. Ваше Величество, все границы как Мезины, так и других королевств, где присутствует либо моя власть, либо мои войска, открыты для беспошлинной торговли ваших купцов и торговых гильдий!

Он подумал, покачал головой.

— Мне донесли уже, что вы весьма... влиятельны в целом ряде королевств.

— Моя слава миротворца бежит впереди меня, — сказал я гордо, вспомнив о городе Вифли и королевстве Эбберт. — Я бесконечно горд и счастлив, что там, где стоят мои миролюбивые армии, народы могут жить свободно и счастливо!.. Никто ничего не должен страшиться, кроме закона. Закон, естественно, это вы, Ваше Величество. И ни один лорд не смеет не только посягать на ваш трон, но даже уклоняться от налогов или вашего повеления работать на благо королевства, а не только его собственного удела!

Его глаза заблестели довольством. Это же мечта всех королей: освободиться от контроля феодалов, а я вот такой удивительный король, что в соседних королевствах поддерживаю не феодальную вольницу, ослабляя королевскую власть потенциального соперника, а именно власть короля...

А что непонятного, добавил я про себя, мне куда выгоднее контролировать одного крупного, чем сотню независимых мелких. А мелочь пусть давит он сам.

Он поинтересовался:

— Вы не будете против, если к нашей беседе присоединится мой лорд-канцлер?

— Нисколько, — ответил я. — Мы уже все обговорили, а лорд-канцлер лишь подтвердит и зафиксирует.

Он чуть улыбнулся, подтверждая, что я все понял правильно, и благодаря меня за понимание и шаг навстречу.

Через пару минут появился сэр Херлуф и сказал негромко:

— Ваше Величество, Джордж Эверетт, лорд-канцлер.

Я улыбнулся ему и сказал беспечным тоном:

— Вы тоже можете присутствовать, сэр Херлуф, если Его Величество позволит.

Король зыркнул на меня, проверяя, искренне ли сказал или для приличия, кивнул и сказал с неуверенностью:

— Да, сэр Херлуф, если Его Величество король Ричард не против...

В кабинет вошел и остановился в почтительном ожидании крупный сановник, на груди толстая золотая цепь с массивной бляхой, одежда королевских цветов, лицо сильно обрюзглое, глаза прячутся под толстыми нависшими веками.

— Садитесь, — сказал король, — все садитесь. Мы с Его Величеством королем Ричардом обсуждаем в легком разговоре положение в нашем регионе...

Лорд-канцлер посмотрел на меня с явным подозрением.

— Его Величество? — спросил он. — В наше время даже барон передвигается с немалой свитой...

Наступила неловкая пауза, я обворожительно улыбнулся.

— Все верно, дорогой лорд Эверетт. Но зачем королям подражать баронам? К тому же, вы не поверите, но опасная жизнь короля становится менее опасной, когда вот так в дороге...

Он спросил в упор:

— Вы король?... А как же королева Ротильда?

— Все дело в том, — пояснил я, — что я передвигаюсь быстрее, чем новости. Сообщаю к вашей радости, что я, стремясь к спокойной и мирной жизни, объединил в единое королевство земли трех бывших королевств: Эбберта, Скарляндии и Варт Генца, дабы строить доброе, чистое и как бы вечное на благо народов и под покровительством Церкви. Королевство названо мною Великой Улагорнией, в столицы определен Ричардвилль... что делать, такой был глас народа, что мы против него?.. В общем, это и все новости.

Особой радости на его лице не отразилось, но тревогу лорд-канцлер сумел не выказать слишком уж явно, что хорошо, не придется успокаивать и заверять в мирных намерениях.

— А что насчет, — спросил он осторожно, — грозного Мунтвига?

Я отмахнулся.

— Где-то забился в нору, а искать некогда. Многое только выглядит грозным. А когда познакомишься поближе... если рискнуть приблизиться и всмотреться, чаще всего увидим дутое величие. К счастью, мы с Его Величеством не такие, у нас все наружу, сердца на рукавах, вы видите чистоту моих мирных намерений, а я уверен в ваших добрых и благодетельных отношениях к миру и... Мезине, как надежному соседу.

Лорд-канцлер покосился на короля, но тот молчал, предоставив ему дальше вести разговор, и тот произнес с некоторой нерешительностью.

— Да, Ваше... Величество. Полагаю, вы безусловно правы. И какие ваши планы теперь... после вашего благополучного возвращения с этой ужасающей войны?

Я сказал с надлежащей долей смущения:

— В первую очередь, я прибыл извиниться... да что там извиниться, принести свои искреннейшие извине-

ния!.. Что я и сделал перед Его Величеством, а вас прошу засвидетельствовать мои слова.

Он вскинул брови, снова покосился на короля и даже его личного секретаря, но Херлуф молчит, а король лишь кивнул.

— Но, — произнес лорд-канцлер в нерешительности, — как же... Ваше Величество...

— С женой? — спросил я с тяжким вздохом. — Вы же знаете нрав дикой Ротильды! В мое отсутствие закусила удила... Напрасно я велел ей сидеть тихо и ждать меня.

Они все трое слушают настороженно, внимательно, но я видел, как постепенно начинают оттаивать, мое раскаяние и смущение неверными действиями моей жены очевидны. Женщины не должны позволять себе так много в нашем мужском мире, и я, как представитель мужского рода, стараюсь дать понять, что действия жены не одобряю.

— Гм, — произнес лорд-канцлер чуть живее и покосился на молчащего короля, — Ваше Величество очевидно правы. Моя жена — только жена. Занята детьми и вышивкой. И то я не уверен, что это ей под силу.

— Вот-вот, — сказал я. — Королева Ротильда только считает, что умеет править! Ну какая из женщины правительница?.. Сразу же наломала дров. Я пришел в ужас, когда увидел, что она за мое отсутствие натворила...

Он сказал живо, уже без запинки выговаривая мой новый титул:

— Ваше Величество?

Я вздохнул.

— Она не смела вторгаться в Грандепт!.. Это не женское дело. Несмотря на песни и баллады, но мы, мужчины, куда более тонкие создания, согласны?

Он опасливо подумал, но не понял, куда клоню, на всякий случай кивнул.

— Да, Ваше Величество...

— И мы бы такое не допустили, — сказал я с досадой. — Но женщины — существа грубые и неделикатные, хотя и распускают о себе слухи как о нежных и возвышенных. Я ее, между нами говоря, чуть не убил за такое!.. Как она посмела? Грандепту исторически начертано быть другом Мезины, как Мезине — другом Грандепта!.. У нас и так все связано и переплетено, а не только общая граница!..

— Да-да, Ваше Величество, — подтвердил он с готовностью. — И что вы намерены делать?

Я тяжело вздохнул, помолчал, хмурия лоб, а потом заговорил медленно и с трудом, словно тащил на гору скатившийся от неуклюжего Сизифа камень:

— К сожалению, я отсутствовал слишком долго, а Ротильда построила, как я понимаю, без вашего разрешения порт и склады для товаров.

Я посмотрел на него с вопросом в глазах, он зыркнул на короля. Тот нехотя промямлил:

— Ну, вообще-то, я дал разрешение... но уже потом, как вы понимаете... Ее Величество королева Ротильда ввела войска, а у нас наметился некоторый разброд...

— Часть лордов, — спросил я, — приветствовали строительство порта? Простите, если вопрос не совсем деликатный, я вовсе не хочу наступить на мозоль, но тут все свои. Я имею в виду, политики...

Глава 15

Херлуф и канцлер молчали, а король ответил со вздохом:

— Да. Но мои лорды, как и королева Ротильда, не знают трудностей, что связаны с речной торговлей.

— Ваше Величество? — спросил я.

Он взглянул на меня с некоторой иронией.

— Думаете, я не думал о том, чтобы построить порт? И построить просторные речные суда для перевозки грузов? Или мои предшественники?

У меня заныло под ложечкой в предчувствии неприятностей.

— И что... мешает?

Он вздохнул.

— По Грандепту река идет недолго. Если перевозить судами только по Гранденту, то строительство порта и кораблей окупится очень нескоро. Если вообще... А дальше река идет через Пирмонт по Хойе, Эльфхельму, Бланкарии, Ригундии, Вяйноле... А там везде то ли дикие племена, то ли постоянные клановые войны... В общем, никакой торговли. Любые суда с товаром сразу грабят и тут же сжигают.

Я перевел взгляд на секретаря и канцлера, те лишь наклонили головы.

— И так всегда? — спросил я.

Король кивнул.

— По крайней мере, со времен моего деда.

— Гм, — сказал я со сдерживаемой злостью, — выходит, Ротильда не учла еще и это... Или учла?

— Ваше Величество?

Я пояснил, чувствуя на этот раз в самом деле неловкость:

— Возможно, рассчитывала, что если строительство зайдет очень далеко и средств будет вложено очень много, то я буду вынужден... ну, когда приперт к стене, как приходится поступать?

Херлуф шумно вздохнул, король проговорил невольно:

— Соглашаемся?

— Именно. Соглашаемся. Не бросать же, когда все уже построено или почти построено! И вбухано столько средств и усилий. Это как бы признать поражение!

— А предложить долю соседним королям?

Я пожал плечами.

— Смотря что у них за нравы. Есть королевства, где всякий чужак — враг, его нужно убить немедленно. А его вещи сжечь. Если не хотят общения, то просто не хотят. С другой стороны...

Они все трое посмотрели на меня в ожидании, король поинтересовался:

— Ваше Величество?

— Почему, — проговорил я, — мы должны с этим считаться? Я имею в виду, с нарушениями прав и свобод населения, которое Господь сотворил свободным и дал ему право выражать свое мнение?.. К тому же это грубый и демонстративный вызов свободному рекоплаванию... Хотя тут Ротильда промахнулась, мне вовсе нет дела, какие порядки там в Хойе, Эльфхельме, Бланкарии и тем более Вайноле, у меня от одного имени этого королевства мурашки по телу. С другой стороны, такое грандиозное строительство сворачивать уже поздно. Это будет безумное и ничем не оправданное расточительство.

Они переглянулись, король помрачнел, спросил почти недружелюбно:

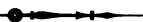
— И какой видите выход?

Я развел руками.

— Это ваше королевство, Ваше Величество. Это ваша река. И потому все выстроенное должно находиться на вашей земле только с вашего разрешения. Мы же гуманисты!.. И в правовом поле.

— Ваше Величество?

— Я предлагаю, — сказал я, — участие в разделе прибыли. Не ломать же своими руками уже выстро-

енный порт с десятками просторных складов и завезенными товарами!.. Что сделано, то сделано. Но я не хочу, чтобы местное население смотрело на мезинцев как на оккупантов. Скажу Вашему Величеству откровенно, Мезина отныне будет под моим более пристальным надзором, дабы подобное больше не повторялось. А то вдруг что случится, винить будут теперь меня, а не Ротильду.

Он подумал, на губах появилась кислая улыбка.

— Да, вы уже не пристегнутый сбоку к ее подводе принц, как подавалось народу...

— Так и подавалось? — спросил я. — Обидно.

Он кивнул с некоторым злорадством в глазах.

— Нигде прямо, Ваше Величество, но умело создавалось именно такое впечатление.

Я вздохнул.

— До чего же хитра. Да еще и рыжая.

— Ваше Величество, — сказал он серьезно. — Вы уже не принц. Сейчас распространится весть, что вы — король. И не просто король, равный Ротильде. Как только подтвердится то, что вы сказали... я в этом ни-сколько не сомневаюсь!.. и все поймут, что король трех слитых воедино королевств — это великий король, все будут прислушиваться к вам, а не к королеве Ротильде.

— Ну наконец-то, — сказал я с облегчением. — А то все в тени своей великой супруги!..

Он пробормотал с непонятным выражением:

— Она в самом деле... великая.

Лорд-канцлер и сэр Херлуф пытались обговорить условия совместного использования порта и реки, но я с королевским достоинством сообщил, что это уже детали. Вот пришлю им своего канцлера, с ним все распишете, утрясете, оформите и в конце концов пре-

доставите нам с Его Величеством королем Штольберг-Штольбергом документы на подписи.

С королем мы выпили на дорогу по кубку вина, после чего я кликнул Бобика, он явился, толстый и степенный, как лорд-канцлер, с отвисшим брюхом, и посмотрел с недоумением: что, уже?

— Посмотрим, — сказал я со злорадством, — как ты обгонишь Зайчика теперь!

Он посмотрел обиженно, торопливо ринулся в сторону ворот, спеша закрепить преимущество. Арбогастр фыркнул, на морде презрительное снисхождение, зато он под седлом и укрыт красивейшей попоной, а еще несет всадника, которому все кланяются.

Мы вынеслись под аркой ворот, Бобик торопится изо всех сил, хотя отвисшее пузо едва не черкает о землю, а бока как у стельной коровы, арбогастр идет грациозно и красиво, подчеркивая, что важна не только скорость, изящество еще важнее, мы же не в лесу...

А я чувствовал, как разогретый мозг уже бьется над проблемой: а вдруг эти на Маркусе прилетают, чтобы набрать у нас свежего здорового материала и, так сказать, спасти свою старую умирающую цивилизацию? Умирающую то ли от старости, то ли от болезни?.. И это регулярная пересадка кожи или переливание донорской крови лечит... Может быть, вообще спасает вселенную?

А я вот возьму и разрушу все великие планы существ, гораздо более мудрых, чем я?

Я разозлился, вперил взгляд в горизонт, не обращая внимания на бьющий в лицо тугой ветер. Они сильнее, это бесспорно, но вовсе не значит, что мудрее.

Мудрость, на мой взгляд, идет рука об руку с добротой и пониманием. И пусть мы для них слишком мелки и неразумны, но я обычно стараюсь не насту-

пить даже на жука, глупо перебегающего дорогу прямо перед моими подошвами.

А если у них мудрость другого плана, то в задницу такую мудрость, таких высоколобых нужно стрелять без всякой жалости, как и волков, что режут у крестьян скот и обрекают на голодную смерть.

За мрачными думами не заметил, как впереди показался лагерь, Бобик уже там и на кого-то напрыгнул, завалил, но не слышно истошных воплей, так что топчет и облизывает знакомого, а я сразу направил коня к своему шатру, на ходу воздевая руку в общем приветствии и улыбаясь широко, как дурак, но это не королевский двор, здесь нужно растягивать пасть до ушей, а то не поймут.

Ротильда испуганно вскочила, когда я вошел быстро и решительно, весь пропахший запахами степи, собранный и вздрюченный.

— Ваше Величество?

Она присела в низком поклоне и склонила голову, так что я вижу только великолепнейшие огненно-красные волосы, чистые и здоровые, да еще два полушария в низком вырезе платья, не уступающие по великолепию прическе.

Я хмуро посмотрел на нее сверху вниз.

— Ладно, Ротильда, пока бить не буду. Можете встать.

Она вскрикнула радостно:

— Я прощена?

— Не полностью, — ответил я. — Давайте пообещаем и решим, что делать дальше и как выбираться из болота, в которое вы втянули так не вовремя, когда все ресурсы должны быть брошены совсем-совсем на другое.

Она смиренно села за стол, но лицо сияет, глаза блестят, как у моего Бобика, когда он видит меня после долгой, по его мнению, разлуки.

Я, чувствуя себя жутко проголодавшимся, набросал на широкое блюдо тонкие ломти ветчины, буженины, корейки, даже пару кровяных колбасок, но спохватился и создал для Ротильды блюдце с изящным печеньем, однако она потянулась вслед за мной к мясу и ухватила большущий ломоть корейки.

— А насчет короля Рогендорфа, — сказал я с набитым ртом, — вообще-то подумайте.

— Пока поводить за нос? — спросила она деловито.

— Да, — согласился я, — но не исключена возможность в интересах дела выйти и за него замуж.

Она вскрикнула шокированно:

— Ваше Величество!

— Не порывая нашего брака, — поспешно сказал я. — В принципе можно быть женой двух мужей, церковь не против, если это не нарушает морали и пристойности.

Она раскрыла рот, готовая яростно возражать, у женщин эмоции всегда раньше ума, а то и вместо, но поспешно захлопнула с такой скоростью, что смачно плямкнуло.

— А разве это хорошо?

— В каком плане? — осведомился я. — Житейском или практическом?

Судя по ее лицу, вопрос задан именно тот, что нужен: Ротильда презирает обыденную житейскость и обожает политическую игру по-крупному.

— Я как-то плохо это представляю, — ответила она с неуверенностью в голосе, но глаза уже заблестели.

Я сказал великодушно:

— Это детали. Главное, будет ли нужный результат.

Она задумалась, сказала медленно:

— Король Рогендорф, конечно же, предпочел бы стать единственным мужем. Иначе у него будут совсем крохотные шансы сесть за трон еще и Мезины. В смысле, сразу на три трона: свой, захваченного Грандепта и мой. Потому да, либо сразу отвергнет, либо будет долго оговаривать условия, ставя заведомо неприемлемые.

— А заведомо неприемлемые, — уточнил я, — это какие?

Она подумала, голос стал задумчивым и очень деловым:

— Это отстранение Вашего Величества от управления... Или хотя бы максимальное отстранение.

— Конечно, — согласился я, — однако жажда сесть сразу на три трона заставит примириться с некоторыми неудобствами...

— Может заставить, — уточнила она, — а может и нет. Смотря какие это некоторые.

— Обозначим?

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Если Ваше Величество не будет шокировано...

Я сдержал улыбку, сейчас я уже не Ричард, а Мое Величество, мы не в постели, а за столом переговоров, хотя даже в постели, когда чувствую ее горячую плоть, а она тискает мою, но души наши нередко уже там в политике... но вряд ли это души, а если и души, то они у нас не столько духовные, как интеллектуальные и склонные к сложным политическим решениям, которые враги и завистники назвали бы авантюрными.

Мне кажется, Ротильду настолько увлекла возможность не только сохранить власть, хоть и под моим общим не слишком обременительным доминированием, но и расширить в какой-то степени, что даже не замечала, что подсовываю из еды, только от вина отказалась нетерпеливым жестом.

— Рогендорф не сам по себе, — напомнила она деловито, — а под давлением с севера и востока. На севере у него довольно мощное королевство Хойя, его не затронули армии Карла, Мунтвиг тоже туда не добрался, а на востоке тоже не самый лучший из соседей — королевство Сайнтвирт, где молодого короля воинственные бароны подбивают начать красивую победоносную войну с кем-то из соседей, а то засиделись, мечи в ножнах беспокойно шевелятся, требуя свежей крови...

— А сам король Рогендорф?

— Королевство не в упадке, — призналась она, — но и не на подъеме, как сейчас в Сайнвирте. Думаю, Рогендорф предпочел бы усиливаться... без войны.

— Мудро, — согласился я. — Какие у... нас есть крючки для ловли мудрых?

Она посмотрела исподлобья, словно ощутила, что я в последний момент заменил «у вас» на более соответствующее «у нас».

— За исключением выгодного династического брака?

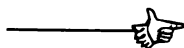
— Да, — ответил я, — но если что, можем подкрепить и браком. Точнее, подбраком. Все же остаетесь моей женой.

Она пожала плечиками, отчего красная башня волос угрожающе колыхнулась.

— В этом случае, который вы рассматриваете, пренебрегая моей стыдливостью, скорее вы остаетесь моим мужем...

— Консортом, — договорил я великодушно. — Правда, королем-консортом. Ибо власть останется у вас, что делает такую женщину еще привлекательнее.

Она проигнорировала выпад, вот уж настоящий государственный деятель, поинтересовалась деловито:

— А не будет ли для него унижительным брак второй степени? Или второго сорта?

— Для политика нет ничего унижительного, — напомнил я.

— А вдруг он не настолько политик? — спросила она.

— Вы еще не знаете?

— Слышала, — призналась она, — что он король-рыцарь. Хотя не представляю, можно ли оставаться рыцарем уже на второй день после захвата престола...

— Любопытно, — сказал я, — но все же не помчусь знакомиться и предлагать подписать договор о совместной женитьбе на вашем обнаженном животе. Увы, дело даже не в желании, а в отсутствии времени. Сегодня же надо мчаться...

В шатер без стука вошел Альбрехт. Я понял по его лицу, что произошло что-то ужасное, торопливо вскочил.

— Граф?

Он произнес мрачно:

— Ваше Величество, вы давно смотрели в небо?

Я огрызнулся:

— Когда? Вот будут смалить, тогда и насмотрюсь.

А что там?

— Маркус, — ответил он гробовым голосом, — стал вдвое крупнее.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	146
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	287

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — КОРОЛЬ-КОНСОРТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *И. Ковалева*

Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 05.11.2013. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 (1-й завод — 33 000 экз.) экз. Заказ № 8667.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-68894-4

9 785699 688944 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7(495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vlpzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-68894-4

9 785699 688944 >

Руц@ру

Длинные Руки —
король-консорт

